

#1 WALL STREET JOURNAL AND
#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHORS

PRESTON & CHILD

A GIDEON CREW NOVEL



THE LOST ISLAND

Гидеон Кру - блестящий ученый и бывший вор - вновь принимается за задание его таинственного нанимателя Эли Глинна. Задача Гидеона: украсть страницу из бесценной Келлской Книги, выставленной в качестве экспоната в Нью-Йорке и защищенной нерушимой системой безопасности. Гидеону удается украсть пергамент - только для того, чтобы узнать, что под великолепным изображением скрыта карта сокровищ, корнями уходящая во времена древних греков. Размышляя над странной картой, Гидеон и его наниматели понимают, что сокровище, к которому она приводит - поистине бесценное: удивительное открытие, которое может даже спасти множество жизней, в том числе и жизнь самого Гидеона. Вместе с напарницей по имени Эми Гидеон отправляется по неизвестному маршруту в отдаленный уголок Карибского моря. Там, у враждебного и пустынного Побережья Москитов пара понимает, что необычайное сокровище, на которое они охотятся, скрывает еще более древнюю тайну - откровение настолько глубокое, что оно может принести пользу всей человеческой расе... если, конечно Гидеону и Эми удастся выжить.

ЗАТЕРЯННЫЙ ОСТРОВ

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд
Гидеон Кру — 3

Затерянный остров

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей жене, Лючии.
Дуглас Престон посвящает эту книгу Джошуа Ричхолту.

Конференц-зал корпорации «Эффективные Инженерные Решения» опустел. Все ушли, оставив Гидеона наедине с Эли Глинном и Мануэлем Гарзой в аскетично обставленной комнате высоко над улицами Манхэттена.

Иссохшей рукой Глинн указал Гидеону на место за столом.

— Гидеон, пожалуйста, присаживайтесь.

Гидеон подчинился. Он почувствовал, что эта встреча, начавшаяся с празднования его триумфального завершения последнего задания ЭИР, превратилась уже во что-то иное.

— Вы прошли через довольно тяжелые испытания, — сказал Глинн. — На вашу долю выпало не только физическое преследование, но и, хм, эмоциональные потери. Вы уверены, что хотите так быстро заняться следующим делом?

— Уверен, — ответил Гидеон.

Глинн на мгновение задержал на нем взгляд — долгий, испытующий взгляд. А затем все же кивнул.

— Отлично. Рад слышать, что вы остаетесь с нами, в качестве... — он помолчал, подыскивая слова, — нашего специального помощника. Мы поселили вас в отеле за углом. Теперь у вас есть место, где остановиться, пока мы подыщем вам квартиру. Я знаю, как вы ненавидите быть вдалеке от своего любимого Санта-Фе, но в Нью-Йорке нынче происходит много интересного. Прямо сейчас, например, в библиотеке Моргана проходит специальная выставка — выставка Келлской книги^[1], которую любезно предоставило нам правительство Ирландии. Вы, конечно же, слышали о ней?

— Краем уха, не больше.

— Это самая известная и богато украшенная рукопись, которая к тому же считается крупнейшим национальным сокровищем Ирландии.

Гидеон промолчал, а Глинн взглянул на часы.

— Значит, вы сходите со мной на эту выставку? Я, знаете ли, большой любитель иллюстрированных рукописей. Каждый день организаторы будут переворачивать страницу. Это очень захватывающе.

Гидеон замялся.

— Ну... иллюстрированные манускрипты не входят в сферу моих интересов.

— О, ну я все равно надеюсь, что на этой выставке вы составите мне компанию, — упорствовал Глинн. — Вам наверняка понравится Келлская книга. Подобное случается лишь раз в жизни. Эта выставка пробудет здесь всего неделю, так что стыдно пропустить такое. Если мы отправимся прямо сейчас, то как раз успеем последний час насладиться сегодняшней экспозицией.

— Может, лучше отправимся туда в понедельник...

— И навсегда упустим шанс увидеть страницу, демонстрирующуюся сегодня? Нет, мы сейчас же едем туда.

Гидеон рассмеялся, подивившись энтузиазму Глинна. Интересы это мужчины воистину были невероятно загадочными.

— Честно говоря, мне совершенно безразлична чертова Келлская книга.

— А зря.

Услышав в интонации Глинна странные нотки, Гидеон посерьезнел.

— Почему?

— Потому что ваше следующее задание — украсть ее.

Гидеон вслед за Эли Глинном вошел в Восточный Зал библиотеки Моргана. Несмотря на то, что помещение до отказа было забито посетителями, сам приход сюда, в этот великолепный чертог, стал для него ошеломляющим опытом — ни больше ни меньше. Гидеон не бывал в библиотеке Моргана с момента ее реставрации, хотя он всегда находил ее хранилища слишком заманчивыми. И вот сейчас, столько времени спустя, он снова был очарован сводчатыми расписными потолками, тремя ярусами дорогих книг, массивным мраморным камином, роскошными гобеленами, антикварной мебелью и толстым бордовым ковром.

Глинн, своей иссохшей рукой управляя джойстиком электрического инвалидного кресла, решительно въехал в зал, проигнорировав очередь: он знал, что люди всегда уступят инвалиду дорогу, и пользовался этим фактом. Вскоре они с Гидеоном достигли первых рядов, где в большом стеклянном кубе экспонировалась Келлская книга.

— Какая обстановка, — пробормотал Гидеон, озираясь по сторонам. Его взгляд инстинктивно отмечал многочисленные, видимые невооруженным глазом элементы усиленной охраны, включавшие в себя бдительных сторожей, один единственный вход, объективы камер наблюдения, мигающих под потолочными молдингами, датчики движения и инфракрасные лазерные детекторы. И ведь этим не ограничивалось! На пороге комнаты он заметил торец массивной стальной двери, вмонтированной в стену и готовой в любой момент запечатать помещение.

Глинн проследил за его обращенным на потолок взглядом.

— Великолепно, не так ли? — хмыкнул он. — Эти фрески принадлежат кисти художника Генри Сиддонса Моубри^[2], впрочем, как и символы двенадцати знаков зодиака. Джон Морган являлся членом эксклюзивного клуба гурманов, состоявшего всего из двенадцати человек, за каждым из которых было закреплено кодовое зодиакальное имя. Говорят, расположение знаков и наличие других необычных символов, изображенных на потолке, связано с ключевыми событиями в личной жизни Моргана.

Взгляд Гидеона переместился на большой камин, украшавший один из углов зала. Даже в его замысловатых резных узорах он смог рассмотреть еле уловимое присутствие элементов безопасности — причем некоторые из них он никогда раньше не видел и понятия не имел, для чего они предназначены.

— Этот гобелен над камином, — продолжал свою лекцию Глинн, — голландский. XVI век. На нем изображен один из семи смертных грехов: алчность, — он издал тихий смешок. — Интересный выбор для мистера Джона Пирпонта Моргана, вам так не кажется?

Гидеон обратил внимание на стеклянный куб с заключенной в него Келлской книгой. Без сомнения, пуленепробиваемый, он был сделан из белого стекла, а не из стандартного голубого. Гидеон предположил, что это стекло соответствует стандарту Р6В^[3], что делало его не только неуязвимым для пуль, но и взрывоустойчивым, противоударным и взломостойким. Он внимательно присмотрелся к кубу, намеренно игнорируя сказочное и уникальное сокровище, покоящееся внутри него. Вместо любования артефактом он выискивал и идентифицировал многочисленные уровни внутренней защиты — датчики движения, датчики изменения атмосферного давления, инфракрасные тепловые детекторы и

даже то, что больше всего походило на анализатор состава атмосферы.

Очевидно, что любое отклонение от нормы вызовет мгновенное срабатывание стальной двери, то есть, заблокирует зал и заточит вора внутри.

А ведь это была только *видимая* защита — наверняка организаторы скрыли часть системы безопасности от любопытных глаз посетителей, даже таких осведомленных, как Гидеон Кру.

— Потрясающе, не правда ли? — пробормотал Глинн.

— Все это пугает меня до чертиков.

— Что? — удивился Глинн.

— Извините. Вы, наверное, имеете в виду книгу... — он впервые по-настоящему взглянул на нее. — Интересно.

— Можно и так сказать. Ее происхождение окутано тайной. Некоторые говорят, что она была написана самим святым Колумбой^[4] примерно в 590 г. н.э. Другие считают, что она была создана неизвестными монахами, жившими на двести лет позже него, чтобы отпраздновать двухсотлетие Колумба. Предположительно, ее написание было начато на Айоне, а уже потом она была перемещена в Келлское аббатство, где была иллюстрирована. Там она и хранилась, тщательно спрятанная, потому что аббатство часто подвергалось набегам и разграблению со стороны мародерствующих викингов-язычников. Но, к счастью, они ни разу так до нее и не добрались.

Гидеон более внимательно присмотрелся к рукописи. И хотя его разум был занят другим, его восхитил фантастически сложный абстрактный дизайн страницы, напоминавшей своей глубиной фрактал.

— Сегодняшняя страница — это фолио 34г, — пояснил Глинн. — Знаменитая монограмма Хи-Ро^[5].

— Хи-Ро? Что это?

— «Хи» и «Ро» — первые две буквы слова «Христос» на греческом языке. Фактически, повествование о жизни Иисуса начинается в Евангелие от Матфея, глава первая, стих восемнадцатый. И эта страница в ранних иллюстрированных Евангелиях часто украшалась. Там первым словом повествования является «Христос». В Келлской же книге эти первые две буквы — «Хи» и «Ро» — заполняют собой всю страницу.

Толпа начала напирать на них сзади, и Гидеон почувствовал, как кто-то слегка толкнул его локтем, но тут Глинн снова увлек его, прошептав:

— Только взгляните на эту сложную узловатую вязь! Если присмотритесь, вы можете увидеть в ней множество странных вещей: животных, насекомых, птиц, ангелов, крошечные головы, кресты и цветы. Не говоря уже о кельтских узлах колоссальной сложности — это же математическое совершенство!.. А цвета! Золотой и зеленый, желтый и пурпурный! Это самая известная страница самой знаменитой иллюстрированной рукописи. Неудивительно, что книга считается самым большим национальным достоянием Ирландии. Вы только взгляните на нее!

Гидеон впервые за все время, что знал Глинна, слышал в его голосе подобный энтузиазм. Он наклонился ближе — настолько, что его дыхание затуманило стекло.

— Простите, но остальные ожидающие тоже желают посмотреть, — раздался нетерпеливый голос у него за спиной.

В качестве небольшого теста Гидеон потянулся и коснулся рукой стекла.

Мгновенно раздался низкий звуковой сигнал, и послышался окрик охранника:

— Руки от стекла, пожалуйста! Вы, сэр, уберите руку!

Это еще больше подстегнуло нетерпеливую толпу.

— Ну же, дружище, дай и остальным посмотреть! — раздался еще один голос, и другие собравшиеся дружно его поддержали.

С длинным вздохом сожаления Глинн коснулся тонким пальцем джойстика, и кресло-коляска послушно отъехало в сторону, издав тихое гудение. Гидеон последовал за ним. Несколько мгновений спустя они вернулись на Мэдисон-авеню, загруженную разномастными машинами и желтыми такси. Гидеон часто заморгал от яркого света.

— Позвольте мне уточнить. Вы хотите, чтобы я *укра*л эту книгу?

Он почувствовал, что Глинн коснулся его руки успокаивающим жестом.

— Нет, не *всю* книгу. Только эту небольшую страницу с фолио, на которую мы только что смотрели, номер 34г.

— Зачем?

Молчание.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы я отвечал на подобные вопросы? — поинтересовался Глинн, в то время как подъехал лимузин, который должен был доставить их на 12-ю улицу Литтл-Вест.

Через три дня совершенно голый Гидеон Кру, наслаждавшийся свежестью после купания в бассейне на крыше ультрамодного отеля «Гансвурт», стоял в своем номере высоко над районом Митпэкинг Нью-Йорка, глядя на кровать кинг-сайз, заваленную диаграммами и схемами, которые в мельчайших подробностях отображали систему охраны Восточного Зала библиотеки Моргана.

Процедура займа Келлской книги у Ирландского правительства библиотекой Моргана заняла восемь лет. Пришлось столкнуться с целым рядом трудностей. Основная причина крылась в том, что в 2000 году один из книжных фолиантов был отправлен на выставку в Канберру, Австралия. Несколько страниц были повреждены из-за трения и потеряли пигмент — виной всему оказалась вибрация двигателей самолета — и правительство Ирландии теперь неохотно соглашалось на подобные заимствования.

Джеймс Уотермейн, миллиардер — американско-ирландский основатель группы компаний «Уотермейн», сделал поставил себе личную цель привезти книгу в Соединенные Штаты. Человек, известный своей харизмой и обаянием, сумел убедить ирландского премьер-министра и, наконец, правительство дало согласие — при условии выполнения ряда жестких условий. Одним из них стала полная реконструкция системы безопасности Восточного Зала библиотеки Моргана, за которую Уотермейн заплатил из своего кармана.

Первоначально Уотермейн попытался устроить выставку рукописи в Смитсоновском музее. Однако служба безопасности музея слишком неохотно откликнулась на необходимость высокотехнологичной реконструкции, и задумка провалилась. Втайне Гидеон был рад услышать это. Хотя у него с детства остались ужасные воспоминания о Вашингтоне, округ Колумбия — в конце концов, именно там был убит его отец — в последующие годы он несколько раз приезжал туда с визитами и обнаруживал, что город представляет собой весьма скучную, даже сонную коллекцию красивых памятников и неиссякаемого числа документов. Но всего за несколько недель до этого его пригласили в Вашингтон, чтобы вручить медаль за недавние подвиги в Форт-Детрике. И к его ужасу — из-за событий 11 сентября ли, из-за волокиты и неизбежного укрепления бюрократии ли — то, что когда-то было доброжелательной и обычной столицей, теперь стало походило на вооруженный лагерь. Городская полиция, полиция Капитолия, Парковая полиция, Госдепартамент полиции штата, полиция Монетного двора США, Секретная служба, «специальная» полиция (achtung^[6]!) — фактически выходило что-то около двух десятков различных полицейских подразделений, и это только те, о которых он знал. Все они теперь душили центр города своим присутствием: вооруженные и уполномоченные применить силу, схватить или арестовать любого невезучего водителя или туриста. Если, конечно, верить словам одного из таксистов Гидеона, когда-то состоявшего на службе в полиции. Глядя на всех этих лишних полицейских с их пересекающимися сферами деятельности, Гидеон буквально ощущал запах своих зря потраченных налоговых долларов.

Последней каплей стало то, что некоторое время спустя он получил по электронной почте штраф за превышение скорости. Какая-то установленная на столбе камера-радар засекла, что он ехал по Нью-Йорк-Авеню на несколько миль в час быстрее ограничения скорости в тридцать пять миль и, сфотографировав его номерной знак, отправила ему штраф

на 125 долларов. Теперь уже никак нельзя было опротестовать штраф — разве что вернуться в Вашингтон и попытаться отстоять свою правоту в суде. И, плюс ко всему, само событие было настолько расплывчатым в его памяти, что восстановить его не представлялось возможным: действительно ли там поблизости был какой-то знак, предписывающий двигаться со скоростью не более 35 миль в час? Неужели он действительно превысил скорость? Где, черт возьми, вообще находится эта Нью-Йорк-авеню? Прошло уже много дней — как рядовой гражданин может это все помнить? Поэтому, Гидеон сделал две вещи: заплатил штраф и пообещал себе как можно дольше не возвращаться в округ Колумбия. То, что, по его мнению, всегда было красивым и неизменным символом величия страны, теперь, по-видимому, окончательно слетало с катушек из-за непомерно раздутого бюджета.

Или, может быть, отдохнувший у форелевого ручья, Гидеон просто чувствовал дискомфорт из-за того, что ему снова пришлось погрузиться в городское пространство? Так или иначе, не было ни единого чертового шанса, что он вернется в Смитсоновский музей.

Теперь, когда его мысли переключались к настоящему моменту, Гидеон, кружа вокруг кровати, задавался вопросом, как Глинн сумел заполучить полные инженерные, монтажные и электрические схемы системы безопасности. Здесь каждая цепь, каждый датчик, каждая спецификация были изложены подробно, вплоть до мельчайших деталей. И ничего хорошего они ему не сулили. Гидеону ни разу в жизни не приходилось сталкиваться с такой системой безопасности — он даже не представлял, что подобные системы вообще существуют. Здесь были обычные многоуровневые, самодублирующиеся и усиленные системы, резервные источники питания и все, что ожидал встретить любой взломщик. Но это было лишь началом.

Сам Восточный Зал являлся, по сути, хранилищем. Первоначально его стены состояли из двух слоев известняковых блоков, добытых в штате Вермонт, толщиной почти в три фута. Единственный вход в комнату был оснащен раздвижной стальной дверью, которая опускалась с потолка и поднималась с пола в тот момент, когда срабатывал сигнал тревоги, тем самым полностью блокируя помещение. Окон здесь не было — естественное освещение вредило сохранности книг. Сводчатый потолок был залит слоем железобетона невероятной толщины. Пол представлял собой массивную монолитную железобетонную плиту, покрытую мрамором. При всем этом, по просьбе Ирландского правительства, первоначальная структура комнаты была дооснащена наружным слоем стальной обшивки и датчиками.

На ночь комнату опечатывали. Внутри она охранялась пересекающимися лазерными лучами, детекторами движения и инфракрасными датчиками, настроенными на несколько длин волн, включая ту, которая указывала бы на малейшее присутствие тепла тела. Вполне вероятно, что даже мышь или таракан, не смогли бы пробежать по комнате, не обнаруженными. Добавьте к этому камеры, работающие днем и ночью, мониторы, укомплектованные высококвалифицированным персоналом, отобранным из охранников самой высокой категории — и получите полностью неприступную цитадель!

В течение дня, когда экспозиция была открыта для широкой публики, посетители, пройдя через металлодетектор, должны были оставить снаружи все свои сумки и камеры. Охранники находились как внутри, так и снаружи зала, и камер было больше, чем в казино Лас-Вегаса. Куб с находящейся в нем книгой был заполнен чистым аргоном и оснащен датчиками, которые срабатывали сразу же, как только засекали присутствие любого атмосферного газа даже в концентрации равной одной миллионной. Если бы книгу потревожили, стальные двери запечатали бы комнату настолько быстро, что даже

олимпийский бегун не смог бы донести ее от куба до выхода до их закрытия.

В течение нескольких дней Гидеон выискивал в системе слабости. Все системы имели уязвимости, и почти всегда эти уязвимости были связаны либо с человеческим фактором, либо с ошибками программирования, либо с самой системой, настолько сложной, что в ней появлялись накладки и лазейки. Но разработчики *этой* системы учли все возможности. Хотя в целом система была действительно сложной, она была модульной — в том смысле, что каждый ее компонент сам по себе был довольно простым и не зависел от других. Сопровождающие программы так же оказались простыми, а некоторые уровни безопасности были и вовсе полностью механическими, без каких-либо компьютеризированных средств управления. Взаимозаменяемость была таковой, что несколько систем могли не сработать или оказаться отключенными, но безопасность книги все равно осталась бы максимальной и не понесла абсолютно никакого ущерба.

Разумеется, был способ включить и выключить систему, потому что страницы книги переворачивались ежедневно. Но даже эта процедура была очень хорошо спланирована. Для отключения системы требовалось три человека, каждый из которых имел простой, уникальный код, хранящийся в памяти. Никаких физических ключей или записанных кодов, или чего-то, что можно было украсть! И все эти трое оказались недосягаемыми. Это был сам Джон Уотермейн, президент библиотеки Моргана и заместитель мэра Нью-Йорка. Даже если кого-то одного из них удалось бы подкупить или обработать средствами социальной инженерии, проделать подобное с двумя было бы чрезвычайно трудно, а с тремя — практически невозможно.

И что произойдет, если один из них погибнет? На этот случай был предусмотрен дублер, четвертый человек, которым оказался самим премьер-министром Ирландии.

А как насчет пожара? Разумеется, в случае возникновения любой чрезвычайной ситуации, по мнению Гидеона, книга должна была быть быстро перемещена. Но технические характеристики регламентировали эту вероятность весьма необычным образом — книга *не подлежала* перемещению. Она будет полностью защищена прямо на месте. В качестве первой линии обороны выступал стеклянный куб, способный сам по себе выдержать серьезный пожар. Второй линией была огнестойкая коробка, которая поднималась внутри куба, закрывая книгу и защищая ее даже от самого продолжительного огня. К тому же в Восточном Зале были дублирующие, современные средства пожаротушения, которые могли затушить любой огонь задолго до его распространения.

Аналогичные системы защищали книгу от землетрясений, наводнений и террористических атак. Единственное, от чего она не была защищена, это прямой ядерный удар. С глубоким вздохом Гидеон подошел к шкафу и стал перебирать свою одежду. Пришло время принарядиться к ужину. Он взял в качестве незамысловатого прикрытия образ молодого модного миллионера, владельца интернет-компании — персонажа, которого он уже и раньше с успехом использовал. Припомнив тонкости этого образа, он извлек черную водолазку «St. Croix», потертые джинсы «Levi's» и пару туфель «Bass Weejuns». В конце концов, он придал комплекту *немного* небрежный вид и оделся.

Он ничего не ел весь день. Впрочем, жаловаться не приходилось: для него это было обычным делом. Гидеон предпочитал один изысканный и неординарный прием пищи трем дешевым перекусам. Еда для него имела скорее ритуальный характер, нежели являлась обычным актом пропитания. Он снова взглянул на часы. Для обеда было еще слишком рано, но он чувствовал нервозность, просидев взаперти в комнате три дня и безрезультатно изучая

схемы. Ему только предстояло найти дыру, щель, хотя бы маленькую трещинку в этой системе безопасности. Из-за того, что он начал воровать из художественных музеев и исторических обществ, когда был еще подростком, он знал наверняка, что не существует такой вещи, как неприступная система безопасности. Каждая система была уязвимой: либо технологически, либо по средствам социальной инженерии.

Он был в этом уверен. *До сих пор.*

Господи, ему нужен был перерыв! Пройдя в ванную комнату, он причесал мокрые волосы и воспользовался бальзамом после бритья «Труфит и Хилл», чтобы скрыть запах хлора из бассейна. Покинув свой номер, он повесил знак «НЕ БЕСПОКОИТЬ» на дверную ручку.

Это был жаркий августовский вечер в районе Митпэкинг. Все светское общество уехало в Хэмптонс, и вместо него мощеные улицы заполнили молодые туристы, выглядящие как хиппи — в последние годы этот район стал одним из самых шикарных районов Манхэттена.

Он прошелся по кварталу до «Spice Market», расположился в баре и заказал мартини. Только сделав первый глоток, он позволил себе побаловаться одним из своих любимых занятий: наблюдением за окружающими его людьми и представлением каждой детали их жизни — все, от рода их деятельности до того, как выглядят их собаки. Он старался изо всех сил, но сегодня так и не смог найти в этом обычного наслаждения. Впервые в жизни он столкнулся с системой безопасности, созданной по-настоящему умными людьми — людьми даже умнее, чем он сам. Чертову Келлскую книгу было сложнее украсть, чем саму «Мону Лизу».

Как только он подумал об этом, его и без того испорченное настроение стало еще мрачнее. Окружающие его люди — хорошо обеспеченные и утонченные, разговаривающие, смеющиеся, пьющие и обедающие — начали его раздражать. Тогда он представил, что это не люди, а болтающие обезьяны, увлеченные сложными ритуалами ухаживания, и это немного уменьшило его раздражение.

Стакан невероятно быстро опустел. Давным-давно он уяснил, что для него было плохой идеей заказывать вторую порцию. Не то чтобы у него были проблемы с алкоголем — их, как таковых, никогда и не было — но после двух порций он, казалось, пересекал черту, за которой неминуемо следовала третья, и даже четвертая порция, настойчиво заставляющие его искать расположения одной из этих гладких, светловолосых, болтающих обезьянок...

Он заказал второй напиток.

Едва пригубив его, он почувствовал себя немного лучше — особенно, в отношении текущего положения дел. И по мере того, как алкоголь стал оказывать на него свое чарующее воздействие, ему в голову пришла небольшая идея. Если на самом деле невозможно украсть Келлскую книгу — и в глубине души он знал, что это действительно так — ему просто нужно было заставить кого-то *другого* вынести ее из той комнаты для него... и это все при полном сотрудничестве тех трех людей. Для этой задумки потребуется уровень социальной инженерии намного сложнее, чем любой другой, который он использовал до этого.

И способ провернуть это все начал материализоваться в его очень угрюмом, наполовину трезвом уме.

Прибыл его третий напиток, и он окинул взглядом элегантный бар. В дальнем его конце сидела женщина — к слову сказать, не самая красивая женщина в помещении. Она была пухлой и носила очки. Но самым привлекательным для него в ней стало то, что она обладала прозорливым, интеллектуальным блеском в глазах. Она все время озиралась, и Гидеону

показалось, что она считает эту сцену такой же забавной, как и он.

Забрав почти пустой стакан, он подошел к ней и, кивнув на соседний с ней стул, спросил:

— Здесь свободно?

Она осмотрела его сверху вниз.

— Я думаю, да. Вы продаете компьютеры?

Он рассмеялся и выдал свой самый самоуничижительный взгляд.

— Нет, но я программист. Почему вы спрашиваете?

— Униформа Стива Джобса — черная модная водолазка и джинсы.

— Мне не нравится утром ломать голову над тем, что надеть.

Она окликнула бармена.

— Два мартини «Бифитер» безо льда, две оливки, грязный.

— Вы покупаете мне выпить?

— А что, есть возражения?

Он немного наклонился к ней.

— Совсем нет, но откуда вы узнали, что именно я пил?

— Я наблюдала за вами с тех пор, как вы вошли.

— Правда? Почему же?

— Вы похожи на потерянного мальчика.

Гидеон ощутил, как кровь приливает к его щекам. Эта женщина, возможно, оказалась уж слишком проникательной, и он почувствовал себя разоблаченным.

— Разве не все мы немного потерянные?

Она улыбнулась.

— Я думаю, мы найдем общий язык.

Прибыли напитки, и они подняли бокалы.

— За потерянных, — провозгласил Гидеон.

Магазинчик «Редкие книги и рукописи Григгса и Веллингтона» находился в двух шагах от Портобелло-Роуд. Это был один из тех антикварных магазинов, что выбрались из Портобелло, но так и не достигли успеха, невзирая на все старания.

Войдя в магазин, Гидеон отметил, что внешний лоск британского снобизма оказался неспособен скрыть своеобразную дешевую навязчивость Ист-Энда. Владелец магазина, молодой британец, одетый в вычурный «Сэвил-Роу», подтвердил подозрения Гидеона — его сочный акцент, немного, но не слишком навязчивый, выдал принадлежность к Кокни^[7].

— Чем могу помочь, сэр?

Гидеон, одетый в дорогой костюм от Ральфа Лорана, выдал хозяину типичную для американцев дурацкую улыбку.

— Ну, мне интересно, можно ли взглянуть на старую страницу рукописи, ту самую, что у вас в витрине.

В его голосе отчетливо прозвучал тexasский акцент, несмотря на попытки его контролировать.

— Естественно, — отозвался собеседник. — Вы, наверное, имеете в виду иллюстрированный молитвенник?

— Да.

Владелец подошел к витрине, отпер ее и извлек небольшую страницу, упакованную в жесткий пластик. С явным почтением он положил ее на черную бархатную подставку, проворно извлеченную из-под прилавка и подставленную под пятно света от потолочной лампы. Это была страница из Евангелия с витиеватой цветочной рамкой, в центре которой была изображена Дева Мария, сидящая под аркой, и ангел, спускающийся с голубых небес. Мария отворачивалась от него в страхе. Каждая деталь лучилась изысканностью.

— Она восхитительна, — пробормотал лавочник. — У вас хороший вкус, сэр.

— Расскажите мне о ней, — попросил Гидеон.

— Она из фламандского молитвенника, датированного примерно 1440 годом. Она прекрасна! Действительно прекрасна, — повторил мужчина, и его голос дрогнул от переполнявшего его благоговения. — Считается, что эта работа принадлежит кисти мастерской иллюстрации манускриптов Гента и Фландерса.

— Понятно, — сказал Гидеон. — Хорошо.

— Как вы видите, она изображает Благовещение, — продолжал продавец.

— И сколько она стоит?

— На эту уникальную страницу у нас установлена цена в четыре тысячи шестьсот фунтов, — голос мужчины надломился, как будто сам факт обсуждения денег был для него неприятен.

— Это же около восьми тысяч баксов? — спросил Гидеон и немного склонился к ней, изучая.

— Хотите осмотреть ее с лупой?

— Что? О да, спасибо.

Когда Гидеон закончил, продавец снова заговорил, сцепив руки в замок, его мягкий голос заполнил собой небольшой магазин.

— Как вы, наверное, знаете, — сказал он, но его тон, подразумевал, что Гидеон, разумеется, этого не знал, — средневековые молитвенники использовались в монастырях для проведения богослужений, упрощенные — для частных религиозных обрядов. Они являются одними из лучших произведений средневекового искусства. В свое время они были невероятно дорогими — стоимость молитвенника в пятнадцатом веке была примерно такой же, как стоимость хорошей фермы: с домом, надворными постройками и со всем остальным. Только королевская семья, знать и люди при деньгах могли позволить себе одну из этих книг. Вы только взгляните на детали! И цвет. Я особенно хочу заострить ваше внимание на синем цвете неба — пигмент сделан из измельченного лазурита, который в средние века ценился дороже золота. Единственным источником лазурита в то время был Афганистан.

— Понимаю.

— Вы коллекционер? — спросил продавец.

— О нет. Я просто ищу подарок моей жене на юбилей. Она весьма религиозна.

Гидеон снисходительно посмеялся, давая понять, что он сам таковым не является.

— Могу я представиться? — спросил продавец. — Я сэръ Колин Григгс.

Гидеон взглянул на парня, протягивающего ему изящную белую руку. Тот слегка вздернул подбородок и выпрямил спину. Он был примерно таким же «сэром», как Гидеон был «герцогом». Но он все же с готовностью схватил его протянутую руку и энергично встряхнул ее.

— Я Гидеон Кру. Из Техаса. Извините, но вам не следует произносить «сэр» по отношению ко мне, я даже не *мистер*, — рассмеялся он.

— Ах, Техас, штат одинокой звезды. У вас отличный вкус, мистер Кру. Что еще вы бы хотели узнать об этом раритете?

— Как я могу удостовериться, что это подлинник?

— Я заверяю вас, что это действительно так, даже не сомневайтесь. Мы даем гарантию на все, что продаем. После покупки вы можете отнести ее на экспертизу к специалисту, и если на ее счет возникнут какие-либо сомнения, мы немедленно вернем вам ваши деньги.

— Это хорошо. Но... ну, я должен заметить, что четыре тысячи шестьсот фунтов — это большие деньги... как насчет того, чтобы сбросить цену до четырех тысяч, так сказать, для ровного счета?

Сэр Колин подобрался, всем своим видом излучая неодобрение.

— Извините, мистер Кру, но в «Григгсе и Веллингтоне» мы не ведем торгов.

Гидеон одарил британского сноба дружелюбной техасской улыбкой.

— Ой, да ладно, вот только не надо притворяться! Обо всем можно договориться, — он помахал своей кредитной картой. — Четыре тысячи или я уйду отсюда.

Неодобрение на лице сэра Колина немного смягчилось.

— Полагаю для такого ценителя, как вы, мы можем сделать исключение и снизить цену до четырех тысяч четырехсот.

— Четыре двести.

Выражение лица сэра Колина демонстрировало, что вся эта дискуссия в целом была для него болезненна и неприятна.

— Четыре триста.

— Продано.

После спешного возвращения в свой гостиничный номер с целью переодеться Гидеон вновь отправился в путь, прихватив с собой драгоценную страницу, чтобы показать ее в лондонском офисе «Сотбис^[8]», где его план должен был претерпеть финальное испытание. Это была затяжная прогулка длиной в три мили, которая провела Гидеона по множеству уединенных местечек, включая Гайд-Парк. Стоял великолепный клонящийся к вечеру летний день, и древние деревья в парке поражали красотой своих раскидистых крон. В небе неспешно проплывали кучевые облака, напоминавшие парусные корабли, а аллеи были заполнены прогуливающимися людьми, наслаждавшимися природой. *Лондон — необыкновенный город*, — сказал себе Гидеон, тут же задумавшись о том, что стоило бы проводить здесь больше времени. Возможно, даже пожить.

В следующий миг он вспомнил о своем треклятом диагнозе, и светлые мысли о возможном долгом будущем спешно покинули его разум.

Здание «Сотбис» представляло собой довольно простое сооружение постройки XIX века — это было недавно побеленное, аккуратное четырехэтажное строение. Местные сотрудники, увидев небольшую страницу манускрипта, которую Гидеон собирался выставить на аукцион, преисполнились небывалой заботливости и препроводили его в небольшой аккуратный офис на третьем этаже, где его встретил очаровательный, напоминавший неваляшку, мужчина в очках с золотой оправой и огромной копной волос в стиле Альберта Эйнштейна, одетый в старомодный твидовый костюм-тройку, из кармана жилета которого выглядывала золотая цепочка часов. Этот человек чем-то походил на персонажей романов Диккенса. Но, не смотря на немного комичный внешний вид, он считался — если верить исследованиям, которые Гидеон провел, готовясь к этой встрече — одним из величайших мировых экспертов в области иллюстрированных манускриптов.

— Так-так! — воскликнул мужчина, от которого веяло запахом табака и, похоже, даже виски. — Что у нас здесь, а? — он протянул свою пухлую руку для рукопожатия. — Брайан МакКильда, к вашим услугам!

Говорил он так, словно только что пробежал несколько миль и запыхался, каждая его фраза прерывалась звуками *уфф-уфф*, будто он пытался перевести дыхание.

— Я хотел бы разместить на аукционе одно свое сокровище. Это иллюстрированный манускрипт, — Гидеон протянул МакКильде кожаное портфолио.

— Прекрасно! Давайте же взглянем! — МакКильда подошел к столу, открыл выдвижной ящик, достал лупу и закрепил ее в глазу. Расположив специальную лампу так, чтобы она бросила один объемный пучок белого света на гладкую черную подставку, он открыл портфолио и извлек из него страницу в пластиковом чехле, который Гидеон приобрел только что, и, сняв его, бросил на манускрипт несколько взглядов, сопровождаемых кивками. С каждым таким кивком его пушистые волосы мотались из стороны в сторону в такт неразборчивым звукам одобрения, вырывавшимся из его рта.

Наконец, он поместил страницу под лампу. Прошло несколько долгих минут, в течение которых он внимательно изучал документ под лупой. С его губ срывалось все больше каких-то диковатых, животных возгласов, но все они звучали одобрительно. Изучив страницу таким образом, МакКильда выключил яркий свет, потянулся к ящику стола и достал оттуда

небольшой необычно выглядевший квадратный фонарик. Прижав его к странице, он нажал на кнопку включения — фонарик выдал глубокое ультрафиолетовое свечение. МакКильда просветил страницу в нескольких местах, ненадолго задержавшись на некоторых фрагментах, и, наконец, выключил свет. Его восторженные возгласы вдруг превратились в неодобрительное фырканье.

— О, Боже, — протянул мужчина. — Боже, боже, боже, — за этим последовало какое-то неразборчивое раздраженное бормотание.

— Какие-то проблемы?

МакКильда покачал головой.

— Подделка.

— Что?! Как такое возможно? Я заплатил за нее четыре тысячи фунтов!

Мужчина с неподдельной грустью взглянул на него.

— Наш бизнес, сэр, наводнен подделками и это печальный факт. Они встречаются до крайности часто, увы! — последние слова он произнес с каким-то особенно сильным акцентом.

— Но как вы можете констатировать подобное, когда вы всего лишь каких-то пять секунд посветили на него?! Неужели этого достаточно для окончательного вердикта? Других тестов у вас нет?

Прозвучал долгий сочувствующий вздох.

— У нас есть возможность провести множество тестов, *великое* множество тестов. Рамановская спектроскопия^[9], рентгеновская флуоресценция^[10], радиоуглеродный анализ^[11]... Но в данном случае в проведении дополнительных тестов просто нет необходимости.

— Я не понимаю. Неужели один пятисекундный тест все решил?

— Позвольте, я вам кое-что объясню, — МакКильда сделал глубокий вздох, издавая все те же ставшие уже привычными звуки *уфф-уфф*, и прочистил горло. — Иллюстраторы минувших столетий для своих чернил использовали в основном минеральные пигменты. Голубой и синий получали из лазурита, ярко-алый из киновари и серы. Источником зеленого цвета был малахит или окисленная медь. Белые чернила обычно получали из свинца — часто в сочетании с гипсом или кальцитом, — он вновь сделал паузу, чтобы перевести дыхание. — Итак, смысл в том, что некоторые из этих минералов сильно флуоресцируют под ультрафиолетовым светом, в то время как другие и вовсе меняют цвет определенным образом, — и снова пауза и лихорадочный вдох. — Но взгляните на это!

Он снова осветил черным светом страницу рукописи. Поверхность осталась темной, тусклой, неизменной.

— Вот, видите? Ничего! — отрезал он. — Эти пигменты, вероятно, являются дешевыми анилиновыми красителями, ни один из которых не реагирует на ультрафиолетовое излучение.

— Но... манускрипт выглядит таким настоящим! — сокрушенно воскликнул Гидеон, почти что с мольбой в голосе. — Пожалуйста, взгляните на него еще раз! Он *должен быть* настоящим...

Испустив еще один страдальческий вздох, МакКильда снова обратился к манускрипту и на этот раз изучал его более пяти секунд.

— Я признаю, что для подделки это довольно неплохая работа. Поначалу ей даже удалось меня обмануть. Сам веллум^[12], к примеру, выглядит очень натурально. Неясно лишь,

почему фальсификатор с таким очевидным талантом потрудился создать художественную подделку, подобную этой, а затем использовал анилин-красители. Я предполагаю, что эта страница произведена в Китае. Раньше большая часть подделок поставлялась из России, но сейчас подобные работы все чаще приходят к нам с Дальнего Востока. Китайцы немного наивны — отсюда становится ясно, почему они использовали анилиновые красители. Но, к несчастью для них, на этом их и поймали.

Волосы его упруго колыхнулись из стороны в сторону, когда он снова покачал головой и безапелляционно заявил.

— Это, безусловно, вне всякого сомнения, подделка, — последнее слово он снова акцентировал своими громкими *уфф-уфф*.

Тридцатидвухлетняя Джулия Трам Мерфи проделала длинный путь из Брин-Мара^[13], штат Пенсильвания, где она работала доцентом на кафедре романских языков, чтобы взглянуть на Келлскую книгу, пребывание которой в Штатах заканчивалось уже в эти выходные. Это был славный воскресный денек — хотя он был бы еще лучше, будь погода немного теплее — и выставка, как Джулия и ожидала, была заполнена так, что на ней было не протолкнуться.

В билетной кассе она узнала, что, чтобы попасть в Восточный Зал, ей придется прождать около сорока пяти минут. Она вынуждена была согласиться на это, но, когда женщина, наконец, подошла к нужному помещению, то обнаружила, что внутри Восточного Зала также набилась огромная вереница медленно движущихся людей, и процесс нахождения в ней мог занять еще полчаса, а то и больше.

Час и пятнадцать минут. Услышав это, Джулия едва не решила пропустить Восточный Зал и направиться к крытым аркадам, где размещались гобелены с изображениями единорогов. Но затем она все же приняла решение подождать. Это — насколько она знала — было ее единственным шансом увидеть Келлскую книгу за пределами Ирландии. Именно ради этого она купила билет ценой в двадцать пять долларов, отдала свою сумочку на досмотр, прошла через металлоискатели и простояла огромную очередь. Лишь когда из Восточного Зала вышла партия людей, туда запустили новую группу. Очередь двигалась очень медленно.

Наконец, спустя еще сорок минут, Джулия дошла до первой линии очереди, и охранник одарил ее кивком, означавшим, что она может войти внутрь.

В зале обстановка была едва ли не хуже, чем в коридоре. Толпа змеилась и перемещалась между хитросплетениями ограждающих бархатных канатов и стоек, напоминавших ворота безопасности в аэропорту. Зрителям давалось меньше минуты на то, чтобы осмотреть книгу, прежде чем охранники начинали вежливо просить людей продвигаться дальше и не задерживать очередь.

Час и пятнадцать минут ради одной минуты удовольствия. *Чем-то похоже на секс,* — усмехнулась про себя Джулия, чувствуя нарастающее недовольство, продвигаясь по этой змеиной траектории.

В эту минуту молодой человек примерно ее возраста, стоявший чуть впереди нее, перешел в другую линию очереди и одарил ее оттуда обезоруживающей улыбкой, излучающей гораздо больше тепла, чем того требовала банальная вежливость. Джулия была поражена его немного хулиганской внешностью и сочетанием черных волос с ярко-голубыми глазами — это был тип внешности, который ее мать назвала бы «черным ирландцем». Когда Джулия поняла, что улыбка длится слишком долго, она отвернулась. Что ж, она привыкла к этому: ей повезло родиться не только умной, но и красивой, и красоту свою она упорно поддерживала здоровым образом жизни, пилатесом, йогой и бегом. Несмотря на то, что она вращалась в профессорских кругах, ее совершенно не привлекали ее обрюзгшие кичливые коллеги с претензиями на определенное уважение. Некоторые из них вели себя, как напыщенные старики, даже будучи ее сверстниками. И нельзя сказать, что в каждом из них были какие-то чересчур серьезные изъяны — они попросту были не в ее

вкусе. В то же время, она испытывала определенные трудности с тем, чтобы вне академических кругов найти мужчину, который был бы таким же интеллектуалом, как и она. Джулия могла представить себе, что выйдет замуж за бедного или даже за некрасивого мужчину — но она *никогда* не смогла бы выйти за человека уступающего ей по уму.

Пока она раздумывала над этим, очередь двинулась вперед, и мужчина, который улыбался ей, приблизился. Когда они поравнялись с ним, он наклонился к ней и прошептал: — Нам пора перестать встречаться подобным образом.

Что ж, он выбрал довольно интересный способ закадрить ее. Она засмеялась. По крайней мере, этот парень не выглядел идиотом.

Он прошел вперед в параллельной линии очереди, и Джулия поймала себя на мысли, что с нетерпением ждет, когда же снова поравняется с ним. Ее сердцебиение чуть ускорилося. Она пробежала взглядом по плотной очереди Восточного Зала, выискивая его. Куда же он подевался? Джулия искренне удивилась овладевшей ей одержимости. Неужели она до сих пор способна испытывать трепет от какого-то случайного незнакомца? Похоже, она слишком долго была одинока.

А затем — совершенно внезапно — случилось *это*. Вспышка света, сопровождаемая оглушающим грохотом — таким громким, что он заставил ее сердце пуститься вскачь от ужаса, а тело рефлекторно броситься на пол под аккомпанемент нарастающего в зале гвалта. Она тут же подумала, что произошла террористическая атака. Стоило этой мысли сформироваться в ее сознании, как свет тревоги угас, и помещение заполнилось густым дымом — таким плотным, что он погрузил мир Джулии в адские коричневые сумерки, в которых было невозможно ничего разглядеть, оставалось только слушать чьи-то истерические крики и панические восклицания.

Затем раздался гулкий звук, напоминавший удар стали о сталь, а за ним последовал грохот нового — более тихого — взрыва.

Джулия лежала на полу, прижавшись к нему щекой рядом с дюжиной других людей, свернувшись в защитную позу эмбриона и пытаясь обезопасить голову, пока вокруг продолжали звучать крики. Она молчала и, к собственному удивлению, сумела даже не поддасться панике. Через несколько минут она услышала чьи-то приказные выкрики — похоже, служба безопасности пыталась успокоить людей, но у них это плохо получалось на фоне звучащих сирен тревоги и резкого гула сработавшей системы кондиционирования воздуха.

Туман довольно быстро рассеялся, и снова зажегся свет. Дым пропал, словно по волшебству, втянувшись в вентиляционные решетки, вмонтированные в потолок под видом окрашенных панелей.

Крики начали стихать, и Джулия села, осматриваясь и пытаясь оценить обстановку. Первым делом она заметила, что стеклянный куб, в котором содержалась Келлская книга, поврежден, и что от одного из его углов отколот массивный кусок — должно быть, это проделали с помощью некоего взрывного устройства. *Книги нет! Ее украли!* — лихорадочно думала она. Но затем она поняла, что ошиблась — книга лежала на полу рядом с кубом — открытая и развороченная.

Только теперь Джулия поняла, что она и остальные посетители оказались заперты: единственная дверь в Восточный Зал представляла собой сплошную панель из нержавеющей стали. Следующей мыслью, пришедшей ей в голову, как ни странно, было облегчение, что эта атака была всего лишь неудачным ограблением.

Теперь стойки и канаты служили другой цели: они позволяли сотрудникам службы безопасности контролировать кипучую толпу, которая осталась запечатанной в Восточном Зале на определенный срок, до выяснения всех обстоятельств.

Джулию Трам Мерфи вместе с остальными отеснили к стене зала, в то время как примерно полдюжины охранников окружили и стали осматривать Келлскую книгу, попутно оживленно переговариваясь по рации со своими коллегами, находящимися за пределами помещения. Для Джулии теперь было совершенно ясно, что это все всего лишь неудачное ограбление: вспышка и дым использовались в качестве прикрытия, а приглушенный взрыв послужил способом извлечь книгу из куба. Но вор, очевидно, не сумел унести книгу до того момента, как сотрудники службы безопасности среагировали на ситуацию. Поэтому он бросил ее и затерялся в толпе.

Это означало, что неудачливый грабитель все еще был заперт в Восточном Зале вместе с остальными посетителями. Охранникам это также было ясно. Что ж, похоже, Джулии предстояло долгое испытание. В то время как толпа постепенно становилась более упорядоченной, в Зале все еще царил хаос, сопровождаемый неизбежными истериками характерными для подобных случаев. Нашлось даже несколько предприимчивых людей, которые жаловались на получение — скорее всего, несуществующих — травм и, без сомнения, надеялись подзаработать на этом происшествии. Несколько врачей из числа посетителей уже отделились от толпы и осматривали их.

Какая-то часть сознания Джулии даже начала наслаждаться этим.

И тут потный охранник отвел ее и нескольких других посетителей в другую секцию зала, и она обнаружила, что снова оказалась рядом с человеком с лицом мошенника, темными волосами и голубыми глазами.

Он снова улыбнулся ей.

— Наслаждаетесь моментом? — спросил он.

— Как ни странно, да.

— И я. А вы ведь понимаете, — продолжил он, — что этот эрзац-вор все еще находится здесь?

Эрзац. Ей нравились мужчины с богатым лексиконом.

— Итак, — «мошенник» улыбнулся. — Оглянитесь вокруг. Давайте посмотрим, сумеем ли мы его вычислить.

Что ж, это было действительно весело. Джулия осмотрелась, пытливо всматриваясь в лица людей.

— Я не нахожу здесь очевидных подозреваемых.

— О, это всегда тот человек, которого вы подозреваете меньше всего.

— Тогда это вы, — сказала она.

Он рассмеялся, наклонился к ней и протянул руку.

— Гидеон Кру.

— Джулия Мерфи.

— Мерфи. Ирландская фамилия. Совпадение? — он забавно приподнял брови.

— А что насчет «Кру»? Что это за фамилия такая?

— Прекрасная фамилия древневаллийского происхождения. Слыла уважаемой до тех пор, пока Кру не заклеямили себя тем, что украли деньги из тайника судебного пристава и не уплыли в Америку.

— Ваша родословная столь же возвышенная, сколь и моя, — усмехнулась она.

Охранники уже выстраивали людей для допроса. Командир — по крайней мере, у него было несколько нашивок на плечах — вышел вперед и поднял руки.

— Минуту внимания, пожалуйста!

Общий гул стих.

— Боюсь, мы не сможем позволить кому-либо покинуть это помещение, пока каждого из вас не допросят, — объявил он. — Если вы согласитесь сотрудничать, это сильно ускорит процесс.

Возникло возмущенное протестующее бормотание.

— Я хочу выйти отсюда! — прокричала одна из впавших в истерику женщин, и ее выкрик был подхвачен согласными возгласами.

Командир поднял руку.

— Я обещаю, что всех вас выпустят отсюда как можно скорее. Но для этого нам нужна будет ваша помощь. Только что была совершена попытка кражи Келлской книги, и на этот счет существуют определенные протоколы, которые необходимо соблюдать. Поэтому я прошу отнестись к этому с пониманием.

И снова — бормотания, жалобы, ругательства.

— Так... чем вы занимаетесь? — спросил Гидеон.

— Я преподаю в Брин-Мар. Романские языки: французский, итальянский, испанский и немного латынь.

— Брин-Мар, — оценивающе повторил он. — Профессор. Мило.

— А что насчет вас?

Мужчина замялся.

— До недавнего времени я работал в национальной лаборатории Лос-Аламоса. Но сейчас я в отпуске.

Джулия была поражена, если не сказать ошеломлена.

— Лос-Аламос? Это... то место, где собирают ядерное оружие?

— Не собирают. Разрабатывают.

— Так вот, чем вы занимаетесь? Разрабатываете бомбы?

— Среди прочего.

Он шутил? Нет, похоже, нет. Она не знала, впечатляться ей или ужасаться. По крайней мере, он не был простой картинкой, за оболочкой которой ничего не крылось.

— Я знаю, — продолжил он, словно бы защищаясь. — Возможно, моя профессия звучит несколько щекотливо. Но на самом деле, я простой американец, выполняющий свой долг, заключающийся в том, чтобы обеспечить своей стране безопасность и все такое.

Джулия покачала головой.

— Могу себе представить, что бы сказали на этот счет щеголи из Брин-Мар. Боже, они назвали бы вас убийцей.

— А как бы назвали вы?

Она пристально посмотрела на него.

— Вам есть дело до моего мнения?

Он вернул ей пристальный взгляд, и она была немного озадачена тем, какой жар пылал

в его глазах.

— Да.

Он придал этому слову особый акцент, который заставил ее невольно зардеться, и когда она поняла, что краснеет, румянец на ее щеках стал лишь предательски ярче.

— Я... не знаю, что и думать, — ответила она.

Несколько минут они провели в молчании. Она посмотрела на книгу, которую как раз водружали на ее привычное место. Несколько охранников сгрудились над ней, изучая экспонат с огромной осторожностью и переворачивая страницы подрагивающими пальцами, облаченными в специальные белые перчатки. Казалось, с каждым переворотом страницы они становились все более обеспокоенными. Спустя несколько мгновений они подозревали командующего, суетливо пытавшегося усмирить недовольную толпу. Произошло короткое, но довольно бурное обсуждение, и командир что-то яростно завопил в свою рацию. Толпа, заметив смену его настроения, снова погрузилась в тишину. Командир поднял руку.

— Минуту вашего внимания! Кажется, из Келлской книги была вырезана одна страница!

По залу пронесся полный ужаса вздох.

— Но страница, так или иначе, находится в этом зале. Поэтому, пока она не будет найдена, никто не покинет это помещения. Пока я говорю с вами, мои люди уже получают все необходимые ордера. Защитная дверь зала останется закрытой до тех пор, пока мы не найдем недостающую страницу. Приношу всем свои извинения за неудобства, но мы ничего не можем сделать. Мы не имеем права выпустить кого-либо из зала без тщательного досмотра.

— Ого, — протянула Джулия. — Обстановка накаляется.

Гидеон Кру осмотрел зал, губы его поджались, голубые глаза азартно сверкнули.

— Идентифицировали вора?

— Я все еще думаю, что это вы. Ваши предки были ворами, и в вас есть что-то такое... плутовское. К тому же, вы нервничаете.

Он рассмеялся.

— Что ж, а я уверен, что вор — вы. Профессор романских языков из Брин-Мар. Звучит как идеальное прикрытие.

Теперь людей проводили за стойки, где за книжным шкафом, задрапированным тяжелым занавесом, охранники организовали импровизированную зону досмотра. Тех, кого обыскали, переводили в другую зону ожидания. Эти две группы людей держали отдельно друг от друга. Защитная стальная дверь оставалась закрытой.

Несколько человек продолжали протестовать, и градус напряжения в комнате существенно возрос.

— Похоже, мы пробудем здесь весь день, — протянула Джулия. Ее немного восторженное первое впечатление начало понемногу рассеиваться, сменившись раздражением. Ей предстоял долгий обратный путь в Брин-Мар. Возможно, ей следует переночевать здесь и вернуться домой только в понедельник. Она пропустит утренние занятия, но у нее на это будут весомые оправдания. Она взглянула на Гидеона и вскользь подумала, нет ли у него квартиры в городе.

— Seriously, я не вижу здесь никаких очевидных подозреваемых, — сказал он ей. — Просто множество скучных старых белых людей с фамилиями вроде Мерфи или о'Тул.

И вдруг раздался крик. Один из охранников, обыскивавших зал, закричал и начал

активно жестикулировать. Он стоял на коленях возле книжного шкафа, стеклянная дверь которого была открыта. Командир и другие охранники приблизились к нему и наклонились, чтобы выяснить, в чем дело. Джулии показалось, что она рассмотрела лист бумаги, торчащий между двумя томами. Вокруг находки развернулась бурная деятельность и, наконец, рука охранника в перчатке извлекла лист и подняла его у себя над головой. Это был лист веллума, сильно напоминавший страницу из Келлской книги. Страницу поднесли к основному тому, положили рядом и провели оживленную дискуссию.

Затем командир снова обратился к толпе.

— Похоже, — произнес он, — мы нашли недостающую страницу Келлской книги.

Последовал ропот облегчения.

— Но боюсь, что нам все равно придется допросить и обыскать каждого, прежде чем мы сможем открыть защитную дверь.

В ответ — ропот раздражения.

— Чем скорее вы все пройдете через эту процедуру, — устало произнес командир, — тем скорее мы все сможем выйти отсюда.

Прозвучал коллективный стон.

— Боже, — сокрушенно буркнула Джулия, — с таким раскладом я доберусь до Брин-Мара только к полуночи. Как же я ненавижу ночную езду!

— Что ж, вы можете остаться у меня. Я живу в люксе отеля «Гансвурт» с видом на Хай-Лайн.

Она взглянула на него и с удивлением, отметив, что ее пульс снова ускорился.

— Что за непристойные предложения?

— Виноват, — смиренно отозвался Гидеон. — Я хочу предложить вам вкусно поужинать в ресторане отеля, заказать бутылку хорошего вина, поговорить о ядерной физике и французской литературе, а затем подняться ко мне в номер и со всей полагающейся непристойностью заняться любовью.

— Вы ужасно прямолинейный, вы в курсе?

— *Vita brevis* ^[14], — пожал плечами он. И, говоря по чести, именно латынь среди всего прочего заставила ее сказать «да».

Стояло свежее летнее утро. Гидеон уже отошел от своего отеля на квартал, направляясь в сторону офиса «Эффективных Инженерных Решений» на 12-ой улице Литтл-Вест.

Доктор Джулия Грам Мерфи.

Небывалое сожаление одолевало его. Время, проведенное в ее компании, оказалось прекрасным и незабываемым, но он не мог позволить себе вступить с ней на запутанную тропу личных отношений, учитывая смертельный диагноз, нависший над его головой. Это было бы несправедливо по отношению к ней. Со своей стороны, она казалась вполне довольной проведенной с ним ночью — она попрощалась с ним без малейшего сожаления и не выказала никаких надежд на продолжение отношений. Он был бы рад увидеть ее снова, но это вряд ли было возможно.

Пребывая в прескверном расположении духа, сердитый и раздраженный, Гидеон провел карточкой, и невзрачные двери ЭИР распахнулись перед ним. Он пересек хитросплетение лабораторий, заставленных макетами и инсталляциями, среди которых суетились одетые в белые халаты техники, время от времени перешептывающиеся между собой и делающие сопутствующие записи в своих планшетах.

Гидеон направился в конференц-зал на верхнем этаже. Там он нашел только сурового безымянного, одетого в униформу, мужчину, подававшего кофе. Гидеон присел, заложил руки за голову и откинулся назад.

— Двойной эспрессо без сахара, пожалуйста. Спасибо.

Мужчина испарился. Через мгновение в комнату въехал Глинн, принеся с собой арктический холод. Без слов он направил свое электрическое кресло-каталку к месту во главе стола для совещаний. Гудящий шум мотора стал единственным приветствием, которое получил Гидеон. Еще минуту спустя вошел Мануэль Гарза — правая рука Глинна. За ним последовало еще полдюжины других сотрудников ЭИР. Никто из вновь вошедших не проронил ни слова.

Стюард обошел всех присутствующих, собрав их заказы на кофе или чай, произнесенные шепотом. Как только он покинул помещение, Глинн нажал на кнопку, расположенную на небольшой консоли на столе — очевидно, запуская диктофон — и заговорил нейтральным тоном, называя дату, время и имена присутствующих. После этого он замолчал, его пытливый взгляд обвел комнату и замер на Гидеоне.

— Кажется, на этот раз нельзя сказать, что Бог любит троицу, не так ли, доктор Кру? — спросил он. Когда ответа не последовало, Глинн пояснил собравшимся за столом: — Доктор Кру провел для нас две успешные операции, за что мы ему чрезвычайно благодарны. Мне искренне жаль, что Келлская книга оказалась ему не по зубам. После вчерашней катастрофы книгу незамедлительно вернут в Ирландию на чартерном рейсе, окруженном нерушимой стеной охраны.

Гидеон Кру слушал это заявление со скрещенными на груди руками.

— Боюсь, что эта неудачная дилетантская операция доктора Кру создала огромные трудности для нашего клиента. Данная катастрофа спровоцировала международный скандал между Ирландией и США, и мы потеряли нашу единственную возможность заполучить страницу Хи-Ро.

Глинн огляделся.

— Другими словами, *мы потерпели неудачу*.

По помещению пронесся ропот озабоченности. Серые глаза Глинна вновь сосредоточились на Гидеоне.

— Вам есть, что сказать, доктор Кру?

Гидеон опустил руки на колени.

— На самом деле, нет. За исключением того, что книга все еще находится на территории страны. Так что, все еще может получиться.

— Так что, все еще может получиться, — передразнил Гарза, не скрывая сарказма. Повисло холодное молчание.

— Как знать, — продолжил Гидеон. — Вспомните Йоги Берру^[15]: *Игра не закончена, пока она не закончена*.

Непоколебимое самообладание Глинна дало трещину.

— Избавьте нас от своих излюбленных цитат. Теперь вся наша деятельность должна быть направлена на нивелирование последствий этой катастрофы.

— Это еще не катастрофа. Рейс в Дублин вылетает в шесть вечера. В нашем распоряжении еще десять часов.

Глинн нахмурился.

— Хотите сказать, у вас имеется новый план, чтобы украсть страницу, которую вы не сумели похитить вчера?

— Мне жаль, что вы больше не верите в меня, Эли.

— Скажем так, если у вас действительно есть некий план Б, то нам всем очень бы хотелось его услышать.

— Нет, у меня нет плана Б. Потому что план А еще не завершен.

— И вы называете это *планом*? — взорвался Гарза. — Вы попытались украсть страницу и потерпели неудачу самым чудовищным образом! И в процессе этого вас даже провели через процедуру дознания. Да мы должны благодарить Бога за то, что вас не поймали! Наше дело теперь маячит на первых полосах всех газет Штатов и Европы! Ничего себе, «план»!

— Вы знаете, где сейчас находится книга? — тихо спросил Глинн.

— Нет.

На Гидеона вновь обрушились обвинительные взгляды присутствующих.

— Я попросил своих людей накопать немного информации, — вздохнул Глинн, — и я *знаю*, где сейчас находится Келлская книга: в неприступном хранилище под зданием «Ситикорп». Премьер-министр Ирландии лично направляется сюда, чтобы сопроводить книгу обратно в свою страну. Она будет находиться в его персональном владении, начиная от хранилища «Ситикорпа» до самой Ирландии. Ее будут охранять самым тщательнейшим образом — к этому привлекут лучшие кадры, которые только сможет предоставить Секретная служба США и Интерпол. По ходу следования кортежа до самого аэропорта дороги будут очищены от трафика, зафрахтован чартер, предусмотрено все вплоть до мелочей. Неужели вы думаете, что у вас еще есть шанс ее украсть?

— Украсть страницу Хи-Ро? Да, есть! — Гидеон сверился с часами.

— Как вы можете быть в этом так уверены?

— Потому что еще до полудня со всех новостных каналов посыплются новости о том, что найденная, вырезанная из Келлской книги страница — подделка, а подлинная страница отсутствует и считается украденной.

Шокированные взгляды обратились к Гидеону.

— Это правда? — недоверчиво спросил Глинн.

— Конечно.

— Что ж, — через мгновение вздохнул Глинн, воззрившись на Гидеона с легкой холодной улыбкой. — Экстраординарно. Хотя вы могли бы и избежать постановки этой драмы.

— Просто подумайте о той драме, через которую вы несколько минут назад протащили *меня*. К тому же, я просто не мог отказать себе в подобном развлечении.

— Итак, где оригинал? Он у вас?

— Нет, у меня его нет. Как я уже сказал, я не знаю, где он сейчас. Но я знаю, где он, вероятнее всего, будет среди недели.

— А потом?

— А потом я украду его. На этот раз — по-настоящему.

Сержант Адельпьеэз Джонсон отвечала за третий уровень хранилища улик обширного подвального комплекса штаб-квартиры полиции Нижнего Манхэттена, расположенного в тени Бруклинского моста. Сержант Джонсон исполняла обязанности руководителя третьего уровня на протяжении десяти лет, и за все это время у нее был самый низкий показатель нарушений при ежегодных проверках. Эти достижения принесли ей медаль «За самоотверженность» и темно-синюю звезду с надписью: «За добросовестную службу» — оба знака отличия она с гордостью носила на груди своей униформы. У нее в подчинении находилось пятнадцать служащих и с десятков ассистентов и лаборантов. Руководство сержант Джонсон осуществляла, распространяя в своем коллективе военную дисциплину и строгость. Она, как никто другой, знала, что надлежащее обращение с уликами имеет решающее значение для правильного исхода уголовного расследования. Хотя она, возможно, и не была самым любимым руководителем хранилища вещественных улик, но зато была самым уважаемым из них. Сотрудники отдела гордились тем, что работали под ее началом.

Была пятница, девять часов утра.

Сержант Джонсон находилась на рабочем месте еще с семи часов, рано приступив к своим обязанностям из-за накопившейся за неделю компьютерной документации, фиксировавшей все изъятия и возвращения улик: каждое передвижение каждой гильзы, каждого волоска, каждого образца ДНК для анализа, лабораторных исследований или простого осмотра. Поддержание цепочки хранения вещественных доказательств имело первостепенное значение. За последние несколько лет вся процедура была компьютеризирована и теперь сопровождала цифровой видеозаписью абсолютно все передвижения улик и действия с ними: кем, когда и для чего.

Сержант Джонсон никогда не испытывала радости, когда кто-то неожиданно заявлялся к ней в хранилище, чтобы провести досмотр улик, а пятничное происшествие и вовсе повергло ее в крайнее раздражение: один из ее сотрудников прибыл в компании высокого худого джентльмена, одетого в дорогой темный костюм со спортивным вырезом, который практически кричал «ФБР». К тому же он оказался ярким представителем агентов самого раздражающего типа — одним из тех, кто уже давно возомнил себя заместителями Бога на земле. Разумеется, такие индивиды полагали, что рядовые полицейские в сравнении с ними — низшая форма жизни.

— Я потратил больше часа на то, чтобы получить допуск! — прорычал с яростью мужчина и, фыркнув, добавил: — Снимаю шляпу перед оперативностью Нью-Йоркской полиции.

На этом он протянул свой значок и папку с уполномочивающими документами.

Сержант Джонсон никогда ни с кем не вступала в конфликт. Она поднялась со своего рабочего места — ее внушительных габаритов часто хватало, чтобы утихомирить склочного посетителя — улыбнулась мужчине и приняла из его рук значок и папку.

— Специальный агент Моррисон? — спросила она.

— Имя указано на значке, — недовольно буркнул тот.

Крепкий орешек. Критическим взглядом она изучила новенькое удостоверение и значок — тоже выглядевший абсолютно новым. Для нее все тут же прояснилось: свежий кадр, едва

окончивший академию. Пожалуй, эту категорию агентов можно было назвать худшей.

— Значит, вы работаете над делом Келлса, агент Моррисон?

— Все написано в запросе.

— И как я вижу, вы хотите проверить поддельную страницу.

— Повторяю, все это прописано в запросе, сержант.

— Вы же понимаете, специальный агент Моррисон, что в случае проверки, чем меньше манипуляций производилось с уликой, тем лучше. Это моя обязанность... — она подчеркнула слово «моя», — убедиться, что работа с уликой необходима и обоснована. Я говорю вам это, чтобы вы осознавали все риски процедуры осмотра.

— Я уверен, вы понимаете, что изучение данной улики происходит не по моей собственной прихоти, и я могу заверить вас, что ФБР не понравится, если мне будет отказано в доступе.

Сержант Джонсон и раньше бесчисленное множество раз имела дело с типами наподобие Моррисона. Их предсказуемость иногда даже смешила ее. Начинать битву еще до того, как появилась стоящая причина для боя, было ни к чему. Она открыла папку и тщательно проверила его верительные грамоты и документы. Внешне все было в порядке. ФБР прошло по всем надлежащим инстанциям, единственная проблема заключалась в том, что агент Моррисон пришел на три часа раньше запланированного срока. Но, опять же, подобное было типично для ФБР. Причина проверки была стандартной, формальной, оправданной и легальной.

Джонсон одобрила документацию, подписала ее, проштамповала и вернула.

— Я сопровождаю вас, — сказала она, вставая.

— Отлично, — отозвался Моррисон.

Его, похоже, не заинтересовало, почему она так поступает, поэтому она сказала правду:

— Я поступаю так со всеми громкими и резонансными делами. Мои показания могут оказаться полезными, если защиту не устроят результаты проверки подлинности улик.

— Это ваше право, — сказал он.

Джонсон, служащая отдела улик и агент ФБР подошли к лифтам и спустились в подвал, полностью отремонтированный в 2011 году в рамках крупного проекта обновления. Большая часть нового помещения была посвящена последним достижениям научно-технического прогресса и по оснащению чем-то напоминала первоклассный госпиталь. До третьего уровня хранилища, в котором находились все улики текущих активных расследований, путь оказался неблизким. Это был самый важный из всех трех уровней хранилища улик.

Пройдя мимо многочисленных пронумерованных дверей, они, наконец, достигли нужного хранилища. Служащая отключила сигнализацию, и дверь открылась, явив им красивую чистую белую комнату с закрытыми шкафами, пластиковым столом и стульями. Во всех четырех углах потолка виднелись камеры, которые, по словам сержанта Джонсон, записывали каждое их движение.

Служащая надела стерильные латексные хирургические перчатки без талька, сверилась с номерами шкафов и, подойдя к одному из них, набрала код на ближайшей панели, открыв его. Заглянув внутрь, она извлекла неглубокий лоток и перенесла его на стол.

— Вам нужно будет касаться его? — спросила Джонсон Моррисона.

— Да.

— Тогда вам понадобится маска для лица и перчатки.

Она почти добавила к перечню сетку для волос, но, предвидя возникновение

сложностей и тот факт, что у агента Моррисона была очень короткая стрижка, передумала.

Нахмурившись, агент Моррисон надел перчатки и маску, а затем занял место за столом. Он пододвинул лоток к себе и посмотрел на поддельную страницу Келлской книги. Джонсон, охваченная любопытством, тоже приблизилась, желая взглянуть.

Какая удивительная вещь, — подумала она, — такая изящная. Было бы неплохо увидеть оригинал, прежде чем тот был украден.

Моррисон залез в карман пиджака, достал блокнот и, положив его на стол рядом с собой, стал делать записи карандашом — ручки не разрешались. Он поднес лупу к глазу и приступил к молчаливому изучению страницы. Казалось, время тянулось бесконечно. Прошло пять минут, затем десять. Что он там высматривал? Джонсон взглянула на часы, но решила ничего не говорить. Она была уверена, что Моррисон не был экспертом, и эта нелепая проверка требовалась лишь для того, чтобы парень потешил собственное раздутое эго.

Служащая отдела улик обменялась взглядами со своей начальницей.

Агент Моррисон в это время поднял страницу и стал рассматривать ее, поднеся ближе к свету, щурясь и вертя ее то так, то эдак. Наступил новый этап этой бесконечной экспертизы. Джонсон снова переглянулась с подчиненной — на этот раз с большим раздражением. От необходимости долго стоять ее ноги начали побаливать, и она позволила себе присесть. Служащая с явным облегчением сделала то же самое. Неужели это никогда не закончится?

Наконец осмотр закончился. Агент приступил к записям, быстро исписывая строки блокнота неразборчивым почерком, стараясь выглядеть опытным экспертом, которым — как была уверена Джонсон — он не являлся.

Внезапно раздался грохот, и сержант поднялась со стула, чтобы увидеть, что агент неуклюже смахнул со стола свой блокнот, который теперь в виде разбросанных листов лежал рядом с ним на полу. Агент вскочил, все еще удерживая улику в руке, и, повернувшись к Джонсон спиной, наклонился, начав собирать свои разворошенные записи. Она собиралась сказать ему, чтобы он положил эту чертову страницу в лоток, пока занимается своими вещами. Но тут он повернулся, все еще держа в одной руке, одетой в перчатку, страницу, а в другой — разрозненные страницы своей записной книжки.

С неодобрительным взглядом Джонсон снова села, а агент вернулся к осмотру, продолжая делать заметки.

— Я закончил, — сказал он, наконец, положив страницу обратно в лоток.

Без единого слова Джонсон поднялась. Служащая вернула лоток обратно в шкаф и заперла его. После чего они расписались, вышли из комнаты и прошествовали обратно по длинным белым коридорам.

Стандартная процедура.

Сержант Джонсон так и не поняла, что что-то не так, пока три часа спустя настоящий специальный агент Моррисон не прибыл на назначенную встречу — точно в указанное время.

Из управления полиции Гидеон отправился напрямик в офис ЭИР на 12-ой улице Литтл-Вест. Глинн и Гарза встретили его в пещерообразном инженерном ангаре, и Гидеон проследовал за ними мимо сложных диорам, компьютерных мэйнфреймов и исписанных классных досок в дальнюю комнату. На поверку, в ней оказалась современная химическая лаборатория, с ожидающим их сутулым лаборантом с мрачным лицом.

Инвалидная коляска Глинна прошелестела по отшлифованному бетонному полу, и дверь в лабораторию за ними захлопнулась.

— Вы заполучили ее? — поинтересовался Гарза.

Гидеон достал из кармана пиджака блокнот и, открыв его, продемонстрировал небольшую драгоценную страницу. Глинн протянул руку и взял ее, пристально рассматривая. Его обычно бесстрастное лицо выглядело почти до комичного возбужденным: здоровый глаз сверкал, руки немного подрагивали, а каждое движение было резким и немного дерганным. Изучив страницу в течение нескольких минут, он позвал лаборанта. Тот, видимо, только этого и ждал: он явился, облаченный в латексные перчатки, держа в руках специальный лоток, в который Глинн и положил вождеденную страницу.

Он повернулся к Гидеону.

— Расскажите-ка нам, как вам это удалось, — сказал он, не в силах скрыть интерес в своем голосе.

— Что ж, — начал Гидеон, — просмотрев спецификации, я понял, что безопасность в Восточном Зале Моргана была просто совершенна. Не существовало ни единой возможности, при которой я мог бы сам залучить страницу. Поэтому я должен был найти способ, чтобы кто-то другой вынес ее оттуда для меня.

— Как?

— Сначала мне пришлось выступить с эффектным и, как вы знаете, неудачным, ограблением.

Глинн кивнул.

— Я провернул его в последнее воскресенье, когда, как я знал, Восточный Зал будет до отказа забит народом. Я устроил слабый взрыв с большим количеством дыма, чтобы напугать и временно ослепить всю комнату. Затем я подобрался к кубу и прикрепил к нему устройство, которое взорвало небольшой точеный заряд, расколовший пуленепробиваемый куб с заключенной в нем книгой, — это было сродни тому, как будто его разрезали алмазом.

— Точечный заряд... несомненно, вы сами разработали это устройство, учитывая вашу работу в Лос-Аламосе? — вопрос был риторическим, и Глинн махнул жилистой рукой. — Продолжайте.

— Вскрыв корпус, я достал Келлскую книгу, вырезал страницу Хи-Ро и подверг ее очень краткой специальной химической обработке. Затем я бросил книгу на полу и спрятал страницу в другой части комнаты. Все эти манипуляции заняли у меня менее шестидесяти секунд. Комната очистилась от дыма, и затем все происходило четко, как будто было разыграно по нотам. Охранники обнаружили, что в книге отсутствует страница, они стали ее искать и нашли. На тот момент у происшествия были все признаки неудачного ограбления. Они допросили и обыскали всех, кто был в комнате — один из присутствующих должен был

быть вором, — но ничего не нашли: ни у меня, ни у кого-либо другого. По правде сказать, они не настолько уж сильно разволновались, как могли бы, если бы страница по-прежнему числилась пропавшей без вести. Но они думали, что у них в наличии вся книга целиком.

Гидеон улыбнулся. Он подошел к самой лучшей части.

— Я знал, что в какой-то момент они пригласят эксперта-реставратора, чтобы осмотреть отрезанную страницу и книгу — просто чтобы убедиться, что они не повреждены и не нуждаются в особом уходе. Заодно, они наверняка, решили проверить страницу, чтобы убедиться, что она настоящая, а не фальшивая. В итоге, страница Хи-Ро, которую я вырезал, сразу же не прошла проверку ультрафиолетом, выявив, что она — подделка.

— Как вы узнали, что они это сделают? — спросил Гарза.

— Потому что в качестве своего рода эксперимента я купил в Лондоне настоящую иллюстрированную страницу старинной рукописи, обработал ее специальным химическим составом и отнес в «Сотбис». Там, одним из величайших мировых экспертов по иллюстрированным манускриптам, она была объявлена подделкой.

— Прекрасно.

— Итак, как только выяснилось, что страница — подделка, все поняли, что ограбление, с которым они столкнулись, на самом деле не было неудачным, как они сначала посчитали, а очень даже *удачным*. Разумеется, они пришли к заключению, что вор принес с собой фальшивую страницу, чтобы заменить ею настоящую и спрятал ее в комнате, заставив всех думать, будто это было неудачное ограбление. Понимаете, мне надо было заставить всех думать, что настоящая страница — подделка, а для этого она должна была провалить стандартный тест на ультрафиолет.

— Умно, — заметил Глинн. — Итак, какой же была эта ваша «специальная химическая обработка»?

Гидеон полез в карман и извлек небольшой аэрозольный флакон.

— «La Spiaggia» сверхсильный солнцезащитный лосьон для загара без запаха с защитным фактором 70.

Все в комнате уставились на маленький баллончик.

— Состав: оксид титана, оксид цинка и октилметоксициннамат — все УФ-блокаторы широкого спектра действия. Все, что было нужно, это быстро сбрызнуть им обе стороны страницы, и дело в шляпе. Когда охранники меня обыскали и обнаружили флакон с солнцезащитным лосьоном, его наличие их даже не насторожило.

Глинн одобрительно кивнул.

— Поэтому, когда страница, покрытая солнцезащитным лосьоном, подверглась стандартному ультрафиолетовому исследованию, ничего не произошло. Ни один из этих славных средневековых минеральных пигментов не флуоресцировал, как они должны были бы, если бы страница была подлинной. Таким образом, страницу признали подделкой, изготовленной с использованием анилиновых красителей! И тут то власти осознали — по крайней мере, они пришли к такому выводу — что вор исчез с настоящей страницей, оставив им фальшивку.

— Блестяще, — пробормотал Глинн.

— Таким образом, «поддельная» страница стала уликой уголовного расследования и была отправлена в хранилище вещественных доказательств Управления полиции. И этим утром, Эли, благодаря вашим фальшивым удостоверениям и вашему доступу к базам данных ФБР, я смог попасть в это самое хранилище и поменять поддельную *подлинную* страницу на

реальную подделку. Трюк был основан на обычной ловкости рук, которой я владею в совершенстве — никто и не засек, как я совершил подмену под столом, вне поля зрения видеокамер. Теперь у них есть та самая липовая страница, которая, по их мнению, *уже* у них была, а у нас в наличии подлинная страница. И никто ничего не заметил — за исключением того факта, что сегодня два агента Моррисона посетили хранилище улик.

Глинн сжал свои жилистые руки, как будто собрался помолиться.

— Это потрясающе. *Удивительно.*

— Спасибо. И теперь я хотел бы знать, почему эта страница так важна.

— И вы узнаете, — Глинн обернулась. — Доктор Станиславский?

— Готово, доктор Глинн, — отозвался монструозный лаборант, беря лоток со страницей и поднося его к ряду других лотков поменьше, заполненных жидкостями, сродни ваннам для проявления фотографий, каждая из которых была оснащена своим собственным термометром. Он поднял страницу манускрипта и, положив ее в первую ванну, погрузил в жидкость.

— Что вы с ней делаете? — встревожился Гидеон.

— Увидите, — ответил Глинн.

Некоторое время спустя доктор Станиславский извлек страницу из раствора и поместил ее во вторую ванну, снова выжидая срок.

Ванна стала мутной.

— Эй, что происходит? — возмутился Гидеон, уставившись на мутную воду. Ему показалось, что чернила на странице стали расплываться.

Лаборант поднял лист. Цвета изящной иллюстрации Хи-Ро теперь как будто потеряли четкость, так же как и плотный белый «подмалевок»^[16].

— *Какого черта?* — крикнул Гидеон, шагнув вперед.

Гарза удержал его, схватив за руку.

Страница погрузилась в третий лоток — в ванну с ламинарным потоком. Гидеону оставалось только наблюдать сквозь мерцающую поверхность движущейся жидкости, как изображение Хи-Ро стирается, растворяется... и, наконец, полностью исчезает. Ловким движением руки лаборант с помощью пинцета с резиновыми кончиками извлек страницу из ванны и поднял ее, позволяя жидкости свободно стекать с нее.

Страница была совершенно чистой.

— Вы сукин сын! — вскричал Гидеон, в то время как Гарза усилил хватку. — Я не могу поверить, что вы так запросто уничтожили — вы, черт возьми, *уничтожили* — это бесценное произведение искусства!

Он сбросил руку Гарзы и сделал еще один шаг к Глинну, но тот, оставаясь невозмутимым, приподнял руку.

— Подождите. Пожалуйста, не торопитесь с выводами. Взгляните сначала на окончательный результат.

Тяжело дыша, Гидеон силился обуздать свой гнев. Случившееся никак не укладывалось в его голове. Он невольно стал соучастником ужасного акта разрушения. Это было невероятно, подло. Он пойдет к властям, расскажет им все о Глинне и о краже. Разве ему есть, что терять? Так или иначе, уже через десять месяцев он будет мертв.

Тем временем лаборант, все еще державший в руках пинцет, уложил чистый лист древнего манускрипта между промокашек, чтобы те впитали лишнюю влагу, а затем перенес его на стеклянный предметный столик, являвшийся частью большого аппарата.

— Это, — спокойно пояснил Глинн, кивнув в сторону машины, — РФА. Рентгенофлуоресцентный анализатор.

Пока специалист занимался настройкой машины, Глинн продолжал:

— Вы знакомы с термином «палимпсест^[17]»?

— Нет, — буркнул Гидеон.

— В средние века веллум для манускриптов был очень дорогостоящим материалом. Для него использовались только самые лучшие шкуры — овец, телят или коз. Лучшие из них получались из зародышей животных. У опытных мастеров эти шкуры проходили многочисленные этапы подготовки — разделка, пропитка, известкование, просушка и растяжка. Поскольку это было очень дорого, монахи часто повторно использовали веллум старых книг. Они удаляли старый текст, вымачивали и отмывали веллум и снова использовали его.

— Ближе к делу.

— Палимпсест — это призрачная тень того более раннего, оригинального текста. Некоторые из самых важных и известных греческих и латинских текстов сегодня известны только как палимпсесты, которые впоследствии были удалены и использованы для других целей: текста или изображений. Вот, что мы ищем здесь.

— Вы хотите сказать, что под картиной Хи-Ро есть более старый текст?

— Там что-то есть, но это не текст.

— Ради всего святого, неужели вам нужно было уничтожить ее, чтобы увидеть?

— К сожалению, да. На странице Хи-Ро был очень плотный «подмалевок» из слоя средневековой белой краски, изготовленной с использованием свинца. Нам пришлось снять его, чтобы увидеть, что находится под ним.

— Что может быть важнее того, что было? — сердито спросил Гидеон. — Вы же сами сказали, что Келлская книга — это самая лучшая иллюстрированная рукопись в мире!

— У нас есть основания полагать, что то, что под ней скрыто, важнее.

Глинн обратился к лаборанту.

— Готово?

Станиславский кивнул.

— Запускайте.

Лаборант поднял предметное стекло анализатора, подкрутил несколько тумблеров и ввел команду на цифровой панели. На встроенном экране аппарата возник слабый, размытый рисунок. Медленно и мастерски осторожно Станиславский стал касаться различных циферблатов и рычагов управления, производя тонкую настройку изображения. Сначала все было видно лишь случайный набор точек, линий и завитков, но постепенно изображение начало обретать четкость.

— Что, черт возьми, это такое? — спросил Гидеон, пристально всматриваясь.

— Карта.

— Карта? Карта сокровищ?

— Карта, ведущая к чему-то гораздо лучшему, чем сокровища. Чему-то абсолютно неизведанному и удивительному. К тому, что изменит мир, — серый горящий глаз Глинна уставился на Гидеона. — И ваше следующее задание — получить это.

Гидеон и Гарза следовали за инвалидной коляской Эли Глинна, пока та катилась по длинным тихим верхним коридорам ЭИР, направляясь в зону, где Гидеон никогда раньше не бывал. Они прошли через дверь, ведущую в две небольшие комнаты, погруженные в полумрак. Гидеон, все еще не до конца совладавший с удивлением и остаточным гневом, огляделся. Первая комната оказалась библиотекой — своего рода жемчужиной: ее шкафы из красного дерева, были заставлены шикарными томами в кожаных переплетах, подмигивающих золотом. Персидский ковер покрывал пол, у дальней стены притаился небольшой мраморный камин, в котором горел огонь. В помещении стоял богатый запах кожи, пергамента и холста, а в его центре гостеприимно разместились столик и стулья. Комната рядом с ней являлась полной ее противоположностью: стерильная лаборатория с белыми стенами, все поверхности которой были сделаны из нержавеющей стали и пластика и были залиты ярким флуоресцентным освещением.

Глинн жестом указал на стул.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Гидеон молча принял приглашение, а Гарза уселся напротив него. Через пару секунд лаборант-техник пришел с увеличенным цифровым изображением странной карты, ранее скрытой под картиной Хи-Ро. Дождавшись кивка Глинна, он положил карту на стол и отошел.

Глинн подъехал к буфету рядом с камином, где открыл несколько хрустальных графинов, бутылок и небольшой холодильник.

— Выпьете чего-нибудь?

Гидеон отрицательно покачал головой, а Глинн налил себе в тюльпановидный бокал порцию портвейна. Он принес его на стол, сделал глоток, слегка вздохнул и положил свою жилистую руку на карту.

— Я хотел бы рассказать вам историю человека по имени святой Колумба.

Он поглядел на Гидеона в ожидании вопросов, но тот молча ждал продолжения.

— Колумба попал в ирландский монастырь Клонард около 550 года. Он был большим, влиятельным человеком, сильным и уверенным в себе и совсем не вписывался в стереотипный образ скромного монаха. Благодаря своей харизме и уму он очень быстро привлек к себе внимание. Его наставником в монастыре стал монах по имени святой Финиан. По прошествии нескольких лет слава Колумбы и круг его друзей значительно увеличились. Однако в течение десятилетия Колумба и его учитель постепенно разошлись во взглядах и стали испытывать друг к другу неприязнь. В 560 году между ними разгорелся яростный спор за обладание правом копировать редкий псалтырь. У обоих были взрывные характеры, и у обоих имелись влиятельные друзья. Спор обострялся, вовлекая новых сторонников, пока не достиг кульминации, вылившись в сражение — фактически, в целое побоище. Произошла ужасная резня, в ходе которой было убито около трех тысяч человек. В истории это столкновение известно, как Битва за Книгу. Церковь была в ужасе и, обвинив во всем Колумбу, решила отлучить его. Но Колумба каким-то образом упрямился и этого не делал. Ему удалось избежать отлучения ценой согласия отправиться в изгнание в дикие отдаленные районы Шотландии и обещания обратить там в христианство три тысячи

язычников, тем самым искупив души трех тысяч убитых в битве. Итак, он и группа монахов отправились морем из Ирландии в Шотландию, увозя вместе с собой бесценную коллекцию рукописей Колумбы. Они высадились на одиноком острове у побережья Шотландии, в самом сердце племенных земель пиктов. Там Колумба и основал аббатство Айона.

Глинн замолчал, медленно поднес к тонким губам бокал, наполненный рыжеватой жидкостью, и сделал большой глоток.

— Вот тут в дело вступает наш клиент. Я сожалею, что не могу раскрыть его личность. Достаточно сказать, что он человек безупречной честности, цель которого — благо всего человечества.

— Но это известно только со слов самого клиента, — пробормотал Гарза.

Глинн повернулся к нему.

— *Я в нем уверен.* Мануэль, ты же хорошо знаешь наши требования к конфиденциальности клиентов.

— Конечно. Но, будучи оперативным директором этого проекта, я хотел бы знать, на кого работаю.

Повисло короткое, неудобное молчание. Наконец, Глинн прочистил горло и продолжил.

— Наш клиент, среди всего прочего, является коллекционером средневековых манускриптов. Во время своих изысканий он наткнулся на неполный комплект документов, хранившихся в Айоне: «*Annales Monasterii Columbae*», «Анналы монастыря Колумбы». Это был своего рода гроссбух монастыря. Конечно, он велся на латыни. Это была уникальная находка, потому что подобного рода записи почти никогда не сохранялись. «Анналы» рассказали любопытную историю о монахе, который нашел старую греческую рукопись в монастырских хранилищах подержанного пергамента. Веллум уже был очищен, готов к отбеливанию и повторному использованию. Однако, согласно журналу, старый греческий текст был, по-прежнему, достаточно хорошо различим. Монах прочитал его, крайне удивился и отнес его святому Колумбе.

Глинн извлек лист бумаги из кармана своего пиджака и обратился к нему.

— Эта рукопись содержала древние греческие географические данные и описывала различные легендарные чудеса мира. Среди них выделялось одно особо интригующее место: остров «далеко на западе, где земля встречалась с небом». В географии упоминалась «великая пещера, окруженная лавровыми деревьями, на высоком каменном обрыве над морем». В ней, как утверждалось в рукописи, «можно найти секретное *снадобье*, источник вечного исцеления». В рукописи содержалось указание этого места, а именно «за пределами Иберии, в двух тысячах долихос^[18] к западу от Тартесса^[19]». Иберией древние раньше называли Испанию, а Тартессом — древний город в устье реки Гвадалквивир. Долихос — древнегреческая мера расстояния, равная примерно полутора милям. Короче говоря, это место лежало дальше, намного дальше, той границы, которая обозначала тогда известный мир.

— Две тысячи долихос к западу от Испании... — повторил Гидеон. — Это получается три тысячи миль. Что помещает эту пещеру в... в Новый Свет.

Глинн улыбнулся и поставил бокал на стол.

— Точно.

— Значит, вы говорите, что эти греки *открыли* Новый Свет?

— Да.

Гидеон только покачал головой.

— Древнегреческая рукопись дала этому чудесному острову имя — Форкис^[20], в честь негласного бога моря. Колумба посчитал, что по какой-то причине Бог специально поместил эту рукопись в его руки. Он и его монахи, будучи ирландцами, являлись опытными моряками и в их распоряжении имелись прекрасные корабли. Итак, Колумба приказал снарядить экспедицию и отправиться на поиски Форкиса и снадобья — исцеляющего эликсира.

Согласно журналу, монастырь снарядил три корабля, и группа монахов-мореплавателей отплыла из Айона, взяв курс на Средиземное море и вознамерившись следовать указаниям старой греческой рукописи. Они провели в этой экспедиции много лет. В конце концов, Колумба, потерял всякую надежду снова их увидеть. Наконец, вернулся один потрепанный корабль с полудюжиной оставшихся в живых монахов, которым было что рассказать.

Глинн сделал драматичную паузу, подняв бровь, и затем продолжил рассказ своим унылым, нейтральным голосом.

— Это было ужасное путешествие. Как только они миновали Гибралтарский пролив, их корабли попали в атлантический шторм, и их отнесло на юго-запад, где они разбились о рифы у неизвестных островов, которые, скорее всего, были островами Зеленого Мыса. Монахи построили новые корабли и снова отправились в плавание. На этот раз им сопутствовала идеальная погода, попутные ветра и ровные течения, которые перенесли их через море и доставили к «неизвестным островам у дикого побережья». Следуя указаниям на старой греческой карте, они, наконец, достигли Форкиса. Но там их окружили «ужасающие монстры и великаны», охранявшие исцеляющий эликсир и упоминавшийся в «Анналах», как «тайное лекарство, жемчужина недр земли». Эти монстры убили многих монахов.

Глинн снова прервался, чтобы насладиться еще одним глотком портвейна. Ему явно нравилось пересказывать эту историю.

— Тем не менее, выжившие монахи смогли так долго противостоять монстрам, что успели добыть *cista*, или иначе говоря «ларчик» со снадобьем. Вернувшись в аббатство, они передали его Колумбе. Он был вне себя от радости и приказал монахам нарисовать новую, христианскую карту, изображавшую путь до Форкиса, а старую, языческую, он распорядился уничтожить.

Глинн замолчал, сверкнув глазами.

— И это та самая карта, которая теперь — благодаря вам — находится у нас.

— Довольно милая легенда, — сухо заметил Гидеон. — Получается древние греки, а затем и ирландские монахи, посетили Новый Свет задолго до Христофора Колумба.

— Да. Но это не главное. Последняя сохранившаяся запись «Анналов» утверждает, что монахи использовали этот ларчик с эликсиром, чтобы исцелить самих себя, свои «тяжелые ранения, недуги, болезни и немощи». Сам Колумба так же принял снадобье, и в результате прожил весьма долгую и продуктивную жизнь. Благодаря этому ему удалось выполнить возложенную на него миссию и обратить в христианство три тысячи душ.

Но в конце жизни Колумбы его монастырь пережил трудные времена — его неоднократно атаковали мародеры-викинги. Колумба испугался, что карта Форкиса попадет в не те руки, поэтому приказал скрыть ее «под слоями золота, ляписа и других цветов ослепительного блеска». Вскоре после того, как этот факт был зафиксирован в «Анналах», монастырь Айоны оказался разрушен викингами. Многие монахи были убиты, а остальные бежали обратно в Ирландию, стремясь укрыться в Келлском монастыре. Других упоминаний о карте больше не было.

Глинн одним глотком осушил свой бокал и поставил его на стол.

— Снова возвращаясь к моему клиенту: он был уверен, что карта, описанная в «Анналах», все еще существует, но он не смог найти ее собственными силами. И поэтому он пришел ко мне.

Глинн вытащил из кармана шелковый платок и промокнул им губы, затем тщательно свернул его и вернул на место.

— Задача оказалась элементарной. Когда монахи бежали из Айоны перед набегом мародерствующих викингов, они унесли с собой самые почитаемые священные реликвии. Среди них оказалась и книга — изумительно иллюстрированное Евангелие, — которая стала известна после обретения ею нового дома, как Келлская книга.

Глинн сделал многозначительную паузу.

— Вспомните запись Колумбы: скрыть карту «под слоями золота, ляписа и других цветов ослепительного блеска». Естественно, я пришел к выводу, что ее закрасили и вшили в Келлскую книгу. Но какая именно это была страница? Определить это оказалось проще простого. Одна из страниц книги уже вызывала научный интерес, потому что была сделана из иного материала, чем остальные.

— Страница Хи-Ро, — сказал Гидеон.

— В точку. Келлская книга была написана на самом лучшем веллуме — эмбриональной телячьей коже. Но веллум страницы Хи-Ро отличался. Он был грубее и толще.

К тому же страница Хи-Ро — самая обильно украшенная страница во всей книге. Вдобавок, ее веллум покрыт слоем белого, якобы для создания основы, хотя это совершенно ни к чему — сам по себе первоклассный веллум белоснежен. Я предположил, что карта Форкиса скрыта под краской именно на этой странице. И благодаря вам, мы ее нашли.

Он постучал по увеличенной карте своим кривым пальцем.

— Это подводит меня к вашей новой миссии: следуя этой карте добраться до Форкиса.

Гидеон не смог сдержать в своем голосе сарказм:

— И найти секрет вечной жизни?

— Не вечной жизни. *Исцеления.*

— Вы хотите сказать, что действительно верите в эту легенду?

— Да.

Гидеон покачал головой.

— Я не уверен, кто более доверчив — вы или этот ваш таинственный клиент. Греки, открывшие Новый Свет. Монстры, охраняющие магическое снадобье.

Глинн ничего не ответил, и Гидеон поднялся.

— Я думал, что вы поручите мне действительно стоящее задание. Плохо уже то, что благодаря мне, бесценный шедевр оказался уничтожен. Теперь вы хотите, чтобы я отправился в какую-то погоню за химерами? Извините, но я против.

Без единого слова Глинн извлек бежевую папку из своего портфеля и, положив ее на стол, слегка подтолкнул к Гидеону. На ней красовался заголовок «ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, АЙОНА».

— Это конфиденциальный отчет об археологических раскопках кладбища аббатства Айона. Археологи обнаружили останки нескольких монахов, многие из которых относятся к временам создания карты Форкиса.

— И что?

— Археологи обнаружили скелеты монахов, получивших ужасные травмы, многие из

которых, несомненно, были делом рук варваров-викингов: у них были отрублены руки, пробиты черепа и выколоты глаза. Они также обнаружили признаки врожденных дефектов, деформаций, различных заболеваний. Но вот в чем загвоздка: скелеты исцелены почти идеально. Эти монахи оправились от ран, деформаций, уродств и болезней, которые должны были остаться на всю жизнь, став причиной инвалидности или даже смерти.

— Медицина изобилует подобными необъяснимыми выздоровлениями, — заметил Гидеон.

— Может быть. Но в этом отчете отмечается, что некоторые из монахов регенерировали целые конечности.

Повисло мертвое молчание, в конце концов, прерванное Гидеоном:

— Я не куплюсь на это, Эли.

— Когда лягушка или ящерица теряет и регенерирует конечность, этот процесс оставляет безошибочные, недвусмысленные знаки. Можно со стопроцентной точностью сказать, где именно была перебита кость и где именно она начала расти заново. Новая конечность часто меньше и слабее старой. Кость более новая, более тонкая и молодая. Именно это и обнаружили физические антропологи, когда исследовали некоторые найденные скелеты монахов. Здесь, в этой папке, все. Наука не врет. Антропологи оказались озадачены. Их исследования продолжаются. Но мы... мы-то знаем, почему эти монахи исцелились.

Гидеон продолжал недоверчиво смотреть на Глинна. Теперь ему было жаль, что он не согласился на бокал портвейна. Глинн открыл папку, явив свету массу электронных микрофотографий костей.

— Посмотрите сами. Раскопки финансировались шотландским правительством. Но, что самое удивительное, как только они это все обнаружили, исследования свернули, а их результаты скрыли. Это, конечно, не помешало ЭИР. Итак, теперь вы видите, Гидеон, что это никакая не погоня за химерами. Монахи действительно нашли *снадобье*, лекарство, которое могло заставить слепых прозреть, калек снова начать ходить, а конечности отрастать.

В очередной раз кривой палец постучал по листу бумаги своим длинным ногтем, как у колдуна.

— Это не легенда. *Скелеты не лгут.*

В кабинете царил вязкое молчание, пока взгляд Гидеона блуждал между Глинном и папкой. Руководитель ЭИР выглядел чрезвычайно серьезным — серьезнее некуда! — и, похоже, он полностью отдавал отчет своим словам.

Наконец, Глинн нарушил молчание.

— Может, лучше пообедайте, прежде чем начнем в деталях изучать карту? Предложение здоровое, учитывая, что нашим специалистам надо дать хоть немного времени на ее первичное исследование. Но будьте уверены: теперь, когда она у нас в руках, они будут работать в поте лица двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Знаете ли, нашему клиенту просто не терпится заполучить это снадобье.

— И сделать с ним... — протянул Гидеон, прищурившись, — *что?*

— Он позаботится о том, чтобы из него был синтезирован препарат, который после будет протестирован, изучен и распространен по всему миру.

— И вы доверяете ему? Это лекарство — если оно реально — способно принести миллиарды тому, кто выбросит его на рынок.

— Я могу вас заверить, он не намерен извлекать из этого финансовую выгоду. Он создаст некоммерческую основу для вывода препарата на рынок. Так что... пожалуй, я займусь тем, что закажу вам двоим что-нибудь на ланч.

— Вы к нам не присоединитесь? — удивился Гидеон.

— У меня еще масса дел.

Буквально через пару мгновений Гидеон уже следовал за Глинном по коридору. Некоторое время он молчал, но затем все же нарушил тишину:

— Я должен... кое-что у вас спросить.

Глинн остановился, развернул свое инвалидное кресло лицом к нему и вопрошающе изогнул одну бровь в ожидании дальнейших слов своего собеседника.

— Этот препарат... Я не могу перестать думать о том, может ли он вылечить мою АВМ.

Глинн молча смотрел на Гидеона, и его лицо оставалось совершенно непроницаемым: по нему ничего невозможно было прочесть.

— Я не знаю, — ответил он, печально усмехнувшись. — Точно так же, как не знаю, исцелит ли он *меня*, — Глинн поднял свою иссохшую руку и смазанным жестом указал на свои ноги и глаз. — Но, похоже, что у вас, как и у меня, имеется глубокая личная мотивация на успех, не так ли?

Гидеон ничего не ответил. Он просто наблюдал, как инвалидное кресло направилось дальше по коридору. Его первоначальный скептицизм начал уступать место настоящему потрясению. Глинн, который хорошо знал о терминальной стадии болезни Гидеона и о том, какое значение может иметь для него этот препарат — не собирался убеждать его в успехе. И все же он, совершенно очевидно, знал, насколько мощной была эта мотивация.

Через час Гидеон в сопровождении Гарзы следовал за инвалидным креслом по коридорам ЭИР, направляясь на первый этаж. Гидеон был не в состоянии выбросить из головы историю снадобья. *Полное исцеление. Отращивание целых новых конечностей.* Однако первоначальный его восторг поутих. Ни одно лекарство, сколь бы чудодейственным оно ни было, не в состоянии было исцелить врожденное переплетение кровеносных сосудов

в его мозгу, которое, по словам врачей, могло убить его менее чем через год...

Тем временем он и его сопровождающие достигли пещерообразного центрального помещения — сердца ЭИР — и Гидеон был рад отвлечься от своих гнетущих мыслей. Фирма Глинна и так всегда была занята каким-то таинственными делами, прорабатывая необычные проекты, но сегодня Гидеону показалось, что служащие ЭИР выглядят еще более занятыми, чем обычно. Помещение кишело суетливой людской деятельностью: работники куда-то спешили, сталкивались, останавливались для того, чтобы перекинуться парой слов, переглядывались и трудились в поте лица. Глинн как-то сказал, что подобная рабочая среда разрушает понимание о разделении обязанностей и способствует спонтанному и более тесному сотрудничеству.

Пока они пересекали огромное, похожее на ангар помещение, Гидеон обратил внимание на один из загадочных проектов. Каждый раз, когда он приходил в офис ЭИР, этот проект казался ему больше, чем в прошлый раз. Однако чем сильнее он увеличивался в размерах, тем более неясной Гидеону казалась сама его суть. Сегодня полдюжины инженеров корпели над воссозданием детальной трехмерной модели океанского дна. Это напоминало технологичный и продвинутый проект глубоководного бурения.

Глинн поздоровался с одним из инженеров, когда они прошли мимо рабочей группы. Этим инженером была молодая женщина азиатской внешности, изучавшая пыльный манускрипт, написанный на языке, который Гидеон беглым взглядом идентифицировал как греческий. Когда они достигли двери в дальней стене, Глинн, использовав свою вмонтированную в кресло клавиатуру, набрал код, и дверь открылась, явив частную лабораторию. Внутри находился невысокий беспокойный человек с лысой, как у древних монахов, макушкой, обрамленной седыми волосами. Он эксцентрично объяснял что-то своему собеседнику, смотревшему на него с монитора компьютера — вероятнее всего, общался по Skype — и говорил на языке, которого Гидеон не знал. Обитатель лаборатории, похоже, не заметил своих посетителей и продолжал вести спор, пока, наконец, со злостью не закрыл окно диалога.

— Ох уж эти *латыши*! — воскликнул он, не обращаясь ни к кому конкретному.

Это был один из очень немногих сотрудников — из тех, кого видел Гидеон — кому не приходилось носить лабораторный халат. Вместо этого он был одет в клетчатый пиджак сомнительного вкуса, в комплекте с совершенно не сочетавшимся с ним галстуком-бабочкой и полосатой рубашкой.

— Позвольте представить вам доктора Честера Брока, — возвестил Глинн. — Бывшего профессора Оксфорда, медиевиста и одного из лучших мировых экспертов по средневековым манускриптам и картам. Доктор Брок, позвольте представить вам доктора Гидеона Кру, который добыл для нас эту карту.

— Говорю же, Глинн, — ворчливо отозвался Брок, лишь формально протянув Гидеону руку для рукопожатия, но никак более не отреагировав на его появление, — я не могу работать в этом *sarae*! Мне нужно больше пространства!

— Но вы ведь отказались от общей комнаты, — ответил Глинн по-отцовски снисходительным тоном. Маленький человек с монашеской тонзурой одарил его гневным взглядом, и Глинн покорно вздохнул. — Хорошо, я попробую поискать для вас что-нибудь более комфортное. Но на данный момент я хотел бы, чтобы вы рассказали доктору Кру как обстоят дела с картой.

Брок взглянул на Гидеона — на этот раз он изучил его более внимательно, едва ли не

вытаращившись на него во все глаза.

— Надеюсь, вы не специалист по средневековью, — сказал он почти требовательно. Для такого низкорослого человека у него был удивительно глубокий голос. Гидеон невольно задался вопросом, почему этот человек так надеется, что не видит перед собой коллегу. Прежде, чем он сумел ответить, заговорил Глинн:

— Доктор Кру — физик. Вы — наш единственный медиевист. С чего бы нам мог понадобиться кто-то другой?

— Действительно, с чего бы! — фыркнул Брок, но затем вздохнул, похоже, смягчившись от елейного тона Глинна. — Ну, хорошо. Следуйте за мной.

Он провел своих посетителей через тесную частную лабораторию к столу. Страница Хи-Ро — теперь полностью сухая — лежала там, на подносе, под цифровым навесным проектором. Брок набрал несколько комбинаций на ноутбуке, и на экране появилось значительно увеличенное изображение карты, тут же спроецированное на плоскую настенную панель. С помощью нескольких ловких цифровых манипуляций Брок сумел увеличить резкость и четкость карты, тем самым уточнив детали.

... и на деле это *нечто* не было и близко похоже на реальную карту. Картограф не пытался отметить здесь некие географические ориентиры или создать двумерную модель ландшафта. Вместо этого изображение представляло собой сплошную ленту с множеством параллельных полос, усыпанных небольшими изображениями островов и другими рисунками, многие из которых сопровождались надписями на латыни.

— Эта карта никогда не получит одобрение по протоколу AAA^[21], — хмыкнул Гидеон.

— Эта *карта*, — фыркнул Брок, — основана на разновидности римского атласа под названием *itinerarium*^[22]. Во времена расцвета Римской Империи путешественникам нужно было как-то ориентироваться в сложной системе римских дорог. Они и использовали вот такие карты: вереницы линейных отрезков пути с нанесенными на них городами, деревнями, селениями и прочими ориентирами. Сам пейзаж, как таковой, не воспроизводился — это были просто путеводители от ориентира до ориентира. Похоже, имеющаяся у нас карта Форкиса является раннесредневековым эквивалентом как раз такого путеводителя, только перенесенного с земли на воду. Своего рода, примитивная парусная карта, — он указал на обрывки линий. — Я только начал ее анализировать, но эта линия, разбитая на сегменты, по-видимому, показывает мореходный маршрут. А эти маленькие рисунки обозначают различные ориентиры, которые путешественник должен встретить на своем пути. Возьмем, например, вот этот. Мы пронумеровали все знаковые символы на карте, и этот находится под номером «4».

Пухлый, похожий на сосиску палец ученого указал на крошечный рисунок острова, поднимавшегося из морских вод. Он был едва ли больше скалы с парой обозначенных на нем скрюченных деревьев, чем-то напоминавших рога. Довольный собой Брок набрал несколько комбинаций и вывел увеличенный рисунок на экран.

— Прилагаемая надпись гласит: «*Perge ad orientem insula Diaboli, tunc pete meridiem*», что в переводе значит: «Ищите восточную сторону Острова Дьявола, а затем двигайтесь на юг».

— Довольно расплывчатое указание, — заметил Гидеон.

— В самом деле, — согласился Брок. — Особенно когда нужно искать деревья, которых наверняка уже давно нет. А вот еще пример, который мы поместили номером «5», — он указал на второй крошотный рисунок, который обозначал проход между двумя землями,

своего рода пролив. На одном клочке земли, прямо на берегу, была изображена какая-то расщепленная скала, смутно напоминавшая крест. — Указание для этого рисунка гласит: «Ваш путь лежит напрямки через пролив креста». Вот и все. Никаких компасов, никаких указаний направления. Но заметьте, тем не менее, что эта линия содержит целых девять ориентиров, то есть, подсказок.

Гидеон прищурился.

— Должен признать, детализация этих рисунков потрясает воображение...

— Ирландские монахи являлись гениями миниатюризации. Большинство работ выполнялось с помощью одноволосых кистей.

Ненадолго повисшее молчание Гидеон прервал вполне логичным вопросом:

— Так... где же расположен этот таинственный остров?

— Ах! Вопрос на миллион долларов... — Брок немного помолчал, оглядев своими зелеными глазами присутствующих. — И ответ будет таков: где-то в Карибском бассейне.

— Карибы? — переспросил Гидеон, не скрывая потрясения. — А... откуда вы знаете?

— Я уже идентифицировал примерно треть ориентиров на этой карте. Например, вот: *Columpnas Herculis transiens* — Столпы Геркулеса. В древнем мире это было универсальное название Гибралтарского пролива. К сожалению, большинство других достопримечательностей остаются загадками — это своего рода «Донкихоты», намеренно вводящие нас в заблуждение.

— Почему «намеренно»?

— Ответ прямо перед вами. Вот, — он указал на надпись. — Здесь говорится: «Только те, кто благословлен Господом, способны пройти по этой карте». Монахи специально усложнили этот путь, сделали его труднопроходимым, чтобы убедиться, что дорогу осият только те, кому действительно помогает Господь. Остальные — сгинут в пути.

Глинн вмешался в разговор.

— Доктор Брок уже начал вносить детали в большую географическую базу данных, которую мы поддерживаем здесь, в ЭИР.

— Но что заставляет вас думать, будто они достигли Карибского моря?

— Потому что у Островов Зеленого Мыса, согласно «Анналам», монахи потерпели кораблекрушение, и им пришлось перестраивать свои корабли. При этом Канарское течение следует на юг и юго-запад вдоль побережья Африки, где оно сворачивает на запад и превращается в Северное Экваториальное течение. Торговые пути, к примеру, всегда зависели от течений. Наши компьютерные модели уже указывают на то, что эти два потока, объединившись вместе, провели монахов по такому же маршруту, по которому следовал Колумб в своем третьем путешествии. А это приводит нас в Карибский бассейн.

Глинн указал на экран.

— В качестве доказательства могу сказать вот, что: все вот эти маленькие островки в этой части карты могут быть расположены *только* в Карибском море.

— Я идентифицировал также отправную точку, — добавил Брок.

— Ну разве он не чудо? — воскликнул Глинн с нескрываемой гордостью.

Брок в ответ на этот восторженный возглас лишь пожал плечами.

— Это здесь. Похоже, это точка в восточном Эгейском море, — он приблизил левый верхний угол карты, показав собравшимся четыре холма в профиль, а также крохотный стилизованный рисунок лошади.

— *Ibi est initium*, — продекламировал Брок, читая сопроводительную надпись. — Что в

переводе означает «Здесь — начало». Четыре холма — это всем известная достопримечательность на побережье Турции.

— А лошадь?

— А вот при чем здесь лошадь, идей у меня пока нет.

Гидеон изучил глазами маршрут.

— А как насчет этой надписи в самом конце?

— Я как раз подвожу к этому, — кивнул Брок. — Но сперва стоит обратить внимание на фразу: «*Hic sunt gigantes*» — «Здесь водятся гиганты». И следом: «*Respondeo ad quaestionem, ipsa pergamena*».

— Что в переводе значит... — подтолкнул Гидеон.

— Казалось бы, это загадка. Буквально это означает: «Ответ на вопрос дает сама страница».

— А какой собственно был вопрос? — нахмурился Гидеон.

— А вот *это* — действительно загадка. Я бы сказал, что вопрос таков: «Какова природа целительного средства? Это растение, животное, насекомое, или что-то другое?»

Глинн вновь вмешался в разговор:

— Как по мне, ответ должен быть каким-то образом зашифрован на этой странице. Скорее всего, в виде одного из этих маленьких рисунков. Карта показывает, как добраться до места, но только ответ на загадку может подсказать, что именно нам там искать.

Развернув свое инвалидное кресло, Глинн обратился к Гидеону.

— За последний час мы сделали несколько очень важных открытий. Но, как вы можете видеть, нам еще есть над чем работать. Тем не менее, причин ждать больше нет. Наоборот, как показывает практика, время всегда работает против нас. Поэтому мы уже начали поиски подходящего судна для того, чтобы зафрахтовать его и оснастить для путешествия на Карибы. Вы вылетаете послезавтра.

Гидеон ошеломленно воззрился на него.

— Погодите! Пойдите! Но я же не моряк!

— С вами на борту будет лицензированный капитан.

— Я не люблю воду, — Гидеон решил не упоминать, что у него морская болезнь.

— Значит, вам придется к ней привыкнуть, — решительно кивнул головой Глинн. — Вы — самый подходящий человек для этого задания.

— Это вам ваше компьютерное моделирование подсказало? — усмехнулся Гидеон.

— Если честно, то да, — Эли Глинн вернул ему усмешку. — Подобное путешествие требует импровизации. А вы — мастер импровизаций.

— Я направляюсь напрямиком в рундук Дейви Джонса^[23].

Глинн оценивающе посмотрел на него.

— Вы удивляете меня, Гидеон. Это путешествие не будет похоже на ваши предыдущие задания. Вы отправляетесь в круиз по Карибскому морю. Само по себе это задание не предполагает ни физических усилий, ни опасности.

— Вы забыли про упоминание о великанах? — хмыкнул Гидеон.

Все присутствующие посмеялись.

— Наша первоначальная оценка карты указывает на то, что этот Форкис находится где-то в южной части Карибского бассейна, — сказал Глинн. — Если следовать нынешней логике вещей, то дело обстояло так: ирландские монахи вблизи Барбадоса поймали Карибское течение. После того, как с его помощью они достигли Наветренных островов, оно

повело их дальше, параллельно побережью Венесуэлы и Колумбии. Возможно, что таким образом они даже добрались до Москитового берега Никарагуа и Гондураса^[24].

— Это же получается огромная зона покрытия...

— Да. Она охватывает сотни, даже тысячи островов. И, конечно же, карта полнится всякими двусмысленными намеками. Это, как уже было сказано, сделано намеренно, чтобы ввести в заблуждение.

Гидеон невольно восхитился тем, как быстро специалисты ЭИР сумели сделать заключения по такой неясной карте. И все же...

— Другими словами, там можно бродить неделями, — сказал он, — потягивая шампанское, загорая и попутно посещая каждый остров и исследуя пляж — на всякий случай.

— Похоже, вы, наконец, поняли суть задания, — хохотнул Глинн. — Поверьте мне, Гидеон, в сравнении с вашей предыдущей миссией, эта будет похожа на прогулку по Центральному Парку.

Гидеон вышел из частной лаборатории и вновь оказался в огромном пещерообразном помещении. Гарза следовал за ним.

— Это тебе не старый добрый дух железнодорожной романтики, да?

— Был бы я на твоём месте, я бы не жаловался. Круиз по Карибскому морю? Я бы взялся за это задание с радостью.

— Эли действует мне на нервы.

— Что ж, добро пожаловать в Клуб Глинн-Заноза-В-Моей-Заднице.

Пока они шли через огромную общую лабораторию, Гидеон изучающе смотрел на Гарзу. Он знал, что этому человеку нет до него абсолютно никакого дела, учитывая его дерзкий, нахальный способ ведения дел, напоминавший повадки волка-одиночки. К тому же Гидеон считал, что Гарза — скованный человек и слишком уж строго следует всем правилам. Этих двоих сложно было назвать приятелями. Но ведь, возможно, их неприязнь друг к другу можно было изменить?

— Как насчет пропустить по стаканчику? — импульсивно предложил Гидеон, когда они проходили через двойные двери, ведущие на улицу.

Гарза ответил не сразу — сначала он изучающе воззрился на Гидеона: похоже, это предложение застало его врасплох.

— Ну... — задумчиво протянул он. — Почему бы и нет.

Ресторан «Спайс-Маркет» был переполнен, как и всегда, но им удалось найти себе небольшой столик в углу. Гидеон заказал Мартини-Бифитер, а Гарза предпочел «IPA»^[25]. Стоило официантке уйти, как Гидеон пристально посмотрел на Гарзу. Он был небольшого роста, смуглым, коренастым и мускулистым, с вьющимися черными волосами, слегка тронутыми сединой на висках. В глазах недвусмысленно угадывался блеск интеллекта.

— Давно ты работаешь в ЭИР? — спросил Гидеон, надеясь, что лед тронется.

— Двенадцать лет. С тех пор, как Эли и я уволились из армии.

— Армии?

Гарза кивнул.

— Я был инженером-специалистом в команде Глинна.

— Что за команда? — с интересом спросил Гидеон.

— Силы Особого Назначения. Наша команда была сформирована из десантников и рейнджеров.

— И какую работу вы выполняли?

— В основном — взрывали различные объекты.

— Например?

— Я бы сказал тебе, но тогда мне придется тебя убить.

Гидеон усмехнулся.

— Что ж, если ты вместе с Глинном столько лет, должно быть, тебе нравится на него работать.

— «Нравится» — не совсем правильное слово. Я тебе вот, что скажу: этот человек гений от Бога. И он честен. Это редкое сочетание.

Официантка вернулась, принесла им martini и пиво. Они прервали беседу и оценили

свои напитки. Когда Гарза поднял бутылку, Гидеон — по старой привычке — обратил внимание на его наручные часы.

— Хорошие часы.

— Думаешь?

— О, да. «Blancpain» модель L-Evolution Flyback со сплит-хронографом. С циферблатом из красного золота.

Гарза посмотрел на него.

— Большинство людей ничего не знает о часах «Blancpain».

— С этим браслетом из углеродного волокна — это одни из лучших часов в мире.

Стоят... сколько? Тысяч пятьдесят?

— Я не знаю. Это подарок благодарного клиента, — Гарза помедлил. — А ты как стал экспертом?

— Если ты помнишь, у меня воровское прошлое.

— Точно.

Повисло неловкое молчание, которое Гидеон решил нарушить первым.

— Расскажи мне что-нибудь, — непринужденно попросил он. — Что это за большой проект, над которым Глинн работает с тех самых пор, как я пришел в ЭИР? Ну, помнишь, та подводная модель, вокруг которой сейчас все выются?

Гарза сделал большой глоток пива, осушив примерно треть бутылки, прежде чем поставить ее на стол.

— Глинн сам расскажет тебе об этом.

— Да брось! — протянул Гидеон. — Я подписал соглашение о неразглашении и всякое такое. Очевидно, что между сотрудниками ЭИР это не секрет — иначе бы над этим не работали в той, общей лаборатории.

— Да, ты прав, — Гарза махнул официантке, чтобы она принесла ему еще пива. — Этот проект... это Моби Дик Глинна.

— В смысле?

Свежее пиво принесли удивительно быстро, и Гарза воспользовался возможностью, чтобы осушить бутылку до половины.

— Ну... — он немного поколебался, словно борясь с собой. — Ты помнишь Палмера Ллойда, миллионера, который съехал с катушек несколько лет назад?

— Ясное дело.

— Тогда, может, ты помнишь и то, что он планировал открыть музей, и эти планы пошли прахом, когда его отправили в сумасшедший дом.

— Я помню аукцион его вещей на «Сотбис». Невероятная коллекция.

— Да. Так вот, пять лет назад — до того, как все полетело к чертям — Ллойд нанял ЭИР, чтобы... ох... *экспроприировать* крупнейший в мире метеорит из Чили для своего музея.

Гидеон едва не поперхнулся своим напитком.

— Никогда об этом не слышал.

— Ну, разумеется.

— Расскажи мне!

— Метеорит был обнаружен старателем на необитаемом острове под названием Десоласьон, расположенном на самой оконечности Южной Америки. Двадцать пять тысяч тонн. Короче говоря, мы отправились туда, сумели достать метеорит, погрузили его на

зафрахтованный супертанкер, но нам сел на хвост чилийский эсминец, и корабль затонул во время шторма. Метеорит пошел ко дну, и три четверти экипажа погибло, включая капитана. Вот тогда-то Палмер Ллойд и сошел с ума. А Глинн... он сделался одержимым.

— Ты был на том корабле?

— Да. Это был кошмар, — Гарза сделал очередной большой глоток «РА».

— И, что, Глинн все еще пытается достать тот метеорит?

— Нет. Мы не пытаемся его достать.

На этом моменте Гарза заказал третье пиво и замолчал, ожидая, пока его принесут.

— Если вы не пытаетесь его поднять, то... что же вы делаете?

— Мы пытаемся его уничтожить.

— Уничтожить?..

— На самом деле, это оказался не метеорит.

— А... что же тогда?

— Сожалею, но я и так уже рассказал тебе слишком много. Если хочешь узнать больше, спроси Глинна. Я скажу только одно: из-за этой проклятой штуки мы упустили множество отличных проектов.

— Но не карту Форкиса...

— Форкис, — задумчиво протянул Гарза. — В этом деле есть что-то странное, — после этого замечания его взгляд стал отстраненным и рассеянным, как будто мыслями он оказался очень далеко отсюда. Затем он продолжил: — Эли обычно делился со мной даже самыми деликатными деталями любого проекта. Но на этот раз он не раскрывает свои карты. Он даже не назвал мне имя нашего клиента. Я хотел бы получить гарантии, что этот *кто-то* собирается поступить с этим открытием правильно — что это не какая-то там корпорация, которая просто превратит его в миллиардную прибыль.

— Согласен.

— И это заставляет меня размышлять о том, насколько этот клиент *сомнительный*.

Гидеон покачал головой.

— Глинн рассказывал о каких-то компьютерных программах, которые помогают ему предсказывать поведение человека. Это все... реально?

Принесли третье пиво.

— Да, — коротко ответил он.

— И как это работает?

— Эли основал «Эффективные Инженерные Решения» как компанию, специализирующуюся на научном «анализе аварий». Нас наняли, чтобы мы расследовали какой-то крупный прокол. Нашей задачей было выяснить, что пошло не так и почему. Не самое приятное дельце — в таких частенько вину приходится возлагать на самого клиента.

— Что, наверняка, затрудняет получение денег...

— О, Эли всегда работает по принципу предоплаты. Наибольшая проблема заключается в том, что, когда мы завершаем свою работу, чаще всего клиент желает хорошенько ознакомиться с отчетами. И с людьми, которые их составляли.

— Суровый бизнес.

— Кроме шуток. Но Эли — самый крепкий орешек из всех, кого я знаю. Любой нормальный человек умер бы после тех травм, которые он получил в том кораблекрушении...

Гидеон поерзал на стуле.

— Так... что насчет тех компьютерных программ?

— Их изобрел Эли. Человеческий фактор является основополагающим звеном любого инженерного проекта. А эти программы могут почти со стопроцентной вероятностью предсказать поведение человека. Эли называет это QVA — Количественный Поведенческий Анализ.

— Похоже на научную фантастику, — присвистнул Гидеон.

Гарза рассмеялся.

— Это и начиналось, как научная фантастика. Глинна вдохновили книги Айзека Азимова. Помнишь Гэри Селдона^[26] и дисциплину «психоистория^[27]»?

Гидеон покачал головой: он терпеть не мог научную фантастику.

— Азимов изобрел новую науку, которая объединила в себе историю, социологию и статистику. Психоисторики могли делать прогнозы поведения групп людей. В своем QVA Глинн попросту претворил психоисторию в жизнь, позволил ей выйти за рамки художественной литературы. Его программы составляют прогнозы, но не для групп людей. Они помогают предсказать, как один конкретный человек будет реагировать на те или иные события, — Гарза сделал глоток пива. — Можешь быть уверен, QVA на нас с тобой Глинн уже давно составил.

— Как мило.

— Согласен, это звучит странно и даже пугающе. Тем не менее, стоит смириться: Эли знает о тебе больше, чем ты сам.

Гидеон вспомнил то время, когда впервые встретился с Глинном, и то необычайное количество информации касательно него, которым этот человек уже владел, включая терминальную стадию его болезни.

— Итак... как же Глинн перешел от анализа аварий к инженерии?

— Анализ аварий — только одна сторона медали, — пожал плечами Гарза. — Инженерия — другая ее сторона. Инженерия — наука о том, как сделать так, чтобы этих аварий *не было*. О том, чтобы сделать все *правильно*. Но недостаточно просто знать, как сделать что-то правильно. Нужно также знать, как *не надо делать*, чтобы не нарваться на ошибку. Нужно заранее проанализировать все возможные варианты исхода и отсеять провалы. Только тогда можно быть уверенным в успехе.

— Как в случае с метеоритной катастрофой... — буркнул Гидеон.

— Это был наш *единственный* провал. Хотя, должен признать, он был крупным. До этого момента ЭИР никогда не допускала подобных ошибок. Таков был наш товарный знак.

— Значит, Глинн уверен, что с проектом «Форкис» мы добьемся успеха?

Гарза мрачно уставился на бутылку «РА», а затем тихо усмехнулся.

— Простой Карибский круиз? С фанатичным вниманием Эли ко всем деталям и каждому возможному варианту развития событий? О, да, Гидеон, удача точно будет на нашей стороне.

Очень поздно следующей ночью Эли Глинн в гордом одиночестве сидел в своем инвалидном кресле посреди безмолвной просторной центральной лаборатории ЭИР, перелистывая потрепанный, наполовину сожженный и разваливающийся на глазах томик стихов У.Г. Одена [28]. Было почти пять часов утра, но Глинн не мог уснуть — его искалеченное тело терзала старая боль, которая никогда не покидала его.

Наконец, убрав книгу в карман, он направил свое инвалидное кресло прочь из лаборатории в сторону лифтов. Двери открылись, и он положил руку на цифровой сканер. Через мгновение двери снова закрылись, и светодиодный дисплей показал, что кабина движется к пентхаусу.

Когда двери открылись, Глинн выкатил кресло наружу. Тремя годами ранее, обнаружив, что его недуги все сильнее затрудняют перемещения, Глинн превратил самый верхний этаж штаб-квартиры ЭИР в небольшой пентхаус с террасой на крыше, предназначенный для облегчения его физических ограничений. Здесь он мог скрыться, когда ему это было необходимо, а затем — снова появиться в разгар работы, нагрянув в самые неожиданные моменты — днем или ночью — чтобы проконтролировать, что происходит в его лабораториях и офисах. Он редко покидал здание — это было слишком затруднительно. Кроме того, Глинн больше не чувствовал себя комфортно среди незнакомых людей. Слишком много он ловил на себе жалостливых взглядов, слишком многие говорили с ним тихим голосом, как с маленьким ребенком, который готов спрятаться за юбку матери, и указывали на него пальцем, когда он появлялся в поле зрения.

Инвалидное кресло въехало в квартиру по полированному полу. Массив стен холодного серого оттенка успокаивал глаза, а пространство, обставленное в стиле Дзен, умиротворяло нервы своим аскетизмом. Мебель здесь практически отсутствовала: сам Глинн был прикован к инвалидному креслу, а посетителей сюда — в свою святая святых — он почти никогда не звал, что устранило необходимость в диванах и стульях.

Глинн подкатил инвалидное кресло к одному из немногочисленных столиков своих апартаментов, взял пульт дистанционного управления, оснащенный циферблатом и множеством цветных кнопок, и включил газовый камин. Следующим нажатием на пульт он открыл небольшую дверцу, которая с мягким шипением скользнула в сторону, явив за собой пространство его спальни. Еще один щелчок пульта включил воду в гидромассажной ванне, а четвертая кнопка заставила замерцать ряд ароматических свечей.

Скупясь на движения, с помощью двух силовых платформ и роботизированной руки, Глинн разделся и опустился в пышущую паром гидромассажную ванну. Это была не роскошь, а необходимость для его травмированного тела — только такие ванны могли хоть немного унять боль, которая накапливалась к концу дня.

Откинувшись на бортик ванной, он снова поднял потрепанный томик Одена и начал читать его знаменитое стихотворение «Хвала известняку». Через некоторое время он отложил книгу в сторону. Творчество этого поэта было рекомендовано ему женщиной... единственной женщиной, существовавшей в его жизни. Вернее, *почти* существовавшей: их отношения закончились, так и не начавшись, из-за ее трагической гибели при крушении супертанкера «Ролвааг».

Это навсегда лишило Глинна возможности любить.

Не сказать, что и до этого он слыл безнадежным романтиком. Он стал сиротой в два года, когда его родители погибли в авиакатастрофе, причину которой так и не удалось установить. Это был первый секретный проект, за который он взялся, основав ЭИР, и результаты его оказались весьма банальны: самолет потерпел крушение из-за разрыва топливной магистрали. Глинн ожидал чего-то другого и даже чувствовал легкое разочарование, но теперь ответ на вопрос, как погибли его родители, хотя бы перестал быть его навязчивой идеей и терзать его.

После смерти родителей последовала целая череда приемных семей, и Глинн закрыл свою душу от людей, как бутон на замерзшем дереве.

Во время несения военной службы у него не возникало потребности в друзьях, возлюбленных, семье, в праздновании дней рождения, Днях Благодарения, семейных ужинах, подарках на Рождество, новогодних елках или пятничных вечеринках. Ему требовалась лишь верная команда, готовая беспрекословно выполнять все его приказы, и *эти* свои скромные потребности он с лихвой удовлетворил. Единственное, что поистине требовалось ему для полноты жизни — это возможность решать чрезвычайно сложные задачи. Он страдал неиссякаемой жаждой таких задач и в этом отношении был идеалистом, стремился к лучшему. Как оперативник разведки, он мог взорвать практически любой мост или здание... он мог взломать почти любой компьютер, разработать самую надежную систему защиты или снести ее. Однажды, на расширенном курсе криптоанализа в академии профессор задал им задачу. Это была отвратительная уловка, потому что студенты понятия не имели, что им поручили трудный случай под названием Опыт Майкельсона^[29], который так и не был решен. Глинн работал над заданием 48 часов подряд, и сумел найти решение к следующему занятию.

Невозможность решения была для него своеобразным вызовом, незаменимым топливом, которое и привело его в военную структуру, а потом позволило основать ЭИР. Решать невозможные задачи — таков, пожалуй, был принцип всей его жизни.

А затем произошла та катастрофа с музеем Ллойда, которая погубила единственную женщину, которую Глинн мог бы когда-либо полюбить, а его самого — приковала к инвалидному креслу.

С тяжелым вздохом Глинн снова поднял книгу и прочитал:

Я — одиночество. То, что не просит и не обещает.

Так — я дарю свободу тебе. Ведь любви не бывает.

Есть только зависти облики, что нас печалят^[30].

Закончив читать стихотворение, Глинн снова откинулся на бортик ванной, и его мысли отчего-то потянулись к той странной фразе на древней карте: «*Respondeo ad quaestionem, ipsa pergamena*» — «Ответ на вопрос дает сама страница».

Действительно ли это было ключом к природе загадочного снадобья? Потому что ничего хорошего в том, чтобы отыскать Форкис и не знать, что нужно искать дальше, не было.

Ответ на вопрос дает сама страница. Ответ на эту загадку был прямо там, на странице — он должен был там быть!

Лежа в ванной и визуализируя карту перед глазами, Глинн изучал ее снова и снова, пробегая по милым миниатюрным рисункам, испещренным точками линиям и крошечным надписям.

Ответ был там, и он найдет его!

О, да, он его найдет. В этом — у него не было никаких сомнений.

Редкий облачный покров, стелившийся вокруг них, начал стремительно исчезать, когда «Гольфстрим» достиг места своего назначения. Расположившись на сером кожаном сидении, Гидеон уставился в окно на раскинувшийся внизу морской пейзаж. Впереди, во время подлета к южной оконечности Уиндворда, он разглядел далекую береговую линию Венесуэлы с отстоящими от нее островами Эй-Би-Си: Арубой, Бонэйром и Кюрасао. Вокруг же были разбросаны бирюзовые Карибские острова — целые *сотни* островов. Это была настоящая россыпь участков бирюзово-голубой земли, и многие из этих кусочков суши были необитаемыми. Гидеон невольно задавался вопросом: неужели тот самый Форкис — один из них?

Двигаясь по проходу, Гарза слегка коснулся его плеча.

— Гидеон? У нас все готово для связи с Эли.

Гидеон поднялся и последовал за Гарзой в отдельную зону в задней части самолета, где большую часть одной стены занимал большой пустой экран, а напротив располагался скромный массив сидений.

Сотрудница ЭИР, которую Гидеон недавно видел в штаб-квартире, тоже была на борту этого рейса — похоже, ее задачей было обеспечивать связь во время проведения брифингов. Ее звали Эми — по крайней мере, так обращался к ней Гарза. Это была миниатюрная хрупкая и довольно привлекательная азиатка с экзотическими зелеными глазами, блестящими короткими черными волосами и спортивным подтянутым телом. Гидеон мимоходом заметил на ее пальце обручальное кольцо...

Отгоняя неясные, непрощенные мысли, Гидеон переключился на раздумья о том, где мог находиться капитан их судна. Предположительный ответ не заставил себя ждать: должно быть, он уже ожидал их на борту судна на Арубе.

Женщина тем временем закрыла занавес, чтобы изолировать эту часть самолета от остального салона, и через мгновение свет погас, а экран — напротив — загорелся призывным светом. Еще через несколько секунд возникло изображение Эли Глинна, смотревшего на них из знакомого конференц-зала штаб-квартиры ЭИР.

— Приветствую, Гидеон, — поздоровался он, и голос его прозвучал весьма непривычно, искаженный спутниковой связью. — Здравствуй, Мануэль. И добрый день, Эми. Пилот сказал мне, что вы уже пролетаете «где-то над Карибскими островами».

— Мы в часе от Арубы, — кивнула Эми.

— Отлично, — чуть улыбнулся Глинн. — Итак, перед вами папки с инструкциями. В них также содержится вся информация, которую мы можем предоставить вам на данный момент. Во время миссии мы будем поддерживать связь по спутниковому телефону и через компьютер. Яхта, которую мы для вас зафрахтовали, оснащена высокотехнологичным и высокоскоростным оборудованием, которое обеспечит вам постоянную связь со спутником, поэтому электронная почта и Wi-Fi будут всегда активны. Также яхта укомплектована большим количеством съестных припасов. Как только вы прибудете, Гарза вернется сюда, и мы продолжим анализировать карту Форкиса. Когда нам станет известно о ней больше, мы тут же направим вам всю информацию.

— Хорошо, — кивнул Гидеон.

— В штаб-квартире ЭИР будут постоянно находиться дежурные, но запомните, что *вашим* связным будет Мануэль, — дождавшись согласного кивка, Глинн продолжил. — Итак, осталось сказать парочку завершающих слов, если вы позволите.

— Вперед, — хмыкнул Гидеон.

— Пусть это задание нельзя охарактеризовать как легкое, оно все же сильно отличается от ваших предыдущих миссий, Гидеон, потому что не несет в себе опасности как таковой. Во-первых, это Карибский бассейн. Если что-нибудь — что угодно — пойдет не так, мы всегда можем прервать миссию, забрать вас и повторить попытку чуть позже. У миссии нет ограничений по срокам: наш клиент просто хочет быть уверенным, что он получит желаемое. Плохая новость заключается в том, что приближается сезон ураганов. Но с учетом прогнозирования — самого мощного, что мы можем позволить себе на сегодняшний день — мы всегда сумеем заранее предупредить вас о надвигающейся плохой погоде.

— Я понимаю, — отозвался Гидеон.

— Что ж, хорошо. Тогда... — он помедлил, — вопросы будут?

Их не было. Глинн кивнул.

— Отлично. Тогда удачи вам двоим.

Повисло короткое молчание, которое первым нарушил Гидеон:

— Что? — переспросил он. Глинн помедлил с ответом, и бровь над его здоровым глазом приподнялась. Гидеону пришлось пояснить. — Что вы имели в виду, сказав «вам двоим»?

— Я пожелал удачи вам и Эми, конечно же, — усмехнулся Глинн. — Вы напарники.

— Погодите минутку, — запротестовал Гидеон. — Разве кто-нибудь что-нибудь говорил о напарниках?

— Я упоминал, что в вашем путешествии вас будет сопровождать лицензированный капитан, — сказал Глинн, и голос его прозвучал совершенно ровно. — Это Эми. Вам предстоит совместное путешествие.

Гидеон не сумел удержаться от того, чтобы уставиться на миниатюрную женщину, и с трудом сумел перевести взгляд обратно на Глинна.

— Это, что, очередная схема вашего QVA? Представить нас друг другу вот так, в последнюю минуту?

— Вы вскоре убедитесь, насколько вам полезна окажется ее компания на этом задании. Вдобавок к лицензии капитана у Эми две докторские степени — в области социологии и классических языков.

Он посмотрел на Эми снова, и теперь заметил, что она смотрит на него в ответ с саркастической улыбкой на лице. То, что она явно заранее знала, как будет выглядеть этот... сюрприз, раздражало его еще больше.

— Это, что, игра в «Свидание Навылет»? — буркнул он.

— В некотором роде, да, — невозмутимо отозвался Глинн. — Вы будете изображать обеспеченных молодоженов, которые отправились в круиз во время медового месяца. У Гарзы есть обручальное кольцо для вас, Гидеон.

— У Гарзы?! — Гидеон повернулся к нему. — Ты тоже обо всем этом знал?

Гарза усмехнулся. В руках его как будто по волшебству материализовалась небольшая синяя коробочка, которую он демонстративно открыл, чтобы показать покоящийся в специальной выемке золотой ободок кольца.

— Примерь. Размер одиннадцатый, верно?

Гидеон покраснел от раздражения.

— Забавно, — ехидно произнес он, глядя на Эми, — а я думал, она просто симпатичная стюардесса.

— Забавно. А я думала, что ты — уборщик туалетов, — не преминула уколоть в ответ Эми, окинув его холодным презрительным взглядом.

Гидеон сначала ошеломленно уставился на нее, а затем рассмеялся.

— *Touché*. Ладно, я это заслужил. Но я все еще возражаю против того, чтобы меня держали в неведении.

Эми продолжала смотреть на него с прохладцей: шутка про стюардессу, похоже, сильно ее задела. Что ж, Гидеон тоже чувствовал себя обманутым: все это время она знала о том, что им предстоит быть напарниками, но ничего не сказала.

— Ладно, Мануэль, давай сюда кольцо, — вздохнул Гидеон. Он надел его и изучающе осмотрел свою руку. Взгляд его снова переместился на Эми. — Так, значит, мы женаты?

— Только не думай, что с этим кольцом тебе перепадут какие-то *бонусы*, — процедила она сквозь зубы. Голос у нее был низкий, бархатисто-приятный, с легким намеком на акцент.

— Поймите, Гидеон, я ничего не делаю просто так, — миролюбиво произнес Глинн, и лицо его преобразилось в нарочито бескорыстную маску. — И для этого конкретного партнерства тоже была своя причина. Поверьте, для выполнения этого задания у вас двоих есть все необходимые навыки, которые в любой возникшей ситуации будут весьма грамотно дополнять друг друга.

Гидеон вновь посмотрел на Эми. Ее рост едва ли дотягивал до пяти футов, и он сомневался, что в ней найдется хотя бы девяноста фунтов веса. Такую хрупкую и миниатюрную женщина — и на непредсказуемую миссию по поиску затерянного острова? Какими же навыками она должна обладать?..

— А если мы не поладим? — буркнул он.

— Поладите, — с раздражающей уверенностью отозвался Глинн.

Эми на этот раз тоже выразила скепсис.

— Это ваша программа QVA предсказала, что мы друг другу понравимся?

— Верно.

— Проверьте ее исправность, — сухо бросила она.

— Со временем вы поймете, почему идеально подходите друг другу как напарники. После того, как вы приземлитесь на Арубе, автомобиль отвезет вас в Саванету — это деревня на юго-западном побережье. Там вас будет ждать ваша яхта. Это любимейший порт богатеньких яхтсменов. Тихий, изысканный. Прекрасное место, чтобы начать круиз, и при этом привлечь к себе наименьшее внимание. Не то, чтобы мы *ожидали* пристального внимания, но осторожность все равно не помешает, — Глинн помолчал пару минут и перешел к следующему пункту инструктажа. — Что касается вашей совместной легенды, то ее я оставляю на ваше усмотрение. Мануэль устроил все остальное. Мануэль?

Слово взял Гарза.

— У вас будет моторная яхта «Хинкли Т55 МКII. Под названием «Туркеза». Очень элегантная. Эми знакома с управлением яхт такого типа и, если надо, введет тебя в курс дела, — он одарил Гидеона заговорщицким взглядом. — Итак, длина судна пятьдесят пять футов, максимальная скорость — тридцать шесть узлов, в вашем распоряжении будут две каюты. Мы спешно модернизировали яхту и оснастили ее специальным оборудованием,

которое может понадобиться вам во время поездки. Опять же, Эми в курсе всех этих деталей.

Гидеон повернулся к Глинну.

— И нас будет только двое на этой яхте? А как насчет обслуживающего персонала? Стюарда? Дворецкого? Уборщика туалетов, в конце концов? — он бросил колкий взгляд на Эми, но она никак не отреагировала на сказанное.

— Прелесть «Хинкли» состоит в том, что экипаж там совершенно не нужен. Это простая в эксплуатации яхта с двумя реактивными двигателями. Все необходимые работы можно выполнять с помощью специального пульта, — Глинн моргнул и перевел дыхание. — Хочу уточнить один момент, Гидеон. Вы будете путешествовать по безопасным водам, но все равно, что бы ни случилось, Эми — капитан. И она главная. На яхте дела будут обстоять *только* так и никак иначе. И вы будете подчиняться ее приказам. Это понятно?

Гидеон сглотнул подступивший к горлу ком.

— Понятно.

— Теперь Эми, — Глинн перевел взгляд на молодую женщину. — Для вас обратная ситуация касательно Гидеона и особенностей этой миссии. Он обладает исключительными способностями и чутьем, и вы — будете спрашивать его совета и консультироваться с ним по всем возникающим вопросам.

Эми молча кивнула.

— Хорошо, что мы пришли к соглашению. Вот еще что, — Глинн вздохнул, — завтра после отправления в круиз из Саванеты вам надлежит взять курс на запад. Благодаря тщательному изучению последних спутниковых снимков, доктор Брок сумел идентифицировать еще одно изображение на карте Форкиса — подсказку под номером «6». Нам пока пришлось обойти стороной не до конца распознанные «4» и «5». Поначалу мы предполагали, что они находятся где-то у островов Зеленого Мыса, но из-за подсказки номер «6», это теперь весьма спорный вопрос. Так что, этот номер «6» и станет вашей отправной точкой.

На экране появился маленький отчетливый рисунок с карты, сильно увеличенный в размерах. На нем было изображено нечто, напоминающее черную бутылку с каким-то белым бугром. Сопровождающая латинская надпись гласила: «*Nigrum utrem, naviga ad occidentem*».

— От черной бутылки плыви на запад, — перевела Эми.

— Точно, — улыбнулся Глинн. — В пятидесяти морских милях к западу от Арубы находится кластер необитаемых островов, по большей части скалистых, известный как Лос-Монхес-дель-Сур. На самом южном острове есть огромный базальтовый морской утес, похожий на обтянутую кожей бутылку. Эта картинка на карте удивительным образом напоминает его на фоне очертаний того острова.

— И как нам найти это место? — спросил Гидеон.

— У Эми есть координаты.

— А дальше куда?

— Следующая подсказка на карте — изображение под номером «7». Его вам и предстоит найти.

На экране появилась новая картинка: крошечная перевернутая буква «U» с нечетким выступом на правой стороне, напоминавшим холм. Латинская надпись гласила: «*Sequere diabolic vomitum*». Гидеон посмотрел на Эми в ожидании перевода.

— Следуйте за... рвотой дьявола.

— Во-от оно что, — протянул Гидеон. — Ну, наконец-то, очевидная подсказка!

— Нас эта надпись смутила не меньше, — покачал головой Глинн. — Но мы надеемся, что вам двоим удастся выяснить, что это такое, как только вы с этим столкнетесь. Это приведет вас к следующей подсказке, и так далее.

На экране вспыхнула карта, в то время как Глинн продолжал говорить.

— Как можно увидеть на карте, если вы отправитесь на запад от Лос-Монхеса, вы упретесь в очень отдаленный полуостров, известный как Ла-Гуахира, и относящийся к побережью Колумбии. Весь тот участок береговой линии — суровая необитаемая пустыня. Мы полагаем, что где-то там вы и сумеете обнаружить ориентир, названный «рвотой дьявола».

— Я полагаю, это вдали от обычных крейсерских маршрутов, — заметил Гидеон.

— Да. На самом деле, к западу от Ла-Гуахиры вы окажетесь в той части Карибского моря, где практически никого не бывает. Этот участок мало походит на картинки с почтовых открыток, где показаны прекрасные островки с белоснежными пляжами. Это — удаленный, неисследованный район моря, где рассыпаны необитаемые острова, огибаемые обманчивыми течениями. Там всего пара мест, где можно бросить якорь. Побережье Колумбии... недружелюбно. А еще там могут встречаться наркоконтрабандисты. И если вы продолжите двигаться на запад, вы, в конце концов, попадете на Москитовое побережье Никарагуа и Гондураса — не совсем Лазурный Берег, но все же...

— И это вы называете приятным круизом? — саркастически спросил Гидеон.

— Вам просто нужно проявлять здравый смысл и осторожность, — ответил Гарза. — Я серьезно. Осторожность не помешает.

— Так что, собственно, послужит нашим оправданием для круиза в этой Карибской пустыне? — хмыкнул Гидеон.

— Вы — искатели приключений, — ответил ему Глинн. — Объяснения лучше не сыскать. В ваших материалах дела вы найдете остальную часть анализа карты, который мы провели. У вас также есть копии самой карты. Мы отвели один из компьютеров «Крей ХЕ6 Опертон 6172» специально под расшифровку этой карты. Он позволяет использовать базы данных всего мира и идентифицировать изображения с подсказок. Проблема в том, что подсказки эти весьма расплывчаты и загадочны, боюсь, их можно разгадать, только увидев живую. К тому же может так случиться, что, когда вы прибудете к очередному ориентиру, он окажется сгинувшим уже много веков назад, тогда вам останется довериться только своей интуиции, — не встретив ярых возмущений в ответ, Глинн кивнул. — Что ж, если вопросов больше нет, я откланяюсь. Могу ли я напоследок рекомендовать вам отужинать в ресторане «Кость Летучей Рыбы» в Саванете? Их Bouillabaisse à la Marseille^[31] идеально сочетается с «Пулиньи-Монраше». Думаю, вам понравится это место. Будет неплохо, если *вас* там увидят: так вы сможете укрепить свое прикрытие.

После этого экран погас.

Ужин оказался превосходным. Полбутылки «Монраше» улучшило мрачное настроение Гидеона и немного смягчило тот факт, что Эми к нему не присоединилась — она соблюдала свой личный сухой закон. Трапеза прошла на удивление быстро. Гидеон чувствовал, что не хочет разговаривать, Эми тоже оставалась практически безмолвной и прикончила свою порцию так быстро, что, когда он едва только прикоснулся к своему блюду, она уже отправила в рот последнюю вилку рыбы. Гидеон начинал чувствовать, что стал жертвой своего рода брака по договоренности. Чертовы проделки Эли Глинна!

И вот теперь, когда они поднялись на борт великолепной элегантной яхты, пришвартованной к ухоженному причалу, Гидеон снова взглянул на Эми. Обычно он мог легко прочесть человека с первого взгляда, но в отношении этой девушки он никак не мог отделаться от ощущения, что у него не получается постичь ее до конца. Она казалась недоступной, как Кремль, в связи с чем Гидеон дал себе клятву держать ум ясным, сердце открытым, и, что бы ни случилось, соблюдать хладнокровие.

Уже перевалило за десять вечера, и гавань начала затихать, хотя множество больших яхт все еще были залиты светом — их владельцы наслаждались поздними ужинами или пили коктейли на палубах. Это был теплый вечер, наполненный мягкими всплесками воды, омывавшей корпуса, звоном такелажа на мачтах, шепотом ветра, ненавязчивым ропотом голосов и отдаленным криком чаек. Гидеон остановился на палубе, чтобы вдохнуть ароматный воздух. Несмотря на неудобную компанию, в целом все было не так уж плохо.

— Я хотела бы устроить тебе обзорную экскурсию по лодке, — сказала Эми. — Так ты быстрее узнаешь, где тут что находится, и хотя бы в общих чертах будешь знать, как здесь все устроено.

— Хорошая идея, спасибо.

— В пути мы будем работать на равных, нам придется разделить все обязанности между собой. Ты будешь первым помощником. Тебе нужно будет знать, как держать штурвал и управлять всеми навигационными системами. Я покажу тебе технику вязки нескольких простых узлов и как крепить линь. На самом деле это не так уж и сложно.

Гидеон кивнул. Когда они вошли в рулевую рубку, он потянулся к выключателю света и щелкнул им.

— Ой. Не работает.

— Питания нет, — пояснила Эми. — Следить, за тем, чтобы оно было — одна из твоих обязанностей в качестве первого помощника.

Она показала ему тумблер электроснабжения, а затем повернула его. Вспыхнул свет. Гидеон прошел за напарницей к штурвалу, стараясь внимательно слушать ее лекцию о том, как пользоваться радаром, картплоттерами, гидролокатором и УКВ-рацией. Следующими на повестке дня стали стеклоочистители, топливный манометр, расход топлива, датчики температуры и давления масла, штурвал, дроссели, рычаги переключения и джойстик. Гидеон кивал, сложив руки за спиной, иногда поддакивал, хотя на самом деле не запомнил и четверти.

— Я знаю, что для вводного инструктажа этого слишком много. Поверь, как только мы отправимся в путь, все станет понятным само собой.

— Надеюсь, что так.

— На лодке также есть весьма специфическое научное оборудование, — сказала она, откинув назад свои черные волосы. — Гидролокатор «Sidescan», небольшой подводный робот с механизмом дистанционного управления, буксировочное снаряжение, оборудование для подводного плавания с катушкой троса, стеллажи с баллонами и воздушный компрессор, акустический радар, стробоскоп, водный экскаватор, реактивный водный ранец и многое другое в том же духе. Вероятно, это все нам не понадобится, поэтому я не буду тебе все это показывать, пока не возникнет необходимость. Но есть то, что имеет первостепенную важность, — она указала на аппарат, встроенный в ближайшую панель. — Это спутниковый телефон для связи с ЭИР. В салоне есть запасной, он портативный и пригодится нам при высадках на сушу.

Далее Гидеон осмотрел машинное отделение, встретившись с еще более непонятными циферблатами, датчиками и измерительными шкалами. Следующим на очереди были камбуз и салон. К счастью, там для Гидеона все оказалось понятным: плита, духовка, микроволновая печь, обеденный уголок, а также рабочая станция с гигантским экраном спутникового ТВ и ноутбуками — все это в окружении красного дерева, тика и латуни. Имелся даже винный шкаф с климат-контролем, до отказа заставленный бутылками.

За него Гидеону захотелось расцеловать Гарзу.

— Глинн сказал, что ты неплохой повар, — сказала Эми. — Это нам пригодится.

Гидеону не очень понравилось, каким тоном было обронено это замечание, но он не стал акцентировать на этом внимание.

— Каюты там, — девушка небрежно махнула рукой в сторону.

— Можно на них взглянуть? Если ты не возражаешь, конечно.

Войдя в ближайшую дверь, они оказались в коротком коридоре, разделявшем две каюты.

— Твой старборд, мой порт^[32].

— Старборд и порт. Это правый и левый борт, верно?

— Да.

Гидеон не удержался.

— Значит, мы не будем спать в одной каюте?

— Ты храпишь.

Гидеон рассмеялся.

— Неправда.

Она взглянула на него абсолютно бесстрастно.

— Это причина того, почему мы не спим в одной каюте... если кто-нибудь спросит, конечно. Так вот, ты храпишь.

— Я думаю, что это *ты* должна быть тем, кто храпит.

Наконец-то, в первый раз, Эми улыбнулась.

— Неужели я выгляжу как храпун? — изумилась она и на пару мгновений замолчала. — Гидеон, в этом вопросе мы должны быть реалистами. Только взгляни на себя — долговязый, неловкий. Я уверена, что ты храпишь.

Гидеон проглотил свое раздражение. Видимо, у нее почти напрочь отсутствовало чувство юмора. Что ж, тут ничего не поделаешь. Так и быть, пусть этот раунд останется за ней: один — ноль в ее пользу.

Пришло время вернуться на стезю, на которой он чувствовал себя комфортно:

фигтивная личность и маскировка.

— Возвращаясь к вопросу о нашей предыстории, — сказал он, — мы должны обговорить ее. Я подумал вот о чем...

Но Эми уже доставала блокнот из своего кейса.

— Все здесь.

— Но...

— Мы с Глинном уже разработали все детали того, как мы познакомились, влюбились и все такое.

— Господи. Я не могу дождаться и буквально жажду услышать *нашу* историю.

Расстроенный, он проследовал за ней на камбуз.

— Присаживайся.

Вместо того чтобы принять ее приглашение, он подошел к винному шкафу, открыл его и просмотрел бутылки. Там оказалась превосходная и дорогая винотека. Ощущая еще один порыв поблагодарить Гарзу, он выбрал французское бордо.

— Мне понадобится бокал вина, чтобы выслушать волнующую историю о том, как мы встретились и влюбились.

— Не стесняйся.

Он откупорил бутылку, налил немного в бокал на пробу, поворачивал его и сделал глоток. Вину было крайне необходимо подышать, но Гидеон не мог ждать — он ощущал острую потребность выпить.

Эми чопорно открыла блокнот. С каждой минутой ее поведение казалось все более странным.

Плыви по течению, — сказал сам себе Гидеон.

— Итак, приступим. Тебя зовут Марк, — она потянулась к своему кейсу. — Вот твои портмоне с водительскими правами, кредитными карточками, паспортом и визитками.

— Глинн ничего не говорил о новой личности.

— В наши дни опасно говорить о себе правду. Если ты представишься своим настоящим именем, любой придурок с подключением к Интернету сможет через пять минут понять, что все наша легенда фикция.

— Дело не в этом. Я предпочитаю сам создавать для себя личности.

Гидеон сделал большой глоток вина.

— Глинн проработал касательно нас все детали и попросил меня обо всем тебя проинформировать. Ты — Марк Джонсон. Это делает меня Эми Джонсон. Эми достаточно распространенное имя, поэтому я могу оставить его. Моя девичья фамилия была Сузуки. Я наполовину японка. Это, кстати, правда.

— Марк Джонсон? Как скучно. Я бы предпочел более вычурное имя — что-то типа Эрнеста Квотермейна.

— У Марка Джонсона есть одно веское преимущество — возможность оставаться анонимным в Интернете. В сети слишком много Марков и Эми Джонсон. И Сузуки — одна из самых распространенных японских фамилий. Теперь о романтических деталях. Мы познакомились во время учебы. А именно в Массачусетском технологическом институте в год выпуска. Я изучала классические языки, ты — физику. Так получилось, что мы посещали один и тот же предмет — теорию вычислений.

— Как романтично. Расскажите мне лучше о нашей первой брачной ночи.

Она проигнорировала комментарий.

— Мы поженились в Бостоне через год после окончания института. Ты — банкир, я — адвокат. Мы живем в Нью-Йорке, в Верхнем Ист-Сайде. У нас нет детей. Мы активно занимаемся спортом, катаемся на лыжах и, конечно же, обожаем яхтинг — я больше, чем ты.

— Какую песню мы выбрали для нашей пары?

— Песню? — она оторвалась от блокнота и подняла взгляд. — Ммм... как насчет «Противоположности притягиваются» Полы Абдул?

— Мне хочется застрелиться, мы такие скучные. Давай лучше «Атомный» Блонди.

— Согласна, — она сделала пометку в блокноте. — Этот круиз — мечта, ставшая реальностью как раз на нашу годовщину. Мы бороздим эту часть Карибского бассейна, потому что ищем приватности и приключений подальше от надоедливой толпы. К тому же мы немного легкомысленны и даже не задумывались о том, что эти воды часто посещают наркоконтрабандисты. Лодка — не наша собственность, мы арендовали ее, заплатив за наем из моей годовой премии.

— *Твоей* годовой премии? А я, получается, мало зарабатываю?

— Ну, поменьше, чем я.

— Понятно. Итак, в каком банке я работаю?

— В подобные детали тебе не нужно вдаваться — такие мелочи даже не стоят того, чтобы их обговаривать. Придерживайся неприметного характера персонажей и избегай говорить что-либо, что может выделить нас из общей массы людей.

— Придерживаться неприметного характера? А какого именно? И вообще, со сколькими людьми мы собираемся общаться?

— Кто знает. Это просто меры предосторожности. Что до всего остального — вопросов, касающихся интересов, политических взглядов, религии и так далее — проще сказать правду.

Гидеон словно увидел напарницу в новом свете — неожиданная идея буквально озарила его.

— Ты ведь участвуешь в чем-то подобном уже не в первый раз?

— Нет, это не так.

— Мне очень хотелось бы знать, кто ты такая? И чем обычно занимаешься?

— Подобные детали только запутают тебя. Просто придерживайся легенды и не забивай голову тем, кто я есть на самом деле.

Он взглянул на ее левую руку.

— Ты действительно замужем, или это кольцо поддельное, как и мое?

Она оценивающе воззрилась на него.

— Хорошо. Пожалуй, эту деталь тебе стоит знать. Оно подделка, как и твое. Я не замужем и никогда не была.

Гидеон, покачав головой, налив себе еще один бокал вина.

— Ты уверена, что не хочешь выпить? Бутылка открыта, она только и ждет, чтобы ее выпили — замечательное вино.

Девушка покачала головой.

— Нет, спасибо.

Гидеон пару мгновений поразмышлял над вопросом, рассказал ли ей Глинн о его диагнозе. Скорее всего, нет. Он также допустил, что, возможно, у Эми были свои собственные проблемы со здоровьем, которые мотивировали ее так же, как и его. Это было в духе Глинна — найти того, кого он мог бы использовать подобным образом.

Она закрыла блокнот.

— Есть вопросы?

— Да. Где оружие?

Она указала ему за спину. За дверью из красного дерева оказался металлический незапертый шкаф. Гидеон распахнул его двери, узрев небольшой арсенал оружия: штурмовые винтовки, пистолеты, ружья, снайперскую винтовку «Хеклер & Кох» PSG-1 с пятью рожковыми съемными магазинами. Там присутствовала даже РПГ и стойка с карманными зажигательными и осколочными гранатами. Гидеон присвистнул, потянулся и взял «Кольт 1911» .45 калибра, попутно проверив его магазин. Полностью заряжен. Пистолет оказался полностью адаптирован для тактического использования и оснащен спереди и сзади боевыми прицелами с тритиевыми вставками. Красивый, дорогой пистолет, сделанный на заказ.

— Ты умеешь им пользоваться? — спросил Гидеон, положив его обратно.

— «1911», с которым ты только что игрался, это мой. Так что да.

— С таким арсеналом мы могли бы развязать небольшую войну. Ручаюсь, мы бы вышли из нее победителями.

— Надеюсь, за все время миссии нам не придется даже прикасаться к нему.

Гидеон повернулся и задумчиво посмотрел на Эми. Она стойко выдержала его взгляд, ее лицо осталось непроницаемым, а мысли непостижимыми.

— Интересно, где тебя нашел Глинн, — пробормотал он.

Еще одна редкая улыбка.

— Ты этого никогда не узнаешь.

Гидеон проснулся от приглушенного грохота и кряхтения, доносившегося из каюты Эми. Судя по всему, она делала зарядку. Он взглянул на иллюминаторы — еще даже не расцвело. Часы показывали пять тридцать.

Скатившись с кровати, Гидеон надел халат и направился на камбуз. Он невероятно обрадовался, найдя припрятанными в углу небольшую, но дорогую итальянскую кофеварку и кофемолку. После детального изучения пары шкафов, вскоре обнаружили и кофейные зерна. Гидеон размолот их и засыпал в кофеварку, задаваясь вопросом, может ли его «жена»-трезвенница оказаться такой же яркой противницей кофеина. Он был чертовски рад, что не был женат на ней по-настоящему.

Когда он налил крошечную чашку горячего кофе ристретто^[33] — именно так ему нравилось больше всего — он еще больше оценил внимание Гарзы к деталям.

Через мгновение дверь камбуза открылась, и вошла Эми, готовая приступить к работе и одетая в обычную рубашку и белые брюки.

— Мне двойной, черный, без сахара, — обронила она, проходя мимо. — И я буду в рулевой рубке, принеси мне его туда, пожалуйста. Мне хотелось бы сразу преступить к работе и не тратить время даром.

Пока Гидеон молот для Эми зерна, он неспешно наслаждался своим собственным кофе. Сделав вторую порцию, он понес ее в рубку, по пути услышав, как ожили двойные двигатели яхты. Эми молча приняла кофе из его рук, внимательно изучая справочник карт, лежащий на приборной панели рядом с рулем. Гидеон слышал электронный голос УКВ-радио, который сообщал прогноз погоды, скорость ветра и высоту волн.

Судно с рычанием отчалило от пристани и, сманеврировав, уже через минуту взяло курс на открытое море. День обещал быть спокойным и погожим: небольшие облака неспешно дрейфовали по небу, а на поверхности воды искрились лучи восходящего солнца. Когда они покинули порт, Эми увеличила скорость, стрелка спидометра доползла до двадцати пяти узлов. Аруба постепенно скрылась за горизонтом, а материковая часть Венесуэлы все еще тянулась слева от них. Вскоре они оказались в открытом море.

— Лос-Монхес находится примерно в пятидесяти пяти милях от нас, — пояснила Эми. — Мы будем там часа через два.

Гидеон кивнул.

— Чем я могу быть вам полезен, капитан? Может, у вас имеются для меня какие-нибудь указания?

Она взглянула на него.

— Еще один эспрессо.

— Сию минуту.

Сказано — сделано. Хотя ему не особо нравилось исполнять приказы, он должен был признать, что эта миссия пока протекала легко. В некотором смысле это было даже приятно, когда для разнообразия кто-то другой принимал решения. Второй эспрессо был подан и исчез так же быстро, как и первый.

Судно издавало равномерный рев, скользя по воде и оставляя позади себя длинный пенный след. В течение первого часа путешествия окружающее их пространство было усеяно

другими яхтами — в основном парусными лодками — но по мере того, как они углублялись в открытое море, суда попадались все реже, пока не осталось ничего, кроме бескрайней водной синевы. До сих пор Гидеон не ощущал никаких симптомов морской болезни — слава Богу.

Воодушевленный этим, он приступил к своим обязанностям и произвел осмотры, как его инструктировала Эми: проверил мачты, загрузил электронную почту, считал погоду на доплеровском радаре и взглянул на принтер, подключенный к сотовому телефону, в поисках сообщений от ЭИР. Эми, хотя и была не очень компанейской и дружелюбной, вела себя с ним весьма вежливо и профессионально. К тому же она оказалась обладательницей очень острого и блестящего ума. Гидеону это понравилось.

В намеченный срок на горизонте замаячил отдаленный хребет, а затем еще один, чуть севернее первого. Из двух островов в поле зрения, они направились к южному — к выбеленной бесплодной скале длиной около четверти мили, с разрушенным маяком на вершине, в окружении скал и бурлящего моря. Когда они приблизились к острову, стала видна «Черная бутылка»: базальтовый утес, торчащий из моря примерно в пятидесяти ярдах от оконечности острова, окутанный белым пенным прибоем. Эми увеличила на своем навигационном компьютере крошечный рисунок ключа под номером «б» карты Форкиса. Когда лодка обогнула остров, морской утес стал виден в новом ракурсе — черный столб контрастно выделялся на фоне белой скалы острова.

В то же мгновение Эми сбросила обороты, и лодка, затарахтев, остановилась.

— Невероятно, — выдохнул Гидеон. Он едва мог поверить, насколько раскинувшийся перед ними вид идеально повторял рисунок.

— Возьми камеру, пожалуйста, и сфотографируй утес, — Эми выглядела даже более удивленной, чем он сам.

Пока девушка стабилизировала лодку на волнах, Гидеон сделал несколько фотографий на цифровую камеру «Nikon», которой обеспечило их ЭИР, и даже записал короткое видео.

— Я все это закину на ноутбук и отправлю Глинну, — сказал он. — Вместе с отчетом.

— Хорошо. И заполни судовой журнал, как я тебе показывала. Не забудь указать наше точное местоположение, количество часов работы двигателя, остаток топлива, воды, погоду и оставить описательную запись. После этого можешь приготовить нам завтрак. Бэкон и яичницу, пожалуйста.

— Да, капитан.

Гидеон покинул рубку. Воспользовавшись рабочей станцией на камбузе, он отправил по электронной почте фотографии и рапорт Глинну. Он чувствовал, что колебания волн становились все сильнее, лодка раскачивалась и рычала, пробираясь по валам. К своему большому ужасу, Гидеон почувствовал подступающую тошноту.

Собрав всю волю в кулак, он встал, достал сковороду и начал жарить бекон. Запах наполнил камбуз, несмотря на работающую вытяжку, и, вместо того, чтобы возбудить аппетит, заставил Гидеона чувствовать себя еще хуже. Спеша быстрее закончить готовку, он разбил пару яиц, взбил их, добавил тертый сыр и свежий лук из хорошо укомплектованного холодильника. Когда дело было сделано, он накрыл завтрак для одного, поставил тарелку с едой и поднялся в рубку.

— Завтрак готов, — доложил он.

— Хорошо. Держи руль.

— Я?

— Да, ты. Используй штурвал, а не джойстик. Джойстик в основном предназначен для маневрирования в гавани. Держи курс двести семьдесят градусов — электронный компас прямо перед тобой. И следи за плавучими обломками, столкновения с ними нам ни к чему. Мы находимся на глубоководье, здесь нет рифов и других лодок. Когда мы приблизимся к материковой части, ты заметишь изменение цвета воды. До того времени я постараюсь вернуться.

С великим трепетом Гидеон взялся за штурвал, взглянув на спину Эми, покидавшей рубку. Мотор лодки равномерно рычал. Поток воздуха, врывающийся в открытые окна, был освежающим и довольно быстро разогнал мучившую его тошноту. Картплоттер показывал местоположение лодки, совмещая его с радиолокационными данными. Сонар информировал о глубине под килем в несколько сотен футов. Скорость судна придерживалась отметки в пятнадцать узлов, а курс — двухсот семидесяти градусов. На взгляд Гидеона судно шло хорошо — по крайней мере, так ему казалось на его *неопытный* взгляд.

Чем дальше, тем лучше. Но тут через пару минут вернулась Эми.

— Беру управление на себя.

— Уже?

— За весь день на борту ты еще ни разу не ел. К тому же я заметила, что ты и сейчас ничего не приготовил для себя.

— Я не голоден.

— А я бы не отказалась от еще одного эспрессо, — сказала она, — прежде чем ты займешься мойкой посуды.

Гидеон проглотил всколыхнувшееся раздражение. Неужели так и дальше будет продолжаться? Может быть, он слишком чувствительный и чересчур остро на все реагирует? Это неважно. Он собирался исполнять приказы и оставаться дружелюбным. Вернувшись на камбуз, он снова потянулся к кофейным зернам.

— На палубу, — пришел резкий окрик из интеркома.

Он снова поднялся. Эми указала на запад. Вдоль левого края горизонта темнела тонкая линия.

— Это южноамериканский континент, — пояснила она. — По мере продвижения на запад мы собираемся проследить надводную береговую линию полуострова Ла-Гуахира Колумбии. Мой план — совершить круиз вдоль берега — как это сделали греки и ирландцы после них — ищем все, что может напоминать «рвоту дьявола». На заре мореплавания, до создания компаса, моряки, когда это было возможно, держали в поле зрения берег. Так что рвота наверняка обнаружится где-то на том участке суши.

— Ищем рвоту. Отлично. Думаю, это будет весело. Кстати, какова следующая подсказка после этой — номер «8»?

Эми кликнула нужную картинку на своем навигационном компьютере. На экране появилось нечто сумбурное: горизонтальная прямая, переходящая в острый угол и заканчивающаяся закруглением. Ключ гласил: «*aquilonius*».

— *Aquilonius*? — спросил Гидеон. — Что это значит?

— «Север». Но давай не будем забегать вперед.

Вода изменила цвет на грязно-зеленовато-коричневый. Когда береговая линия стала ближе, Гидеон оставил мытье посуды и достал бинокль. В обзоре появился далекий берег: длинный коричневый пляж, испещренный песчаными дюнами.

— Это всего лишь пустынное побережье, — пробормотал он.

— Это одна из худших и сложнейших береговых линий всего Карибского бассейна — коварная, как никакая другая. Морские песчаные отмели постоянно меняют свое положение.

— Вижу обломки. Большие.

Его бинокль сосредоточился на остатках того, что выглядело, как огромный контейнеровоз, сейчас — разбитый и почти превратившийся в остов.

— Согласно картам, это «Эль-Карина». Вдоль этого побережья много обломков от кораблекрушений.

— Нам лучше быть осторожными.

— Осадка «Туркезы» всего три фута, а корпус сделан из кевлара. Нам они не страшны.

Гидеон ничего не сказал. Тошнота вернулась с новой силой.

Теперь их путь пролегал параллельно берегу, и Эми сбросила скорость до пяти узлов. На экране своего навигационного компьютера, все время перед глазами, она держала ключ номер «7».

— Между прочим, — сказал Гидеон, — когда я проверял только что погоду, то заметил, что к востоку от островов Зеленого Мыса находится область низкого давления. Долгосрочный прогноз говорит, что она может превратиться в ураган, атакующий Карибский бассейн.

— В это время года в той области всегда формируется система низкого давления. Подавляющее большинство ураганов уходят на север. Очень немногие задевают береговую линию Колумбии.

— Просто подумал, что вы должны знать... капитан.

Она кивнула.

— Ищи все, что может напоминать перевернутое «U» — пещера, скала, что угодно.

Береговая линия была низкой и совершенно безликой, но по мере того, как они продвигались вдоль нее, она поднялась и стала более скалистой: с выступающими мысами и черными вулканическими морскими столбчатыми утесами, торчащими среди песчаных наносов. Ветер усилился и с силой дул с берега, неся с собой завесы оранжевого песка, которые делали воду мутной. Воздух пах пылью, и по мере того как солнце поднималось, жара усиливалась. Судно продолжало ползти на пяти узлах, примерно в пятистах ярдах от берега.

— Качка усилилась, — сказал Гидеон, пытаясь игнорировать подступающую тошноту. На небольшой скорости его самочувствие еще больше ухудшилось.

— Это потому, что мы на мелководье.

— Насколько тянется эта береговая линия?

— Около шестидесяти миль отсюда до Кабо-де-ла-Вела. Затем она отклоняется на юг. Я почти уверена, что «рвота дьявола» будет где-то здесь.

Рвота дьявола. Если качка усилится еще хоть немного, — подумал мрачно Гидеон, — *я во всей красе покажу этому берегу собственную рвоту, черт бы ее побрал.*

День клонился к закату, пока они шли на яхте вдоль бесконечного бесплодного побережья. В одной глубокой бухте, укрытой двумя мысами, они увидели большую лодку, испещренную ржавчиной и стоявшую на якоре. Гидеон внимательно изучил ее в бинокль.

— На ее мачте слишком много новой электроники, — поделился он наблюдением.

— Вероятно, контрабандисты наркотиков, — сказала Эми. — Плохо, я надеялась, что мы сможем бросить якорь в этой бухте на ночь.

Гидеон продолжал изучать лодку.

— Похоже, они нас тоже заметили.

— Конечно, они нас заметили. Будем надеяться, что у них есть дела поважнее.

Солнце теперь плыло по кроваво-красному небу, ставшему таким из-за пыльной дымки. Ветер крепчал, теперь с силой налетая с востока. Коричневое море подернулось пенистыми волнами.

— В пяти милях впереди нас есть мыс, называемый Пунта-Тароа, — сказала Эми. — Согласно карте, за ним находится защищенная бухта.

Гидеон взгляделся вдаль и увидел мыс: массивную пирамиду черного камня, избитую прибоем, с полосой прилегавших песчаных дюн, убегавших вглубь суши под прикрытие зазубренного хребта. Он искал что-то похожее на «U», но так ничего и не находил.

Они достигли мыса и, как было показано на карте, за ним им открылась небольшая бухта с полумесяцем оранжевого песка, переходившего в ребристые дюны фантастических форм.

— Она довольно открытая, — нахмурился Гидеон, думая о наркоконтрабандистах.

— Это лучшее, что мы сможем найти. Нам придется погасить все огни и установить четырехчасовые вахты.

Под равномерное урчание двойных двигателей Эми провела лодку вокруг мыса, двигаясь на минимальной скорости и не спуская глаз с глубиномера.

— Вот хорошее место, — кивнула она.

Она показала Гидеону, как ставить якорь. В узкой бухте глубиной в двадцать футов, за огромным скалистым блефом, они, наконец, его бросили. Он со звоном сбежал вниз, и лодка повернулась носом к ветру; якорь, как она выразилась, «стал красиво». Когда Эми заглушила двигатель, солнце уже скрывалось за дюнами и, постепенно, раздутое и колеблющееся, исчезло из поля зрения. Тусклый оранжевый свет окутал все вокруг.

Через десять минут, когда Гидеон открыл бутылку «Мальбека» и приготовил на ужин ризотто из омаров, он услышал по интеркому голос Эми.

— Гидеон? Иди к орудийному шкафу и принеси мне мой «Кольт». И себе что-нибудь захвати. У нас гости.

Respondeo ad quaestionem, ipsa pergamenta.

В своей неприступной крепости высоко над Манхэттенским районом Митпэкинг Глинн смотрел в окно с зеркальным стеклом, выходящее на запад, на парк Хай-Лайн и на темневшую вдали реку Гудзон, в которой отражались огни Джерси-Сити. Только что минуло три часа утра.

— Ответ на вопрос дает сама страница. «*Ipsa pergamenta*», сама страница...

Глинн не знал латынь, но Брок провел с ним много часов, перебирая все возможные варианты, переносные значения, вторичные значения и аллитерации каждого слова этого предложения, анализируя его с талмудической тщательностью. Но безрезультатно. Глинну казалось, что разум его перегружен и чрезмерно напряжен. Он слишком долго концентрировался на одном и том же.

Сама страница...

Чтобы очистить голову, он достал еще одну книгу стихов — на этот раз Уоллеса Стивенса — и открыл ее наугад. Стихотворение, на которое упал его взгляд, называлось «Не мысль о вещи, а вещь сама по себе». Сама страница — сама вещь. Какое интересное, однако, получилось совпадение.

Он прочитал стихотворение один раз, затем еще, и, наконец, отложил книгу.

«Не мысль о вещи, а вещь сама по себе. Ответ на вопрос дает сама страница».

И тут на него снизошло озарение. Это была не загадка. Это было дословное изложение факта. «*Ipsa pergamenta*». Сама страница или буквально сам веллум, сам пергамент — пергамент, как он есть — ответит на вопрос.

Неужели все так просто?

Это имело смысл. Веллум страницы Хи-Ро был другим: плотнее, тоньше, белее, чище, чем остальная Келлская книга. Секрет был сокрыт *в самом веллуме*.

Там, в темноте, Глинн покраснел от огорчения. Ответ оказался слишком очевидным, поэтому сразу он его и не увидел.

Директор направил свое кресло-коляску к лифту и спустился на первый этаж. Дальняя лаборатория проекта «Форкис» была пуста. Глинн подъехал к сейфу, в котором хранилась страница Хи-Ро, ввел код и извлек ее. Положив пергамент на чистую стеклянную подставку, он выбрал стерилизованный хирургический нож из набора инструментов, лежащих в автоклаве, и, работая с большой осторожностью, отрезал квадратный кусочек длиной в несколько миллиметров от его пустого угла. Используя пинцет, он положил квадрат кожи в пробирку и, запечатав и обозначив ее, поставил на стойку.

Долгое время он смотрел на взятую им пробу и, в конце концов, пробормотал, затаив дыхание:

— Интересно... Интересно... из какого же животного ты сделан.

Гидеон засунул пару пистолетов за пояс, чувствуя себя почти пиратом, и поднялся в рулевую рубку. На расстоянии всего в несколько сотен ярдов от них, в сгущающихся сумерках он рассмотрел лодку, которую они видели ранее. Сейчас она заходила в бухту с включенными огнями, медленно направляясь в их сторону.

Гидеон протянул Эми ее «Кольт». Она молча сунула его за пояс брюк и вынула рубашку, чтобы скрыть его. Взяв микрофон УКВ-рации, она нейтральным голосом приветствовала корабль, представившись капитаном «Туркезы» и попросив, в свою очередь, назвать себя.

— Говорит «Горизонт», — раздался мужской голос, прекрасно говоривший по-американски. — Капитан Хэнк Кордрей. Мы не собираемся мешать вашему уединению, но вдоль этого побережья не часто встретишь суда.

— Чем вы занимаетесь в этих водах, если не секрет?

— Никакого секрета нет. Мы не наркодиллеры, если это именно то, о чем вы подумали, — за этим последовал сдержанный смешок. — Мы — пара документальных кинематографистов. Я и моя жена, Линда.

— Правда? О чем же будет ваш документальный фильм?

— О пеликанах.

Повисло короткое молчание.

— Пеликаны? — переспросила Эми в микрофон. — Но мы ни одного здесь не видели.

— Не здесь, а за Кабо-де-ла-Вела. Там есть лагуна, где они обитают. Вот туда-то и лежит наш путь.

Гидеон хихикнул. Наркоторговцы, как же! Эми махнула ему рукой, призывая к молчанию.

— Мы планировали стать на якорь в этой бухте, если вы не возражаете, конечно. На этом побережье мало подходящих мест для стоянок.

— Нет проблем, — сказала Эми.

— И если мы не помешаем, то нам хотелось бы нанести вам визит в любое удобное для вас время. Как я уже сказал, это пустынные воды, и мы уже довольно давно не видели ни единой живой души, не считая нашей нанятой команды.

— Будем рады, — отозвалась Эми, взглянув на часы. — Мы как раз собирались поужинать — как насчет через час?

— Мы согласны.

Эми отключила рацию и взглянула на Гидеона. Старая лодка сбросила скорость и сделала маневр, готовясь бросить якорь. Через мгновение Гидеон услышал всплеск и стрекот якорной цепи.

— Пеликаны, — хмыкнул он. — А мы подумали, что они наркоторговцы. Мне лучше спуститься вниз и закончить готовку, если у нас будут гости. Вернуть твой пистолет на место?

— Пожалуй, я его лучше оставлю, спасибо. И ты тоже держи свой при себе.

Гидеон непонимающе воззрился на нее. Брови его напарницы были нахмурены, выдавая скептицизм.

— У тебя остались какие-то сомнения? Ты все еще их подозреваешь?

— Не знаю. Это чересчур большая лодка для пары кинорежиссеров.

— Мне они показались совершенно безвредными.

Эми молчала.

— Зачем приглашать их на борт, если они вызывают у тебя беспокойство?

Она взглянула на него.

— Это даст нам возможность их проверить. Тем более отказать им в визите было бы нарушением морского этикета, это могло вызвать у них подозрения, что это *мы* — контрабандисты наркотиков. Что, в свою очередь, могло побудить их связаться с береговой охраной Колумбии — которая, кстати, известна тем, что сперва стреляет, а уже потом задает вопросы.

Она поднесла бинокль к глазам и тщательно осмотрела корабль, стоявший на якоре в двухстах ярдах от них. Гидеон невооруженным глазом видел, что по его палубе расхаживают несколько человек. Эми долго молчала, вглядываясь в бинокль и хмурясь все сильнее.

— Какая-то неопрятная команда.

— Сколько?

— Четверо. Послушай... пока ты готовишь ужин, отправь письмо Гарзе, *срочно*. Попроси его проверить данные лодки под названием «Горизонт», порт приписки — Маракайбо^[34].

— Будет сделано.

Она посмотрела на карты. Заглянув через ее плечо, примерно в тридцати милях дальше по побережью Гидеон увидел лагуну, о которой говорил капитан Кордрей.

— И спроси у Гарзы, есть ли пеликаны в Бахиа-Хондит, Ла-Гуахира, Колумбия.

Гидеон спустился на камбуз, отправил письмо и закончил готовить ужин. Эми подошла чуть позже, и они молча поели. Гидеон не смог устоять и побаловал себя вином. Девушка же пила воду «Пеллегринно». Он никогда раньше не видел, чтобы кто-нибудь ел так быстро и с такой неприязнательностью относился к еде. Со стороны казалось, что Эми просто машинально, не ощущая вкуса, запихивала еду себе в рот.

— Как тебе ризотто?

— Нормально.

Ужин закончился слишком рано, и Эми спешно встала из-за стола.

— Хорошо, давай пригласим их на борт. Оружие при тебе?

Гидеон похлопал по своей «Беретте», чем вызвал ее пристальный изучающий взгляд.

— Эта тропическая одежда — настоящая проблема. Любой увидит, что мы вооружены.

— Может быть и хорошо, что они это увидят.

— Может быть.

Гидеон услышал звук входящего письма и проверил почту. Гарза сообщал, что «Горизонт» являлся чартерным судном эконом-класса, и его портом приписки действительно значился Маракайбо — это все, что он сумел на него раскопать. И в Бахиа-Хондит действительно водились пеликаны. Много пеликанов.

Они вернулись в рулевую рубку. Эми включила УКВ-рацию и выслала приглашение. Несколько минут спустя они уже наблюдали спуск на воду катера «Горизонта», закрепленного на корме. Небо было ясным и темным — стояла безлунная ночь, лишь бесчисленная россыпь звезд немного разгоняла мрак. Когда катер коснулся поверхности воды, под ней засияли биоллюминесцентные морские микроорганизмы. Двигатель зарычал, и лодка направилась к ним, оставляя позади себя фосфоресцирующий след, и уже через

минуту достигла их плавучей платформы. Гидеон внимательно рассматривал гостей в тусклом свете, лившемся из рулевой рубки. Капитан Кордрей оказался невысоким и немного пухлым мужчиной. При более детальном рассмотрении его даже можно было назвать некрасивым, что к тому же усугублялось жидкой бородкой и очками с толстыми линзами. Его жена оказалась выше его и стройнее, только вот взгляд у нее был очень жестким, как будто жизнь ее серьезно потрепала. Катер вел парень, который в другом столетии сошел бы за своего на пиратском корабле — он был без рубашки, очень мускулистый, покрытый татуировками и с длинными русыми волосами, завязанными сзади в тугую хвост. Его темное лицо производило неприятное отталкивающее впечатление, частичной причиной чего были многочисленные шрамы.

Гидеон помог женщине — Линде — покинуть катер и преодолеть плавучую платформу. Мужчина справился сам. Водитель же, не проронив ни слова, развернулся и направился обратно к «Горизонту».

— Проходите, располагайтесь, — сказала Эми, после рукопожатия и знакомства пригласив гостей разместиться на корме, на открытом воздухе. — Марк, принес свечи и вино.

Ее голос звучал немного напряженно — скорее всего, из-за присутствия на борту незнакомцев. Гидеон зажег свечи и разлил по бокалам вино, после чего последовал тост «за знакомство».

— Для пары режиссеров у вас довольно большая лодка, — сказала Эми. — Сколько в ней? Семьдесят пять футов?

— Семьдесят, — поправила ее Линда. — У нее ужасно большой расход топлива. Но зато она оказалась нам по карману и в придачу к ней шла целая команда.

Она сделала глоток вина.

— Вы должны увидеть нашу команду. На вид они устрашающая банда, но на деле — милые, как котята.

— Или вам так только кажется, — буркнул Гидеон.

Линда рассмеялась и огляделась.

— К слову о лодках... у вас тоже довольно большая яхта. «Хинкли», если я не ошибаюсь?

— Мы празднуем пятую годовщину свадьбы, — сказал Гидеон. — Отправились в круиз с Арубы.

— Ого, поздравляем, — Линда тряхнула своими осветленными волосами. — Странный маршрут вы выбрали для круиза.

— Мы хотели пройти нехоженными тропами, — улыбнулся Гидеон. Он заметил, что мужчина, Хэнк, не участвовал в разговоре, но его глаза непрерывно блуждали повсюду, подмечая все детали. — Вы хорошо знаете эти воды? — спросил он Линду.

— О, да.

Это прозвучало весьма обнадеживающе.

— Есть ли вдоль побережья какие-нибудь... необычные достопримечательности, которые нам стоит увидеть?

— Какие, например?

— Хм, я даже не знаю. Интересные скальные образования. Пещеры, может быть? Или что-нибудь еще в том же духе.

Он обнаружил, что Кордрей теперь пристально воззрился на него.

— Ну, здесь много обломков кораблекрушений, — медленно протянула Линда. — Вас интересуют затонувшие корабли?

— Не совсем. Нас больше привлекают естественные образования. Скалы, пещеры, морские столбчатые утесы.

Последовало очередное молчание и еще один глоток вина. Гидеон заметил, что ногти женщины были очень длинными и очень красными.

— Пещеры? Почему именно пещеры?

— Меня они интересуют, влекут и манят, — улыбнулся Гидеон.

— Вы занимаетесь дайвингом?

— Хм, не совсем.

— Но у вас здесь есть подводное снаряжение.

Гидеон неопределенно пожал плечами. Повисла пауза, прежде чем Линда снова заговорила.

— Есть несколько пещер на блефах у мыса Пунта-Гальинас, примерно в десяти-пятнадцати милях вдоль побережья.

— Спасибо, завтра мы их навестим, — сказал Гидеон.

Мужчина по имени Хэнк, поднялся.

— Могу я пользоваться вашим туалетом?

— Я провожу вас, — вызвалась Эми, и они вдвоем исчезли в рулевой рубке.

Линда посмотрела им вслед, а потом рассмеялась.

— Если бы я не видела вашу яхту собственными глазами, то подумала бы, что вы двое наркоконтрабандисты!

Гидеон рассмеялся вместе с ней.

— Почему вы так говорите?

Она махнула рукой на мачту.

— Два сверхмощных радара, две антенны GPS, сверхвысокочастотная антенна, УКВ и СНЧ, спутниковая тарелка. Вы оснащены по полной программе!

— Все шло в комплекте с лодкой.

— И какова максимальная скорость?

— Мне сказали тридцать шесть узлов.

— Тридцать шесть? Бьюсь об заклад, в спокойном море вы сделаете все сорок пять. Черт, вы могли бы оторваться от большинства патрульных катеров Колумбийской береговой охраны!

Эми вернулась с Кордреем. Они снова заняли свои места, и Кордрей потянулся к вину.

— Вы, ребята, явно путешествуете с шиком, — заметил он. У него оказался мягкий, свистящий голос. — Хороший набор электроники. Не говоря уже о бортовом гидролокаторе с буксирным агрегатом. Вы что-то ищете на морском дне?

— Он шел в комплекте с лодкой, — ответила Эми.

При этом Линда неприятно рассмеялась хриплым, прокуренным смехом.

— Смешно, что то же самое мне сказал ваш муж. *Все шло в комплекте с лодкой!* — она покачала головой. — Ну, нам пора уже возвращаться и оставить вас в покое.

Женщина вытащила из кармана рацию.

— *Хосе? Listos*^[35].

Несколько минут спустя прибыл катер, и пара, отчалив и добравшись до своей лодки, помахала им на прощание. Гидеон молчал, наблюдая, как они поднимаются на свое судно.

Эми вылила свой нетронутый бокал вина за борт, а затем увела Гидеона в рулевую рубку.

— Они больше подозревают нас, чем мы их, — хмыкнул Гидеон.

— Просьба посетить туалет была всего лишь уловкой, — сказала Эми. — Этот парень ничего не упустил из виду.

— К тому же, они могли остаться на якоре в той бухте на побережье, где мы впервые их заметили. Вместо этого они последовали за нами.

Эми кивнула.

— Как считаешь, может быть, они наркоторговцы, и злятся, что мы зашли на их территорию?

Эми покачала головой.

— Я предполагаю, что они занимаются чем-то другим — чем-то не менее нехорошим.

Гидеон решил налить себе еще один бокал вина, и ошеломленно замер, когда рука Эми остановила его.

— Мне нужно, чтобы ты оставался бдительным. Сегодня ночью нам придется организовать вооруженную вахту. Два через два.

— Почему бы нам просто не поднять якорь и не убраться отсюда? Мы могли бы легко оторваться от их корыта.

— Нет. Кто знает, как они могут отреагировать? Они могут сообщить о нас Колумбийской береговой охране — а нам ни в коем случае, *ни при каких обстоятельствах*, не надо, чтобы они нас искали.

Гидеон нес вахту с полуночи до двух часов ночи, расслабленно расположившись в кормовом кубрике. Ветер поднялся и теперь усиленно дул с берега, гоня по бухте белые барашки волн. Каждый порыв ветра приносил с собой жалящие крупницы песка. В воздухе пахло дымом, и Гидеон ощущал на языке привкус соленой пыли. Ночь стояла темная, облака пыли скрыла даже блеск звезд.

Время от времени Гидеон брал бинокль и осматривал сектор окрестных вод радиусом примерно в двести ярдов по направлению к «Горизонту», но никаких признаков активности не наблюдалось. Все огни на судне чужаков были погашены, катер мирно покоился на шлюпбалках.

Он покинул свой пост и совершил обход лодки, начав с палубы и, обойдя рубку, остановился в носовой части, после чего стал двигаться в обратном направлении. Сейчас Гидеон не испытывал сонливости и был даже рад находиться в дозоре вместо того, чтобы ворочаться с боку на бок в своей душной каюте.

Ветер снова усилился, и Гидеон закрыл глаза, отворачиваясь от кусачего песка. Он подумал об отважных ирландских монахах, которые бороздили море вдоль этой береговой линии, и о том, что все это они проделали, управляя простейшими парусными лодками — с его точки зрения, это казалось практически невозможным.

Порывы ветра внезапно прекратились, и в наступившем затишье Гидеону показалось, что он слышал какой-то шум. Это был странный звук — как будто что-то пузырилось по левому борту. Он чуть пригнулся, вооружился пистолетом и тихо направился вдоль борта, из-за которого доносился звук. Он замер, выжидая и прислушиваясь — полагаться на зрение в условиях, при которых почти ничего невозможно было разглядеть, не стоило. И вот послышался еще один пузырящийся звук.

Аквалангист!

Двигаясь медленно, Гидеон извлек из кармана незажженный фонарик, перегнулся через перила и прицелился в то место, откуда, как он слышал, поднимались пузыри. Приглядевшись, он заметил, что пузырьки воздуха действительно нарушают темную водную гладь на небольшом участке, сопровождаясь легким фосфоресцирующим блеском. Гидеон сжал крепче рукоять пистолета и включил фонарик.

Луч света пронзил мутную воду, но ничего не обнаружил. Насколько же глубоко этот аквалангист? И что ему нужно? Он хочет саботировать их лодку, прикрепив к ней взрывчатку? Пытается попасть на борт? Так или иначе, сейчас аквалангист знал, что его заметили, как только увидел свет.

Гидеон перегнулся за перила чуть сильнее и попытался внимательнее исследовать окрестный водный участок, водя по нему лучом фонарика. На какой-то короткий миг ему показалось, будто под водой мелькнул металлический блеск.

Стрелять в воду было безнадежно. Правильнее всего было бы разбудить Эми и применить превентивные меры, чтобы не дать злоумышленнику пробраться на борт.

Отшатнувшись от перил, Гидеон вернулся обратно в кубрик над каютами, дважды ударив по палубе — громко, но коротко, таков был их условный сигнал. Это должно было разбудить Эми. Затем он взобрался на крышу рубки, откуда ему открылся вид на всю яхту.

Держа наготове выключенный фонарик — включать его сейчас было самоубийством, это сделало бы его живой неподвижной мишенью — он затаился за мачтой и стал ждать.

Ветер здесь стонал громче, мачта скрипела, и расслышать что-либо теперь стало намного труднее. В темноте Гидеон максимально напрягал зрение, готовясь среагировать на любую вспышку света, которая бы указывала на наличие пузырей, поднимающихся к поверхности воды. Но вода оставалась безмолвной и темной.

Как там Глинн называл это задание? Прогулка по Центральному Парку? Ну да, как же! И где черти носят Эми? Возможно ли, что она не услышала его сигнал?

Внезапно справа от него показалась какая-то фосфоресцирующая вспышка, за ней последовала вторая — на этот раз слева. *Два аквалангиста?* Гидеон почувствовал, как сердце его начинает с удвоенной силой биться в груди. Это точно не было природным явлением, вряд ли пузыри производил какой-нибудь косяк рыб. Гидеон точно видел блеск *металла* — он *уверен*, что видел.

Теперь он позвал свою напарницу.

— Эми! Эми!

— *Ella esta aqui*^[36], — прозвучал глубокий голос из темноты под ним.

Гидеон включил фонарик и увидел, что покрытый татуировками пират прижимает оружие к голове Эми. Она была явно застигнута врасплох во сне — одетая в пижаму, она выглядела совершенно растерянной. На пирате была только маска аквалангиста с кислородным баллоном, и больше ничего — не было даже плавок. В темноте его татуировки напоминали чешую.

Внезапно со стороны кормы из темноты выросла вторая фигура в черном, которая до этого скрывалась под прикрытием плавательной платформы. Это был капитан Кордрей.

— Бросай оружие, или она умрет, — сказал он.

Гидеон уставился на него с ужасом и недоумением. Каким-то образом, несмотря на дозор, пирату удалось подняться на борт и застать врасплох Эми. Кордрей улыбнулся и смахнул с лица мокрые волосы.

— Не геройствуй, приятель. Бросай оружие, — не дождавшись от Гидеона немедленного подчинения, Кордрей кивнул и решил подтолкнуть его. — Я буду считать до трех. Раз. Два...

Гидеон поднял руки, пистолет повис на его большом пальце на спусковой скобе.

— Молодец. Хороший мальчик.

Теперь из воды показалась третья фигура. Она взобралась на плавательную платформу — тоже совершенно голая и чрезвычайно мускулистая. У этого человека были длинные волосы и усы, а тело покрывало еще больше татуировок, чем у его подельника. Он сбросил свой кислородный баллон и шагнул на корму, держа в одной руке шестифутовый гарпун для охоты на акул.

— Теперь спускайся. И держи пистолет так, чтобы я его видел.

Гидеон послушно соскользнул с крыши и подошел к перилам. Усатый пират вырвал у него пистолет, резко схватил его за руки и заломил их ему за спину, заставив Гидеона поморщиться от боли, после чего ловко их связал. Без лишних церемоний Гидеона бросили на палубу рядом с Эми.

Кордрей приблизился, и Гидеон возблагодарил Бога хотя бы за то, что капитан не предстал перед ним, в чем мать родила. Тем не менее, этот низкорослый пухлый человек — в толстых очках и с мокрой козлиной бородкой — умудрялся выглядеть угрожающе. Даже еще более угрожающе, чем обнаженные пираты.

— Как насчет того, чтобы рассказать мне, что вы на самом деле здесь делаете? — обратился он к Гидеону.

Пленник не спешил с ответом, и это явно разозлило капитана. Он отвел руку назад и отвесил Гидеону звонкую оплеуху наотмашь. Рука у него оказалась тяжелой.

Повисла тишина, которую вскоре прервал звук еще одной пощечины.

— Ну хорошо. Мы сами все выясним, — после этого капитан сказал пирату несколько слов по-испански. Тот чуть переместился и замер подле пленников, взяв наизготовку оружие, которое он принес с собой.

Кордрей вошел в рулевую рубку и включил свет. Гидеон видел через окно рубки, как Кордрей расхаживает по помещению, берет различные вещи, рассматривает их и бросает на пол. Он направился к ноутбуку и включил его, грязно выругавшись, когда на экране появилось окно запросившее логин и пароль для входа в систему. Он поднял папку-досье, что лежала на столе, и начал ее изучать, водя пальцем по записям. Мгновение спустя он вернулся, держа в руках свою находку.

— Я так и знал, — он продемонстрировал Гидеону папку с материалами дела, открытую на странице с изображением карты Форкиса. — О, Боже, это даже лучше, чем я ожидал!

Тем временем Гидеон услышал рев катера, прорезавшего водную гладь между двумя судами. Вскоре он остановился у плавательной платформы, и жена Кордрея — Линда —

ступила на яхту.

— Только посмотри! — воскликнул Кордрей с нескрываемым торжеством в голосе. — Все так, как ты и думала. Они — охотники за сокровищами, как и мы — и у них есть гребаная карта!

Она взяла досье из рук капитана, изучила его в тусклом свете, доходившем сюда из рулевой рубки, и прищурилась.

— Весьма необычно, — сказала она и уставилась на Гидеона, после чего перевела заинтересованный взгляд на Эми. — Думаю, нам может понадобиться помощь в интерпретации.

Повисла тишина. Эми не сказала ни слова. Гидеон чувствовал, что из уголка его рта к подбородку течет кровь. Но Кордрей был не настолько силен, чтобы причинить ему настоящую боль. Вот если бы усатый пират отвесил ему оплеуху, ему бы потом пришлось собирать свою челюсть по кусочкам.

Линда приблизилась к нему, заглянула в глаза, и Гидеон почувствовал запах крепких сигарет, когда она выдохнула у его лица.

— Тебя зовут... Марк, верно?

Молчание.

— Марк, позволь мне объяснить тебе кое-что. Я не знаю, на самом ли деле вы двое — парочка молодоженов. Да мне на это и плевать. Но вот, что я знаю точно: если вы не расшифруете для меня эту карту, мой муж сделает с ней, — она кивнула в сторону Эми, — что-то ужасное. Что-то *по-настоящему* ужасное.

Ее хриплый голос выдавал нетерпение, и ярость этого нетерпения могла не на шутку перепугать. Гидеон прекрасно понял: она *действительно* сделает то, что обещала — это были не пустые угрозы.

— Это не карта сокровищ, — сказал он. — Это... это старая ирландская карта, вот и все. Никаких сокровищ...

И тут Эми впервые заговорила.

— Заткнись! — прошипела она.

— Но...

Линда отступила.

— Хэнк, усмири-ка эту мелкую суку.

Кордрей сделал шаг вперед.

— Dame el arpon^[37], — скомандовал он.

Усатый пират вручил ему гарпун. Это было опасное, жестокое оружие с устрашающей зазубренной пикой на конце и огромным стальным крюком. Мужчина поводит им перед Гидеоном, демонстрируя его во всей красе, и медленно поворачивая.

— Это рыболовный гарпун, — стал рассказывать елейным голосом Кордрей, — и обычно мы используем его для убийства акул. Больших акул, — он коснулся острого наконечника. — А вот это называется дротик. Его можно загнать очень глубоко в акулье тело. Но настоящая звезда такой охоты — это багор. Он острый, как бритва. Им можно подцепить акулу за живот и потянуть. Одним подобным приемом можно выпотрошить большую белую и смотреть, как она ест собственные кишки, — он улыбнулся.

Гидеон перевел взгляд с Кордрея на его жену. Линда чуть отступила назад, с интересом наблюдая за происходящим. Ее лицо раскраснелось, дыхание стало быстрым и немного прерывистым от возбуждения.

— И именно это я собираюсь проделать с Эми. Я собираюсь проткнуть ее живот крючком и потянуть, если ты не расскажешь мне то, что я хочу знать.

— Не говори ни слова! — выкрикнула Эми.

Когда Гидеон промолчал, Кордрей, понимающе цокнув языком, приблизился к Эми и резким движением разорвал верх ее пижамы. Затем он отцепил огромный острый крюк от своего смертоносного орудия — в диаметре он был около шести дюймов — и медленно начал вести им по воздуху к плоскому животу девушки.

Линда наблюдала за разворачивающейся перед ней сценой с явным нетерпением.

Мерцающий кончик крюка коснулся кожи Эми, пронзая ее. Полилась кровь. Лицо Эми не дрогнуло, она умудрялась сохранять поразительное мужество.

— Хорошо, — нервно выдохнул Гидеон. — Я все тебе расскажу, остановись!

— Заткни рот! — скомандовала Эми.

— Нет, дорогуша, продолжай говорить.

— Эта карта ведет к сокровищам — к действительно большим сокровищам!

— Каким? — нетерпеливо спросила Линда. — Пиратским?

— Нет. Сокровищам испанской эскадры, — Гидеон изо всех сил напрягал память, вспоминая все, что ему удалось узнать о сокровищах в тех исторических обществах и музеях, которые он обкрадывал в своей прошлой жизни. — Еще в начале XVI века испанская эскадра, груженная богатствами, попала в шторм где-то в районе этого побережья. Несколько кораблей оказались сильно повреждены. Пришлось разгрузить их и захоронить сокровища на побережье. И они все еще где-то здесь.

— А карта?

— Ведет к ним.

Женщина уставилась на карту.

— Она на латыни. Я ничего здесь не понимаю.

— На латинском языке написано множество старинных испанских документов, — сказал Гидеон, хотя не был до конца уверен, что это правда. — Эта карта очень трудна для понимания. Она умышленно составлена так, чтобы вводить в заблуждение.

— Итак, где же эти сокровища?

— Все, что нам нужно найти... это один ориентир на побережье. Всего один.

— И что это за ориентир.

— Эм... блевотина дьявола, — помедлив, сказал он.

— *Что?!*

— Это седьмая подсказка на карте. Подпись гласит: «следуйте за рвотой дьявола». Мы не знаем, что это значит, и просто пытаемся найти визуально, что может быть похоже на этот ориентир. Там-то и погребены сокровища. Вот, почему я спрашивал вас о достопримечательностях.

Гидеон видел, что они купились на его легенду, сожрали наживку, и теперь их можно было подцеплять. И капитан, и его кровожадная женушка с жадностью впитывали каждое его слово. Разумеется, для охотников за сокровищами подобная добыча могла стать делом всей жизни. Он же таким способом лишь выигрывал время — пока сам не знал, для чего именно.

Линда неотрывно смотрела на карту, и та дрожала в ее руках.

— Блевотина дьявола... что это, черт возьми, такое?

— Посмотрите на рисунок, — качнул головой Гидеон. — Ориентир — это нечто,

похожее на перевернутую букву «U». Возможно, это пещера. Может, вы видели здесь что-то подобное?

— Перевернутая «U»... и какой-то холм... о'кей, я поняла! — теперь женщина выглядела еще более возбужденной.

— Это и есть то место, где захоронены сокровища.

Линда все смотрела и смотрела на карту.

— Боже правый. Я знаю, что это!

— Что?! — переспросил Кордрей.

— Это же каменная арка! Ты же ее знаешь... тот риф, выходящий на побережье... ну, у него еще такое... такое странное название — Кайо-Хеюпси. Эти контуры на карте — они такие же, как у него, клянусь.

— Но... блевотина дьявола?

Последовала пауза.

— Да какая разница! Я же говорю, что это точно тот риф!

Кордрей взглянул на рисунок.

— Черт меня побери, это точно он!

Женщина уставилась на Гидеона.

— И где именно они там захоронены? *Где?*

— Говори, — подтолкнул Кордрей, чуть сильнее вдавив крюк в живот Эми. Она мучительно поморщилась, но не издала ни звука.

— Мы не знаем, черт побери! — воскликнул Гидеон.

— Нет, знаете. Где именно на рифе? *Где?*

— Я уже сказал, что мы только искали ориентир. Это все, что я могу сказать вам здесь и сейчас, я ничего больше не знаю.

— Нет, знаешь. И ты скажешь. Что карта говорит о точном расположении сокровищ? — Кордрей почти кричал. — Говори, или я ей кишки выпущу!

— Убери крюк! — закричал Гидеон в ответ. — Или я *ничего* не скажу.

Но капитан не спешил подчиняться.

— Он не понимает, насколько ты серьезен, — проворковала Линда. — Ну, давай же, вспори ей брюхо. И тогда он заговорит.

— С удовольствием, — и крюк вошел глубже в тело Эми.

Как только крюк проник глубже, струйка крови превратилась в ручеек.

— Ты причинил ей боль, — обличительно бросил Гидеон. — Вы больше не услышишь от меня ни слова, клянусь!

— Замолчи! — сквозь зубы снова шикнула на него Эми. Глаза ее смотрели ясно, но челюсти были плотно сжаты, удерживая готовый сорваться стон или крик. Гидеону еще не доводилось видеть кого-то, кто бы настолько мужественно смотрел в лицо смерти, не испытывая при этом страха.

— Вы никогда не найдете эти сокровища! — сказал Гидеон.

— Сделай это, — подтолкнула Линда мужа. — Когда он увидит ее внутренности на палубе, он заговорит.

Бандиты были настроены решительно, и Гидеон понимал, что они действительно могут воплотить свои угрозы в жизнь. Но... возможно удастся использовать их безумие против них же самих?

— Они стоят больше миллиарда долларов, — бросил он. — Продолжите мучить ее, и не получите из них ни цента.

Это остановило Кордрея.

— *Миллиард* долларов? — переспросил он. — За... что?

— За пять тон золота. Монеты. Слитки. Распятия, инкрустированные драгоценными камнями, реликвии, церковные сокровища.

Эта парочка психов оказалась явно поражена масштабами и замерла.

— Если убьете мою жену, можете сказать сокровищам «прости-прощай». И меня вам придется тоже убить, потому что, клянусь вам, я ни слова не произнесу после ее смерти!

— Пять *тонн*? Захоронены где-то на рифе?

— Уберите крюк и пообещайте больше не причинять ей вреда, тогда я скажу вам, где их искать.

И снова последовала пауза. Несколько секунд натужных размышлений все же заставили Кордрея извлечь крюк, уже успевший проникнуть в плоть Эми на несколько дюймов.

— Говори.

— Я не могу думать, когда этот проклятый крюк так близко. Уберите его.

— Откуда нам знать, что ты говоришь правду? — прищурился Кордрей.

Он казался более здравомыслящим, чем его жена, и этот его вопрос подал Гидеону еще одну идею. Он вздохнул.

— Что ж... я и так говорил вам не всю правду, мы уже их нашли.

Это заставило обоих злоумышленников раскрыть рты от изумления. Эми повернулась и воззрилась на него.

— Марк... — начала она.

— Некоторые ценности находятся прямо здесь, на яхте, — добавил он.

— Вы их *раскопали*?

— Там было слишком много, поэтому *большую* часть нам пришлось оставить. Мы хотели привезти туда лодку побольше. Забирайте яхту! Забирайте все, только позвольте нам сойти на берег.

— Где сокровища? — взревела Линда.

— На камбузе. Спрятаны в шкафах за едой. Золотые слитки, ящики дублонов...

Он взглянул на Эми — она вопрошающе смотрела на него. Он нарочито медленно перевел взгляд на крюк в руке Кордрей и на его блестящий, острый, как бритва, наконечник.

— Господи, да пойди и посмотри! — скомандовал Кордрей жене.

Однако она отправилась на поиски еще раньше, чем он закончил произносить фразу. Протолкнувшись мимо них на узкой палубе, женщина вошла в рулевую рубку и спустилась в камбуз по трапу. После предыдущего их обыска огни все еще были включены, и сквозь окна Гидеон видел, как Линда встает на обеденный стол и начинает поочередно открывать шкафы, с отчаянной одержимостью выбрасывая оттуда продукты.

Кордрей отвлекся. Он неотрывно смотрел в окно, следя за женой.

— Ну как? Они там? — крикнул он.

— Я ищу, черт возьми!

Из шкафов на пол летело все больше продуктов. Теперь даже два голых пирата увлеченно следили за происходящим.

Гидеон увидел, как Линда пытается безуспешно пробиться сквозь задние деревянные панели шкафов. Она слезла со стола, взяла кухонный нож из ящика, забралась обратно и принялась яростно молотить им по древесине. Тем временем Кордрей продолжал неотрывно следить за ней через окно. Крюк все еще маячил в его правой руке — капитан начисто о нем забыл, и сейчас острие смотрело прямо ему в живот.

Сейчас или никогда...

Гидеон рванулся вперед и, используя инерцию всего своего тела, протаранил Кордрей плечом, нанеся ему сильный, сокрушительный удар. Это принесло именно тот результат, на который он и рассчитывал — крюк глубоко впился в живот Кордрей.

Издав пронзительный вопль, мужчина рухнул на спину, инстинктивно попытавшись выдернуть крюк, чем травмировал себя еще больше. Кровь фонтаном брызнула на палубу. А в следующее мгновение в движение пришла Эми: ловко извернувшись, она крутанулась, подцепила путы на своих связанных руках окровавленным выступающим из плоти острым краем крюка и, разрезав их, освободилась. Затем она упала на Кордрей, схватившись за конец крюка.

В то же время на камбузе раздался грохот: Линда прыгнула со стола, и, стала карабкаться по трапу, доставая оружие. Двое пиратов отвлекшиеся от пленников лишь на миг, теперь снова вскинули оружие, но не смогли выстрелить, потому что в происходящей кутерьме боялись зацепить собственного нанимателя.

— Всем не двигаться, или я потяну за крюк, — крикнула Эми. Голос ее был удивительно спокойным. — Бросьте оружие, кому сказала, или я его убью.

— Нет! — закричал Кордрей. — Мануэль, Пако, *no se mueven*^[38]!

Двое пиратов ошеломленно застыли.

Последовав примеру Эми, Гидеон поспешил освободить свои руки, и сделал шаг к мужчинам. Те отступили, держа его на прицеле.

— *Vaja las armas*^[39]! — воскликнула Эми, потянув за крюк.

— Ваја! — повторил Кордрей. — Ты тоже, Линда, — обратился он к жене, когда та появилась на палубе, вооруженная. — О, Господи Боже, сколько крови!

После секундной заминки пираты поспешили подчиниться. Гидеон поднял их оружие и отступил, держа обоих на прицеле.

— И ты тоже, — сказал Гидеон, наводя ствол на Линду. Та застыла, расширенными от ужаса глазами глядя на крюк, торчащий из живота мужа. — Или Эми разорвет ему брюхо.

Женщина бросила пистолет.

— О, Боже! — стонал Кордрей. — Я истеку кровью до смерти!

Эми отпустила кончик крюка и поднялась, взяв из рук Гидеона протянутое оружие. Не мешкая, она сразу же навела его на двух пиратов.

— En el agua! В воду!

Голым мужчинам не потребовалось повторять команду дважды. Они нырнули в воду и поплыли прочь со всей возможной скоростью, спеша вернуться обратно на «Горизонт».

Эми указала на жену капитана.

— Перетащи своего мужа в катер, и убирайтесь отсюда.

— Да... да... — закивала Линда. Все ее тело сотрясалось от дрожи. Кордрей стонал, зажимая живот перепачканными кровью руками, то и дело задевая торчащий из тела крюк и причиняя себе еще больше мучительной боли. Линда попыталась помочь ему подняться, но он не смог встать, его сил хватало лишь на то, чтобы всхлипывать и рыдать.

— Посмотри, сколько крови, — стонал он. — Боже... как больно! Пожалуйста, отвези меня в больницу...

— В катер. Сейчас же, — стальным голосом приказала Эми, выстрелив в воздух.

Гидеон схватил Кордрея за руку и дернул его вверх, помогая встать. Кордрей жалобно выл, а его жена несколько раз поскользнулась на его крови, прежде чем сумела затащить его сначала на плавательную платформу, а затем и на катер.

Гидеон кивнул им.

— А теперь проваливайтесь.

Линда запустила двигатель, Кордрей лежал в позе эмбриона на дне катера и рыдал вдвойне жалобнее предыдущего, задыхаясь от боли. Они уплыли в темноту, направившись в сторону «Горизонта». Взглянув на вражеское судно, Гидеон увидел, что оба пирата уже доплыли до него и забираются на борт.

— Мы все еще в зоне поражения, — заметила Эми. — Нужно сниматься с якоря и убираться отсюда. Перережь канат.

Гидеон направился исполнять команду. Он видел двух пиратов и еще двух членов экипажа, помогавших Кордрею и его жене взойти на «Горизонт». А затем кто-то из команды отправился на носовую палубу, где подошел к большому непонятному нагромождению, — которое Гидеон изначально принял за какой-то груз или оборудование — прикрытому грубым холстом, и сорвал его, обнажив большой ручной пулемет.

— Вот дерьмо! — прошипел Гидеон. Он перерезал якорный канат, услышав, как запустились двигатели их собственной яхты. «Туркеза» рванула вперед, как только освободилась от удерживающего ее якоря, двойные реактивные двигатели взметнули огромные фонтаны воды, и лодка почти встала на дыбы.

Когда они с оглушительным ревом пронзили тьму, загрохотало вражеское орудие, взметнув позади беглецов фонтаны вспененной воды. «Туркеза» резко повернула — настолько резко, что Гидеон перелетел через перила, и едва не рухнул за борт, в последний миг успев зацепиться за ограждение. Очереди пуль пронесли мимо кормы, обойдя их с фланга.

Вскоре лодка снова вильнула в сторону, а затем еще раз и еще раз, петляя зигзагами. Гидеон всеми силами цеплялся за перила, в то время как его ноги свисали с борта. Пару раз его швырнуло с такой силой, что ему с трудом верилось, что он сможет удержаться. Внезапно у носовой части яхты ввысь взметнулись струи воды и послышался звук пуль, проходящих сквозь кевлар и стекловолокно, однако «Туркеза» скорости не сбавила. Наоборот, после этого показалось, что она стала двигаться еще быстрее, оставляя позади себя вспененные волны воды, с остервенением прошиваемые пулями.

Наконец они выскочили из бухты и натолкнулись на огромные волны — грубое и безжалостное море явно вознамерилось подмять их под себя. Эми немного замедлила ход, чтобы стабилизировать судно, но оно все еще сильно подпрыгивало и раскачивалось. Гидеон сумел, наконец, перелезть через перила и пробраться в рубку.

— Черт, — качнула головой Эми, глядя на радар. — Они гонятся за нами.

Гидеон схватил бинокль и осмотрелся. «Горизонт» — блестяще освещенный своими ходовыми огнями — действительно их преследовал. *И быстро.*

Эми потянулась и ударила ладонью по ряду выключателей, тем самым гася все огни яхты. Через мгновение «Горизонт» тоже потемнел.

— Они ведь не смогут нас догнать, — произнес Гидеон, и не обрадовался, услышав в собственном голосе почти умоляющие нотки.

Эми взглянула на радар.

— Я не была бы так уверена, — сказала она.

— Хочешь сказать, они нас догонят? На этом корыте?

— Это корыто идет со скоростью тридцать узлов и ускоряется. Должно быть, на нем стоят какие-то чудовищные двигатели. К тому же их судно гораздо тяжелее нашего — оно справляется с бурным морем лучше, чем мы.

Гидеон не стал спорить. Вместо того он присмотрелся к Эми. Даже в темноте он смог разглядеть, как кровь из раны стекает по ее ноге на пол. Он покачал головой.

— Эми, ты ранена. Этот крюк...

— Рана поверхностная. Брюшина не задета.

— Нужно остановить кровотечение, ждать нельзя. Ты можешь...

— *Придется подождать*, Гидеон, — решительно перебила она. — Приближается шторм.

А этим тварям он только на руку, они нас нагонят, как пить дать.

— Я возьму штурвал, а ты — позаботься о ране.

— Нет.

— Я настаиваю...

— Ты должен подчиняться моим приказам, — она сказала это тихо, но с таким нажимом, что Гидеон понял: спорить бессмысленно. Он скрипнул зубами.

— Тогда я перевяжу тебя прямо здесь.

Девушка не ответила, и Гидеон, решив, что получил ее согласие, направился в камбуз. Пробираясь по помещению в темноте, он обо все спотыкался, мысленно осыпая проклятиями то чертову морскую качку, то Линду Кордрей, которая побросала все это на пол. Ощупью Гидеон добрался до аптечки и забрал ее, прихватив с собой еще бутылку воды.

Эми не стала останавливать его, когда он развел полы ее разорванной пижамы и начал осматривать рану. Это был разрез около дюйма длиной. Морщась, как будто он сам испытывал боль, Гидеон промыл рану бетадином, смазал антибактериальной мазью, прикрыл, сложенным в несколько слоев, куском марли и наложил тугую повязку.

Яхта тем временем продолжала пробивать себе путь через темное беснующееся море. Гидеон не видел вокруг ничего, кроме темноты, разрываемой лишь редкими слабыми очертаниями барашков волн. Но «Горизонт» был виден на радаре — он держался на расстоянии примерно в половину морской мили, прямо позади.

— Они набирают обороты, — сказала Эми.

— Каков диапазон пулемета .50 калибра?

— Две тысячи ярдов.

Гидеон взглянул на экран радара и цокнул языком.

— Они от нас уже в тысяче ярдов...

— Да, но в таком море они просто не могут прицелиться, — качнула головой Эми.

— Значит, они будут много стрелять наобум, стараясь подбить нас шальной пулей. Боюсь, этот калибр прошьет насквозь наш кевларовый корпус.

Словно в подтверждение своих слов, он услышал позади них чуть приглушенную пулеметную очередь. В пятидесяти ярдах от левого борта показались всплески воды, указавшие место, куда угодили пули. Дальше последовал еще более суровый обстрел, и еще больше всплесков не заставило себя ждать — но теперь со стороны правого борта. Яхта гремела и стонала, прыгая по бушующим волнам. Гидеон услышал, как в камбузе что-то разбилось.

Эми тем временем изменила курс.

— Мы не сможем уйти от них, — сказала она. — Придумай план Б!

— План Б?

— Все, что я могу сейчас делать, это управлять лодкой и не дать морю нас поглотить. С тебя — план Б.

Разум Гидеона мгновенно сгенерировал дюжину вариантов, однако при детальном рассмотрении один казался ему хуже другого, и он все их поочередно отверг. С «Горизонта» тем временем была выпущена очередная пулеметная очередь...

— Гидеон! — воскликнула Эми.

— Так... ладно... ладно, у меня есть идея, — нервно кусая губу, затараторил он. — Мы зажжем на нашей моторной лодке несколько огней, осветим ее, как Рождественскую елку, и отправим вперед, используя как приманку, а сами попытаемся скрыться в темноте.

Эми закатила глаза.

— У них есть радар. Они поймут разницу между яхтой и моторной лодкой.

Гидеон задумчиво замолчал. И вдруг Эми, прерывисто вздохнув, нарушила напряженное молчание.

— Хотя нет, погоди... это может сработать.

— Как?

— Радарные отражатели. В кормовом рундуке.

— Радарные отражатели? — тупо переспросил он.

— Металлические шгуковины, которые вешают на мачты в туман, чтобы сделаться более заметными для радаров встречных кораблей.

— И они сделают моторку похожей по размеру на «Туркезу»?

— Да! Только повесь их как можно выше.

— Понял.

Гидеон покинул рубку и шаткой походкой направился к корме, по пути хватаясь за любую опору, которую он только мог найти. Ветер свистел у него в ушах, пока яхта содрогалась и скакала под его ногами по морю, словно взбесившийся конь.

Не без труда Гидеону удалось добраться до рундука, где хранились лодочные принадлежности, и он яростно принялся искать среди них радарные отражатели. Два круглых металлических предмета со встроенными крестовинами и проволокой для крепления обнаружили почти на самом дне — между свитыми в спираль канатами и остальным наваленным оборудованием. Радостно вздохнув и вытащив отражатели, Гидеон невольно пригнулся, вновь услышав пулеметную очередь. Рядом с кормой взметнулось несколько фонтанов воды.

Моторной лодкой на «Туркезе» служил одиннадцатифутовый «Зодиак», висевший на корме на шлюпбалках, и сейчас сильно раскачивавшийся на штормовом ветру. К несчастью, на нем не было ничего выступающего, на что можно было бы повесить отражатели...

Выругавшись про себя, Гидеон принялся лихорадочно соображать... и тогда ему на глаза попались крепления для спиннинга, установленные на обоих его бортам.

Удочки для морской рыбалки... Да!

Нырнув в разгромленный камбуз, Гидеон распахнул дверцы шкафа, служившего для хранения рыболовного инвентаря. Резким движением он вытащил оттуда две самых длинные удочки, которые только смог отыскать, и ловко привязал отражатели к их концам. Вернувшись на палубу, он шатко добрался до «Зодиака», яростно болтавшегося на креплениях, и сумел вставить удочки в предназначенные для них гнезда, зафиксировав их с помощью клейкой ленты. Затем он установил на носу и на корме моторки сильные сигнальные фонари, и, немного поразмыслив, притащил запасную канистру с топливом и тоже погрузил ее на «Зодиак».

На корму обрушилась яростная пулеметная очередь.

Гидеон рефлекторно пригнулся, боясь схватить пулю, но быстро заставил себя вернуться к работе. Ему необходимо было спустить «Зодиак» на воду и сделать так, чтобы моторка двигалась со скоростью тридцать пять узлов в бурном море. Это будет весело...

Покинув «Зодиак», Гидеон снова порылся в багажном рундуке яхты и нашел длинный буксировочный трос, один конец которого он прикрепил к носовому сигнальному фонарю моторки, а другой — обернул вокруг кормовой планки «Туркезы». Медленно — стараясь, насколько возможно, сохранять равновесие, чтобы не свалиться за борт — он зажег сигнальные фонари, а затем спустил лодку на воду. Как только «Зодиак» соприкоснулся с поверхностью моря, его сорвало со шлюпбалок, мотая из стороны в сторону, словно лист на

ветру. От опрокидывания Гидеона спасло лишь то, что он мгновенно среагировал на ситуацию и отпустил больше десяти футов буксировочного троса.

Этот нехитрый прием позволил моторке постепенно стабилизироваться на волнах, и теперь она плыла вслед за яхтой, кружась в завихрениях от ее двигателей. Медленно, осторожно, Гидеон стравил трос еще, пока не нашел для «Зодиака» устойчивое положение примерно в пятидесяти футах позади них. Затем он привязал трос, надежно закрепив его, и пошел в рубку.

— Все готово! — сообщил он Эми. Она кивнула.

— Когда ты отсецешь моторку, я немедленно сделаю обманный маневр — сменю курс.

— Нам нужно выбрать самое непредсказуемое направление, — напомнил Гидеон. Эми улыбнулась.

— Предоставь это мне.

Прогремели новые выстрелы. Пара пуль прошила под углом борт рубки, осыпав Гидеона и Эми дождем из осколков стеклопластика.

— Сучьи дети! — прошипел Гидеон и, не колеблясь, выбрался на корму и обрезал трос. — Готово! — крикнул он.

«Зодиак» по инерции проскользнул несколько метров и начал замедляться, очень быстро превратившись в небольшое пятнышко света позади них. Послышалась новая очередь из пулемета, но Эми не спешила менять курс.

— Я же сказал, готово! — крикнул Гидеон, поспешив обратно в рубку. — Меняй курс.

Она покачала головой.

— Я поняла, что не менять его будет самым непредсказуемым шагом.

Он задумался. Да, в этом был смысл, и все же...

— Они довольно быстро поймут, что их обманули.

— Нам нужно, чтобы наш маневр дал нам столько времени, чтобы мы успели выйти из поля зрения их радаров. Мы находимся в открытом море, здесь их радару отследить наше судно с низким профилем будет трудно. Думаю, нам надо оторваться примерно на три тысячи ярдов.

Гидеон выжидающе уставился на экран радара. Он видел немного нечеткую точку, которая, на самом деле, была их бывшей моторкой — сейчас совершенно недвижимой. Другая мигающая точка обозначала «Горизонт», который то ускорялся, то замедлялся, то поворачивал.

Послышались звуки новой стрельбы, а затем раздался взрыв. Обернувшись, Гидеон заметил, что тусклый огонек, видимый им ранее, внезапно стал ярче. «Зодиак», без сомнения, воспламенился. В воздух взметнулся столб пламени — очевидно, огонь достиг бензобака. От взрыва по поверхности моря пошли сильные волны, а следом за первой детонацией случилась и вторая — взорвалась запасная канистра с горючим.

Каждая секунда, уводящая «Туркезу» прочь от «Горизонта» была драгоценной. Гидеон молился лишь о том, чтобы им удалось достичь радарной пустыни, где — среди моря и ветра — они, наконец, оказались бы в безопасности.

— Они на хвосте! — крикнула Эми. — Снова гонятся за нами!

На экране радара зеленая точка, которая, на самом деле, была крупным «Горизонтом» начала двигаться быстрее, набирая скорость. «Зодиак» при этом исчез из виду — очевидно, что его потопили. Вдали, за кормой «Туркезы», все еще можно было различить блики света от горящего пятна бензина.

— Меняй курс, — предложил Гидеон. — Совсем немного. Скажем... градусов на двадцать. Просто, чтобы проверить, видят они нас или просто идут вслепую.

Эми помедлила, но послушалась.

— Ладно.

Она изменила курс. Несколько секунд прошло в ожидании того, что «Горизонт» тоже последует их примеру, но этого не произошло. Маленькая зеленая точка продолжала идти в прежнем направлении, а затем — явно потеряв свою цель — все же изменила курс. Наугад. И предположение оказалось неверным.

Итак, они были вне пределов досягаемости.

Через минуту изображение «Горизонта» пропало с экрана радара.

— Ты понимаешь, — хмыкнул Гидеон, — что жена вместо того, чтобы везти мужа в больницу, приказала сесть нам на хвост? — он качнул головой. — Не удивлюсь, если он истечет кровью и умрет.

Эми пожала плечами.

— Охотники за сокровищами, — она цокнула языком, — мне уже приходилось с ними сталкиваться. Они сумасшедшие — все, как один. Поверь, это не последняя наша встреча с этой женщиной.

— С чего ты взяла? — нахмурился Гидеон.

— Будь уверен, она будет ждать нас у Кайо-Хеюпси. С мертвым мужем. *Очень злая.*

Брок вошел в лабораторию ЭИР, немного помешкав в дверях. На часах было всего семи утра — такая рань! Эти утренние вызовы раздражали его все больше и больше. Казалось, Глинн придерживался позиции: *если я не сплю, то и ты не должен*.

Два лаборанта и Гарза сгрудились вокруг непонятного аппарата, подключенного к плоскому монитору, на котором отображались цифровые микрофотографии со слегка размытыми границами. Глинн стоял позади них, наполовину в тени, молча наблюдая за происходящим со своего инвалидного кресла.

— Спасибо, что пришли, доктор Брок, — сказал Глинн, повернувшись. К удивлению Брока, он выглядел немного взволнованным, что было весьма необычно для человека, обладающего сверхъестественной невозмутимостью.

Брок кивнул.

— Пожалуйста, присаживайтесь — кивнул Глинн, оживившись. — Кофе?

— Спасибо. Черный, без сахара.

Брок расположился в маленькой конференц-зоне лаборатории. Гарза и оба ученых прервали свое занятие и присоединились к нему, спеша приступить к обсуждению.

— Итак, — начал Брок, — вы выяснили, из кожи какого животного сделана страница?

— Это очень сложная задача, — ответил Гарза. — Чтобы утверждать наверняка, нам нужно провести анализ ДНК. Но, для начала у нас возникло несколько вопросов касательно процедуры изготовления веллума, на которые, как мы надеемся, вы сможете ответить. Как мы понимаем, для его создания обычно использовались шкуры трех видов животных — овец, телят и коз. А что насчет других животных?

— Ну, — протянул Брок, как всегда с радостью готовый выступить с внеочередной лекцией, — в Леванте^[40] многие персидские и арабские манускрипты сделаны из веллума, изготовленного из кожи верблюда.

— Интересно. Кого-нибудь еще?

— Очень редко использовались кожи свиней, оленей, лошадей и ослов. Бывали случаи, когда для ремонта манускриптов использовалась даже кошачья кожа.

— Еще кого-то? — выпытывал Гарза.

— Нет, насколько я знаю.

Повисло недолгое молчание.

— Кстати, — хмыкнул Брок, повернувшись к Глинну, — я должен сказать, что эта ваша идея ставит меня в тупик. Я не понимаю, как *сам веллум* может быть ответом на загадку.

— Только вдумайтесь в подсказку, доктор. *Respondeo ad quaestionem, ipsa pergamena* — «Ответ на вопрос дает сама страница». Вы сказали, что *pergamena* также означает «пергамент» или «веллум», — пока Глинн говорил, в его глазах блеснул азарт. — Попробуйте взглянуть на фразу в таком ключе: *пергамент*, сам по себе... в своей физической форме, — это и есть *ответ*, ответ на загадку.

— Мы прогнали гипотезу Эли через компьютерную программу анализа языка, — сказал Гарза. — Она выдала результат: вероятность того, что эта версия верна, более девяноста процентов.

То, что компьютерная программа могла интерпретировать и анализировать

средневековую латынь, показалось Броку нелепым, но он позволил себе принять это заключение на веру.

— Как сам веллум может быть ответом на загадку карты?

— Чтобы это узнать, нам нужно выяснить, из какого животного он сделан, — ответил ему Глинн и обратился к лаборантам: — Еще вопросы?

Заговорил Уивер — ведущий специалист по ДНК анализу.

— Единственный способ ответить на этот вопрос — провести анализ ДНК. Для этого нам нужно найти чистый источник генетического материала — в идеале внутренний срез волосяного фолликула. Беда в том, что пергамент слишком тщательно очищен и вымыт.

Брок вздохнул.

— Если волос это все, что вам нужно, позвольте внести небольшое предложение?

— Конечно, — сказал Гарза.

— Вы же понимаете, что все листы веллума имеют две стороны: сторона, которая соприкасалась с плотью, и вторая — наружная, с волосяным покровом. Наружная темнее и грубее, со случайными вкраплениями волосяных фолликулов. По правилам выделки, фолликулы уничтожались еще во время первичной обработки шкур. Тем не менее, вы все же можете внимательно изучить край страницы у переплета. Поля кож чаще всего были менее очищены и вымыты, чем остальная их поверхность. К тому же, кожевники часто оставляли там немного дополнительной толщины, чтобы страницы лучше держали крепление переплета. Если вы и сможете найти целый, неповрежденный волосяной фолликул, то только в той зоне.

— Отличная идея, — сказал Глинн. — Спасибо за подсказку, доктор Брок. Ваша помощь оказалась бесценной.

От комплимента доктор Брок невольно покраснел.

Утро выдалось пасмурным и промозглым, с воющим ветром и темными тучами, низко клубящимися на небе. «Туркеза» нашла убежище в Бахиа-Хондит — огромной, неглубокой лагуне с десятками островов, бухт и клочков мангровых зарослей. Это было идеальное место, чтобы скрыться. На реактивной тяге осадка яхты составляла всего три фута, так что необходимости беспокоиться о засорении пропеллера не было. Эми и Гидеон смогли прогнать лодку вверх по протоке и завести ее глубоко в заводи мангровых зарослей, куда более тяжелый «Горизонт» не мог за ними последовать, даже если бы он точно знал, где их искать.

Гидеон провел утро, убирая беспорядок на камбузе и оттирая кровь с настила палубы. Эми вскрыла люки и осмотрела двигатели и все системы судна, оценив ущерб в тех местах, где корпус прошили пули.

Они встретились на камбузе за чашкой эспрессо за час до планового звонка ЭИР. Эми была бледна, кожа приобрела почти сероватый оттенок.

— Как твоя рана? — забеспокоился Гидеон.

— Нормально, — ответила Эми. — Слушай, у нас есть несколько повреждений. Пятидесятикалиберная пуля разлетелась на осколки и изрешетила весь моторный отсек.

— Но, кажется, лодка работает нормально.

— Это пока. У нас повреждены шланги топливного и масляного контура, которые я могу залатать или заменить. В генераторный отсек тоже попала шрапнель, но там хотя бы нет протечек. Сильно повреждена одна монтажная плата. Ремонт всего вышеперечисленного займет большую часть дня. Так что отправиться к Кайо-Хеюпси, в лучшем случае, мы сможем не раньше сегодняшнего вечера.

— Ты уверена, что лодка в целом в порядке?

— Единственное о чем я реально беспокоюсь — это рикошет всех этих осколков. Невозможно проследить их все или узнать, что оказалось повреждено — пока это что-то не перестанет работать.

— А как насчет других пуль, попавших в яхту?

— Они угодили выше, в основном попали в рулевую рубку. Одна, правда, прошла через переднюю часть корпуса, как раз над ватерлинией, но я уже наложила на нее временную заплатку.

— О, дорогая, похоже, залог нам теперь не вернут.

Эми слегка улыбнулась.

— Это проблема Глинна, а не наша.

— Кстати о Глинне! Мы же должны незамедлительно сообщить ему о случившемся. Думаю, сейчас нам надо обсудить, как мы преподнесем ему это все. Мне также нужно внести запись в электронный журнал.

— Гидеон... давай не будем... его беспокоить.

— Что ты предлагаешь?

— Послушай, мы же не хотим, чтобы он прервал нашу миссию. Мы слишком далеко зашли.

— Хорошо.

— Я не предлагаю лгать. Мы просто преподнесем ему эту потасовку в правильной интерпретации. Что-то типа, неудачная встреча, небольшое препятствие на пути.

— Неудачная встреча? Эми, *погиб* человек.

— Мы не знаем этого наверняка, — своими темными глазами она выразительно воззрилась на Гидеона. — Ты хочешь все же отступить и бросить это дело?

Гидеон колебался.

— Нет.

— Тогда сделай соответствующую запись в журнале, и во время видеоконференции тщательно следи за тем, что говоришь.

— Это приказ, капитан?

Долгое молчание.

— Нет. Я думаю, что мне нет необходимости отдавать подобный приказ. Потому что знаю, что, что бы ни случилось, ты останешься со мной.

Гидеон кивнул, признавая ее правоту.

Разговор с Глинном прошел быстро. Они отчитались о случившемся: Гидеон выставил все как краткое, неудачное столкновение с двумя сумасшедшими охотниками за сокровищами. В конце концов, это даже принесло им важную информацию: риф «рвоты дьявола» обрел свое местоположение на карте. Глинн все выслушал, задал несколько вопросов, но не стал давать никаких советов и быстро отключился.

Эми провела остаток дня внизу, занимаясь ремонтом двигателя, и появилась только на закате, вся измазанная машинным маслом. Девушка приняла душ, привела себя в порядок и села за компьютер. Из-за усилившегося ветра, мангровые заросли вокруг судна шелестели и скрипели. Область низкого давления, которая сформировалась за пределами островов Зеленого Мыса, превратилась в тропический шторм, надвигавшийся теперь на Наветренные острова и на северо-западную часть Гаити. Несмотря на то, что «Туркеза» находилась значительно южнее основного пути его продвижения, общая зона охвата шторма оказалась ошеломляюще обширной и, в той или иной степени, он их точно затронет.

Эми выглядела довольной.

— Чем хуже погода, тем меньше шансов на то, что «Горизонт» удивит нас сегодня вечером своим присутствием у того рифа.

— Я сомневаюсь, что он вообще туда собирается.

— Поверь мне, еще как собирается. Они охотники за сокровищами. Слово «*одержимость*» даже близко их не описывает.

— Откуда ты так много знаешь об охотниках за сокровищами? — поинтересовался Гидеон.

— Этот вопрос относится к категории личной информации. Извини.

Она вернулась к ноутбуку, в то время как Гидеон занялся приготовлением тщательно продуманного изысканного ужина из утиных грудок, дикого риса и салата с поджаренным козьим сыром. Время от времени он посматривал на то, над чем она так усердно работала. Оказалось, что она проводила перекрестное сравнение карты Форкиса с другими старинными картами и целой кучей текстов на древнегреческом языке.

— Что это?

— Кое-какие догадки.

— Ужин готов.

Она оставила работу и пересела за обеденный столик. Гидеон со всей возможной

помпезностью подал приготовленные им блюда. Себе он налил вина, а ей принес стакан воды безо льда, который она попросила.

Она как обычно бесцеремонно накинулась на еду, явно проголодавшись.

— Ого, потише, — попросил Гидеон, коснувшись ее руки, которой она держала вилку, остановив процесс безумного поглощения. — Не торопись. Можем мы хоть раз спокойно поесть? Я много сил вложил в приготовление этих блюд — ты просто обязана насладиться едой по-человечески.

— Ты ешь, как нравится тебе, а я буду есть так, как нравится мне, — сказала она, запихнув четверть грудки в рот и принявшись энергично работать челюстями — при этом ее щеки выпучились, как у бурундука, а губы начали издавать вульгарные звуки чавканья.

Гидеон покачал головой.

— Господи, разве твои родители не научили тебя, как надо вести себя за столом?

Это замечание было встречено внезапной, ледяной тишиной. Гидеон подумал про себя: *Больше никакой личной информации я не позволю остаться в тайне.*

Она закончила трапезу, оттолкнула грязную тарелку и поднялась.

— В полночь мы отправимся к Хеюпси. Это тридцать морских миль. Я сомневаюсь, что мы сможем делать больше двенадцати узлов при таком волнении моря, поэтому мы доберемся до места около полтретьего утра. Следующий наш шаг: мы обогнем риф по широкой дуге, на максимально возможном радиусе действия радара, просто чтобы убедиться, что «Горизонта» поблизости нет. Их лодка больше нашей и представляет собой более крупную цель для радара, поэтому, в случае чего, мы засечем их прежде, чем они засекут нас. Если все пройдет хорошо, мы подойдем поближе и попытаемся выяснить, что подразумевается под фразой: *следуйте за «рвотой дьявола»*. Согласен?

— Согласен.

— Тогда почему бы тебе не отправиться вниз и не поспать? А я пока помою посуду.

— Не возражаю.

Когда он встал, вознамерившись отправиться в свою каюту, она положила руку ему на плечо.

— Гидеон.

— Да?

— Ты отлично развел этих охотников за сокровищами — весь этот твой разговор о миллиарде долларов в золоте. Ты заставил их потерять голову — и это спасло нам жизнь.

— Социальная инженерия — моя специальность. Но твой вклад тоже оказался весьма весомым.

— И эта твоя идея с моторкой... они купились, и это позволило нам ускользнуть.

— Трюк получился благодаря твоим радиолокационным отражателям.

Внезапно наступило неловкое молчание. Гидеон осознал, что все похвалы Эми в его адрес оказались действительно заслуженными, поэтому он просто улыбнулся и сказал:

— Спасибо.

Она кивнула. И когда Гидеон повернулся, чтобы покинуть камбуз. Краем глаза он увидел, как Эми вернулась к ноутбуку и снова стала работать с греческими текстами и картой.

Гарза наблюдал, как Уивер — главный специалист по ДНК — склонился над микроскопом, пристально вглядываясь в окуляр, и стал суетливыми, поступательными движениями передвигать туда-сюда предметное стекло. Два других лаборанта маячившие поблизости, были готовы в любой момент подать ему необходимые инструменты. На Гарзу вся эта процедура производила впечатление хирургической операции.

Глинн исчез после звонка Гидеона. Исчез обычным для него способом: не сказав, что вообще уходит или куда идет, и ни словом не обмолвившись, когда вернется. Глинн всегда был скрытным, и со временем эта его особенность становилась только хуже. Он должен был ставить Гарзу в известность. Мануэль был правой рукой Глинна, вторым в команде ЭИР, но сейчас он начинал чувствовать себя мальчиком на побегушках.

— Ну что ж, — пробормотал Уивер, не отводя взгляда от микроскопа. — В моем поле зрения находится переплетный край страницы, и, похоже, что здесь действительно могут быть неповрежденные фолликулы.

Вся работа с веллумом проводилась кропотливо и медленно. Только подготовка к данной процедуре заняла у них большую часть дня. Тишина нависла над лабораторией, то время как Уивер продолжал вглядываться в окуляр, время от времени изменяя положение образца. Текли минуты. Гарза боролся с желанием взглянуть на часы.

— Нашел один, который выглядит весьма многообещающе, — сказал Уивер. — На самом деле, даже две. Передайте мне зонд, стерильные щипцы номер три и комплект пробирок для ПЦР^[41].

Лаборанты подошли к нему с запрошенными предметами. Гарза смотрел, как с предельной осторожностью Уивер иссек первый микроскопический волос, а затем и второй.

— Оба фолликула целы, — сказал ученый, выпрямляясь.

— Как быстро вы сможете получить результаты? — спросил Гарза.

— Для доступа к незагрязненному внутреннему содержимому фолликулов потребуется стерильная микрохирургия — в нашем случае, загрязнение ДНК может стать настоящей катастрофой. После этого мы задействуем метод ПЦР, и только после этого сможем выстроить ДНК последовательность. Обычно это отнимает много времени. И многое еще зависит от того, окажутся ли в образцах другие загрязнения, которые придется удалять.

Уивер замялся, всем своим видом излучая нерешительность.

— Что еще? — спросил Гарза.

— Я не хотел ничего говорить, — сказал Уивер. — Но теперь, когда я увидел эти волосяные фолликулы и рассмотрел поры под увеличением, я почти уверен.

— Уверены в чем?

— В том, из какого вида, хм, животного изготовлен этот веллум.

— Ну? — подтолкнул его Гарза и подумал: *Почему он так мнется?*

Уивер облизнул губы.

— Человек.

На мгновение лаборатория затихла, а Брок отложил ручку.

— Вы же это не серьезно?

Уивер промолчал.

— Извините, но это, должно быть, какая-то ошибка, — продолжил Брок. — История не знала примеров использования человеческой кожи для веллума.

Гарза взглянул на него.

— Вы уверены?

— Совершенно. Сам факт, что монахи могли содрать с человека кожу и использовать ее для изготовления веллума, звучит немыслимо! Ни один христианин того времени не сделал бы ничего подобного, даже с врагом-язычником. Такая жестокость не практиковалась до начала двадцатого века.

— Как насчет варваров-викингов? — спросил Гарза. — Или, может быть, других языческих племен того времени? Возможно, это они сделали свой собственный пергамент из кожи христианских монахов? — он послал Броку ухмылку.

— Исключено. Викинги не читали книги — они их *сжигали*. Более того, само по себе осквернение человеческого тела после смерти не было частью культуры викингов или других язычников. Они могли изнасиловать вашу жену и сжечь вас в вашем доме, но они никогда не калечили трупы, — Брок на пару секунд замолчал. — Если вы хотите услышать мое мнение, джентльмены, то вы просто жестоко ошибаетесь.

Уивер посмотрел на крошечную пробирку из прозрачного пластика, в которой находились два фолликула.

— Говорите, что хотите. Я думаю, что это человек.

— Немедленно приступайте к тестам — сказал Гарза.

Эми разбудила Гидеона за полчаса до полуночи. Ветер все так же свирепствовал, прогноз погоды был весьма неутешительным. Гидеон сразу же приступил к выполнению обычных обязанностей первого помощника: поднял якорь, разложил в правильном порядке бумажные карты, снял показания электроники, чтобы убедиться, что все работает как надо, и проверил электронную почту на наличие новых сообщений. Он остался доволен собой и тем, как быстро он справился с этими многочисленными, но относительно простыми делами.

В полночь они покинули мангровые заросли и вышли в беспокойные воды бухты. Стояла ненастная ночь, песок летел над водой, образуя жалящие облака, не было видно ни луны, ни звезд. Им потребовалось еще полчаса, чтобы добраться до узкого пролива, который служил входом в бухту, и у которого кипели и сталкивались штормовые волны, — так, в конце концов, «Туркеза» оказалась в открытом море.

Невообразимо ужасные валы воды, походившие на огромных, голодных чудовищ обрушились на них, пытаясь проглотить. Подгоняемые ветром, они накатывали один за другим, угрожающе нависая над ними своими белыми кипящими гребнями и окатывая яхту с кормы до носа брызгами и пеной.

— Это прекрасно, — пробормотала Эми, стоя у штурвала. Она отслеживала приближение валов на радаре и подстраивала под них ход яхты — двигатель полный или малый ход, право или лево руля.

— *Прекрасно?* Ты шутишь, да?

Гидеон снова чувствовал тошноту. Во время гонки с «Горизонтом» он был слишком занят и слишком напуган, чтобы ощущать морскую болезнь, в настоящий момент же он не испытывал ни того, ни другого. Эта ночь с самого начала не задалась и не предвещала ничего хорошего.

— Радар практически целиком зеленый из-за помех от бурного моря, к тому же волны почти такой же высоты, как наша яхта. Они потратят чертову уйму времени, пытаясь обнаружить нас на радаре.

— Ну, если ты так говоришь, тогда ладно.

Судно пробиралось по морю со скоростью десять узлов. За окнами рулевой рубки, заливаемой дождем, ничего не было видно — ни горизонта, ни звезд, ни какой-нибудь другой точки в пространстве, которую можно было бы использовать как ориентир — только непроглядная тьма. Волнение шло сзади, и каждый вспененный гребень толкал нос яхты вниз и стремился развернуть ее корму боком, создавая отвратительное движение, напоминавшее штопор. Эми ни на секунду не прекращала сражаться со штурвалом, чтобы сохранить курс. Картплоттер показывал их как крошечную черную стрелку на белом фоне, удаляющуюся от берега, но вскоре берег исчез, и это одинокое темное пятнышко стало единственным знаком на экране. Гидеон попытался увеличить чувствительность радара, как ранее показывала ему Эми, но в таком море все его усилия оказались напрасными.

Примерно в час ночи внезапно раздался странный звук: какая-то прерывистая вибрация, заставившая вздрогнуть весь корпус судна.

— Твою мать! — в сердцах выругалась Эми, взглянув на приборы. Лодка начала

заваливаться на бок, и девушка резко крутанула штурвал в противоположном крену направлении, параллельно уменьшая обороты одного двигателя, и усиливая тягу другого.

Очередная порция рывков, и лодка снова повернулась бортом к волнам. Эми, не прекращая, боролась за контроль, бормоча под нос ругательства, а затем дрожь совсем прекратилась.

— Левый двигатель сдох, — заявила она. — Я спущусь вниз и посмотрю. Возьми штурвал.

— Я? Я не знаю, что делать!

— Слушай и запоминай: не дай лодке повернуться боком. Каждая волна будет пытаться развернуть корму, тебе нужно будет поворачивать штурвал в противоположном направлении, толкая лодку обратно. Но только не переусердствуй.

Она указала на двойные дроссели.

— У нас только один двигатель — правый борт, правый дроссель. Старайся поддерживать двадцать одну сотню оборотов. Тебе может потребоваться увеличить или уменьшить число оборотов в зависимости от того, будешь ли ты подниматься на волну или спускаться к ее подошве. Понятно?

— Не совсем...

Но девушка уже исчезла. Гидеон схватил штурвал, безрезультатно вглядываясь в темноту — он даже не видел волн перед носом. Но тут у него за спиной раздался рычащий звук, и корма начала подниматься, сопровождаемая шипением и треском разорвавшейся мембраны. Его руки как будто примерзли к рулю. Нос яхты наклонился, ухнув вниз, и похоронил себя в море. А потом корму с яростью крутануло в бок.

— Черт!

Он повернул штурвал против хода и толкнул дроссель. Лодка начала выравниваться, а затем резко качнулась в другую сторону, нос поднялся, в то время как корма ушла вниз. Борясь со штурвалом, чтобы исправить ситуацию, Гидеон слышал, как в камбузе бьется посуда. Он повернул в другую сторону, стараясь не переусердствовать с коррекцией, параллельно ослабляя дроссель.

Это была только первая волна. Теперь же весь этот ужасающий процесс начал повторяться снова.

Хуже всего было то, что ему все-таки стало плохо. С трудом справившись с защелкой бокового окна одной рукой, Гидеону удалось открыть его, дождь обрушился внутрь рубки, в то время как Гидеон пытался изо всех сил удержать другой рукой штурвал. Новоявленный капитан спешно высунул голову в окно, и его вырвало. Он едва успел прийти в себя, когда следующий гребень снова швырнул лодку в сторону, и вода накрыла корму и утопила нос. Гидеон крутанул штурвал, и лодка послушно заскользила, но на это раз слишком сильно, и ему пришлось быстро выравнивать ее. Если бы кто-то взглянул на судно со стороны, то увидел бы, что оно, виляя, танцует на больших волнах, словно пьяное.

Гидеон услышал приглушенный крик Эми.

Со следующей волной он справился немного лучше, но ему снова пришлось прерваться, чтобы освободить желудок между валами. Теперь он видел на картеплоттере их пункт назначения, расположенный в десяти морских милях, упорно ползущих к нему. Это было какое-то безумие. Следовало остаться в бухте и переждать, пока шторм минует.

И тут снова случилось нечто. Гидеон услышал заикание в реве единственного оставшегося двигателя — своего рода кашляющий звук. Стрелка тахометра двигателя начала

колебаться и падать. Гидеон поддал газа, но это лишь усугубило ситуацию, двигатель заработал с еще большими перебоями. Он быстро снизил обороты, чем, казалось, стабилизировал его. Но показания тахометра упали до пятнадцати сотен — и Гидеон почувствовал, что сила моря стала поработать их, как только лодка перестала двигаться вперед.

Со следующей волной пришлось сложнее. Она ударила в корму и жестоко наклонила лодку. Гидеон крутанул штурвал влево, и лодка повернулась, но весьма неохотно. Затем их настигла следующая волна, повернув судно еще больше, почти параллельно волнам.

Двигатель кашлянул, задрезжал, снова кашлянул.

— Эми! — вскричал он. — Что происходит?

Но рев ветра и моря заглушили его слова.

И тут двигатель полностью затих. Сей же момент пропала всякая вибрация и низкочастотная пульсация — остался только рев моря и ветра.

Лодку резко развернуло боком, отвратительное вращающее движение отдало ее полностью во власть моря. Гидеон вцепился в штурвал изо всех сил. Это все, что он мог сделать, чтобы оставаться на плаву. Огни замерцали, сообщая о перебоях в системе электропитания.

Через интерком до него донесся голос Эми, сверхъестественно спокойный.

— Иди к якорному ящику и разверни дрог.

— Дрог...? Что за дрог?

— Плавучий якорь. Похожий на большой парашют. Брось его за борт, отпусти трос футов на сто и закрепи его. После вернись и помоги мне.

Повинуясь, Гидеон бросил штурвал и вышел из рубки. Снаружи на него обрушилась вся сила шторма. Ошеломленный, оглушенный и ослепший, он пытался руками защитить лицо от дождевых порывов, и удержаться на вздымающейся палубе. К своему ужасу, сквозь пелену дождевых капель Гидеон смутно различил, как вокруг их яхты со всех сторон вздымаются хребты и пенные вершины горообразного моря.

Схватившись за поручень, он пополз к якорному ящику, установленному в носовой части судна. Ежесекундно лодка угрожала перевернуться, каждая волна подбрасывала ее вверх, а затем разворачивала боком, заставляя весь корпус содрогаться — этими своими движениями судно напоминало брыкающуюся лошадь. Вода взлетала над перилами и окатывала палубу. Каждый раз, когда это происходило, Гидеону приходилось хвататься за поручень обеими руками, чтобы его не смыло за борт.

Наконец, он добрался до носа и открыл ящик. Без света, на ощупь, Гидеон протянул руки и стал слепо в нем шарить. И что-то нашел: что-то громоздкое из плотного холста, по левую руку от себя.

Внезапно над ним лопнула волна, сбив его с ног и заставив скользить по палубе, пока его ноги не свесились за борт. Каким-то чудом Гидеон смог схватиться за поручень и затащить себя обратно на лодку. Как только вал миновал, он вытащил холст из ящика. Полотно оказалось сложенным, и не было никакого способа убедиться, что это было именно то, что ему надо, но от него определенно отходил длинный трос. Для сомнений совсем не было времени, и Гидеон выбросил его за борт. Тем более выбирать особо было не из чего. Полотно упало в воду. Трос быстро закончился, и Гидеон обжег руки, пытаясь сдержать его стремительный рывок. С трудом ему удалось привязать крепление к швартовой тумбе, при этом собственные пальцы казались ему толстыми и неуклюжими.

Внезапно произошло нечто волшебное: трос натянулся с пронзительным звуком, и «Туркеза» начала выравниваться, ее нос повернулся навстречу ветру и волнам. Через мгновение лодка пошла ровнее — намного ровнее.

Гидеон снова заполз в рулевую рубку, промокший до нитки, охваченный целой чередой сухих рвотных позывов, его голова была готова лопнуть от усилий, беспокойства и тошноты. Не мешкая, он направился к тому месту, где Эми отремонтировала двигатель. Панели машинного отсека были открыты, а девушка лежала на спине, уйдя головой и туловищем под массив механизмов.

— Чем тебе помочь?

— Перекрой вон те топливопроводы.

Гидеон повернул рычаги перпендикулярно подаче.

Эми продолжила работать, довольно часто давая Гидеону указания. Лодка шла намного лучше, хотя большие волны проносились мимо нее с обеих сторон. Все происходящее было ужасно, но, по крайней мере, они не опрокинулись и окончательно не потеряли управление.

— Ладно, — наконец сказала Эми. — Посмотри, вдруг получится запустить двигатель правого борта.

Гидеон поднялся, переключил дроссель и нажал кнопку. Издав несколько кашляющих звуков, двигатель взревел, и Гидеон почувствовал облегчение. Через пару секунд появилась Эми. Измазанная маслом и со спутанными волосами, она сразу же взялась за штурвал.

— Подними дроссель. Оберни канат вокруг якорной лебедки, и я его выберу. Верни его на место на тот случай, если нам снова придется его развернуть.

Гидеон сделал, как было сказано, через мгновение моторизированная лебедка вытащила дроссель, и мужчина частично сложил, частично запихал его обратно в якорный ящик. Лодка сильно качнулась и волна опять лопнула над ним, когда он полз к рулевой рубке.

— Может, нам лучше вернуться к Бахиа-Хондит? — предложил он, кашляя и сплевывая воду. — Переждем там.

— Мы в двух милях от Хеюпси, — тихо заметила Эми. — Давай закончим то, что начали.

Она потянулась и щелкнула рядом выключателей, погрузив лодку в темноту. Единственным источником света стало тусклое свечение электроники.

Гидеон уставился на картплоттер, сейчас показывающий отдельно стоящий у черта на куличках риф, неправильной формы.

— Мы собираемся обойти его по дуге радиусом в милю и поискать наших «друзей». Если их там нет, мы подойдем поближе и включим внешние прожекторы, чтобы убедиться, что это тот самый ориентир, который нам нужен. Ты задокументируешь его на фото и видео и определишь, что может означать седьмой ключ, «рвота дьявола».

— А если они там?

— Мы разворачиваемся и бежим.

— У нас только один двигатель.

— Мы увидим их прежде, чем они увидят нас. Мы спрячемся от них в открытом море, там гребни волн выше нашей лодки.

— Спасибо, что напомнила, я и не заметил.

Лодку продолжало снова и снова подбрасывать вверх и в сторону. Они издали обогнули риф, не заметив на радаре ничего, что могло бы быть затаившейся лодкой.

— Хорошо, — сказала Эми. — Мы подходим.

Девушка подвела лодку к рифу. По мере приближения к цели, Гидеон различил рев прибоя, звучащий как все возрастающий непрерывный шквал артиллерии, а затем — смутно видневшееся в темноте выступающее темное пятно, как будто колеблющееся в окружении кипящей белой пены.

Эми замедлила ход, сманеврировав так, что «Туркеза» оказалась с подветренной стороны рифа. Контур на радаре обрел более четкие очертания, приняв приблизительно такую же форму, что и изображение на карте. Эми замедлила судно еще больше, оставив лишь обороты двигателя необходимые для выравнивания лодки.

— Приготовь прожектора, — скомандовала она. — Направь их на скалу. Нам придется повернуть все очень быстро.

Гидеон схватил ручки прожекторов, установленных на крыше рулевой рубки, и навел их на туманный контур, белый от пены. Прибой был таким сильным, что его грохот сотрясал воздух.

— Давай!

Он щелкнул выключателями, и лучи прожекторов пронзили темноту, ярко осветив риф. Перед ними предстал потрясающий вид — над водой возвышалась огромная арка из черного камня, с которой — после каждой окатывающей ее волны — потоками стекала вспененная вода. От одной из ее боковых сторон отходил длинный скалистый берег, около четверти мили длиной, о который разбивался бушующий прибой.

Но не сама арка потрясла Гидеона. С каждой новой волной море проникало в проем арки, где билось и кипело в яростном водовороте, а затем вырывалось с другой ее стороны, создавая на поверхности воды длинную тропу белой пены, которая практически прямой линией уходила в темноту.

Гидеон схватил камеру и начал фотографировать, пока лодка шла мимо, а затем переключил ее в режим видеосъемки.

— Эта тропа морской пены, — крикнула Эми, — следует за течением. И мы должны следовать за ней. Я буду ориентироваться на нее — это наш новый курс.

Она увеличила обороты двигателя, и «Туркеза», покачиваясь, вознамерилась проскользнуть мимо скалы...

Но тут внезапно из темноты, из-за рифа, двигаясь на высокой скорости, выступил «Горизонт», его палубные пятидесятикалиберные орудия смотрели прямо на них.

В рулевой рубке «Горизонта» Линда Кордрей сжимала штурвал с такой силой, что у нее побелели костяшки пальцев. Эти твари были прямо перед ней — как раз там, где она так сильно жаждала их видеть. Ее люди не начнут стрелять, пока она не прикажет им: на этот счет она их жестко проинструктировала.

Уловка сработала без нареканий. Линда укрыла «Горизонт» с подветренной стороны рифа, в скрытой бухте, достаточно большой, чтобы изображение «Горизонта» на радаре неприятеля слилось с изображением самого рифа, создав иллюзию всего лишь еще одной скалы.

Пока Линда смотрела вслед «Туркезе», предпринимавшей тщетную попытку к бегству, по ее телу пробежала горячая, раскаленная добела волна ярости. В каюте внизу, завернутое в пропитавшийся кровью кусок ткани, лежало безжизненное тело ее мужа. Он истек кровью до смерти, постоянно крича и стона, пока силы, наконец, не покинули его, и он не впал в свое последнее беспамятство, в то время как его команда гналась за «Туркезой». Вспомнив об этом, Линда Кордрей лишней раз напомнила себе, что, даже если б она попыталась вместо погони доставить мужа в ближайший госпиталь в ближайшем порту, у нее бы ничего не вышло. Ничто из того, что она могла сделать, не спасло бы его. Она повторяла себе это снова и снова.

Их брак был уникальным по своей сути. Их связывала удивительная, ни на что не похожая жизнь: они жили вне правил — вдвоем против целого мира. Они были удивительно похожи в своей жажде приключений и в своем отвращении к обыденным жизненным устоям. Его суровость весьма удачно смягчалась ее доброжелательностью. Они во всем прекрасно дополняли друг друга. Иронично, что большая физическая разница между ними только укрепила их отношения. Их совместной мечтой в течение последних пяти лет было обнаружить место крушения капера «Коппостела», нагруженного легендарными сокровищами Коромандел и затонувшего близ побережья Гуахира в 1550-м году. Кордрей сумели сузить зону поиска так, что сокровища уже практически были в их руках. Еще несколько недель, и они нашли бы их!

Сначала они испугались, что «Туркеза» прибыла сюда за тем же самым. Ведь появлялись и другие охотники, которые знали об этих сокровищах — к несчастью для четы Кордрей, это был весьма знаменитый затонувший клад. Однако до сих пор они очень ловко расправлялись со всеми конкурентами. Но за коктейлями они поняли, что эти двое — Марк и Эми — явно прибыли сюда за другими сокровищами. Сокровищами, которые, возможно, превосходили по размерам их заветную мечту.

Пять тонн золота.

Линда поняла, что эти двое — не простые идиоты, возомнившие себя охотниками за сокровищами, не сопливые романтики, решившие попытать удачу, путешествуя на своей яхточке с какой-то невнятной картой, напомилавшей подделку, купленную на блошином рынке. О, нет, у них была настоящая карта, и она поняла, что это подлинник, в тот самый момент, когда взглянула на нее. Поддельные карты все выглядят одинаково. А эта... эта была уникальна. Совершенно уникальна.

Ее муж... ее партнер был мертв, он лежал в своем пропитанном кровью саване, но его

тихий голос все еще звучал в ее голове. Он наставлял ее, говорил, что делать. Рассказывал ей, чего он хочет. И больше всего на свете он хотел заполучить эту карту, ведущую к великим испанским сокровищам, а затем — прикончить Марка и Эми Джонсон. Именно в таком порядке. Если бы Линда просто убила их и затопила их яхту — что она могла сделать хоть прямо сейчас — он бы этого не одобрил. А, что было еще важнее, Кайо-Хеюпси был достаточно большим, и, даже зная примерное местоположение зарытого клада, можно было потратить год, обыскивая остров впустую. О, нет, ей нужна была карта.

«Горизонт» взобрался на большую волну и тяжело перевалил через нее. Линда Кордрей без труда справлялась со штурвалом, ее инстинкты безошибочно помогали ей обуздывать волны, а тем временем ее глаза яростно всматривались в темноту. «Туркеза» погасила свои огни, но все еще виднелась на радаре: яхта находилась в восьмистах ярдах впереди них и шла намного медленнее, чем раньше. Вероятно, проблемы с двигателем — судну ведь пришлось выдержать несколько обстрелов.

Линда задумалась о расстановке сил: у нее было четыре человека, и все они были молодыми, сильными, действующими инстинктивно и беспощадно. Итак, они проберутся на «Туркезу», захватят над ней контроль и приведут Джонсонов. И когда Линда будет полностью контролировать ситуацию, она заполучит карту — на этот раз никаких ошибок. А потом эти двое умрут. Очень мучительной смертью.

Семьсот ярдов.

Линда отдавала себе отчет, что «Туркеза» находится достаточно близко, чтобы снова открыть по ней огонь из пулемета, но женщина не спешила. Раньше она бы не стала медлить, но после того, как ее люди обрушили шквал пуль на моторку, послужившую отвлекающим маневром, и волей-неволей подожгли ее, Линда осознала, как испугалась, что навсегда потеряла карту. Она почти почувствовала облегчение, поняв, что Джонсоны ее обманули.

Она позвала своего первого помощника Мануэля и кратко посвятила его в суть плана по захвату «Туркезы». Мануэль выслушал ее молча, лицо его подернулось мрачной тенью решимости. Он, без сомнения, был готов убивать.

Линда объяснила ему, что *стоит* на кону, рассказала, каким богатым станет Мануэль, если им удастся заполучить эту карту и найти сокровища. А она была на все сто уверена, что они их найдут — сразу, как только избавятся от Джонсонов. Итак, в их распоряжении была большая лодка, четыре крепких головореза и подавляющая огневая мощь, в то время как вооружение «Туркезы» оставляло желать лучшего. При такой «защите» даже один пулемет .50 калибра мог легко разделаться с ними.

Линда взглянула на радар: осталось шестьсот ярдов. Любому идиоту было ясно, что Джонсоны обречены. А сами Джонсоны идиотами не были...

Линда Кордрей взяла УКВ-рацию и настроилась на шестнадцатый канал. Пришло время.

— «Туркеза», говорит «Горизонт».

Тишина. Но Линда знала, что они слышат ее — эта частота была стандартна для круизных судов, и она была всегда открыта на случай аварий.

— Разворачивайтесь. Или мы откроем огонь.

И даже после этого — никакого ответа.

— Разворачивайтесь, — повторила Линда. — Нам просто нужна карта. Отдайте ее нам, и никто не пострадает. Вы слышите?

Все еще тишина.

Линда прибавила двигателям мощности, несмотря на то, что они и так работали на пределе возможного. Тем временем разрыв между судами начал стремительно сокращаться. Шесть сотен ярдов сократились до пяти. Большая волна обрушилась на борт лодки, затопив палубу, но Линда крепко держала штурвал, не давая лодке сбиться с курса. Погодные условия стремительно ухудшались. Метеорологический канал выдал поток плохих новостей: тропический шторм, направлявшийся на север, набирал силу и скоро станет ураганом. Ожидалось, что волны вырастут до двадцати футов и даже больше.

Еще одна волна, увенчанная серо-зеленой пеной и вызвавшая содрогание всего корпуса, прокатилась по палубе. Линда не видела «Туркезу», но знала, что ей придется ох, как не сладко. Мало того, что лодка противников была намного короче, уже и ниже «Горизонта», так к тому же, она была намного *легче*, и суровые волны могли запросто ее опрокинуть. Удивительно, что вообще яхта до сих пор оставалась на плаву.

Погоня продолжалась. Сейчас они находились в бассейне Барранкилья, а это был глубоководный участок, *очень* далеко от берега. Поблизости не было ничего — абсолютно ничего, что могло бы помочь беглецам скрыться.

Но Кордрей не думала об этом. Оставалось четыреста ярдов.

Она вновь взяла микрофон.

— «Туркеза», говорит «Горизонт». Повторяю: разворачивайтесь, или мы вас потопим. Это последнее предупреждение.

Ничего. Никакого ответа.

Три сотни ярдов...

Линда снова позвала Мануэля и попросила его быть рядом. Он успел повидать все, что может показать человеку море, но сейчас выглядел очень бледным.

— Вы с Пако — беритесь за пулемет, — обратилась она к нему по-испански. — Будьте готовы стрелять по моему сигналу. Цельтесь в этих двоих. Стреляйте высоко. Старайтесь не потопить судно.

— Sí, señora^[42], — отозвался Мануэль.

Две сотни ярдов.

Сотня!

И тут затрещала рация.

— О'кей, «Горизонт», ваша взяла. Мы разворачиваемся.

На связи была женщина. Итак, свершилось. Конец был близок.

— Свет! — скомандовала Линда Кордрей.

Над «Горизонтом» вспыхнул ослепительный бриллиантовый свет, заливая блестящим свечением окружающее вздымающееся море. Линда сразу же увидела прямо перед собой «Туркезу», раскачивавшуюся на волнах. В свою очередь Джонсоны в накладе не остались, и тоже включил свои прожектора, такие яркие, что они почти лишили охотников за сокровищами зрения.

Линда Кордрей сжала в руке микрофон УКВ-рации.

— Выключите! — прошипела она. — Выключите эти чертовы фонари, или...

Первый выстрел угодил точно в окно рулевой рубки, и Линда успела заметить лишь дождь из осколков, прежде чем вторая пуля пробила ей лоб и снесла половину головы.

Гидеон распластался в носовой части судна с винтовкой М4 и, переключив ее в автоматический режим, выпустил очередь по двум мужчинам, которые метались, перезаряжая пулемет .50 калибра. Он и сам находился в зоне поражения и представлял собой удобную неподвижную мишень, если б не волны, которые мешали пиратам прицелиться. Они попытались снять его, но промазали, и теперь им пришлось спешно укрываться от обстрела Гидеона, растянувшись на палубе.

Эми тоже проделала отличную работу со своей снайперской винтовкой Н&К, но сейчас она отложила оружие и запустила двигатель. «Туркеза» прямой наводкой рванула к «Горизонту». Оставшись лежать на палубе, Гидеон широко развел ноги, чтобы обрести хоть какое-то подобие равновесия. Он прекратил обстрел, пока они стремительно приближались к вражескому судну, в считанные секунды сократив расстояние между ними до нескольких ярдов. На «Горизонте» царила полная неразбериха: двое мужчин у пулемета все еще лежали на палубе, в охваченной ужасом рубке за штурвалом никого не было, а дроссели пребывали в положении «полный вперед». Тут нос неуправляемого судна вонзился в украшенную гребнем волну, которая прокатилась по судну вплоть до самого кубрика. Двое мужчин у пулемета, вцепившись в поручни, временно исчезли в пенящейся массе воды.

Теперь «Туркеза» находилась всего в нескольких секундах от столкновения с «Горизонтом». Одному из пиратов удалось подняться на ноги и подобраться к пулемету, который он тут же навел на врагов.

Гидеон выстрелил снова, а стрелок с «Горизонта» осыпал «Туркезу» очередью, прозвучавшей невероятно оглушительно с такого близкого расстояния. Яростный град крупнокалиберных пуль обрушился на яхту и прошел ее корпус, словно цепная пила. «Туркеза» до последнего шла прежним курсом, и лишь за секунду до столкновения вильнула в сторону. Гидеон увидел гранату, брошенную Эми, которая, пролетев по широкой дуге, приземлилась у кормовой рубки «Горизонта».

Тем временем пират выпустил по ним из пулемета еще одну отчаянную очередь. Пули врезались в кормовую часть «Туркезы», но тут прогремел оглушительный взрыв, когда на борту «Горизонта» сработала граната. Оранжево-желтый огненный шар с вкраплениями черного взметнулся в небо, разнеся над бушующим морем оглушительный громовой раскат. Над судном взлетел целый фонтан, охваченных огнем обломков. За первым взрывом последовала целая череда новых — казалось, что на «Горизонте» друг за другом взрывалось все, что легко воспламенялось, в первую очередь, конечно, топливо. В итоге «Горизонт» за несколько мгновений оказался полностью охвачен огнем. Пока Гидеон со страхом и трепетом наблюдал, словно в ускоренной съемке, за тем, как умирает «Горизонт», из его головы разом испарились все мысли. В конце прозвучал еще один взрыв — заключительный — разнеся в клочья то, что еще осталось от остова судна, окончательно превратив его в груды обломков, объятых огромным огненным куполом. Словно стирая следы случившегося, безжалостная волна накрыла горящие дрейфующие фрагменты, увлекая их на морское дно.

После этого «Горизонт» исчез.

Как только жар пожарища спал, Гидеон попытался подняться на ноги со своей засадной позиции на носу яхты. Ноги едва держали его, и он отчаянно цеплялся за перила, шатко двигаясь к корме и стараясь при этом не вывалиться за борт. Эми по-прежнему была за штурвалом. Единственный рабочий двигатель издавал противные кашляющие звуки, и ходовые огни мерцали, не имея возможности гореть постоянно. Казалось, что на каждую последующую волну, пытавшуюся их накрыть, яхта взбирается все медленнее и как бы неохотнее.

— Проверь передний трюм, — попросила Эми. Ей пришлось говорить очень громко, чтобы перекричать рев моря.

Еще одна волна врезалась в яхту, толкнула ее вбок и едва не сбила Гидеона с ног, пока он спускался по ступенькам трапа, спеша исполнить приказ. В салоне творился сплошной кавардак: пули .50 калибра прорвались через обшивку носовой части, оставив после себя зияющие отверстия и превратив в обломки все, что встретилось им на пути. Вся эта разруха немного выбила Гидеона из колеи, и ему пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы продолжить двигаться к люку трюма, что располагался в конце коридора. На подходе к нему он обнаружил, что большой квадратный обломок, рухнувший с потолка, перегородил ему путь. Пришлось немного повозиться, чтобы убрать помеху. Наконец, цель была достигнута и, подняв люк, Гидеон обнаружил, что примерно на дюйм ниже пола коридора плещется вода...

Когда яхта в очередной раз накренилась, вода полилась в коридор, и Гидеон попытался закрыть люк, но крен судна не позволил ему этого сделать.

Свет снова замигал, а двигатель издал кашляющий треск. До Гидеона донесся сильный запах дизельного топлива, и он с беспокойством потянулся к своей рации.

— Трюм заполнен водой. Она почти на уровне пола и прибывает. А еще у нас утечка топлива... но я не могу сказать, где именно.

— Надень спасательный жилет, и мне принеси, — ответила Эми.

Гидеон послушно вытащил из шкафчика два спасательных жилета, надел свой, а второй понес в рулевую рубку. Когда он поднялся, Эми продолжала стоять у руля, совершенно спокойно удерживая его одной левой рукой, а правой отправляя сигнал SOS.

— Активируй аварийный радиобуй, — скомандовала она. — Инструкции, как это сделать, напечатаны прямо на нем.

Гидеон вышел из рубки и нашел аварийный радиобуй в небольшом отсеке на ее внешней стене — он был изрешечен пулями. Гидеон нахмурился и спешно вернулся в рубку.

— Аварийный радиобуй уничтожен. Запасной есть?

— По крайней мере, мне об этом ничего неизвестно, — отозвалась она. Гидеон решительно тряхнул головой.

— Я звоню Глинну, пусть вытаскивает нас отсюда.

Гидеон потянулся к спутниковому телефону и щелкнул выключателем.

Ничего. Присмотревшись повнимательнее, он обнаружил пулевое отверстие: похоже, одна из пуль полностью вывела телефон из строя, и теперь воспользоваться им не представлялось возможным.

— Черт! — в сердцах он ударил по испорченному телефону кулаком.

Эми схватила его за руку, понимая, что у него может начаться приступ паники.

— Послушай меня, — командным тоном произнесла она, заглянув ему в глаза. — Возьми несколько водонепроницаемых мешков, наполни их водой и едой. Положи туда же спички, нож, пару фонарей, портативный спутниковый телефон, материалы дела, два пистолета, патроны, сигнальную ракетницу, бинокль, репеллент от акул, веревку и аптечку. Вытащи на палубу как можно больше жилетов — столько, сколько найдешь. Свяжи их вместе и привяжи к ним мешки.

Как ни странно, эти четкие указания подействовали на Гидеона отрезвляюще, и он поспешил их исполнить.

— Считай, сделано! — ответил он, едва не споткнувшись, спускаясь вниз.

Вода в салоне теперь доходила ему до икр, и в ней плавал мусор и обломки. Гидеон схватил два водонепроницаемых мешка и начал целенаправленно метаться, наполняя их всем необходимым с максимально возможной поспешностью. Он чувствовал, что с каждой минутой яхта, целиком отданная во власть штормовому морю, становится тяжелее и все больше уходит под воду. Волны еще больше поднабрались ярости, и теперь каждый их удар в корпус грозился опрокинуть судно.

Как во время землетрясения, вокруг Гидеона падала мебель, а светильники, слетев с потолочных креплений, раскачивались на проводах. Едва Гидеон успел принять нынешние масштабы бедствия, как случилась новая напасть: погас свет. Одновременно с тем, сильно кашлянув и издав агонизирующее дребезжание, умолк двигатель.

Выругавшись про себя, Гидеон надел налобный фонарь и продолжил как можно быстрее собирать снаряжение. Яхта неумолимо тонула. Гидеон отчаянно боролся с препятствиями, возникавшими то тут, то там на его пути, и старался не дать воде попасть внутрь — пока еще открытых — мешков. Он сумел найти несколько обломков, подходящих к их пистолетам, и вдобавок бросил в мешок пару гранат, так сказать, на всякий случай. Вслед им полетели: папка с материалами дела, какая-то веревка, два ножа с фиксированными лезвиями, вода и несколько коробок с энергетическими батончиками. А вода тем временем поднялась до уровня его колен...

Яхта сотряслась от удара мощной волны, врезавшейся в корпус. Гидеон услышал треск, и почти сразу ощутил, как ему в лицо полетели брызги соленой воды. Еще несколько шкафов упало со всплеском. Медлить было больше нельзя. Он спешно запечатал непромокаемые мешки — теперь пришел черед позаботиться о жилетах. Он вытащил целую их кучу из аварийного отсека и, продев веревку через проймы рукавов, связал их вместе, после чего направился к трапу.

Еще одна массивная волна вонзилась в яхту, сильно накренив ее... и на этот раз судно не спешило выравниваться. Похоже, это конец! Яхта вот-вот пойдет ко дну.

— На палубу! Сейчас же! — услышал он крик Эми.

Вода перелилась через перила и уже добралась до рубки. Гидеон изо всех сил пытался поскорее подняться по трапу, пробиваясь через потоки воды, и стараясь не потерять свою ношу.

«Туркеза» начала погружаться в море боком. Вода, словно из Ниагарского водопада, хлынула в рулевую рубку. Это было, пожалуй, самое отвратительное чувство беспомощности перед стихией, которое когда-либо в своей жизни испытывал Гидеон. Они действительно шли ко дну.

— *На палубу!* — снова позвала Эми.

Пытаясь отвоевать свою ношу у воды, он протолкнул мешки и жилеты через дверной проем, а сам, вывалившись из него боком — из-за того, что палуба стала почти отвесной — начал карабкаться по окнам рулевой рубки. Далее лодка совершила разворот по вертикали: в то время как ее корма все глубже уходила под воду, нос, наподобие поплавка, задирался все выше и выше. Вода хлынула в кормовой отсек через открытую дверь, и он полностью исчез под водой за считанные мгновения.

Очередная огромная волна нанесла по яхте сильный удар, сбросив Гидеона в прибывающую воду. Он изо всех сил старался найти опору и отыскать глазами Эми, но в сгущающейся темноте слышал лишь ее голос.

— *Выбирайся оттуда! Быстро!* — кричала она.

Но бежать уже было некуда. Дверь в рулевую рубку оказалась полностью захоронена под водой, и яхта, оставаясь в строго вертикальном положении, продолжала стремительно тонуть. Гидеон угодил в ловушку: снизу бездна воды, а над головой выстроился ряд закрытых окон рубки. Он точно не сможет нырнуть и проплыть под водой вместе с вещами, чтобы выбраться отсюда через затопленную дверь.

Где же Эми?

Тут он услышал оглушительный треск, за которым последовала вспышка света. Затем еще одна. Обзорное окно рулевой рубки взорвалось, разлетевшись вдребезги, и Гидеон понял, что вспышки были выстрелами из пистолета Эми .45 калибра: она стреляла по окнам, чтобы создать ему путь к отступлению.

Воздух со свистом вылетел из разбитых окон.

Вода продолжала быстро подниматься, подхватив Гидеона, а он меж тем старался сманеврировать так, чтобы вместе со спасательными жилетами и мешками она вынесла его наружу напрямик через, теперь уже пустой, оконный проем. Как будто со вздохом сожаления вода вытолкнула его на свободу, хотя в то же время, пыталась утянуть его вниз. Жилеты не дали ей этого сделать, и уже через пару мгновений Гидеон обнаружил себя барахтающимся на поверхности моря и цепляющимся за массу связанных между собой спасательных жилетов.

В тот момент, когда он взглянул на яхту, та перевернулась вверх дном, и, словно огромный кит, начала опускаться на глубину. Через несколько секунд «Туркеза» окончательно ушла под воду и скрылась в волнах.

— Эми? — позвал он.

— Я здесь.

Он заметил темный силуэт, качающийся на волнах. За несколько гребков девушка сумела подплыть к Гидеону и импровизированному плоту. Но не успели они перевести дух, как огромная шипящая волна накрыла их с головой. На какое-то мгновение напарники оказались поглощены водной массой, но уже скоро их поплавок снова вынес их на поверхность, и Кру судорожно попытался продышаться.

— Спасибо, — наконец, вымолвил он.

Над ними снова нависла волна, и она, подобно своей предшественнице, так же погребла их под своим пенящимся гребнем.

Гидеон цеплялся за плот из жилетов, отчаянно борясь за жизнь, и жадно хватал каждый доступный глоток воздуха. В его голове крутилась только одна мысль: *«До ближайшей земли более полутора тысяч миль».*

Рассвет напоминал, скорее, мазок грязи на горизонте, чем величественный восход солнца. Шторм все бушевал, хотя и чуть стих. Ветер продолжал реветь над морем, то и дело поднимая шипящие волны. Гидеон и Эми прильнули к массе связанных между собой спасательных жилетов, и не говорили ни слова — они слишком устали, чтобы разговаривать. Гидеону казалось, что их жизнями завладел какой-то бесконечный ужасающий морской ритм: подъем-спуск, подъем-спуск, подъем... и снова спуск — на каждой чертовой волне. Все обычно начиналось с громкого шипения пены, словно она преследовала их и служила неизменным аккомпаниатором. Затем их подбрасывало вверх, и на них накатывала огромная волна, хоронящая их под собой и стремящаяся утянуть их в бездонную пучину моря. Раз за разом им приходилось барахтаться и бороться за жизнь, прорываться на поверхность и откашливаться. После этого, они оказывались у подножия следующей пенной волны, и это была единственная доступная им секундная передышка — здесь хотя бы ненадолго утихал ветер. Но тут следовал неизбежный подъем, и цикл повторялся снова. Воздух был таким влажным, что на дыхание уходило неимоверно много сил. Море и ветер гнали с огромной скоростью несчастных потерянных напарников напрямик на запад.

Но, по крайней мере, у них была питьевая вода. Гидеону удалось открыть водонепроницаемый мешок и вытащить одну бутылку и даже осушить ее напополам с Эми, заплатив за это тем, что в сумку залилась морская вода. Гидеона вырвало.

Медленно... очень медленно светлело небо, и начинался новый день. Ветер все не стихал, но волнение моря стало более размеренным. Величественный марш волн продолжал нести их в том же направлении, что воздушные порывы и течение. Периодически по морю прокатывались полосы дождя, и небо пронзали молнии. Сильный дождь, казалось, сглаживал зыбь и чуть утихомиривал ветер. В какой-то момент стало достаточно тихо, и Гидеон отважился заговорить, взглянув в бледное и изможденное лицо Эми на другой стороне их самодельного плота.

— Эми?

Она кивнула.

— Ты... в порядке?

— В норме. А ты?

— Хорошо.

— Хочу пить.

Гидеон подождал, пока волна схлынет, затем открыл непромокаемую сумку и вытащил еще одну литровую бутылку. До того как он снова успел запечатать мешок, в него попала еще одна порция воды. Ему пришлось подождать несколько секунд, прежде чем передать бутылку Эми — накатила очередная волна, и он всеми силами постарался не потерять спасительную влагу.

Получив воду, она сделал большой глоток. Дождавшись, пока минует еще одна волна, она вернула полупустую бутылку Гидеону, и он ее допил. Слава Богу, на этот раз его не стошнило, и воду удалось удержать в себе.

Весь день они сражались с морем, выдерживая бесконечный цикл спусков и подъемов, натиск ветра и воды, едва не утопая при каждом накате волны. К вечеру Гидеон

почувствовал, что руки у него онемели. Он не сможет продержаться так слишком долго — уж точно не выдержит еще одну ночь.

— Эми, нам нужно привязать себя, — выдохнул он, — на случай, если не сможем...

— Поняла.

Собрав последние силы, Гидеон с трудом вытащил онемевшими пальцами из мешка веревку, а затем, с не меньшим трудом, сумел продеть один ее конец через свой ремень, а другой — через ремень Эми и крепко привязать их обоих к плоту. Эта серия действий почти полностью истощила его.

Ветер начал стихать, лишь когда опустилась ночь, и напарники вновь оказались окутаны чернильной темнотой моря. К этому моменту они пробыли в воде 18 часов...

Открыв глаза во мраке, Гидеон вдруг понял, что видит какие-то фигуры, одетые во что-то красное и коричневое. Казалось, они даже мерцали размытыми огнями, но он смог убедить себя, что ему это только мерещится. Сначала эти фигуры виделись ему всего лишь нечеткими пятнами, но по мере того, как ночь сгущалась, а гипнотизирующий ритм моря нарастал, они обрели четкость и Гидеон начал различать их лица: лицо дьявола с широко раскрытым ртом... и этот рот становился все шире, шире и шире, извергая из себя потоки крови...

Галлюцинации. Он закрыл глаза, но силуэты стали лишь четче, обросли деталями и словно бы начали к нему приближаться. Гидеон быстро открыл глаза и несколько раз похлопал себя по лицу, стремясь вернуться к реальности. Проходили часы, но он ни словом не обмолвился Эми о своем состоянии. А вообще, была ли девушка все еще с ним рядом? Вглядевшись в темноту, Гидеон смог различить ее бледное лицо. Затем он нашел ее холодную руку, сжал ее и почувствовал слабое пожатие в ответ.

Еще одна волна погребла их под собой, и хорошенько помучив, изрыгнула на поверхность. Гидеон вдруг понял, что даже при температуре воды в 85 градусов^[43] у него могут проявляться симптомы гипотермии. Или он мог получить солевое отравление — Бог знает, сколько морской воды он проглотил!

Вдруг среди шипения и треска волн он начал слышать голоса: шепчущие и кричащие одновременно. Демонические голоса.

Гидеон зажмурился, попытался проморгаться, но дьявол все еще был там... блюющий дьявол с уродливым раскрытым ртом, исторгавшим из себя кровь и желчь....

— Нет! Хватит!

Он сказал это вслух? Ему показалось, что он слышал голос Эми, что-то ответивший ему. Голова у него шла кругом.

—... борись с... этим... борись...

Бороться с чем? А затем он увидел это — там, над водой. Свет. Настоящий свет. Подоспела спасательная миссия Глинна.

— Эми! — крикнул он. — Смотри!

Но она, похоже, не собиралась отвечать.

— Помогите! — закричал он. — Мы здесь!

Гидеон вдруг почувствовал страшное отчаяние. Как же их смогут разглядеть в этой темноте, в этой воющей водяной пустыне?

— Эми! Там корабль! Вон там!

Он почувствовал, как ее рука сжимает его руку — это была сильная, но холодная хватка.

— Гидеон, там ничего нет. Нет корабля.

— Нет же, вон он! Ради Бога, только *взгляни!*

Теперь Гидеон видел его более чем отчетливо, и он — Божьей милостью — был таким большим, что, пожалуй, превосходил размерами «Титаник». Это был огромный круизный лайнер, светящийся, как Рождественская елка, весь в желтых огоньках, с рядами окон и черными силуэтами людей на палубе, вырисовывавшихся на фоне света. Удивительно, и как только Глинн смог послать за ними такой большой корабль...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Эми! Разве ты не видишь?

— Сопrotивляйся, Гидеон, борись с этим, — ее рука сжалась крепче.

Корабль издал длинный гудок. Затем еще один.

— Ты это слышала? О, Боже, они нас не видят. Сюда! — прокричал Гидеон.

И тут на них накатила волна, вновь похоронив двух людей в черной глубине. После крика в легких Гидеона не осталось воздуха, и он сделал инстинктивный вдох, попутно глотнув воды. Его руки заметались по сторонам в отчаянной попытке обрести опору и вырваться наверх. Ему показалось, что он пробыл под водой целую вечность. Но вдруг он каким-то чудом вырвался на поверхность, и начал надсадно кашлять и озираться вокруг обезумевшим взглядом.

— Он ушел!

— Его там и не было.

— Вернитесь! — закричал Гидеон в непреодолимом приступе отчаяния.

— Гидеон! — он почувствовал, как пальцы девушки сжимают его руку со всей силой, на которую она была только способна. — *Там не было корабля.* Но если сейчас ты хотя бы на секунду заткнешься, то услышишь кое-что. Кое-что *настоящее.*

Гидеон перестал кричать и прислушался, но все, что он мог слышать, это вой ветра и шум моря.

— О чем ты?

— Прибой.

Гидеон максимально возможно напряг слух, стараясь игнорировать странные фигуры, снующие у него перед глазами. А затем он услышал это: слабый мерный грохот прибоя. Ветер и волны неуклонно приближали их к нему с каждой минутой.

— Остров? — спросил он.

— Не знаю. Возможно, рифы.

— И что мы будем делать?

— Ничего. Нам остается только положиться на волны и дрейфовать, — она замолчала на пару мгновений, обдумывая ситуацию. — Нам лучше развязаться, иначе можем запутаться.

Гидеон постарался сделать что-нибудь с узлом, но его пальцы не слушались.

— Нож, — выдохнула Эми. — В мешке.

Теперь рокот стал громче. Волны набирали скорость и неумолимо несли их к возможным рифам. Море стало более бурным, а волны значительно возросли. Гидеон завозился с застежкой мешка яростно и отчаянно, и, наконец, ему удалось открыть его. Он потянулся и вытащил нож, разрезал свою веревку, а затем передал нож Эми.

Волна вновь погребла их под собой, и так как водонепроницаемый мешок был открыт, он до краев заполнился водой. Далее, оказавшись на подъеме волны, Гидеон разглядел огромную полосу белого прибоя, до и после которой раскинулась лишь бескрайняя чернота.

— Черт! — прошипел он.

— Просто держись. Не бойся. Поймай ритм волн.

Валы воды становились все больше и круче, их высота и агрессивность пугала. Рев впереди звучал, как грохот сотни грузовых поездов. И вдруг, казалось бы, уже на подъеме волны, над ними возвысился новый гигант с подкрученным белым, напоминавшим барашка, гребнем.

— Держись!

Гидеон почувствовал, как его переворачивает, а затем он погрузился в огромную, неистовую кипящую черноту, которая мгновенно вырвала из его рук спасательный плот. Он полностью потерял ориентацию в пространстве, и даже ради спасения жизни не мог определить, где верх, где низ, где право, а где лево. Вода с такой силой швыряла и дергала его, что ему казалось, что его руки и ноги вот-вот выскочат из суставов. Подобное бессилие в тисках моря выбило из мужчины последние остатки душевных сил.

Внезапно — когда он уже чувствовал, что легкие вот-вот лопнут от нехватки кислорода — он вырвался на поверхность, громко ахнул, глотнул соленой воды, и его отбросило назад, в водоворот, который закружил его, целиком отдавая во власть моря. Лица теперь появлялись перед ним и не исчезали. Они ухмылялись, их тошнило... он изо всех сил пытался бороться с галлюцинациями, но тщетно... а затем странный покой окутал его, все вокруг стало замедляться... замедляться... а после — и волны, и море, и лица — все исчезло в раскрывшей объятия, прекрасной темноте.

Сознание медленно возвращалось, и уютная темнота уступала место отвратительному, тошнотворному чувству боли и усталости. Гидеон закашлялся, и почувствовал, что его грудь и легкие словно охвачены огнем. Он открыл глаза. Где-то поблизости грохотал прибой. Гидеон не сразу понял, что лежит на мокром песке. Было темно, значит, все еще стояла ночь.

С огромным усилием ему удалось приподняться на руках и сесть. Каждое движение причиняло боль, ему казалось, что вся его кожа содрана, саднит и потрескалась. Как ни старался Гидеон увидеть, где он очутился, но дальше пары шагов ничего не мог разглядеть. Он понял лишь, что находится на темном безликом пляже, со всех сторон окруженном непроглядной темнотой.

— Эми, — попытался крикнуть Гидеон, но его голос, скорее, походил на мерзкое карканье.

Ответа не последовало, пляж был пуст. Собрав последние крохи сил, Гидеон поднялся на ноги, но тут в его голове что-то неистово загрохотало, и его сразу же охватило сильнейшее головокружение. Он тяжело рухнул на колени, и его снова и снова рвало соленой водой, пока не осталось ничего, кроме сухих спазмов. Несколько последующих глубоких вдохов совсем не улучшили ситуацию, и, в конце концов, он упал на песок, свернувшись клубком, и опять потерял сознание.

В попытках прийти в себя миновала целая вечность, и, наконец, Гидеон медленно вернулся в сознание и открыл глаза. Настал день. Тусклый, рассеянный свет заливал все вокруг. Гидеон медленно обвел затуманенным взглядом пустой пляж, темно-серый океан, грохочущее шествие прибоя, темную линию влажных джунглей. Его поразило, как он вообще смог преодолеть все это и выжить.

Ветер стих, и тучи рассеялись. Шторм миновал. Голова у Гидеона все еще жутко болела, но он чувствовал себя немного лучше. Переборов слабость, он поднялся сначала на колени, а затем и на ноги, справившись с волной тошноты и головокружения. В свете грязного рассвета он теперь смог увидеть, куда его занесло: во всех направлениях, насколько хватало глаз, тянулось пустынное побережье и унылый пляж. Немного скрашивали жалкую обстановку несколько потрепанных пальм. Чуть поодаль пляж переходил в холмы, покрытые джунглями. Никаких признаков жизни, никаких признаков Эми, никаких признаков их надувного спасательного плота или их непромокаемых мешков.

Сейчас власть над Гидеоном захватила яростная жажда. У него потрескались и кровоточили губы, и распух язык. Он чувствовал себя настолько истощенным, что едва мог стоять.

Ему нужно было срочно найти Эми. Или, по крайней мере, ее тело. И он должен был найти их плот из спасательных жилетов и непромокаемые мешки с вещами, и что важнее всего, с водой.

Гидеону потребовалась вся его сила воли, чтобы сделать шаг, после чего он снова упал на колени. Несмотря на все усилия, он не смог больше подняться. Он продолжил медленно ползти по жесткому песку, пока не закончились силы. А затем, он просто остался лежать. Ему безумно хотелось спать — или, может быть, умереть. Так и не выбрав, какой из этих

двух вариантов ему предпочтительнее, он закрыл глаза.

— Гидеон.

Гидеон снова увидел дневной свет, и то, что Эми склонилась над ним. Она выглядела ужасно — бледная, худая, мокрая.

— Эми... слава богу...

— Давай я помогу тебе подняться.

Эми подхватила Гидеона под руки, и он с трудом поднялся. Она продолжала поддерживать его, хотя сама пошатывалась от усилий.

— Воды...

Появилась бутылка, и он схватился за нее, как за спасительную соломинку, открутил дрожащими руками крышку и стал настолько жадно и спешно пить, что влага пролилась на рубашку.

— Тише, тише, — уговаривала его Эми, отодвинув от него бутылку. — Помедленнее. Сделай перерыв.

Он ждал, подрагивая, и чувствовал, что благодаря воде в его теле произошел мгновенный выброс энергии.

— Еще.

— Не спеши.

Он снова приложился к горлышку, на этот раз делая небольшие глотки, пока литровая бутылка окончательно не опустела.

— Еще.

— Извини, но нам нужно экономить.

Даже удивительно, как быстро вода помогла ему восстановить силы и живость. Он огляделся, дыша медленно и глубоко. Там, на пляже, в нескольких сотнях ярдов от них, валялась промокшая связка спасательных жилетов, от которой отходили следы Эми на песке.

Язык и рот Гидеона наконец-то увлажнились, и он обнаружил, что может говорить без карканья.

— Как ты смогла выжить?

— Как и тебя, меня вынесло на пляж. Я даже не знаю, как это получилось. Видимо, карма.

— Где мы?

— Moskitный Берег, Никарагуа. Думаю, мы в двадцати милях к северу от Манки-Поинт.

— Как далеко до ближайшего поселения?

— У нас нет местной карты. Это одна из самых малонаселенных береговых линий в мире. Ты можешь идти?

— Да.

— Меня иногда все еще пошатывает. Дай мне руку.

Напарники поплелись по пляжу, поддерживая друг друга. Эми повела Гидеона к роще пальм на границе пляжа, где при ближайшем рассмотрении обнаружили непромокаемые мешки. Рядом на банановых листьях были разложены и сушились их спасенные пожитки: два пистолета, ножи, спутниковый телефон, материалы дела с промокшими насквозь страницами, дюжина питательных батончиков и бутылки с водой. К удивлению Гидеона, там же обнаружили и таинственные компьютерные распечатки греческой рукописи, которую Эми изучала на яхте. Листы хоть и были запечатаны в герметичный пакет, все же

не избежали нескольких протечек.

Эми села на песок, и Гидеон рухнул рядом с ней. При виде распечаток, даже в нынешнем ослабленном состоянии, он почувствовал возрастающее раздражение. Должно быть, Эми успела захватить их с собой, когда они спешно покидали «Туркезу», и в какой-то момент на плоту смогла засунуть их в водонепроницаемый мешок.

— Из всех вещей, что ты могла сохранить — карты, GPS — ты спасла эти распечатки? Что в них такого важного?

— Это просто то, над чем я работаю.

— А если поподробнее?

Она покачала головой.

— Позже. Сперва нам надо отдохнуть. И поесть.

Гидеон чувствовал себя полностью истощенным, голод давал о себе знать. Эми взяла два питательных батончика и один из них протянула ему.

Недолго думая, он откинулся на спину, снял обертку и с жадностью впился зубами в угощение. Облака значительно поредели, и сквозь них пробился одинокий луч солнца, бросив блик на море. Сухпак, кажется, сделал Гидеона еще более голодным, но, в конце концов, он почувствовал, что силы медленно возвращаются к нему.

Они так и лежали на пляже — едва двигаясь, почти не разговаривая, медленно восстанавливая силы — в то время как день истекал час за часом. К вечеру, как раз когда солнце коснулось горизонта, рассеялись последние тучи. Гидеон теперь чувствовал себя почти самим собой, сильным и бдительным, почти здоровым, кроме какого-то еле уловимого, общего недомогания. И вдруг он осознал, что совершенно потерял счет времени. Сколько часов прошло с момента кораблекрушения? Сорок восемь? Семьдесят два?

— Телефон работает? — спросил он.

— Думаю, да. Чехол должен быть водонепроницаем.

— Тогда нам надо позвонить Глинну.

Эми кивнула. Быстро доев свой питательный батончик, она взяла телефон, разгерметизировала его чехол и подняла крышку. Внешне аппарат выглядел сухим и неповрежденным. Эми извлекла его, щелкнула выключателем, и светодиодный экран ожил.

— Это чудо! — воскликнул Гидеон.

— Да, но батарея разряжена. У нас есть только пять процентов заряда.

— Господи... — Гидеон покачал головой.

Девушка окинула своего напарника взглядом.

— Говорить буду я, если ты не против.

— Как скажешь.

Эми включила громкую связь и нажала кнопку «БЫСТРЫЙ ВЫЗОВ», чтобы связаться со штаб-квартирой ЭИР. Глинн ответил буквально через мгновение. Он сразу перешел к делу, не став тратить слова впустую.

— Где вы и что происходит?

— Нарвались на охотников за сокровищами. Они обстреляли лодку.

— Спасательный плот?

— Уничтожен.

— Яхта?

— Затонула. Послушайте, это долгая история. Посреди шторма нам удалось потопить этих головорезов, но «Туркеза» тоже ушла на дно.

— Местоположение?

— Моя лучшая догадка — одиннадцать градусов сорок четыре минуты северной широты, восемьдесят один градус и одна минута западной долготы. Мы на Москитном берегу, примерно, в двадцати милях к северу от Манки-Поинт, Никарагуа.

— У вас есть еда и вода? Мы вышлем за вами спасательное судно, как только сможем.

— Нам не нужна эвакуация.

Гидеон удивленно уставился на Эми. Она подняла руку, призывая его к молчанию.

— Я не понимаю, — послышался голос Глинна по спутниковой связи.

— Мы там, где и хотели оказаться. К тому же, я знаю, куда нам надо двигаться дальше.

Мы легко доберемся туда пешком.

Молчавший до этих пор Гидеон, понял, что все происходящее — самое настоящее безумие. Он потянулся к телефону, но Эми держала аппарат вне зоны досягаемости напарника.

— Пешком? — удивленно переспросил Глинн. — Меня очень беспокоит ситуация, в которой вы оказались. Вы потерпели кораблекрушение на неизвестном побережье. Как вы собираетесь завершить миссию? Как только сформируем команду, мы немедленно отправим за вами второе судно. Прямо сейчас я смотрю на карту той местности. Если вы отправитесь в сторону Манки-Поинт, то там, чуть севернее, есть лагуна, где мы можем встретиться, переоснастить экспедицию всем необходимым и снова поставить вас на ноги.

— Я ценю ваше беспокойство, но оно излишне, — твердо стояла на своем Эми. — Мы отправляемся в путь. Следующий ориентир с карты находится в десяти милях от места, где мы сейчас находимся, может быть, даже ближе — я в этом уверена.

— Откуда вы это знаете?

Тишина.

— Гидеон, — позвал Глинн, — вы там? Вы согласны с планом?

Гидеон изучающе посмотрел на Эми, и их взгляды встретились. Гидеон ненадолго замешкался, а затем принял решение:

— Да, согласен.

Долгое молчание.

— Отлично. Я соглашусь с вашими суждениями. Но я хочу регулярных отчетов. Два раза в день, утром и вечером. Слышите меня?

— Скорее всего, нам придется сделать их менее частыми, — сказала Эми. — У нас почти разрядилась батарея.

Они отключились. Эми взглянула на Гидеона, и смущенная улыбка скользнула по ее бледному лицу, явив ямочки, которых он прежде не видел.

— Спасибо, что поддержал меня.

— Я сделал это только потому, что жду от тебя объяснений.

— Ты просто должен мне немного доверять...

— Нет. Мне нужно объяснение и *сейчас же*.

Это заявление было встречено гробовым молчанием.

— Господи, Эми! Мы потерялись где-то на пустынном диком побережье практически без каких-либо средств к существованию. Все, что у нас есть, это несколько сухпайков и полдюжины литров воды. Откуда тебе знать, что мы все еще на правильном пути?

Эми подняла промокшую папку-досье и, осторожно перелистав страницы, открыла ее на карте Форкиса, ткнув в одну из подсказок. На картинке была изображена уже знакомая

ему путаница: горизонтальная линия, упирающаяся в линию с углом, рядом с которой примостилась перевернутая скобка. Ключ был обозначен одним единственным словом «*aquilonius*».

— Ты показывала мне этот рисунок и раньше. Что он означает?

— Поднимись и посмотри на остров.

Гидеон сделал, как она велела, и почти сразу же его взгляд остановился на двух холмах, находящихся относительно недалеко от них: один с острой вершиной, второй с закругленной.

— Боже мой!

— Вот именно. Боже мой. «*Aquilonius*» — это намек, что нужно двигаться в северном направлении. Итак, мы отправляемся на север в поисках следующей подсказки.

— Черт возьми, Эми, было бы неплохо, если бы ты раньше поделилась этим со мной. И зачем было скрывать это от Глинна?

— Потому что я обнаружила кое-что еще более невероятное. Это связано с той распечаткой, которую я всюду таскала с собой.

— Опять эта чертова распечатка. Откуда ты ее вообще взяла?

— «Одиссея» Гомера. Возможно, ты слышал о ней?

— Это там, где окончательно потерявшийся парень попадает в пещеру к горячей волшебнице? — спросил Гидеон.

— Очень смешно. Я расскажу тебе, что обнаружила, но сначала давай разведем огонь, высушим одежду и постараемся привнести немного комфорта и цивилизации в это ужасное, Богом забытое место. Тогда преспокойно и поговорим.

Через полчаса они уже сидели перед небольшим костром прямо на песке. Солнце скрылось в ярко-красном сиянии, и звезды постепенно зажглись на небосводе, в то время как ветер ненавязчиво шелестел листьями пальм над их головами.

Во всем этом было что-то донельзя приятное. Гидеон решил, что все дело в возможности ощущать себя сухим.

— Хорошо, — сказал он. — Давай, начинай, я слушаю. Надеюсь, оно того стоит.

Эми начала с того, что продекламировала что-то на незнакомом Гидеону языке.

— Что это? — спросил он. — У тебя в горле все еще булькает соленая вода?

— Это древнегреческий.

— Извини, но я немного подзабыл древнегреческий.

— Я просто хотела, чтобы ты услышал его звучание. Это самый красивый язык в мире — и я говорю это не просто так, а потому что классические языки основной предмет моей специализации. Ты не сможешь по-настоящему оценить Гомера на английском языке. *ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ Πλάγχθη*. «Спой мне о многоопытном муже, о Муза, который странствовал долго по миру».

Извини, но на английском это совсем не звучит.

Гидеон покачал головой.

— Мы застряли у черта на куличках, а ты цитируешь Гомера.

— На это есть причина, — она постучала по влажным страницам распечатки.

— И какая же?

— Позволь мне начать с самого начала, чтобы ты смог проследить ход моих рассуждений. Мы уже знаем, что карта Форкиса была составлена на основе более ранней греческой карты. Глинн упоминал об этом. Та первоначальная карта была обнаружена монахами Айоны в одном из их хранилищ старого, подержанного пергамента.

Гидеон кивнул.

— Это означает, что первыми сюда добрались греки. Греки «открыли» Новый Свет.

— Глинн и об этом говорил.

— Так вот, это вызывает очевидный вопрос: *кто* был греческим Колумбом? И *как* он сюда попал?

Гидеон молчал в ожидании продолжения.

— В 1200 году до н.э. греки осадили город Троию — знаменитая Троянская война. Как известно, они выиграли, обманув троянцев полым конем, наполненным греческими воинами.

— «Бойтесь данайцев, дары приносящих...» и все такое^[44].

— Именно. А теперь перейдем непосредственно к карте Форкиса, — Эми перевернула несколько страниц папки-досье, где на каждой было подробно описано по подсказке. — Вот

он, первый ключ. «*Ibi est initium*», говорит он. И только взгляни на небольшой рисунок лошади. Помнишь? Это была та самая подсказка, которую старина Брок там, в ЭИР, так и не смог понять. И она гласит: «Это начало». Начало чего?

— У меня нет никаких соображений на этот счет, — отозвался Гидеон.

— Начало странствий Одиссея.

— Странствий... — повторил Гидеон и замолчал. — То есть, ты утверждаешь, что «Одиссею» следует воспринимать буквально? Я даже не знаю, что безумнее — это, или предположение, что Одиссей доплыл до Нового Света.

— Это не безумие. И я не первая, кто предположила нечто подобное. Одна диссидентская группа исследователей Гомера в течение многих лет настаивала на этом. Их просто высмеяли и не придали их выводам особого значения.

— Есть из-за чего, — отозвался Гидеон.

— Потому что у них не было доказательств, которыми обладаем сейчас мы, благодаря тому, что ты выкрал эту страницу из Келлской книги.

Голос Эми звучал тихо и спокойно, но в то же время нес в себе полную уверенность.

— Я сравнила карту Форкиса с «Одиссеей». Все сходится. После поражения Трои — ну ты помнишь, с помощью деревянного коня — Одиссей и его люди уплыли отсюда на шести кораблях. Они попали в два невероятно сильных шторма: первый гнал их на запад в течение трех дней, и другой — в течение еще девяти дней. Теперь для меня очевидно, что их протащило сначала через Средиземное море, а затем через всю Атлантику — вплоть до Карибского моря. Вот как греки открыли Новый Свет. И так, в свою очередь, была создана карта Форкиса. Она была основана на более ранней греческой карте путешествия Одиссея. Эта карта и была найдена монахами среди старых запасников веллума. И именно благодаря ей монахи Айоны смогли достичь Нового Света. Одиссей был греческим Колумбом.

— Если бы ты не была специалистом по классическим языкам, подобная мысль никогда бы не пришла тебе в голову. Эта твоя теория целиком притянута за уши.

— Нет, это не так. Одиссею понадобилось десять лет, чтобы вернуться домой. Все те острова, что он посетил, все те приключения, что у него были — все они случились здесь, в Карибском бассейне. Ключевой фрагмент текста прямо там, — девушка перевернула распечатку. — Это из девятой песни «Одиссеи». Я буду переводить по ходу чтения.

«Смертоносные течения и воюющие ветра унесли нас мимо Китиры^[45] на запад. В течение девяти дней нас беспомощно влекло по самому глубокому океану. На десятый день мы достигли земли Пожирателей Лотоса, людей, употреблявших в пищу вкусные плоды, которые, как утверждалось, давали здоровье и исцеляли всевозможные недуги, но ценой потери разума и памяти. На этом пустынном побережье мы нашли воду и смогли насытиться. Как только мы утолили голод и жажду, я отправил на разведку несколько своих людей, двух солдат и бегуна, чтобы посмотреть, кто может здесь жить. Они немедленно отправились на север и нашли Пожирателей Лотоса, которые приняли их с миром и преподнесли им в качестве угощения лотос. Те, кто съел его, излечились от всех своих боевых ранений, но забывали о доме и о своих товарищах и не хотели возвращаться на корабли и даже сообщать о результатах разведки. Все, что они хотели, это остаться с Пожирателями Лотоса и есть сладкие плоды, потерявшись во снах, забыв обо всем. Они горько плакали и стонали, когда я заставил их вернуться со мной. Мне пришлось привязать их к корабельным скамьям».

Эми опустила распечатку.

— Большинство ученых склонны считать, что Китира — это остров у побережья Греции. Но вот в чем загвоздка: в древности Китирой также называли Гибралтарский пролив. Если взглянуть с этой точки зрения, то получается, что корабли Одиссея через Китиру вынесло прямо в Атлантику — самый глубокий океан — по которой они и плыли девять дней на запад, гонимые сильными ветрами и течениями.

— Подожди! Ты хочешь сказать, что у них ушло всего девять дней на то, чтобы пересечь Атлантику?

— В этом нет ничего удивительного. Большинство тропических штормов начинают свой путь юго-западнее островов Зеленого Мыса и заканчивают его в Карибском бассейне. Корабли, попав в такую бурю, мало того, что будут ведомы сильнейшим ветром, так к тому же будут дополнительно подгоняться мощным Экваториальным течением. Это именно тот маршрут, по которому чаще всего и ходили мореплаватели далекого прошлого. При достаточно благоприятных ветрах они могли совершить переход через Атлантику за двадцать дней. Есть множество свидетельств о попавших в шторм кораблях, которые совершили переход всего за неделю — это в том случае, если они выживали, конечно.

Гидеон молчал. Он чувствовал, что сомнения и раздражение раздирают его изнутри.

— Итак, ты оставляешь нас в бедственном положении здесь, на этом пустынном берегу, отказываешься от помощи, ставишь наши жизни под угрозу — и все это ради того, чтобы доказать эту твою нелепую теорию?

Эми нетерпеливо вздохнула.

— Ты что, совсем меня не слушал? Если бы Одиссей пересек Атлантику вместе со штормом, его корабли были бы впоследствии захвачены Карибским круговым течением, которое как раз соединяется с Экваториальным течением. И оно привело бы его прямо сюда, — она немного замешкалась. — Именно этим исследованием я занималась на яхте, прежде чем на нас напали.

— Почему ты скрывала это?

— Потому что боялась именно такой негативной реакции, которую я получаю от тебя сейчас.

Гидеон тряхнул головой. Вся теория Эми казалась ему целиком и полностью притянутой за уши. Он никак не мог заставить себя в нее поверить.

— В «Одиссее» есть кое-что еще, что ты можешь найти более убедительным, — она снова обратилась к распечатке: — «...вкусные плоды, которые, как утверждалось, давали здоровье и исцеляли всевозможные недуги, но ценой потери разума и памяти». Что это тебе напоминает?

— Полагаю, это может быть отсылкой к лекарству, которое мы ищем.

— Вот именно. Можешь ли ты представить более четкое описание снадобья, которое Глинн отправил нас искать?

Гидеон устался на огонь, размышляя. Он снова начал ощущать усталость — слишком сильную усталость, чтобы сердиться. Если бы все это было правдой, это могло бы стать еще одним доказательством того, что снадобье действительно существовало... и что оно на самом деле могло ему помочь. Гидеона сразу же увлекла и соблазнила привлекательность этой мысли, но он быстро осознал ее глупость и попытался выбросить из головы. Ему придется перестать цепляться за эту ложную надежду, которая, скорее всего, принесет ему только разочарование и горе.

— Еще раз взгляни на карту Форкиса. *Следуйте за «рвотой дьявола»*. Мы именно это и

сделали. След пены, берущей свое начало от рифа Хеюпси, естественным образом следовал по круговому течению, которое и доставило нас сюда. Это именно то место, где мы и должны быть — прямо там, где находится следующая подсказка. Прямо там, где Одиссей и его люди высадились три тысячи лет назад.

Гидеон подбросил палку в огонь.

— Когда эта идея впервые пришла тебе в голову?

— Я уже давно была знакома с утверждениями диссидентских ученых. И когда я услышала теорию Глинна о том, что греки достигли Карибского моря, и увидела карту Форкиса, именно тогда в моей памяти начали всплывать некоторые отрывки из «Одиссеи». Вот тогда-то я и взялась за свое исследование всерьез.

Гидеон надолго замолчал, а затем придвинулся поближе к огню.

— Я не говорю, что я купился на это все. Но на данный момент ситуация складывается так, что нам нужно двигаться дальше. Так куда теперь?

— *Aquilonius*. Необычный латинский термин, означающий «север». Там мы должны найти следующий ключ — самый последний ключ. Мы почти на месте.

— И что это за ключ?

Она указала на страницу. Рисунок на карте показывал местами изогнутый прямоугольник без нижней линии. Латинская надпись гласила: «*Trans ultra tortuosum locum*».

— «*Tortuosum locum*» — спираль, «*Trans ultra*» — за пределами, позади. Наша цель и то, что мы ищем, лежит «за спиралью». И что бы это ни значило, оно находится к северу отсюда. И... — ее глаза сверкнули в свете затухающего костра — когда мы доберемся туда, мы окажемся на земле Пожирателей Лотоса.

Его полчаса в ванной с гидромассажем истекли. Используя мощный подъемный механизм и роботизированную руку, Эли Глинн с кропотливой медлительностью поднял себя — свое тощее тело, с которого капала вода, насыщенная успокаивающими травами и маслами — и направил специальную транспортную платформу в свою гардеробную. Процессы высыхания и одевания были не менее трудными и занимали еще полчаса.

После катастрофы Глинн потратил много времени на то, чтобы найти одежду, которая была бы достаточно удобной, и которую можно было бы относительно легко надевать и снимать. В конце концов, он остановился на теплых брюках из ультрамягкого персидского хлопка с эластичным поясом — специально скроенными под его потребности Джонатаном Крофтсом с Савилья-Роу — и водолазках на размер больше положенного. И того, и другого у него теперь было по несколько десятков пар, и он использовал их как в качестве повседневной одежды, так и в качестве пижамы.

Тяжелый процесс был завершен, и Глинн, нажав кнопку на пульте дистанционного управления, погасил свечи и опустился в кресло-коляску. Привычным размеренным ходом он выкатился из ванной, миновал свою спальню и очутился в главной гостиной. Далее, по своему обыкновению, он провел инвалидное кресло через аскетичное, окрашенное в холодный серый цвет пространство и остановился у массивного обзорного окна с видом на Гудзон. Глинн спал очень мало и часто сидел здесь часами, читая стихи или просто любуясь пейзажем, в то время как его мысли были далеко.

Монахи приняли это тайное снадобье и смогли исцелить себя от «ранений, недугов, болезней и немощей». Было ли это правдой? Действительно ли существовало тайное снадобье — или это была всего лишь очередная примитивная легенда, рожденная из грубого и несовершенного понимания этого мира? Возможно, скептицизм Брока передался и ему.

Хотя постойте! У них на руках ведь имелось одно неопровержимое доказательство правдивости этой легенды. Скелеты. Они уж точно были реальными и являлись непоколебимым фактом!

Мысли Глинна обратились к Гидеону и Эми. Он ощущал смешанное чувство тревоги и неуверенности по отношению к ним... в частности, из-за направления, которое приняло их расследование. Их яхта затонула, они потерялись где-то на побережье Москитов, и все же Эми отказалась от помощи. Хотя удивляться здесь особо нечему — это соответствовало ее качественному поведенческому анализу. В то же время при планировании ЭИР не брала в расчет возможное нападение охотников за сокровищами. Так что сейчас напарники были на неизведанной территории. Еще одна проблема, вызывающая озабоченность, заключалась в спутниковом телефоне. Эми сообщила, что у него почти разряжена батарея, а постоянно оставаться с ними на связи было жизненно важно.

Его выбор Эми для этого проекта был одной из самых масштабных и трудных задач по охоте за головами, которую когда-либо выполняла ЭИР — результаты ее тестов качественного и количественного поведенческого анализа оказались весьма интересными. ЭИР занималась анализом аварий, как средством предотвращения неудач — и ее профиль показал, что во время этой миссии она точно потерпит неудачу. И все же, по иронии судьбы, этот ее провал был жизненно важен для успеха миссии.

Но эта неудача не должна была произойти так рано или принять такую форму. Любопытно... и весьма тревожно. Однако тут Глинн понял, что на данный момент ему просто нужно принять ее выбор, ее отказ от помощи, как данность.

Его размышления были прерваны негромким звонком телефона. Глинн взглянул на часы: пять тридцать утра. Он сделал разворот на инвалидной коляске и потянулся к телефону.

— Да? — сказал он.

— Это Уивер. Я хотел спросить, можете ли вы сейчас приехать? Дело срочное, — голос специалиста звучал напряженно от беспокойства — или, может быть, страха.

— Что произошло?

— Было бы проще показать вам это лично, мистер Глинн.

— Я сейчас буду.

Повесив трубку, Глинн направил свое инвалидное кресло к лифту и медленно спустился в обширное помещение, отделанное полированным сланцем.

Гарза прибыл в лабораторию в четверть шестого, совсем не выспавшийся и сытый по горло внезапными ранними утренними совещаниями.

Уивер, специалист по ДНК, выглядел уставшим и потрепанным. Но вдобавок к этому он него буквально исходили волны напряженности и неуверенности. Брок стоял в дальнем углу, скрестив руки на груди и выглядел не менее вымотанным, чем его коллега по проекту. Рядом с ним расположился неподвижный и бесстрастный Глинн — на его лице невозможно было прочесть ни единой эмоции.

— ДНК-тест двух фолликул завершен, — отчитался Уивер и, казалось, вздрогнул.

— Ну же, продолжай, парень, — подтолкнул его Гарза.

— Помните, как я высказал свое предположение, что веллум этой страницы может быть изготовлен из человеческой кожи?

Гарза кивнул.

— Оказывается, я ошибался...

— Именно это, я и предсказывал, — вставил свои пять копеек Брок.

— ... *И* в то же время я был прав.

Гарза, не любивший загадки, буркнул:

— Ближе к делу.

Специалист глубоко вздохнул.

— Согласно нашему анализу, последовательности ДНК этих волосяных фолликулов совпадают с ДНК человека примерно на девяносто семь процентов. Тем не менее, есть базовые последовательности, которые *не соответствуют* геному человека, — он обвел взглядом всех присутствующих. — Вот почему я сказал, что был одновременно прав и не прав. Это гуманоид. Это *почти* человек. Я имею в виду, что он на один процент не дотягивает до идентичности шимпанзе и человека, но на два процента превосходит, например, идентичность орангутанга и человека.

Закончив доклад, Уивер сглотнул и спешно расстегнул воротничок своей рубашки. Похоже, результаты исследований его сильно напугали.

— Что за чушь! — воскликнул Брок. — Эту страницу на протяжении тысячи лет переворачивали жирные пальцы немых монахов — неудивительно, что вся эта грязь въелась в человеческую ДНК.

— При проведении анализа мы были очень, *очень* осторожны, и у нас получились одинаковые результаты для обоих образцов. К тому же мы взяли образцы из переплетного края страницы, который, судя по всему, меньше подвергался обработкам и к которому меньше прикасались. Также мы провели всевозможные тесты на наличие загрязнений. Поэтому я почти со стопроцентной уверенностью, могу заявить, что ошибки здесь быть не может.

— Это не аргумент! — возразил Брок. — Страница скреплялась и раскреплялась бесчисленное множество раз! Так на ней и появилась человеческая ДНК, — он повернулся к Глинну. — Я настаиваю, что человеческая кожа сама по себе не использовалась для изготовления веллума. Наш образец — не что иное как кожа животного — как я склонен думать, свиньи — которая просто оказалась сильно загрязнена.

Проигнорировав Брока, Глинн слегка подался вперед в инвалидной коляске.

— Вы говорите, что получили одинаковые результаты от обоих фолликулов? Уивер кивнул.

— *Почти* человек, — Гарзе пришлось приложить усилия, чтобы скрыть сарказм в своем голосе. — Уивер, это не имеет никакого смысла. Я согласен с Броком. Всему виной загрязнения.

— Не делайте поспешных выводов, мистер Гарза, — тихо произнес Глинн, и снова обратился к Уиверу: — Какие тесты вы провели на наличие загрязнений?

— Мы использовали стандартную методику под названием BLAST^[46] — Средство Поиска Основного Локального Выравнивания.

— Насколько она надежна?

— Не на сто процентов.

— Что и требовалось доказать, — вставил Гарза, махнув рукой. Его раздражение достигло пика из-за того, что Глинн с полной серьезностью воспринял эту чепуху.

— Есть ли другие способы проверить образцы на наличие загрязнений? — спросил Глинн.

— Ну... в прошлом году мы разработали новую технологию для нашего швейцарского клиента — гибридную версию алгоритма BWA-SW. Мы могли бы прогнать полученные цепочки ДНК через нее. К сожалению, она намного медленнее, чем BLAST.

— Как она работает? — поинтересовался Гарза.

— В ее основе лежит преобразование Барроуза-Уилера^[47]. По существу, это алгоритм для выравнивания нуклеотидных последовательностей по отношению к референту с целью выявления присутствия каких-либо цепочек загрязнений. Разработанные нами алгоритмы могут обрабатывать более длинные запросы последовательностей ДНК, и в них заложена большая степень терпимости к ошибкам, чем в оригинале.

— Запускайте, — скомандовал Глинн.

Уивер кивнул, но тут Гарза внес еще одно предложение:

— Пока программа будет работать, проведите над образцами еще один повторный тест — или даже два. Давайте посмотрим, получатся ли у вас такие же результаты, как и в первый раз.

Гарзе все это казалось излишним, но он знал, что они не начнут двигаться дальше, пока Глинн не будет удовлетворен на все сто.

— Мне также хотелось бы знать, — тихо заметил Глинн, — если предположить, что нет никаких загрязнений, то, что собой представляет этот разброс в три процента.

— Мы могли бы попытаться сопоставить его с геномами каких-то других видов.

— Хорошая идея, так и сделайте. И посмотрите, сможете ли вы экстраполировать полученные выводы так, чтобы увидеть какие виды анатомических особенностей могут нести с собой эти гены. Я хочу точно знать, о каком существе идет речь. Как оно выглядит, каковы его возможности — если мы действительно имеем дело с новым видом гоминида.

Лицо Уивера — и до этого бледное — стало еще бледнее.

Само собой, — подумал Гарза, мысленно подсчитывая оставшиеся часы сна, которые ему было не суждено урвать.

За двадцать четыре часа Эми и Гидеон сумели преодолеть пять миль по направлению к северу. Их поход никак нельзя было назвать приятной «прогулкой по пляжу»: Гидеон чувствовал себя выжатым комком ноющей боли от необходимости постоянно пробираться через препятствия, ползком прорываться через бесконечные мангровые болота и лагуны, гудящие кровососущими насекомыми, и барахтаться в необъятных лужах дурно пахнущей грязи. К сожалению, обойти эти препятствия не было никакой возможности. То и дело Эми и Гидеону приходилось плыть, ползти, грести и идти гуськом друг за другом, чтобы не споткнуться и ненароком не переломать себе все кости.

Они решили сделать привал, лишь когда солнце, палящее над бесконечными джунглями, начало понемногу клониться к закату. Гидеон вошел в океан и попытался смыть всю гадость, налипшую на его одежду, чувствуя себя Робинзоном Крузо, путешествующим по необитаемому острову. По пути им не встретилось ни одного следа человеческой жизнедеятельности: ни следов на пляже, ни привязанных к деревьям лодок, ни деревень, ни даже одинокой хижины на дереве.

Тоскливо вздохнув и обернувшись, Гидеон увидел, что Эми занята чисткой пистолета. Он поспешил раздеться, ополоснуть одежду, насколько это было возможно, выжать ее и снова надеть, после чего вернулся к месту привала.

Эми отложила свой пистолет .45 калибра на землю при виде него и окинула своего напарника оценивающим взглядом.

— Разожги огонь, пожалуйста. Я попробую раздобыть нам немного белка, — вместо дальнейших объяснений она с резким щелчком вставила в пистолет обойму и исчезла в суглинистых джунглях.

Гидеон отыскал подходящую площадку для костра среди пальм, и принялся собирать опавшие листья, ветки и коряги. Он сомневался, что Эми подстрелит из своего пистолета что-нибудь съедобное, поэтому мысленно уже смирился с необходимостью ужинать батончиками, однако указание все равно предпочел выполнить.

Небо было ясным, но ветер не стихал, налетая внезапными порывами, а на море продолжали бушевать волны, хотя уже и не с такой силой.

От изучения моря Гидеона отвлекла пара выстрелов, заставивших его резко вздрогнуть, а уже через десять минут из джунглей выбралась Эми, держа за хвост мертвого броненосца. В другой руке у нее была кисть бананов.

— Броненосец? И это — лучшее, что ты смогла достать? — усмехнулся он.

Девушка молча бросила убитое животное на банановый лист.

— Тебе его разделывать и потрошить.

Гидеон удивленно уставился на мертвое существо с нелепой головой и костяной броней.

— Мне? — переспросил он.

— Я его застрелила. Теперь твоя очередь внести свою лепту.

— И что... мне с ним делать?

— Я думала, это ты у нас тут гурман. Неужто ты считаешь, что я когда-нибудь до этого разделывала броненосца? — хмыкнула она. — Нет. Так что он полностью в твоём распоряжении... Первый Помощник, — и она одарила его кривоватой улыбкой.

— Прости, но насколько я помню, твой корабль затонул, так что ты больше не капитан. Повисла недолгая тишина.

— Справедливо, — наконец кивнула Эми. — Но тебе все равно придется разобраться с этим броненосцем.

Вздыхнув, Гидеон взял нож и начал разделять тушку мертвого животного. Первым делом он рассек живот и извлек внутренности. Это была отвратительная работа, но, как ни странно, он почти ее не заметил — настолько он был голоден. Профессионально пройдясь ножом между защитными костяными пластинами и плотью, Гидеон сумел быстро очистить мясо, порезать его на куски и разложить на углях. Когда от мяса начал исходить аппетитный запах, Гидеон ощутил небывалый звериный голод, и, взглянув на Эми, заметил в ее глазах такой же жадный блеск. Вскоре они сняли мясо с углей и разрезали его на банановых листьях. И хотя еда была еще слишком горячей, они набросились на нее, как голодные звери, держа кусочки подрагивающими руками, и поедая все без остатка, пока на листьях не остались лишь обглоданные косточки.

Впервые за два дня Гидеон почувствовал себя человеком. Он взглянул на Эми, которая уже снова начала просматривать текст «Одиссеи», сравнивая его с картой Форкиса. Блики огня причудливо играли на ее сосредоточенном лице.

— Еще какие-нибудь откровения будут? — спросил он, очень сильно постаравшись убрать из голоса циничный тон.

— Ничего драматичного, — фыркнула она и отложила текст. — Но я больше, чем когда-либо уверена, что мы следуем по стопам Одиссея.

Гидеон с сытым и довольным видом откинулся на спину, заложив руки за голову.

— Расскажи мне историю Одиссея. Прошло слишком много времени с тех пор, как я читал про него.

Эми прилегла рядом с ним. Некоторое время они отдыхали молча, слушая потрескивание огня и наблюдая за тем, как на небе появляются звезды. И тут Эми начала рассказывать:

— Это можно считать первым триллером. Там есть все: монстры, боги, демоны, ведьмы и колдовство, приключения, жестокость, кораблекрушения, убийства и история любви. И, что лучше всего, там есть герой, которого можно назвать Анти-Джеймсом-Бондом, который пробивает себе путь вперед не с помощью грубой силы и специальных технических приспособлений, а с помощью уловок, обманов, маскировки и введения в заблуждение.

— Первый социальный инженер.

Эми рассмеялась.

— В точку.

— Значит, он похож на меня, — мимоходом заметил Гидеон. Эми оценивающе взглянула на напарника.

— Возможно, — и нарочито с нажимом добавила: — немного.

— Ты лучше продолжай рассказывать.

— Я буду придерживаться основных вех истории, — профессорским тоном объявила она, будто читала лекцию глуповатому студенту. — После падения Трои Одиссей и его люди погрузили свою добычу на корабли и отплыли на запад. В конечном счете, они попали в ужасный шторм — я рассказывала тебе прежде об этой буре, которая пронесла их «мимо Китиры» и затем девять дней гнала по «самому глубокому океану». На десятый день они прибыли на землю Пожирателей Лотоса. Там трое его людей отправились налаживать

контакты с туземцами, но они потеряли разум, отведав плодов лотоса. Одиссею пришлось силой привести их обратно на корабль и связать, чтобы увезти их оттуда. После чего они плыли всю ночь и прибыли на землю Циклопов.

— Циклопов? Это же одноглазые гиганты, ведь так?

Эми кивнула.

— Их еще называли киклопами^[48], исполинами, колоссами.

— Принято к сведению.

— Было два острова, стоящих бок о бок — большой и поменьше. Сперва люди Одиссея высадились на большом острове, где устроили пиршество из диких коз. Затем они отправились к острову Циклопов, и нашли там пещеру с запасами молока и сыра. Здесь Одиссей поступил весьма необычно: вместо того, чтобы просто украсть еду и поднять ее на борт, он решил остаться и встретиться с владельцем. Спустя некоторое время появился уродливый Циклоп — сын Посейдона по имени Полифем. Сначала Полифем доброжелательно разговаривал с путешественниками, успокаивал, чтобы усыпить бдительность их охраны, а затем схватил пару людей Одиссея, размозжил им головы о стены пещеры и съел их сырыми, пока другие в ужасе наблюдали за этим действием.

— Греческое канапе, — усмехнулся Гидеон.

— Оставшихся Полифем заточил в своей пещере, вознамерившись отобедать ими позже, а ко входу подкатил большой валун. На следующее утро он оставил их запертыми, а сам отправился пасти свое стадо. Когда гигант вернулся, Одиссей напоил его вином. Он сказал Полифему, что его зовут *Никто*. А когда гигант, наконец, уснул, захмелев, Одиссей прокалил на огне палку и загнал ее заостренный конец прямо ему в глаз. Полифем проснулся, крича, что его убивают, но когда его собратья попытались спросить, кто его убивает, он ответил: «Никто! Это Никто!», поэтому никто из них и не пришел ему на помощь, решив, что он просто пьян.

— Хитрый маленький засранец, — заметил Гидеон. — Надо будет запомнить этот прием.

— Но они все еще оставались узниками в пещере. Когда наступило утро, ныне ослепленный Циклоп должен был выпустить своих овец на пастбище. Он откатил валун и стал выпускать овец одну за другой, ощупывая их спины, таким образом проверяя, чтобы Одиссей и его люди не выскользнули вместе с овцами. Но люди Одиссея оказались хитрее и сбежали от него, уцепившись овцам за брюхо. В итоге они украли у Циклопа овец и ушли на корабле. На безопасном расстоянии от берега Одиссей крикнул Полифему что-то вроде: «Эй, ублюдок! Вот, что происходит, когда съедаешь своих гостей! Если кто-нибудь спросит, кто выколол твой глаз и подпортил твоё очаровательное личико, скажи, что это был Одиссей, сын Лаэрта, из Итаки!»

— А как будет «ублюдок» на древнегреческом? — заинтересовался Гидеон.

Эми произнесла слово, а затем написала палочкой на песке: ἀναγής.

— Так и сказал?

— Ну, я позволила себе немного поэтической вольности, — пожалала плечами Эми.

— Мне нравится этот Одиссей. Свой парень.

— Но Полифем, будучи сыном Посейдона, поклялся отомстить своему новому врагу. И его отец поддержал его, сильно усложнив путешествие Одиссея. Наконец, движимые непрерывными штормами Посейдона, наши герои оказались практически в лапах Аида — в самом Аду. Где им пришлось спросить Тиресия — слепого пророка — о том, как им

вернуться домой.

— Они попали к Аиду? Неплохо так заблудились...

— Именно об этом я и говорю. Не похоже, что все это время они бродили между несколькими островами в Эгейском море, не так ли?

— А что случилось, когда Одиссей, наконец, вернулся домой?

— Он увидел, что толпа праздных женихов пытается соблазнить его жену, и нашел примерно такой же... как бы это сказать... *необычный* способ избавиться от всех них, как и тот прием, с помощью которого они сбежали от Полифема, — Эми взяла банан и начала его очищать. — Надеюсь, тебе не скучно все это слушать?

— Смеешься? Это отличная история!

Всего за пару минут Эми съела банан и отбросила кожуру в темноту джунглей, после чего была готова продолжать разговор.

— Знаешь, есть еще кое-что, что я только сейчас поняла. Гомер упоминает в «Одиссее» каннибализм. Причем, неоднократно. Но в древности каннибализм в области Средиземного моря был совершенно неизвестен. Однако для Карибского бассейна это явление было... весьма распространенным.

— Занимательно...

Она взглянула на напарника. Повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня и бризом, шелестевшим в пальмах над их головами. Гидеон посмотрел на ее лицо в свете огня.

— Ты очень красивая.

Она покраснела и попыталась сменить тему.

— Так... на чем мы остано...

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но Эми решительно оттолкнула его.

— В чем дело? — ошеломленно спросил он.

— Нам ни к чему усложнять наше задание и наши отношения *подобным образом*.

Гидеон приподнял бровь.

— Ты серьезно?

— Да, серьезно, — она слишком поспешно схватила свои распечатки, давая понять, что рассказ окончен. — А теперь позволь мне вернуться к работе. А ты... можешь... пойти понырять или еще что-нибудь в этом духе... в общем, остынь.

Ночь они провели под защитой пальмовой рощи, а когда наступило утро, и над глянцевым морем поднялось жаркое солнце, принеся с собой удушающее одеяло тепла и стаи москитов, Гидеон отправился купаться в попытке спастись от них. Вернувшись в лагерь, он обнаружил, что Эми развела дымный костер, который отпугивал насекомых куда лучше, чем соленая вода.

Они молча доели остатки вчерашнего броненосца, сгоняя с них мух, тоже желающих ими поживиться. Пресной воды у них оставалось очень мало, и теперь приходилось экономить. Когда жара стала почти невыносимой, Гидеон вновь ощутил острую жажду.

— Нам пора выдвигаться, — сказала Эми, складывая свои скудные пожитки в непромокаемый мешок.

— Разве мы не должны хотя бы попытаться дозвониться до Глинна?

— Если ты помнишь, батарея спутникового телефона почти села. Я думаю, нам лучше оставить заряд на случай, если ситуация станет совсем критической.

— Ладно, но Глинн с ума сойдет, если мы не выйдем на связь в ближайшее время.

Эми покачала головой, одарив его легкой полуулыбкой.

— Что ж, сочувствую ему.

— Тебе не нравится Глинн?

— Как ты догадался? — саркастически спросила она.

Гидеон молча наблюдал за тем, как Эми аккуратно сворачивает распечатку «Одиссеи» и кладет ее в водонепроницаемый мешок. При свете дня ее теория казалась более диковинной, нежели накануне, когда она с убежденностью и энтузиазмом в глазах рассказывала про Одиссея при отсветах костра. Гидеон почувствовал растущее раздражение от того, как аккуратно она обращалась с распечаткой. Впрочем, он понимал, что, скорее всего, его раздражает не столько педантичность Эми, сколько его собственная импульсивная выходка и, последовавший за ней, ее поспешный отказ. Да и от помощи Глинна она раз за разом упорно отказывалась. Интересно, почему?

Собрав вещи, они побрели по пляжу дальше, пока не дошли до новой лагуны, и эта рельефная особенность принесла с собой неприятный сюрприз: она оказалась шире, чем предыдущие — по крайней мере, триста ярдов шириной — и из нее в море вытекал стремительный поток коричневой воды. Гидеон, глядя вдаль, видел, что лагуна огромна, почти как внутреннее море.

— Этого я и боялась, — сказала Эми, опустив на землю свой мешок. — Должно быть, это Лагуна-де-лос-Микос, большая лагуна, которую я припоминаю из виденных мной морских карт.

— Если мы попытаемся ее переплыть, нас вынесет в открытое море, — кивнул Гидеон. — И мы не сможем обойти ее — слишком широкая.

Эми молчала.

— Почему бы не принять предложение Глинна о новой лодке? Эта лагуна была бы хорошей точкой для нового рандеву.

Эми покачала головой.

— Мы почти на месте, — она порылась в своем мешке и извлекла оттуда бинокль.

Подойдя к краю, она оглядела берега лагуны, которые длинным полумесяцем уходили от них в туманную даль. Жуки и мухи роились над водой, и один из них попытался залезть Гидеону в ухо, невыносимо громко жужжа. Мужчина, поморщившись, вытащил его пальцем. Пока они с Эми стояли без движения, облако вредоносных насекомых еще сильнее сгустилось, превратившись в настоящую хищную тучу. Они пытались залететь в рот, в глаза и уши, и взмахи руками совсем не помогали их отогнать.

Эми опустила бинокль.

— Думаю, нам стоит идти вдоль берега, — заключила она. — Там, где лагуна расширяется, совсем неглубоко. Мы сможем ее перейти или переплыть.

— Чтобы мы ни намеревались сделать, давай двигаться. А то нас сожрут заживо. Меня уже почти съели.

Они зашагали вдоль илистых берегов лагуны, пробираясь через труднопроходимые дебри мангровых зарослей и деревьев. Вода была около трех футов глубиной, а на дне находилась плотная илистая гадость, с каждым шагом становящаяся все более настойчивой в своем стремлении утянуть их вниз. Это был медленный и изнурительный переход, и усложнялся он еще тем, что болотные обитатели никуда не девались, сопровождая каждый их шаг.

Когда лагуна расширилась, течение действительно уменьшилось. Эми и Гидеон теперь вышагивали по застоялой вонючей теплой воде. Жара, влажность и насекомые окутывали их, как паровое одеяло.

— Мы могли бы попробовать переплыть, — сказал Гидеон, глядя на дальний берег лагуны, который теперь отстоял от них примерно на милю. Эми прищурилась, вытащила бинокль и стала исследовать берег впереди них. Внезапно она замерла, затаив дыхание.

— В чем дело?

Девушка молча вручила ему бинокль.

— Примерно на расстоянии в полмили. Взгляни на ту белеющую штуку.

Гидеон взял бинокль и присмотрелся.

— Похоже, это лодка...

Значительно ускорив шаг, они пробрались по краю мангровых зарослей, пока лодка не оказалась в их непосредственном поле зрения. Это было потрепанное деревянное каноэ, наполовину заполненное водой, которое увязло в клубке мангровых корней. По меньшей мере, десять слоев яркой краски то тут, то там отслаивались с его боков, придавая ему психоделический вид.

— Давай заберемся в него и посмотрим, можно ли на нем плыть, — предложил Гидеон.

Добравшись до находки, они принялись, складывая руки лодочкой, вычерпывать воду. Примерно через десять минут каноэ оказалось на плаву, и лишь тонкая струйка воды просачивалась сквозь трещины в его дне. Эми и Гидеон поместили свои мешки в лодку, отыскивали в мангровых зарослях пару коряг, которые могли бы послужить веслами, забрались в лодку и принялись грести. Когда каноэ отплыло от берега, Гидеон с облегчением ощутил слабый ветерок, который мало-помалу разогнал облако насекомых.

— Боже, я уж думал, что с ума сойду, — сказал он, отмахиваясь от остатков жужжащего роя. — А ведь, если подумать, вместо этой дырявой лодки мы могли бы плыть на шикарной яхте и расслабляться в каюте. Для этого достаточно было бы просто позвонить Глинну.

Эми нахмурилась.

— Молчи и греби, — буркнула она.

— Как прикажете, капитан Блай^[49], — отозвался он.

Далекий берег медленно приближался, представляя собой такое же запутанное скопление мангровых болот, как и другой. При приближении Гидеон осмотрел его в бинокль и обнаружил в зарослях небольшой канал, который переходил в песчаный пляж.

Менее чем через полчаса они пристали к берегу, вытащили лодку на грязный песок у дальнего края болота. Пока Эми забирала из нее непромокаемые мешки, Гидеон краем глаза уловил какое-то движение.

— Эм... Эми? У нас гости.

Девушка резко выпрямилась и повернулась. Шесть человек, взявшиеся словно из ниоткуда, стояли полукругом в двадцати футах от них, держа в руках копья.

— Ой-ой... — протянул Гидеон.

Примерно с минуту они молча изучали друг друга.

— Позволь мне разобраться, — сказал, наконец, Гидеон. Он шагнул вперед с легкой улыбкой и поздоровался. — Друзья... э... мы... amigos, — он приподнял руки, демонстрируя, что безоружен. — Somos amigos.

Человек — по-видимому, лидер — собрал большой комок мокроты и сплюнул на землю. Вновь воцарилась гнетущая тишина. Гидеон воспользовался моментом и изучил пришельцев. Все они были одеты одинаково: грязные шорты, футболки, рваные шлепанцы. Многие из них носили странные ожерелья из каких-то кусков мусора — колпачков от бутылок, пластиковой бижутерии, оловянных ложек и сломанных деталей электронных приборов. На шее главаря на кожаном ремешке болтался старый iPhone со сквозной дырой в корпусе. На стеклянном дисплее телефона было нацарапано изображение, похожее на морщинистое лицо обезьяны.

— Somos amigos, — снова попытался Гидеон.

Человек со сломанным iPhone'ом вышел вперед и сердито произнес что-то на незнакомом языке, указав своим копьем на каноэ. Некоторое время он так и стоял, продолжая размахивать оружием, поочередно указывая то на них, то на лодку, то на место, где они ее нашли.

— Похоже, АйФон обвиняет нас в краже, — шепнула Эми. — Скажи им, что мы сожалеем.

Гидеон напряг память. Его скудный испанский ограничивался теми знаниями, что он получил во время проживания в Нью-Мексико. Он повернулся к Эми.

— Я думал, ты у нас лингвист.

— Да. Моя специализация — классические языки. Жалко, что они не говорят по-гречески.

Последовала новая серия сердитых жестов. Пока, в конце концов, АйФон не сказал:

— Ven. Ven, — и указал на то, что было похоже на протоптанную тропу среди мангровых зарослей.

— Ven... похоже, это испанский. Он говорит, чтобы мы пошли с ним, — пояснил Гидеон.

Чтобы подчеркнуть серьезность своего намерения, АйФон потряс копьем и указал его острием на Гидеона.

— Ven!

Пришлось повиноваться.

Напарники последовали за АйФоном по песчаной тропе, что пролегла среди

мангровых зарослей и, которая, в конце концов, привела их в густые джунгли. Здесь было зверски жарко и влажно, и снова появились облака насекомых — мириады жуков, мух и москитов спикировали с листвы, чтобы напасть на свежую добычу. Даже лидер отряда аборигенов что-то недовольно проворчал себе под нос и стал отмахиваться от назойливых кровопийц, ускорив шаг. Гидеону это зрелище отчего-то доставило легкое удовлетворение.

Примерно через пять миль Гидеон услышал слабый звук прибора. Растительность поредела, начали появляться пальмы, и кожи легко коснулся слабый соленый ветерок. Через мгновение они вышли к крошечному поселению, состоявшему из нескольких лачуг, сплетенных из веток и гофрированного железа. Безо всякой организованности и без намека хоть на какое-то архитектурное решение эти домишки были рассеяны среди травянистой растительности, перемежавшейся с вкраплениями дарующих тень пальм. Толстая стена джунглей отгораживала поселение от океана.

В центре поселка находилась открытая площадка с костром, где группа старых женщин что-то перемешивала в огромной, помятой эмалированной кастрюле, установленной на углях. С обеих сторон деревушки стояли столбы, чем-то напоминавшие тотемные колонны индейцев, с вырезанными на них ухмыляющимися мордами обезьян — и не одна из них не была похожа на ту, что АйФон нацарапал на дисплее своего сломанного аппарата. На другом конце деревушки стояло нечто, выглядевшее, как своего рода святилище: миниатюрный домик, выстроенный из мелких веток, с травяной крышей. Внутри Гидеон разглядел старые человеческие черепа, побуревшие от времени, тщательно сложенные вместе с другими костями.

Главарь произнес очередную сердитую тираду и жестами дал понять обвиняемым, что им следует сесть на бревно напротив него. Женщины продолжали готовить что-то в кастрюле, словно ничего необычного не происходило. Откуда-то из окружавшего деревню леса материализовалась стайка детей, которые замерли и молча уставились на незнакомцев.

— У тебя случайно нет каких-нибудь соображений, кто все эти люди? — пробормотал Гидеон.

— Так как это берег Москитов, я бы предположила, что они — индейцы москито.

Группа племенных старейшин приблизилась к незнакомцам, оживленно переговариваясь с АйФоном. Очевидно, что они обсуждали, что делать со злоумышленниками, и АйФон выступал в качестве прокурора и гнул свою линию обвинения. Наконец, отделившись от группы, он подошел к Гидеону и указал на его непромокаемый мешок.

— Dar! — скомандовал он.

— Нет, — отозвался Гидеон, убирая мешок за спину.

Мужчина направил на него свое копьё и сделал пару угрожающих выпадов.

— Dar!

— Имей в виду, — пробормотала Эми, — что у тебя в сумке есть заряженный пистолет. Ну это я так, к слову.

— Mi, — сказал Гидеон, отодвигаясь от туземца.

Мужчина потянулся за сумкой, в то же время, ударив Гидеона плащмя копьём.

— Сукин сын! — воскликнул тот, вскакивая с места.

В ответ от агрессора послышались какие-то гневные ругательства, а затем последовали новые угрожающие движения копьём.

— Если вытащишь пистолет, — прошептала Эми, — быть может, это его утихомирит.

— Не лучшая идея, — отозвался Гидеон. — По крайней мере, пока.

Мужчина снова заорал на него, размахивая своим примитивным оружием.

Гидеон шагнул вперед, подошел почти к самому острию копья и вдруг тоже закричал:

— Убери копье! Ваја! Мы — гости! — он судорожно ломал голову, пытаясь вспомнить свой скудный испанский. — *Somos amigos! Visitantes!*

Индеец замешкался, ошеломленный напором Гидеона.

— *Lo siento!* Я сожалею о лодке. Большое спасибо... *Muchas gracias.* Но мы потерпели кораблекрушение на этом берегу. *Nuestro barco, baja en agua,* — он попытался изобразить, как их лодка затонуло и как они потом плыли к берегу. С помощью гротескно комичных жестов, он рассказал, как им пришлось бродить, искать пропитание и воду, как они голодали и мучились от жажды.

Группа мужчин перестала спорить между собой, и вся обратилась в слух.

— Нам нужна помощь. Вы понимаете? *Socorro. Comprende? Ayuda. Alimento y agua,* — он изобразил жестами, что хочет есть и пить.

АйФон снова потряс копьем. Гидеон оттолкнул оружие, и решительно шагнул вперед, выпятив грудь.

— Хочешь меня ударить? Вперед! Так вы относитесь к гостям? Тогда давай, покончим с этим!

Этот выпад спровоцировал какое-то беспорядочное бормотание среди пожилых женщин, которые теперь рассматривали Гидеона с интересом. АйФон, разгневанный наглостью своего противника, ткнул острием копья прямо в грудь Гидеона, пустив небольшую струйку крови.

— Я не уверена, что твоя стратегия работает, — сказала Эми, потянувшись к своей сумке. — Думаю, пришло время показать этим людям, что с нами шутки плохи.

— Подожди, — прошептал Гидеон. Он смочил пальцы левой руки в струйке крови, вытекающей из точечной ранки на груди, а затем нарисовал на лице две кровавые полосы на обоих висках. Третью, косую полосу он нанес на лоб.

За этим последовал незамедлительный и поразительный эффект: со вздохом АйФон отпрянул назад, опустив копьё. Со стороны пожилых женщин послышался тихий шепот.

Вдруг дверной лоскут соседней хижины распахнулся, и оттуда выскочил старик — иссохший, жилистый, тяжело двигающийся, с горбатой спиной. В отличие от других, он был одет традиционно, в набедренную повязку.

Группа спорящих мужчин замолчала, когда старик остановился перед ними и сурово на них посмотрел. Затем он сказал что-то резкое АйФону и повернулся к Гидеону, выдав длинную непонятную речь на своем родном языке, сопроводив ее вычурными жестами. Как показалось Гидеону, старик не выглядел особо счастливым от того, что они заявили к ним в деревню, но, по крайней мере, он не собирался их убивать. Наконец, старик замолчал и жестом дал понять, чтобы Гидеон занял свое место на бревне возле костра.

— Что это было? — пробормотала Эми. — Зачем ты размазал кровь по лицу?

— Мне нужен был... макияж.

Она нахмурилась, и он поспешно добавил.

— Вообще-то, я и сам не знаю, почему они так отреагировали. Я просто решил действовать в их стиле и подражать вот ему, — он кивком указал в сторону ближайшего тотемного столба. — Посмотри на ту одноглазую фигуру наверху. Я просто скопировал ее раскраску, вот и все.

Эми покачала головой.

— С пистолетом было бы проще.

— Нет. Когда достаешь оружие, все очень быстро усложняется. А я решил пойти по пути социальной инженерии — как твой приятель Одиссей.

Перед ними вдруг поставили миски с тушеным мясом, и пахло оно, как Манна Небесная. Гидеон даже не беспокоился о том, что может обжечь себе весь рот, пока уплетал это горячее лакомство. Напарники застенчиво поглядывали по сторонам пока если — они были единственными, кто сейчас ел — остальные лишь стояли вокруг них и смотрели.

— Не знаю, пробовал ли когда-нибудь что-нибудь вкуснее, — сказал Гидеон, выливая в рот остатки бульона.

Эми помешала остатки своей порции и достала что-то, похожее на крысиный хвост.

— Интересно, что в нем?

— Хочешь совет? Закрой глаза и доедай.

Они закончили трапезу.

— Что теперь? — спросила Эми. — Что нам надо сказать этим людям?

— Единственное, что я понял, так это то, что люди везде одинаковы, — ответил Гидеон. Он поднялся и, схватив тощую руку старика, энергично встряхнул ее. — *Muchas gracias*, — сказал он. — Большое спасибо!

А затем он обошел всю толпу — сначала мужчин, потом женщин, с улыбкой на лице по очереди пожимая всем руки. И хотя с их стороны это было воспринято с некоторым

недоумением, Гидеон видел, что, в общем и целом, его дружелюбие оказало положительное влияние.

— А теперь, — сказал он Эми, — я собираюсь выступить с речью.

— Ты шутишь? Они не поймут ни слова.

— Эми, ты не понимаешь? Мы должны действовать определенным образом. Гости достойны уважения. А что делают уважающие себя гости? Правильно! Произносят речь.

Эми покачала головой.

— И дарят подарки, — Гидеон взобрался на пень и поднял руки. — Друзья мои! — прокричал он.

Над группой туземцев повисла тишина.

— Мы проделали долгий путь через море, чтобы встретиться с вами сегодня... — он продолжал говорить громко, а толпа внимательно слушала, не понимая ни слова. Завершив свою речь, Гидеон достал из сумки подарок: фонарик. С большой помпезностью он подошел к старику и протянул ему свой дар.

Старик выглядел чрезвычайно недовольным. Он включил и выключил фонарик, явно знакомый с его использованием. Дар его совсем не впечатлил, и он передал его одному из детей. Наступила напряженная тишина. Вся доброжелательность, порожденная речью, казалось, рассеялась.

— Упс, — хмыкнула Эми. — Похоже, туземцев больше не интересуют бусины.

Гидеон быстро соображал, что еще из сумки может оказаться полезным. Что он мог дать им, кроме фонарика? Его пистолет .45 калибра? Ну уж нет. Были еще ножи... но у них и своих было предостаточно. Батончики, спички, аптечка, папка-досье... он чувствовал, как по лицу струится пот.

Старый вождь выглядел обеспокоенным и раздраженным. Было очевидно, что ему не понравилось, как он выглядел на публике, когда ему преподнесли обычный фонарик, словно дар Богов.

Гидеон вытащил одну из гранат.

Эми уставилась на него.

— Гидеон, ты с ума сошел?

Гидеон же с торжественностью преподнес новый дар вождю. Среди племени поднялся ропот. Вождь принял дар обеими руками и осмотрел его с видом знатока, а затем повесил гранату себе на пояс. Все говорило о том, что он знал, что это такое, и высоко оценил подарок. Он энергично пожал Гидеону руку, и его примеру последовали остальные мужчины. Все снова шло хорошо.

Теперь настала очередь вождя. Он произнес долгую, витиеватую непонятную речь на своем родном языке, попутно одаривая Гидеона благожелательными взглядами. Когда речь закончилась, вождь направился в свою хижину, и вновь повисло молчание.

— А вот и дочка вождя, — пробормотал Гидеон, обращаясь к Эми.

Но вместо «принцессы» вождь появился с небольшой полированной деревянной шкатулкой, которую передал Гидеону. Это была изящная вещица, вырезанная из какого-то экзотического дерева. На ней было изображено подобие того же бога или демона, которое украшало вершину тотемного столба. Гидеон открыл шкатулку и обнаружил внутри сухую траву, восхитительно пахнущую медом и корицей. Гидеон отодвинул ее в сторону и нашел внутри странный предмет, похожий на... сухой бутон цветка или стручок — черный, сморщенный, диаметром около дюйма. Гидеон взял дар в руку.

Вокруг него сразу же усилились разговоры, и стало ясно, что Гидеон держит что-то очень ценное.

Он взглянул на Эми.

— Это что, какой-то наркотик?

Эми изучала предмет с искренней заинтересованностью, а затем ее взгляд переместился на Гидеона.

— Я считаю, — сказала она, — что эти люди — Пожиратели Лотоса...

Эми взяла из рук Гидеона подарок племенного вождя, покрутила его в руках, и ощутила его интенсивный запах, усилившийся из-за жары. Гидеон чувствовал себя совершенно ошеломленным, не в силах оторвать взгляда от странного предмета, похожего на сушеный стручок или засушенный бутон. Неужели это действительно лотос — то самое *целительное* средство? Он невольно ощутил прилив надежды, сразу за которым последовали мучительные сомнения.

— Гидеон? — отвлекла его от раздумий Эми, понизив голос до шепота. — Эй? Ты не собираешься что-нибудь сказать?

— Что? Ох... — он повернулся к вождю. — Мы от всего сердца благодарим вас за этот дар! *Muchas gracias!* — для наглядности он низко поклонился вождю.

— Выясни, откуда они его берут, — сказала Эми.

— Да. Точно. Эм... *donde, donde...* черт, я плохо говорю по-испански... — он забрал подарок туземцев у Эми и наглядно покрутил им у них перед глазами. — *Donde?*

Глаза вождя широко распахнулись, и он со знанием дела указал в сторону ныне невидимого океана.

— *Isla*, — сказал он. — *Isla Tawaia*.

— *Isla*, — повторил Гидеон. Значит, они добывают эти плоды на острове.

Толпа постепенно смыкалась вокруг гостей и вождя, туземцы подходили ближе и нетерпеливо подталкивали друг друга. Тем временем вождь повел своих гостей в сторону маленькой хижины, небрежным жестом откинул несколько пальмовых листьев, служивших ее дверью, и — вновь разродившись потоком непонятных слов, сопровождаемых жестами — указал на нее чужеземцам. Похоже, здесь им предстояло спать. Спальные места представляли собой тканые тюфяки, расстеленные прямо на земле. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что они — как монстр Франкенштейна — состояли из различных лоскутов ткани, кусков старых одеял, листьев и бумажных пакетов из супермаркетов. Гидеон даже заметил кусок детского одеяльца, украшенный птичкой Твитти.

— Спасибо, — вздохнул он. — *Gracias*.

Жестами он дал понять, что они с Эми не против войти в хижину и отдохнуть. Солнце уже садилось, заливая листву густых джунглей красивым золотистым сиянием.

Вождь ушел, и Эми только теперь смогла расслабиться. Она устало бросилась на один из настилов.

— Я просто выжата, — пожаловалась она.

— А я бы хотел провести разведку, — задумчиво заметил Гидеон. — Хочу посмотреть, сможем ли мы увидеть этот остров Тавая, откуда, по словам вождя, они берут лотос. Так что пройду к океану. Ты со мной?

— Разумеется! — забыв о своей усталости, Эми моментально поднялась на ноги.

Как только они вышли из своей хижины, на их пути появился АйФон. Он тут же затараторил что-то на своем языке, сопровождая речь жестами.

— Похоже, у тебя появился новый друг, — хмыкнула Эми.

— Мы идем к океану, — сказал Гидеон. — *A la mar*. Мы хотим поплавать, — он

изобразил, что плывет. АйФон кивнул в знак понимания. Он указал на небольшую тропинку, едва проглядывавшую среди густых зарослей кустарника неподалеку.

Не теряя времени, Гидеон зашагал по ней, и Эми последовала за ним. Он был рад, что АйФон не решился составить им компанию. Пока они шли, звук прибора постепенно усиливался, и вскоре — миновав пальмовую рощу — они увидели океан. На его поверхности золотым росчерком лежал луч, а по водной глади бежали ленивые, тяжелые волны.

Эми остановилась, уставившись на голубоватый кластер гористых островов на довольно большом расстоянии от берега. Она достала из своей сумки бинокль и долго разглядывала их. Наконец, она молча передала бинокль Гидеону.

Отдаленные острова были впечатляюще скалистыми, с выступающими, почти отвесными вулканическими вершинами, поднимавшимися ввысь более чем на тысячу футов. Их черные склоны были испещрены следами оползней, а вершины украшены пышными зелеными джунглями, позолоченными светом заходящего солнца. Единственное облако низко нависло над ближайшим высоким островом, переливавшимся на закате изумрудными бликами. Но вниманием Гидеона целиком и полностью завладел одинокий изогнутый каменный шпиль, торчащий перед кластером островов и окруженный кипящим прибором — этот шпиль выглядывал из водной глади, словно черный штопор.

— А вот и спираль, — пробормотал Гидеон, глядя вдаль.

— Невероятно! *Tortuosum locum*. А эти острова, те что позади — как и было сказано, *trans ultra* — они разгадка нашего ключа. Место «позади спирали». Они и есть пункт нашего назначения.

Гидеон опустил бинокль.

— И как, черт возьми, нам туда попасть?

— Наши новые друзья отвезут нас туда, — она указала пальцем на ряд каноэ, лежавших на пляже.

— Пересечь море на каноэ? Нет уж, спасибо. Пришло время позвонить Глинну и принять его предложение насчет новой лодки.

Эми немного помолчала.

— Давай... не будем с этим спешить.

Гидеон уставился на нее с возмущением и непониманием.

— Я никак в толк не возьму, *почему* ты так сопротивляешься тому, чтобы принять помощь от Глинна?

Последовало долгое молчание.

— Мне не нравятся его методы контроля. И я не уверена, что, если сюда прибудет большая яхта, это поможет нам завоевать доверие местных жителей.

Гидеон вздохнул.

— Слушай, нравятся тебе методы Глинна, или нет — мы *работаем* на него.

Эми, приняв бинокль из рук Гидеона, с тяжелым вздохом опустила его, плечи ее поникли.

— Нет, — спокойно парировала она. — Мы работаем на проект.

Некоторое время они рассматривали таинственные острова. Поняв, что Эми не собирается раскрывать ему свои карты, Гидеон вновь тяжело вздохнул и сказал:

— Я хотел бы поплавать, если ты не против. Я потный и весь искусан насекомыми.

— Пожалуй, я к тебе присоединюсь.

Гидеон приподнял бровь.

— Ну... стоит ли упоминать, что у меня нет при себе плавок?

— И что? У меня тоже нет при себе купальника.

Гидеон пожал плечами и начал стаскивать с себя грязную одежду, после чего — внезапно преисполнившись энергии — взял разбег и помчался к воде, быстро миновав пляж и нырнув в океан. Это было чудесное и освежающее ощущение. Чуть дальше от берега волны почти сходили на нет, вода становилась теплой и мягкой, а течение — тихим. Гидеон немного поплавал, обмылся, а затем вышел. Он стряхнул с себя столько воды, сколько смог, разложил на песке рубашку и сел. Эми вернулась через минуту, и он не смог не отметить, насколько восхитительно ее тело — так же совершенно, как он себе его и представлял.

Она села рядом с ним.

— Джентльмен не стал бы так пялиться на обнаженную женщину, — укорила она его.

— Извини, — он невольно покраснел и отвернулся.

От воды дул легкий ветерок, быстро обсушивший мокрую кожу напарников.

Они довольно долго просидели молча, а затем:

— Я должна кое-что сказать тебе, — вздохнула Эми. — Глинн рассказал мне о том, как тебе удалось украсть ту страницу из Келлской книги. Должна признать, это была очень ловкая работа.

— Благодарю.

— Но я не знаю, как отношусь к тому, что моя напарник — бывший вор.

— Вот как? — усмехнулся он. — А я думал, тебе это невыносимо претит. Выходит, ты уже *не знаешь*, как к этому относиться? Что ж, всему виной мое обаяние, оно буквально покоряет людей и заражает их симпатией ко мне.

— Похоже на то, — хмыкнула она. — Как грибок.

Гидеон рассмеялся, покачав головой.

— Ты когда-нибудь попадался? — спросила Эми. — На воровстве.

— Не-а, — нарочито небрежно отозвался он.

— То есть, ты никогда не бывал в тюрьме?

— Бывал. Однажды. Но это была ошибка полицейских: меня приняли за уличного грабителя. Пришлось провести ночь в камере, прежде чем поймали настоящего преступника.

— И каково это было? Сидеть за решеткой.

Гидеон пожал плечами.

— Я читал стихи.

— Стихи?

— В камере лежал старый, зачитанный до дыр сборник стихов. Пришлось выбирать между ним и «Сторожевой башней».

Вновь повисло молчание. Вскоре Эми встала и начала одеваться. Гидеон последовал ее примеру.

— Ненавижу надевать грязную одежду, — вдруг пожаловалась она.

— Так подумай о лодке. Подумай о том, что там будет душ. Мыло. Свежее белье. Чистые простыни. Мягкая кровать. Горячий эспрессо.

— Эспрессо, — мечтательно повторила она.

— Если мы хотим исследовать эти острова, нам нужна лодка. Нам нужны карты и GPS. Доверие туземцев — это, конечно, хорошо, но оно не особо нам поможет. Завтра мы должны позвонить Глинну.

Эми долго молчала, а затем вздохнула.

— Ну, хорошо. Завтра утром, — она улыбнулась. — Думаю, от эспрессо я бы действительно не отказалась.

На этот раз в конференц-зале их было всего трое: Гарза, Глинн и Уивер, главный специалист по ДНК. Атмосфера была напряженной, как в студии новостей, готовящейся сообщить большую сенсацию.

Уивер, который на прошлых встречах выглядел встревоженным, теперь казался изнуренным и был буквально на пределе. Прошли дни с момента его последнего доклада. И на этот раз перед ним не было никаких бумаг: никаких отчетов или документов.

— Давайте, выкладывайте, — подбодрил его Глинн.

Специалист нервно пробежал рукой по своим рыжеватым волосам и заговорил:

— Мы провели повторный анализ ДНК, как вы и просили. Фактически, мы сделали даже не один, а целых два дополнительных анализа — каждый со свежим генетическим материалом. В ходе них мы выделили несколько сотен отрезков последовательностей генома. Примечательно, что цепочки генов, полученные из всех трех прогонов, оказались связаны и перекрестно сопоставимы. Они прекрасно совпали, то есть все три теста оказались функционально идентичными. Кроме того, гибридная процедура BWA-SW завершила анализ выборки: уровень загрязнений составляет примерно 0,04 пары оснований, что значительно ниже среднестатистического значения, — тут ученый замолчал.

— И?

— Все тесты указывают на одно и то же. В основной своей массе ДНК принадлежит человеку, но с некоторыми существенными отличиями. Было выявлено несколько отрезков ДНК, которые вообще не сопоставимы с известными нам видами, а еще несколько — напоминают понгида, то есть человекообразную обезьяну.

Гарза покачал головой. С каждой минутой доклад становился все более странным.

Уивер откашлялся.

— Также было выявлено несколько ключевых цепочек, которые мы смогли идентифицировать как принадлежащие... — его голос упал почти до шепота — неандертальцу.

— Что? — воскликнул Гарза.

— Неандертальцу, — повторил Уивер чуть громче.

— Это абсурд! — выпалил Гарза. — Откуда вы узнали, как выглядит геном неандертальца?

— Как это ни странно, но геном неандертальцев был полностью расшифрован Институтом Макса Планка в Лейпциге несколько лет тому назад. Тогда анализу была подвергнута древнейшая ДНК, извлеченная из зубов неандертальца, которого обнаружили на раскопках в Европе. Как и вы, мы не сразу поверили полученным результатам. Поэтому мы пошли дальше и скомпоновали весь геном существа, из которого был изготовлен этот веллум.

Глинн нахмурился.

— Весь геном?

— Это был единственный выход. Как только процесс был завершен, мы прогнали результат через нашу машину частотного анализа генов.

— Что это? — спросил Гарза.

— На самом деле это специальный компьютер — я бы даже сказал, специализированная сеть связанных компьютеров, — который может на основе генов организма реконструировать или восстановить его вероятную морфологию, поведение и другие особенности, — Уивер немного замешкался. — Я должен вас предупредить. Мы имеем дело с видом, которого никто раньше не видел. Двоюродный брат неандертальца, да, но... с несколькими существенными отличиями.

— Как это?

— Цепочки генов — уникальные по своей природе и присущие только этому существу — находятся в зонах ДНК, отвечающих за старение, размеры тела, выносливость и восприятие визуальной информации. Его гемоглобин демонстрирует необычайно высокую способность переносить кислород. Его дыхание и скорость метаболизма кажутся ненормально низкими, и наши анализы показывают, что он способен изменять эти показатели по своему желанию при неблагоприятных условиях окружающей среды, тем самым предотвращая окислительное повреждение тканей.

— Что это значит? — спросил Глинн. — Вы можете выразиться более конкретно?

Уивер перевел взгляд с Глинна на Гарзу и обратно.

— Да. Существуют ярко выраженные генетические особенности в цепочках, отвечающих за рост и выработку гормона роста. Скорее всего, этот организм крупнее, гораздо крупнее, чем, например, его кузен неандерталец.

— Насколько крупнее? — спросил Гарза.

— Сложно сказать. Вероятно, в половину больше.

— Значит, ты имеешь в виду, где-то девять футов?

Уивер кивнул.

— Все факторы указывают на чрезвычайно сильного, очень агрессивного зверя со средним уровнем интеллекта.

— Агрессивного?

— Да. Существует целый набор генов, которые отвечают за реакцию «бей или беги», гормональные изменения, связанные с контролем эмоций, и области мозга, активизирующиеся при страхе и агрессии. Так вот, у нашего существа этот набор значительно усилен. Помимо этого, точно так же, как он способен необычайно хорошо адаптироваться к окружающей среде, он также хорошо приспособлен и к защите от этой самой среды.

— Итак, получается, мы говорим о большом примитивном гоминиде, интеллектуально развитом, агрессивном, сильном и хорошо адаптирующемся к окружающей среде, — подвел итог Гарза.

— Вы определили возраст веллума? — спросил Глинн.

— Да. Около полутора тысяч лет, если верить углеродному анализу. Другими словами, этот вид точно существовал в 500 год н.э.

Глинн поерзал в инвалидном кресле.

— Это замечательно. А теперь расскажите мне больше о генах визуального восприятия.

Уивер слегка ухмыльнулся.

— Я все гадал, когда же вы об этом спросите. Это то и есть самое странное...

На следующее утро Гидеон и Эми отнесли спутниковый телефон на пляж, где у них было больше шансов на хороший прием. Эми включила аппарат. По мере загрузки светодиодный экран мигал, сообщая о пропущенных вызовах и оставленных сообщениях. Всего их оказалось восемь — все от ЭИР. Гидеон почувствовал нервозность: они не выходили на связь с Глинном уже несколько дней, и этот парень уж точно не преминет выразить свое недовольство сим фактом.

Эми сняла трубку, набрала номер, и Глинн ответил после первого же гудка. Его голос не был возбужденным или сердитым, как ожидал Гидеон. Наоборот, он звучал прохладно, сдержано и по-деловому.

— С момента нашего последнего разговора прошло уже несколько дней, — сразу же пошел в наступление Глинн. — Я жду объяснений.

— Мы не можем долго говорить, — парировала Эми. — Осталось всего четыре процента заряда батареи, а возможности ее подзарядить у нас нет.

— Так говорите.

Гидеон слушал, как Эми стала вкратце объяснять директору суть своего открытия, связанного с «Одиссеей» Гомера. Но Глинн почти сразу же прервал ее.

— Я слышал достаточно. Остальное не имеет значения. А теперь вы выслушайте меня, и, пожалуйста, слушайте внимательно. Мы прерываем миссию.

— О чем, черт возьми, вы говорите? — возмутился Гидеон.

— Появилась новая информация, которую необходимо учесть.

— Какая новая информация?

— Мы решили загадку. Нет времени вдаваться в подробности, разве что сказать, что веллум был сделан из кожи гоминида-неандертальца.

— Подождите. Вы о чем?

— Эта новая информация обрушила наши компьютерные модели. Кроме того, все выразили единодушное мнение, что вам нельзя больше оставаться там одним — мы должны перегруппироваться, повторно проанализировать и спланировать пересмотренную миссию. Я отправлю судно, чтобы забрать вас и вернуть в Нью-Йорк. Кроме того, я благодарю вас за прекрасно проделанную работу и с нетерпением жду встречи с вами.

Тут индикатор батареи телефона замигал красным, и Эми молча подошла и выключила аппарат. Гидеон непонимающе уставился на нее.

— Что ты делаешь?

Эми вперилась в него своими темными глазами.

— Это то, чего ты хочешь? Прервать миссию? И это после того, как мы столько рисковали, и через что прошли ради нее?

— Нет, я не хочу.

— Как насчет того, чтобы *послать их к черту*? Мы в 20 милях от нашей цели, — она указала на видневшиеся вдали острова. — Она прямо там, в пределах нашей видимости.

Гидеон выжидающе смотрел на свою напарницу.

— Хорошо. Я тебя слушаю.

— Надеюсь, ты собираешься сделать нечто большее, чем просто выслушать меня. Все,

что нам нужно сделать, это добраться до тех островов, исследовать их, обнаружить источник того чудодейственного лекарства — и я не сомневаюсь, что это тот самый «лотос», который подарили тебе туземцы — и разжиться им.

— С Глинном могут возникнуть неприятности. Он может попытаться остановить нас.

— Он даже не знает, где мы, — парировала она.

— Да, но он может легко об этом догадаться.

— Единственное, что я хочу знать прямо сейчас, это: ты со мной или нет?

Гидеон глубоко вздохнул. У него все еще были сомнения относительно ее теории, но появление Пожирателей Лотоса существенно их рассеяло. Он никогда не видел такой убежденности или такого бесстрашия раньше — ни в мужчине, ни в женщине.

— Я в деле.

Эми улыбнулась и наклонилась к нему.

— Знаешь, я могла бы поцеловать тебя за такие слова.

— Так давай же.

— Не сейчас. Нас ждет работа.

Он рассмеялся.

— Если не сейчас, то когда?

— Не волнуйся, такое ты не пропустишь.

Упаковав спутниковый телефон в водонепроницаемый чехол, Эми засунула его обратно в непромокаемую сумку и встала, отряхиваясь от песка. Затем она на пару секунд застыла, глядя на море.

Гидеон проследил ее взгляд до ближайшего гористого острова, лежавшего на горизонте, на самом краю видимости. Его очертания были скрыты фиолетовой дымкой, делавшей его весьма далеким и таинственным, а одинокое облако цеплялось за самый высокий его пик. Существовала ли вероятность — хотя бы ничтожная — что лекарство от его терминального состояния можно было найти на том призрачном острове?

В лагере их встретил АйФон. Он пригласил их подсесть к огню и разделить с ним неаппетитный завтрак, состоящий из клейкого кукурузного пудинга и пюре из зеленых бананов. После того, как с едой было покончено, Гидеон обратился к АйФону.

— *Isla*, — сказал он, указывая на невидимый океан. — *Vamos isla*^[50], — он изобразил, что гребет на лодке, и снова указал в сторону отдаленных островов: — Мы хотим отправиться на остров. Хорошо?

Похоже, что эта просьба чужеземцев сильно расстроила АйФона. Нахмурившись, он покачал головой. Гидеон стал упорствовать.

— *Vamos isla. Importante. Vamos ahora*^[51].

Последовало еще более интенсивное качание головой и неодобрительное бормотание. Наконец АйФон встал и вошел в хижину вождя. Несколько мгновений спустя вышел вождь и подсел к напарникам с мрачным выражением лица.

— *No vamos isla*, — сказал он, погрозив поднятым пальцем, как школьный учитель. — *No*^[52].

Гидеон глубоко вздохнул.

— *Porque*^[53]?

— *Isla... peligroso*^[54].

Peligroso. Что, черт возьми, это значит? И снова Гидеон стал судорожно рыться в своих знаниях испанского языка, полученных им в средней школе.

— *Peligroso? No comprende*^[55].

— *Peligroso! Malo! Difícil*^[56]!

Сложно. По крайней мере, он понял последнее слово. Проблема заключалась в том, что испанский вождя был не намного лучше его.

— *Vamos in canoa*^[57], — Гидеон изобразил гребные движения веслом.

— *No. Isla sagrada*^[58].

Sagrada. Еще одно чертово слово, значение которого он не знал. Гидеон повернулся к Эми.

— Может, ты мне с этим поможешь? Ты же знаешь латынь. Что, черт возьми, значит *sagrada*?

— Это очень похоже на *sacra*. Священный. А *peligroso* звучит так же, как *periculosum*. Опасный.

Значит, остров священный и опасный. Но туземцы то плавают туда! Как иначе они добывают лотос? Гидеон снова обратился к вождю.

— *Cuando...*^[59] — он указал на вождя и жестами изобразил остальную часть вопроса: *когда вы сами плаваете на остров?* После нескольких неудачных попыток, вождь, наконец-то, понял суть вопроса. Частично на ломанном испанском, частично жестами, он в общих чертах объяснил, что они плавают туда на некую церемонию благодарения.

— *Gracias*, — поблагодарил Гидеон.

Вождь ушел, а Гидеон кивнул Эми.

— Пойдем, прогуляемся по пляжу.

Они миновали заросли и вышли на широкий пляж, где на песке лежали вытасченные каноэ.

— Может, нам украсть лодку и самим туда доплыть? — предложила Эми.

— Боюсь, ничего не получится, и мы просто утонем. Даже спуск на воду каноэ при таком прибое потребует всего мастерства того, кто точно знает, как это делается. А мы, увы, не знаем.

— Итак, что же нам делать?

— Мы возьмем пример с вашего старого доброго друга Одиссея.

— Как? Ткнем палкой в глаза АйФона?

— Нет. Я говорю о старой доброй социальной инженерии.

— Ты о чем?

Гидеон объяснил ей свою идею. Он симулирует болезнь, и чтобы его спасти туземцы будут вынуждены дать ему лотос. Он исцелится, и тогда им придется отправиться на остров, чтобы провести там церемонию благодарения.

Эми уставилась на него.

— Гидеон, это ужасная идея. Откуда ты знаешь, что лотос не ядовит?

— Я и не знаю, но очень сильно на это надеюсь.

— Надеешься, ну-ну. И откуда ты знаешь, что там проводится именно церемония благодарения? Бормотание и жесты того старика могли значить все, что угодно.

— Ты же видела, как он складывал руки в молитвенном жесте и кланялся. По мне, так это весьма похоже на благодарность. И вообще... Я хочу опробовать лотос на себе.

Она с любопытством взглянула на него.

— Зачем?

— Просто, чтобы посмотреть.

— Посмотреть на что?

Гидеон промолчал.

Они провели следующие полчаса, обсуждая другие способы убедить туземцев отвезти их на остров. Но, какие бы варианты они ни рассматривали, у них оставалась одна неразрешимая проблема: дикари плавали на остров только чтобы провести церемонию. Наконец, скрепя сердце, Эми одобрила первоначальный план.

— Но я соглашусь, — добавила она, — только при одном условии: лотос приму Я.

Это вызвало новую волну споров, но Эми была непреклонна.

Они вернулись в лагерь и снова расположились у костра. Пока Гидеон возился с аптечкой, Эми съела второй завтрак — еще одну миску густого кукурузного пудинга и пюре. Сам вид того, как много еды она в себя запихивала, заставил Гидеона ощутить, как на него накатывает тошнота. Девушка указала на кокос, жестом прося дать ей попить. АйФон выполнил ее просьбу и принес ей один, предварительно мастерским ударом отрубив верхнюю его часть и проковыряв дыру, через которую можно было добраться до сока. Эми немного утолила жажду и передала орех Гидеону, который тоже к нему приложился и затем поставил его рядом с собой. Тайком, когда никто не смотрел, он взял маленький пузырек с настойкой рвотного корня, который он нашел в аптечке, и вылил содержимое в кокос.

Эми снова попросила кокосового молока, и напарник вернул ей орех. Многозначительно взглянув на него, девушка сделала большой глоток.

И тут же у нее началась рвота.

Все окружающие в ужасе повскакивали со своих мест, в то время как женщина, сгибаясь

пополам и извиваясь от накатывающих спазмов, возвращала только что съеденный ею завтрак. Ее сжимали судороги, она корчилась, катаясь по земле, и вскрикивала между приступами.

Выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. В то время как Гидеон подбежал к ней и попытался помочь, по крайней мере, половина поселения, охваченная шумной паникой, сбежала в джунгли, унося на руках детей. С явной неохотой вождь и АйФон приблизились к чужеземцам.

— Я умираю! — вскрикнула Эми. — Умираю!

— *Muerte*^[60]! — крикнул Гидеон, вырывая еще одно испанское слово из своего ограниченного словарного запаса. Сухие спазмы закончились — действие рвотного корня оказалось очень кратковременным, но девушка продолжала кричать и извиваться, закатывая глаза, царапая песок и симулируя судороги. Это было так ужасно, что даже Гидеон почувствовал, как его желудок болезненно сжался. Большая часть деревни уже была вне пределов видимости, и он краем глаза отметил, что еще несколько человек сбежало в джунгли.

Но вождь и АйФон, проявив отвагу, остались, пытаясь помочь гостье. Вождь начал читать какой-то напев, возложив руки на Эми, в то время как АйФон пытался удержать ее на месте.

Гидеон вытащил резную деревянную шкатулку из своей непромокаемой сумки и, открыв крышку, достал лотос.

— Дайте ей его!

Это предложение было встречено криком незамедлительного одобрения. Вождь вскочил и принес от огня кипяток, в то время как АйФон вынул свое мачете и начал кропать и измельчать сушеный стручок на крошечные кусочки, а затем стал разминать их плоскостью лезвия. От дробленого растения распространился неприятный запах, и у Гидеона промелькнула неприятная мысль, что оно действительно может оказаться ядовитым. Но туземцы никак не походили на отравителей и были явно обеспокоены болезнью девушки. Когда стараниями АйФона стручок превратился почти в порошок, он отправился в горшок с кипящей водой.

Эми в последний раз вскрикнула, а затем — закатив глаза — выгнулась дугой и «потеряла сознание».

Вождь и АйФон отчаянно помешивали порошок лотоса в горячей воде, а затем процедили отвар через кусочки толченой коры. В итоге образовался плохо пахнущий розовый отвар, который они охладили небольшим количеством пресной воды. Сопровождая быструю речь жестами, они объяснили Гидеону, чтобы он поддержал Эми и помог ей его выпить. Гидеон умудрился приподнять девушку — при этом ее голова запрокинулась назад, а струйка слюны свесилась с уголка ее рта. Он не мог поверить в то, какой хорошей актрисой она оказалась.

Вождь взял чашку из половинки кокоса с мутным отваром, встал на колени перед пострадавшей и отвесил ей пару сильных пощечин. Глаза девушки открылись, и он поднес к ее губам чашку.

Сморщившись от запаха, она выпила смесь и откинулась назад, снова потеряв сознание. Гидеон опустил безвольное тело на землю.

Прошла минута, а его напарница все так же лежала неподвижно. Исходящие от вождя и АйФона напряжение и беспокойство были почти осязаемыми. Туземцы стояли над ней,

ломая руки, с искаженными от переживаний лицами.

И тут внезапно Эми открыла глаза и немного осмотрелась.

Вождь и АйФон громко вскрикнули. Остальная часть племени, которая сгрудилась у края джунглей, теперь неуверенно подходила, желая взглянуть, что происходит.

Эми приподнялась на локтях и, часто моргая, окинула зрителей непонимающим взглядом, чем спровоцировала еще больше перешептываний и волнений. Люди все еще держались поодаль, но исходящее от них облегчение было огромным.

Медленно, осторожно, Эми поднялась на ноги. Рвота и спазмы окончательно прошли. Она поблагодарила сначала вождя, затем АйФона. И тут туземцы налетели на нее, образовав вокруг нее плотную толпу. Девушка выглядела ужасно усталой и стояла, слегка пошатываясь, но никто, казалось, этого не замечал. Туземцы продолжали сыпать из кустов, расплываясь в широких улыбках, удивляясь чуду, издавая громкие радостные восклицания благодарности и указывая на небо, явно восхваляя богов.

Тут вождь схватил руку Гидеона и поднял ее в знак триумфа. Он произнес еще одну непонятную речь, которая, судя по интонации, хвалила Гидеона и его мудрость. По крайней мере, Гидеон очень надеялся, что это было именно так — потому что с самого начала такова была их цель.

Хлопая в ладоши, вождь начал выкрикивать указания. Деревенские дети погнались за козой и, быстро окружив ее, поймали и связали. АйФон подошел к пленнице с мачете и под ужасающее блеяние, перерезал ей горло.

Вождь просиял и снова хлопнул в ладоши.

— *Fiesta*^[61]! — он сказал.

— *Fiesta*, — пробормотала Эми, немного отрешенно. — *Fiesta*.

Пока туземцы готовили праздник, Гидеон отвел Эми на пляж, чтобы привести ее в порядок, смыть с нее грязь и следы рвоты. В тот вечер, на пиршестве у костра, они наслаждались барбекю. Вождь произнес нечто, что выглядело важным объявлением, и которое местный народец встретил бурными аплодисментами. Задав несколько вопросов Гидеон смог его расшифровать. Это было именно то, на что они и надеялись: следующим утром они отправятся в путешествие к острову Тавайя для того, чтобы вознести хвалу Богу Исцеления и Духу Лотоса.

Поздно ночью после праздника Гидеон и Эми, наконец, смогли укрыться в темноте своей хижины. Гидеон с удовольствием вытянулся на своем тюфяке, заложив руки за голову. Некоторое время они молчали, Гидеон краем уха слушал отдаленный звук прибора и бормотание голосов туземцев около костра.

— Эми, твоё шоу было потрясающим.

В ответ — тихий храп. Казалось, Эми все еще находилась под воздействием цветка лотоса. На протяжении всего праздника было видно, как она прикладывает массу усилий, чтобы не уснуть.

— Эми?

— Ммм?

— Ты была потрясающая. Твое представление напугало всех до чертиков, включая меня. Последовала долгая пауза перед тем, как пришел тихий ответ.

— Давным-давно, в очень глупый период своей жизни, я изучала актерское искусство.

— Хм! Вот и появился кусочек головоломки под названием «настоящая Эми». Как видишь, сегодня это твоё давнее увлечение очень тебе пригодилось.

— Это все твоя идея, — и Эми снова ровно задышала, уснув.

Гидеон взглянул на нее. Каждый раз, когда он смотрел, как Эми спит, ее лицо хмурилось. Казалось, что она всегда с чем-то борется — и с чем именно, он не мог даже представить. Сейчас, однако, на ее спящем лице застыла небольшая полуулыбка: улыбка, которая практически излучала спокойствие и блаженство.

Туземцы посадили Гидеона в одно каноэ, а Эми в другое. Гидеон зорко следил за тем, чтобы их водонепроницаемые сумки отправились с ними. Наконец, мужчины столкнули их не внушающие большого доверия суда на воду, запрыгнули в них сами и начали грести, как сумасшедшие, пока каноэ пронзали прибой, пробиваясь сквозь накатывающие волны. Гидеон промок до нитки и был сильно испуган к тому моменту, как они достигли спокойных вод позади полосы прибоя.

Даже после преодоления прибрежных бурунов путешествие обещало быть волнительным. Море неистово вздымалось, а длинное каноэ поднималось и опускалось на волнах, пока мужчины с обнаженными мускулистыми спинами, усеянными сверкающими капельками воды, гребли в унисон ритмичному напеву. Ветер дул им навстречу, но каноэ быстро продвигалось вперед, прорезая воду со скоростью примерно пять миль в час. Яркое солнце раннего утра поднималось над отдаленными островами, окутывая море золотым сиянием и покрывая пурпуром горные вершины.

По мере удаления от берега перед путешественниками медленно проступали очертания гористых островов. Гидеон теперь мог подробно разглядеть три из них. Массивный первый остров выступал из моря под крутым углом, поднимаясь к облакам более чем на тысячу футов. За ним лежал остров поменьше, но еще более крутой и высокий. Прямо же перед ними возвышалась спиралевидная скала: вулканический морской утес или эродированный штекер — торчащий, словно палец ведьмы, черный, изогнутый шпиль скалы.

Они направились к ближайшему острову, прямо за витым стеклом. На подходе к нему Гидеон увидел кремово-белый прибой, а за ним — узкий пляж с черным песком, переходивший в крутые вулканические скалы, покрытые растительностью и пронизанные пещерами.

Оба каноэ ворвались в прибой и, пройдя через буруны и небольшой спокойный участок воды у суши, уткнулись носом в песок. Индейцы оперативно спрыгнули в воду и вытащили каноэ за пределы досягаемости волн.

Итак, они прибыли на место.

Пока остальные были заняты креплением каноэ, Эми подошла к Гидеону.

— Чувствую себя, как будто попала в затерянный мир, — призналась она, озираясь.

Он не успел ничего ей ответить — подоспели туземцы во главе со странным морщинистым стариком, которого Гидеон не видел до путешествия на каноэ. На нем была обычная традиционная одежда, а не западная, как у остальных, и он опирался на длинный посох, увенчанный резным орлом и другими причудливыми созданиями. На его пальцах поблескивало несколько колец, дюжина тяжелых ожерелий свисала с его шеи. Остальные соплеменники относились к нему с большим уважением и опускали взгляд на землю, когда он проходил мимо.

Теперь мужчина подошел к чужеземцам и остановился, поочередно осмотрев обоих. Его морщинистое, угловатое лицо, пухлые губы и сверкающие черные глаза придавали ему вид человека таинственного и сильного.

Этот парень, — подумал Гидеон, — должно быть, духовный лидер или главный шаман.

Изучив их внимательно, в мертвой тишине, он кивнул АйФону, который, казалось, стал их персональным компаньоном и верным помощником. АйФон приблизился к старцу, и тот ему что-то сказал.

АйФон повернулся к Эми и, активно жестикулируя вдобавок к паре использованных испанских слов, сообщил, что она должна остаться с ним — ей придется отделиться от остальных. Церемония пройдет без нее.

Эми начала протестовать, но Гидеон коснулся ее руки успокаивающим жестом.

— Плыви по течению, — сказал он. — У нас чуть позже еще будет возможность осмотреть здесь все.

Встретившись с ним взглядом, она кивнула. АйФон повел ее по пляжу, и вскоре они исчезли из виду.

В полной тишине шаман поднял посох и его соплеменники, видимо, повинувшись уже известной команде, выстроились в линию. После чего он указал Гидеону, чтобы тот шел сразу позади него. С торжественной помпезностью они прошагали по пляжу несколько сотен ярдов, пока не подошли к восходящей расселине в вулканических скалах с небольшой тропкой, выющейся вдоль нее. Шаман начал подъем, Гидеон и остальные последовали за ним. Для старика духовный лидер оказался необычайно проворным — Гидеон с трудом за ним поспевал.

По мере подъема перед ними открывались все более впечатляющие перспективы — необъятное пространство моря, волны, грохочущие на пляже далеко внизу, и далекий материк, такой же зеленовато-голубой, как и воды, омывающие его берега, которые переходили в крутые горы. Пара орлов, потревоженных со своего гнездовья где-то в близлежащих скалах, кружили над их головами, пронзая воздух криками.

Гидеон смотрел во все глаза, но так и не заметил ни одного растения, у которого были бы стручки или бутоны, похожие на лотос. Он хотел спросить об этом, но решил, что лучше позволить ситуации идти своим чередом и посмотреть, как все будет развиваться дальше. Он буквально кожей ощущал большую торжественность этого момента и был немного напуган гробовым молчанием туземцев.

Тропа стала круче. Шаман решительно продолжал подъем, хватаясь за уступы скал обеими руками, свой посох он привязал к спине. Гидеону же пришлось бороться со своим страхом высоты, так как у них под ногами зияло головокружительное, практически бездонное пустое пространство. А тем временем орлы все так же продолжали кружить и кричать, нагнетая и без того напряженную обстановку.

Внезапно тропа перешла в широкий пологий уступ. Гидеон был настолько рад, что обрыв закончился, что почти рухнул на колени от облегчения. После краткой передышки, организованной, видимо, для того, чтобы остальные подтянулись, шаман провел процессию по широкому уступу, вокруг колонны базальта к устью большой пещеры. Огромные, старые кусты покрытые цветами, свисали с его зазубренного верхнего края, напоминая зеленые скальпы с длинными волосами, в некоторых местах почти полностью закрывающие вход.

Время строить догадки закончилось — туземцы размеренным шагом молча вошли внутрь, увлекая за собой чужеземца.

Внутри пещеры оказался низкий потолок и гладкий песчаный пол. Группа, не сбавляя шаг, прошла около ста футов и остановилась. Постепенно, по мере того, как глаза Гидеона привыкли к темноте, он сумел разглядеть, что стены пещеры разрисованы странными пиктограммами в темно-красных и синих тонах. Пара мужчин принесла несколько факелов

из кучи, сложенной у стены, и умелым ударом кремней они были зажжены, после чего процессия продолжила углубляться в пещеру.

Дыхание Гидеона ускорилося, когда он увидел впереди массивную черную скалу, которая выглядела как некий алтарь. На стене позади нее была нарисована древняя пиктограмма, побледневшая от времени и изображавшая гротескную фигуру монстра, покрытую волосами, с огромными мускулистыми руками, выступающим подбородком и огромными ногами. Но самым примечательным было то, что центр массивного широкого лба существа венчал один единственный гигантский глаз.

Гидеон повернулся, чтобы спросить об этом шамана, но, прежде чем он издал хоть звук, тот выдал ему красноречивый предостерегающий взгляд и жестом призвал хранить молчание.

С горящими факелами они приблизились к алтарю, и туземцы рассредоточились вокруг него, образовав круг. Шаман подошел к чужеземцу и — настолько внезапно, что испугал Гидеона — разразился громким носовым песнопением. Остальные присутствующие подхватили мотив, вторя своему духовному лидеру и скандируя в унисон все издаваемые им звуки. Пещера наполнилась эхом странных звуков: из наполовину поющих, наполовину говорящих голосов. Это, как догадался Гидеон, было началом церемонии благодарения.

Мужчины воткнули факелы в специальные гнезда, сформировав круг около плоского алтаря. Только тогда Гидеон заметил, что алтарь был на самом деле саркофагом с каменной крышкой. Мужчины, действуя синхронно и продолжая петь, подошли к нему и сдвинули крышку.

Помещение наполнилось сильным неприятным запахом, напоминавшим лотос, только намного, намного сильнее.

Пение ускорилося, когда шаман приблизился к черному провалу и достал из него то, что Гидеон распознал как пучок маленьких, черных, скрученных, напоминавших червей, сигар. Он отсчитал несколько и протянул одну из них Гидеону, который с опаской ее принял. Остальные же он торжественно раздал другим, оставив последнюю «сигару» себе.

Гидеон уставился на преподношение. Это был некий высушенный корень, или, возможно, гриб, с невыносимо омерзительным запахом — сочетание потных ног и горького миндаля.

Несколько туземцев отступили на песок, которым был выстлан пол вокруг алтаря, и сели, скрестив ноги. Шаман снова вернул каменную крышку на место, а оставшиеся принесли дрова из поленницы в углу пещеры и сложили костер. Когда это было сделано, шаман поджег его своим факелом, и пламя, быстро разгоревшись, наполнило пещеру мерцающими бликами.

Теперь, при свете огня, Гидеон мог разглядеть окружающую обстановку еще более ясно. Алтарь оказался красиво отполирован — блестел, как черное эбеновое дерево, а изображение существа позади него изобиловало вызывающими тревогу деталями, несмотря на достаточно грубую, геометрическую природу дизайна.

Один мужчина обошел всех и поставил перед каждым полированный плоский камень, на который водрузил ступку и пестик, вырезанные из базальта, вместе с каменной чашей, наполненной водой. Шаман занял позицию во главе круга, сев на небольшой каменный постамент, и поднял свой инвентарь, словно благословляя его. Остальные присутствующие последовали его примеру, и Гидеон тоже не стал от них отставать.

Затем верховный шаман плеснул немного воды в ступку, раскрошил в нее свой кусок

корня и начал измельчать его пестиком, продолжая поддерживать ритмичный напев. Другие сделали то же самое, и Гидеон наравне с ними, истирая и кромсая, стал готовить странное месиво. Неприятный запах усугубился стократно.

Когда грибовидный корень полностью превратился в своего рода кашу, шаман поднес каменную чашу к губам и сделал большой глоток. Остальные повторили за ним, и Гидеон, лишь немного замешкавшись, последовал их примеру. На вкус питье оказалось отвратительным, и он с трудом смог его проглотить. Был ли это тот самый, *настоящий* лотос? Тот, что они дали Эми на материке, казался едва ли бледным подобием этого сильно пахнущего корня.

Песнопение усилилось, казалось, достигнув крещендо. Гидеон задавался вопросом, какое влияние окажет смесь. На ум приходили ужасные сценарии из книг Карлоса Кастанеды^[62]. Но он быстро успокоил себя доводом, что снадобье приняли все, так что, по крайней мере, оно уж точно его не убьет. Во времена бурной молодости у него был весьма обширный опыт общения с наркотиками, и сейчас он решил, что все, что его не убьет, сделает его сильнее. Гидеон был убежден, что принимает участие в церемонии благодарения богов. В конце концов, другого и быть не могло.

Через несколько минут на него нахлынуло невероятно странное ощущение — сказочное чувство покоя и благополучия. Незримое сияние, которое стало исходить от него и окружило подобно облаку, постепенно становилось все плотнее, пока Гидеон не почувствовал словно его запеленали и закутали в кокон, и он как будто снова превратился в младенца и оказался на руках своей матери. Он никогда раньше не чувствовал такого спокойствия, такого умиротворения. Случилось еще кое-что странное. Хотя он обычно и не заикливался на своих проблемах — ужасное детство, убийство отца, одиночество, смертельная болезнь — тем не менее, он все время нес их невидимое бремя. Но теперь, когда наркотик подействовал, это бремя покинуло его. Гидеон позабыл — или, вернее, перестал беспокоиться — о тех вещах, которые омрачали его жизнь. Без этого бремени, он почувствовал себя свободным и пребывал в таком мире и покое с самим собой, в котором он никогда раньше не был. Это позволило отбросить все — его детство, его давно ушедших отца и мать, его хижину в горах Нью-Мексико — все это исчезло, растворилось в сияющем море небытия, и время для него, казалось, тоже полностью остановилось...

Пение то становилось громче, то затихало, напоминая каденцию волн моря. Гидеон лежал на песке. Он чувствовал себя полным сил и жизненной энергии. На стенах пещеры плясали блики огня, превращая их в блестящую чешую какой-то мифической рыбы. Песок казался роскошно мягким, когда он проводил по нему рукой, лениво сжимал и ощущал легкую щекотку, когда тот сыпался между пальцами. Богатый запах камня и песка, дополненный ароматом древесного дыма, дарил ему ощущение уюта. Потрескивание дров в костре наполняло его успокаивающим чувством тепла и уверенности. А самым приятным было ощущение того, как тепло проникало в каждую клеточку его тела и согревало кости: и это было настоящее тепло — тепло самой жизни.

Пока он лежал в состоянии эйфории, он видел, как вокруг него поднимаются люди и блаженно улыбаются, как и он сам. Но у них, казалось, была какая-то цель. Что ж, пусть так, они ведь его замечательные друзья! Они подошли к нему, и он почувствовал, как его поднимают. Их крепкие руки понесли его куда-то вглубь пещеры.

Тепло постепенно исчезло, да и сам огонь пропал из виду, но Гидеону было все равно: он знал, что ему будет хорошо, что бы с ним ни делали. По мере продвижения он ощутил на своих руках и ногах липкую влагу. Их путь освещался одним единственным факелом.

Гидеона совершенно не настораживало происходящее — он был уверен, что, что бы ни происходило, исход будет просто отличным. Темная тайна пещеры взволновала его, но он понимал, что бояться не нужно, потому что эти добрые люди позаботятся о нем.

Мужчины начали что-то скандировать. Это было низкое, мягкое, заунывное пение, затронувшее своей красотой самые тонкие струны его души.

Туннель в пещере расширился, превратившись в своеобразный большой каменный грот. Гидеон невольно задумался над тем, реальность это или сон. Возможно, происходящее было лишь грезой. Хотя нет... все было уж слишком осязаемым, чтобы являться лишь ночным видением, слишком глубокие впечатления оно производило, чтобы быть только плодом его воображения.

Несмотря на вялость своих конечностей и восхитительное чувство сонливости, Гидеон понимал, что все же ощущает ясность ума и любопытство относительно того, что будет дальше. А тем временем его положили на приподнятую каменную плиту, чем-то напоминавшую кровать. Печальное песнопение стало громче. Был зажжен новый костер, который быстро разогнал липкую влажность и разнес по пещере приятное тепло.

Духовный лидер навис над Гидеоном с глиняным кувшином, в который он опустил руку, а когда извлек, по его пальцам текло какое-то ароматное масло, и он помазал им Гидеона. Вокруг него столпились и остальные туземцы, и Гидеон невольно почувствовал, какой глубокой чести удостоивает его их внимание. Он был благодарен за их доброту и заботу.

Он оглядел поющих мужчин, которые теперь медленно закружились в каком-то ритуальном танце, в свете огня их странные движения создавали причудливые тени на стенах пещеры. Затем из темного коридора ими был вынесен деревянный поддон — такой большой, что его несли целых восемь человек. Он покоился на двух толстых балках, и на нем лежало что-то белое. Череп. Необычный, массивный, слово череп гориллы, только больше — с одним единственным провалом глазницы под толстой гребневидной надбровной дугой.

Гидеон уставился на странный артефакт. Что это? Какая-то скульптура? Нет, это был настоящий череп — очень старый, потрескавшийся и сильно напоминавший человеческий, за исключением того что в нем наличествовала лишь одна глазница. Это было то же существо, что и на пиктограмме — одноглазый гигант. Как интересно... как увлекательно... это создание когда-то действительно существовало... Лотос целиком и полностью завладел его сознанием, и он с радостью ему поддался...

Словно загипнотизированный, Гидеон не мог отвести взгляд от черепа.

Лотос. Пожиратели Лотоса. «Одиссея».

И затем — даже в его наркотическом состоянии — очевидная связь поразила его, словно молния. Он вспомнил, что случилось с Одиссеем сразу после того, как он покинул землю Пожирателей Лотоса. Следующей вехой его путешествия стала земля Циклопов.

Циклоп! Он смотрел на череп Циклопа.

Значит ли это, что Полифем действительно когда-то существовал? Выходит, что да. И доказательство тому находилось прямо перед ним — этот череп, который туземцы так ценили и которому поклонялись.

Древний череп циклопа.

Гидеона он словно заорожил. Каким необычным и занимательным был этот огромный череп с его массивной челюстью, клыками и костяным гребнем! Каким огромным научным открытием он мог бы стать!

Гидеон вновь расслабился, откинувшись на спину. Наука? Теперь она не казалась ему чем-то важным. Ему было все равно.

Череп тем временем сняли с поддона и поставили на каменный постамент. Песнопение превратилось в своего рода заклинание, повторяющийся речитатив, напоминавший ветер, стонущий в лесу. Старый шаман подошел и сгреб с поддона охапку сушеных стручков лотоса, которыми он осыпал тело Гидеона, а затем вновь окропил его священным маслом.

Прошло несколько мгновений, и тут шаман опустился на колени, и в его руке появился красиво выточенный обсидиановый клинок, который воспарил над головой Гидеона, поблескивая в свете огня.

Гидеон попытался спросить, что происходит, но голос его не слушался.

Ну и черт с ним. Все хорошо. Что бы ни делали его прекрасные друзья — все будет хорошо.

В огонь полетели дополнительные поленья, и пламя выстрелило искрами, взметнувшись в темноту. Треск древесины разнесся по гроту.

Лезвие опустилось и коснулось его шеи у мочки уха.

Какая-то очень отдаленная часть мозга Гидеона подала сигнал тревоги, но этот сигнал тут же угас. Странно — он не чувствовал боли, даже когда лезвие проткнуло его кожу... даже когда ощутил тонкую струйку бегущей крови...

Внезапно по пещере пронесся мощный взрыв — невероятно громкий — а вслед за ним пришел требовательный приказ:

— Пошли прочь от него!

Нож замер. Прозвучавший в отдалении голос был до боли знакомым. Это была девушка. Кем она была и почему решила прервать церемонию?

Прозвучал еще один взрыв, похожий на громовой раскат. Пение остановилось, и нож так и не двинулся с места. А затем в грот ворвалась фигура, оттолкнувшая шамана в сторону, вследствие чего обсидиановый нож вылетел у него из рук. В поле зрения Гидеона появилось знакомое лицо: растрепанные короткие черные волосы, сверкающие глаза... он знал эту девушку.

Она грубо схватила его и встряхнула.

— Вставай!

Он попытался вяло оттолкнуть ее, и она наотмашь ударила его по лицу — сначала один раз, затем еще. Почему она такая злая? Туземцы — его дорогие друзья — отступили и воздели руки к потолку грота, возмущенно крича.

Гидеон снова попытался отстраниться от девушки, чтобы вернуться в покой, которого он так жаждал, но она схватила его и резко дернула на себя, заставив подняться на ноги. Во второй ее руке был зажат пистолет.

— Все назад! — закричала она, выстрелив в воздух, и оглушительный звук разнесся по пещере. — Гидеон, ради всего святого, очнись же и помоги мне!

Но Гидеон просто стоял, сбитый с толку и шатающийся. Он все еще не мог говорить и был удивлен, что его ноги способны были держать его в вертикальном положении.

— Шевели своими чертовыми ногами!

Схватив его за руку, она увлекла его за собой прочь из пещеры. Попутно она выхватила из крепления на стене горящий факел. Гидеон попытался пробормотать слова протеста, но девушка проигнорировала его. Теперь они повернули за угол каменного туннеля, и она толкнула Гидеона вперед, решив держаться позади него.

— Беги, черт бы тебя побрал!

Он попытался бежать, но споткнулся. Девушка схватила его за волосы, дернула на себя и отвесила ему еще одну оплеуху.

— Да шевелись же ты!

Он снова побежал, но переставлял ноги очень медленно. Его разум был полон сожаления — ужасного сожаления и горечи потери. Он желал возвратиться в то чудесное место.

— Ты видела... — начал он.

— Быстрее! — перебила она, сопроводив свое указание грубым толчком.

Мгновение спустя Гидеон почувствовал дуновение чистого воздуха, услышал океан, и вот они уже оказались на широком выступе. Стояла ночь, море грохотало у его подножья. Свежий воздух немного оживил Гидеона, и в голове его начало понемногу проясняться, но тут его глаза оказались в плену прекрасного звездного ночного неба.

— Боже, как красиво...

Следующий увесистый толчок напомнил ему о том, что сердитая девушка все еще находится рядом с ним. Как же ее звали?

— Но посмотри на звезды...

— Забудь ты о звездах, идиот! Уходим!

Гидеон вновь споткнулся, сделав всего несколько шагов, но сумел подобраться к тропе, которая вела вдоль расселины. Его заштормило, когда он глянул на белый край прибоя внизу, на темный океан, на скалы, сурово уходящие вниз и покрытые густой растительностью. Теперь он вспомнил тропу и свое восхождение. Он должен был вернуться тем же путем. Как жаль...

— Будь внимательнее! Не упади, иди медленно.

Гидеон начал послушно спускаться по тропе, ставя одну ногу перед другой с максимальной осторожностью. Сделав несколько шагов, он остановился.

— Давай вернемся...

На это он получил еще одну пощечину.

— Вниз! — строго скомандовала девушка.

Казалось, легче повиноваться, чем спорить, поэтому он продолжил спуск. В какой-то момент он остановился, чтобы насладиться прохладным свежим ночным воздухом, но тут же получил слабый, но требовательный удар по затылку, после чего молча продолжил спускаться. Наконец, тропа привела их к черному пляжу, где Гидеон упал на колени и погрузил руки в мягкий песок. Но даже эта маленькая радость была грубо прервана девушкой, которая дернула его за волосы и потащила за собой.

— К каноэ! — скомандовала она.

Он снова споткнулся. Девушка подхватила два водонепроницаемых мешка, валявшихся на пляже, и забросила их в каноэ.

— Помоги мне столкнуть его на воду!

Гидеон неохотно повиновался: схватил веревку и помог вытянуть длинное деревянное каноэ на мелководье.

— Залезай!

Он залез в каноэ и тут же почувствовал, как ему требовательно сунули в руки весло.

— Гребите!

Но он встал и положил весло на дно.

— Давай просто ненадолго вернемся и... — внося свое предложение, он попытался перегнуться через край лодки и выбраться, но девушка грубо толкнула его обратно на деревянное сидение. В следующий миг он уже наблюдал за тем, как она привязывала его к скамье какой-то грубой веревкой, а затем пихнула лодку вперед и запрыгнула в нее.

— Гребите, черт бы тебя побрал!

Он опустил свое весло в воду, потянул и повторил. Сидя к нему спиной, девушка гребла, как сумасшедшая. Гидеон попробовал сделать еще несколько гребков, но руки были вялыми и с трудом его слушались. Девушка снова скомандовала ему поторапливаться.

Гидеон не мог понять, почему она так злится, зачем привязала его к сидению, но он не стал спрашивать и безропотно подчинился. Каноэ неспешно двигалось к ревущему прибою примерно в сотне ярдов от берега.

— Сильнее! — вновь скомандовала женщина.

Гидеон старательно потянул весло. Впереди появились большие волны, несущиеся на нос каноэ и грозящие захлестнуть беглецов. Гидеон усиленно греб, пытаясь пробиться через

яростный прибой. Волны неудержимым потоком накатывали на них. Через первую нос лодки прошел успешно, лишь высоко подпрыгнув на ней, вторая волна ударила гребцов, сильно покачнув судно, а третья едва не перевернула их. Гидеон почувствовал, как вал воды опрокидывает их, но каким-то чудом каноэ сумело выровняться и вынырнуть, наполовину затопленное. И вот — он и девушка оказались за пределами прибоя.

Лишь теперь он в первый раз ощутил приступ страха.

— Вычерпывай воду! Давай же, работай руками!

Гидеон начал выплескивать воду из каноэ, и девушка принялась делать то же самое. Но даже несмотря на все их старания, вода продолжала пребывать, заливаясь через борт волнами, пока каноэ дрейфовало по довольно бурному океану.

Мокрая одежда, ветер и вода начали понемногу прочищать голову Гидеона. Девушка, которая его забрала... Эми — ее звали Эми. Верно!

Гидеон приложил руку к горлу и почувствовал неглубокий порез, который щипало от соленой воды. Те люди, там, в пещере... они собирались убить его. Собирались перерезать ему горло. И он готов был позволить им это сделать! Но до этого они принесли древний череп циклопа... но, по-видимому, он был всего лишь галлюцинацией, побочным эффектом препарата.

Гидеон потряс головой, стараясь привести мысли в порядок.

Просто удивительно, какие трюки умел проделывать разум!

С удвоенными усилиями Гидеон принялся выплескивать воду из наполовину затопленного каноэ, активно работая обеими руками. У него начинала болеть голова.

— Вот так! Продолжай! — подбодрила его Эми.

Их лодку подхватило сильное течение, потащившее их вдоль берега прямо в открытое море. Когда каноэ почти миновало остров, за ним показался еще один, более отдаленный и маленький.

— Они идут за нами, — сказала Эми.

Гидеон обернулся и заметил, как на берегу появляются огни: люди держали факелы и спускали на воду другое каноэ. Толпа на берегу яростно кричала и шумела.

То, что случилось с ним, начало медленно выплывать из тумана забвения. Они дали ему лекарство и собирались принести его в жертву на алтаре своего бога. То была церемония благодарственного... жертвоприношения.

— Эми, ты спасла мне жизнь.

— Поблагодаришь меня позже. А сейчас — просто продолжай вычерпывать!

Он принялся работать, как сумасшедший. Течение несло их к тому отдаленному острову, отстоявшего от них примерно на милю. Гидеон уже видел его черные очертания под звездным небом: это был скалистый остров, окруженный отвесными скалами и поднимавшийся над водой одной плоской вершиной, покрытой густыми джунглями.

Наконец, они добились успеха в битве с водой, но Гидеон все еще видел, как за ними следуют другое каноэ — горящие факелы покачивались в темноте на волнах.

— Хорошая работа. Теперь гребь, — скомандовала Эми.

Гидеон повиновался, тяжело дыша. Каноэ стремительно рвануло вперед.

— Мы должны высадиться на этом острове, — сказала Эми, — это наша единственная надежда. Иначе нам ни за что не убежать от них.

— Ладно, я понял, но... где? Там нет пляжа.

— Когда подплывем ближе, возможно, я найду, куда причалить.

Остров приближался — огромная черная громадина, затмевающая свет звезд. Когда они подплыли, Гидеон услышал рев прибоя, а затем из темноты проступила белизна барашков суровых волн, с яростью бьющихся об утесы.

— Я не вижу, куда пристать, — сказала Эми.

Каное летело вперед, непреодолимое течение несло его прямо на скалы, поднимавшиеся вертикально вверх прямо из моря.

— Нас несет на скалы... — констатировала она.

Черные утесы маячили все ближе, а рев прибоя становился громче. Другое каное неустанно преследовало их, огни несостоявшихся убийц подпрыгивали на воде, служа ориентиром их местоположения.

Выругавшись, Эми бросила Гидеону один из непромокаемых мешков.

— Надень на спину, как рюкзак. Я возьму второй. Держи крепче.

Он перекинул мешок на спину, надел ремни на плечи и затянул их. Голова его теперь была отвратительно ясной и пульсировала болью.

Каное тем временем вошло в зону прибоя.

— Слушай, — сказал Гидеон. — Надо дождаться, когда каное понесет прямо на скалы. В последнюю минуту мы спрыгнем и поплывем дальше сами. Это поможет нам выиграть время.

— Хорошо. Тогда на счет три.

Огромная волна подхватила лодку и поволокла ее к скалам, словно доску для серфинга.

— Раз! Два! *Три!*

Они спрыгнули. Гидеон ударился о камень головой, но сумел за него схватиться, сдирая руки и колени. Он держался за камень, пытаясь найти опору, но ноги все время соскальзывали. Волна ударила о скалу и накрыла Гидеона, почти оторвав его от каменного оплота. Он держался изо всех сил, так как от этого зависела его жизнь, когда вторая волна разбила каное о скалы недалеко от него. Разрушенный корпус продрейфовал совсем рядом с ним.

Когда вода схлынула, Гидеон огляделся и с облегчением заметил Эми — промокшая, она цеплялась за скалу по соседству. Девушка была бледна и напряжена, но жива.

— Карабкайся! — крикнула она.

И они начали взбираться. Подъем оказался не совсем отвесным, но достаточно крутым, чтобы внушать ужас.

По крайней мере, — подумал Гидеон, — *тут хватает опор.*

Эми была опытным альпинистом, поэтому начала уверенно продвигаться вперед и вскоре уже опережала его.

— Следуй за мной, — позвала она. — Используй те же опоры, что и я.

— Хорошо, — отозвался он.

— Всегда имей на скале три опорные точки. Хват сверху. Держись как можно ближе к поверхности.

Гидеон увидел в десяти футах под собой каное, заполненное людьми и приближавшееся к линии скал. Туземцы гребли, но оставались в стороне от линии прибоя, не смея приблизиться. Каное их раскачивалось на волнах, и они что-то яростно выкрикивали. Единственная стрела безобидно звякнула об скалу под ними, а затем сильное течение подхватило лодку и унесло его прочь.

Гидеон и Эми поднялись уже на несколько сотен футов. Головокружительная высота

повергала мужчину в ужас, но он старался не думать об этом. Наконец, они добрались до небольшой пещеры — чуть большей, чем лавовая полость в скале, но здесь было достаточно пространства для двоих. Гидеон подтянулся, ухватившись за край пещеры, и буквально закинул себя во внутрь. Упав на спину, он жадно дышал, чувствуя себя счастливым оттого, что не сорвался вниз. Мигом позже Эми рухнула рядом с ним.

Он посмотрел на нее и резко встрепенулся.

— Эй! Что это? — на боку ее рубашки расплзлось темное пятно. — Боже, ты ранена!

— Ага. Мне может потребоваться небольшая помощь.

Гидеон расстегнул ее рубашку и осторожно отвел в сторону одну полу. Плохо выглядящая рана заставила его поморщиться.

— Там, в пещере... — проговорила она, тяжело дыша, — копье...

— Так, ясно. Сейчас перебинтую, — он открыл один из водонепроницаемых мешков и извлек оттуда аптечку и фонарик. Посвятив на рану, он счел, что она, слава Богу, оказалась не слишком глубокой. — Слушай, я тебя подлатаю, ты только не волнуйся, — он разорвал упаковку с марлевыми салфетками, намочил одну из них антисептиком и стал очищать края раны, попутно осматривая повреждения. Океан в значительной степени сумел промыть рану, но Гидеон промыл ее повторно — чистой водой. Интуиция подсказывала ему, что здесь требуются швы, но в наборе их не оказалось, поэтому Гидеон накрыл рану стерильной салфеткой, сверху нее положил марлевую повязку, а затем заклеил все это хирургическим пластырем. Завершив процедуру, он порылся в сумке, нашел пузырек амоксициллина и дал Эми таблетку. Поискав еще, он протянул ей вдобавок пару пилюль ибупрофена.

— Как ты?

— Больно, — усмехнулась она. — И чувствую себя, как под кайфом. Похоже, я потеряла довольно много крови.

— С ума можно сойти. С такой раной — и столько пройти? Ты невообразимо крута, — нервно усмехнулся он, на что девушка лишь отмахнулась.

— Спать. Мне нужно поспать. Завтра нам предстоит долгое восхождение.

— Ты никуда не пойдешь с такой раной! Мы останемся здесь, пока тебе не станет лучше.

Она легла на спину.

— Нет, Гидеон.

— Но...

— Все просто: если мы останемся здесь, мы погибнем. Нечего тут обсуждать.

Гидеон проснулся. Восходящее солнце заливало своим ярким светом выбитую в скале пещеру, и ему сопровождали проснувшиеся морские птицы. Эми еще спала, и лицо ее заливал нездоровый румянец.

Гидеон приподнялся и тут же с тихим болезненным шипением приложил руку ко лбу: голова его раскалывалась, а во рту стоял ужасный вкус. Порывшись в мешках, он нашел одну из бутылок с водой, немного попил и подсчитал запасы. У них осталось два литра воды, последние два энергетических батончика и два куска пеммикана^[63], завернутых в банановые листья — угощение, доставшееся им от туземцев. В аптечке по-прежнему было много бинтов, антибиотиков и обезболивающих.

Закончив подсчет, Гидеон осторожно подошел к краю пещеры и выглянул. Они находились примерно в двухстах футах над уровнем моря. Но сколько оставалось до вершины, сказать было сложно — расположение пещеры не позволяло посмотреть вверх. По силуэту, который Гидеон видел с моря, он прикинул, что скала возвышается примерно на тысячу футов... может, полторы.

Повернувшись, он заметил, что Эми проснулась. Он приблизился и положил ладонь ей на лоб, тут же подтвердив свои худшие подозрения: у нее был жар.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

— Неплохо.

Гидеон ей не поверил. Он дал ей бутылку с водой, и она сделала большой глоток.

— Позволь мне осмотреть твою рану.

Девушка откинулась на спину, Гидеон расстегнул ее рубашку и увидел, что вся повязка пропиталась кровью. Эми немного вздрогнула от боли, когда он удалил бинт. Гидеон пытался скрыть свой страх и беспокойство. Рана все еще оставалась прикрытой стерильной салфеткой, и он не осмеливался убрать ее, но, в конце концов, сделал это. Затем он снова воспользовался бетадином, антибактериальной мазью и наложил новую повязку.

— Спасибо, — отозвалась она.

— Эми, ты спасла мне жизнь. Как я могу отблагодарить тебя?

Она только покачала головой.

— Откуда ты знала, что меня надо спасать?

Она сделала глубокий вдох.

— АйФон привел меня к пещере на пляже. Его поведение меня насторожило: казалось, он все сильнее и сильнее нервничал. Когда стемнело, я попыталась расспросить его, но он уходил от ответа. Вот тогда-то я и начала опасаться, что с тобой может случиться что-то плохое. Я спросила его в лоб об этом, он хоть все и отрицал, но сильно вспотел от напряжения. Поэтому я вытащила пистолет и связала его. А затем отправилась искать тебя.

— Спасибо.

Она вновь вздохнула.

— Ты видел тот огромный череп?

Гидеон уставился на нее.

— Хочешь сказать, ты тоже его видела?

— Черт побери, да! Мне потребовалось мгновение, чтобы понять: это череп циклопа.

— А я думал, у меня галлюцинации.

— *Hic sunt gigantes* — Здесь водятся гиганты. Карта не лгала, там действительно когда-то жили циклопы. И, похоже, тебя собирались принести в жертву богу-циклопу.

— Я был так обдолбан, что готов был позволить перерезать мне горло даже без сопротивления... черт, я чувствую себя так глупо!

— Тебя одурманили.

— Они дали мне какой-то черный корешок, который я проглотил. Похоже, что это был настоящий лотос, и он невероятно мощно действует. Он заставил меня забыть обо всем и почувствовать себя так хорошо, что я не хотел, чтобы это заканчивалось. Так же было и с людьми Одиссея.

— Так... что же за стручок они тогда нам преподнесли?

— Поддельный лотос, своеобразный церемониальный заменитель? Или, возможно, наземную часть этого растения.

Эми облизала пересохшие губы.

— Есть кое-что еще... что-то, что я должна была понять раньше. Ты ведь помнишь, что карта, по которой мы идем, называется картой Форкиса, так? Форкис был низшим греческим божеством, сыном Посейдона. Так же, как и Полифем. Другими словами, Форкис был братом Полифема, циклопа. Если это не связывает нашу карту с «Одиссеей» и циклопами, то я не знаю, какая еще нужна связь...

Она начала путаться в словах, лоб ее покрылся бисеринками пота. Гидеон сразу понял, в чем дело.

— У тебя поднялась температура.

— Я знаю. Поэтому нужно закончить этот подъем до того, как я совсем расклеюсь. Мне становится хуже.

— Ты не можешь подниматься в таком состоянии.

— Сейчас я еще могу это сделать. А вот через шесть или двенадцать часов, возможно, уже не смогу. Меня лихорадит, и пока что тенденций к улучшению нет. А у нас почти кончилась еда и вода, мы не можем здесь оставаться. Надо подниматься, иначе мы просто умрем.

Девушка изо всех сил попыталась встать, ухватившись за свой водонепроницаемый мешок.

— Это безумие! — возразил Гидеон.

— Безумие, верно. Но это наш единственный вариант. Просто следуй моему примеру, и мы взберемся быстро.

Гидеон посмотрел на нее. Это была самая решительная женщина из всех, кого он когда-либо встречал, ничто не могло заставить ее свернуть с намеченного пути. И, когда он прокрутил в голове сложившиеся обстоятельства, ему пришлось признать правоту ее доводов. Другого выбора просто не было.

В тишине они съели последние два батончика и выпили еще немного воды. Затем Эми выбралась из пещеры и начала восхождение.

Подъем был ужасающим — почти отвесно вертикальным по вулканической скале, но ситуацию немного упрощало количество опор, которые формировались из пузырей, трещин и выступов. Гидеон следовал за Эми, наблюдая за тем, как она ставит руки и ноги. Несколько раз он спрашивал ее, как она себя чувствует, но в ответ девушка лишь велела ему заткнуться, и это давало ему понять, что она более-менее в порядке.

Кричали птицы, внизу гремел прибой, ветер периодически налетал на скалолазов суровыми порывами. По мере того, как они поднимались, сложность то повышалась, то уменьшалась, но головокружительная высота неумолимо становилась все более устрашающей. Гидеон предположил, что они поднялись примерно на пятьсот футов... потом на шестьсот... потом на восемьсот. Он старался не смотреть вниз, но это было необходимо, чтобы находить опоры. И у них не было никакой возможности определить, сколько еще осталось преодолеть. У Гидеона уже ныли все мышцы, и нестерпимо болела голова. Он задавался вопросом, как Эми — раненая и в лихорадке — могла так целеустремленно подниматься выше. Он видел темное пятно, которое расползлось по ее рубашке: рана снова открылась и начала кровоточить.

Эми стала замедляться, она тратила все больше времени на поиск опор для рук и ног.

На небе начали собираться тучи, издали донесся громовой раскат. Вскоре полил дождь. Несколько раз Эми соскальзывала с каменных уступов и на мгновение повисала на руках, прежде чем ее ноги вновь находили опору. Дождь усилился и начал стекать ручьями по склону скалы, из-за чего стало слишком скользко подниматься. Вода и мусор обрушивались на напарников, попадая на лицо и ухудшая видимость.

Эми замедлила темп. Даже на легких отрезках она останавливалась и опасно покачивалась, но Гидеон не мог ничего сделать, чтобы ей помочь. Он очень боялся за нее, но напоминал себе, что она права: *им необходимо было пройти этот путь.*

Наконец-то они добрались до большой горизонтальной расщелины. Эми забралась на нее и тут же рухнула без сил. Гидеон последовал за ней. Они оба промокли до нитки, и здесь им не то же представлялось возможности обсохнуть: вода заливалась в расщелину, стекая миниатюрными потоками со стены над ними. Ветер задувал внутрь, принося с собой холод.

Гидеон впервые за несколько часов увидел лицо Эми, и ужаснулся. Она выглядела очень плохо: бледная, как слоновая кость, с посиневшими губами. Взгляд ее был рассеянным и мутным.

— Отдохнуть, — прошептала она, — немного отдохнуть... а потом выше... мы уже... наверное, почти забрались...

Но Гидеон понимал, что Эми никуда отсюда не двинется. Он ничего не сказал, но протянул к ней руку, чтобы проверить температуру. Эми грубо оттолкнула его.

— Я в порядке! — в противовес словам девушки, по ее телу прокатилась волна дрожи. — Просто... отдохнуть. Потом вверх.

Гидеон все же приложил руку к ее лбу. Он оказался таким горячим, что Гидеон не на шутку испугался. Он порывлся в водонепроницаемом мешке, достал аптечку, извлек оттуда ибупрофен и дал Эми пару таблеток. Она не стала отказываться. Затем он достал амоксициллин. В комплекте был еще один антибиотик, обозначенный как «Азитромицин». Стоит ли давать ей его тоже? Или могут возникнуть побочные эффекты? Заражена ли рана? Или лихорадка — это лишь реакция организма на травму? Боже, если б он только был более сведущ в медицине!

Поразмыслив, он дал ей и второй антибиотик. Дрожащими руками Эми взяла таблетку, а затем, казалось, погрузилась в забытие.

Что же это за место? — размышлял Гидеон, понимая, что застрял в небольшой расселине скалы глубиной меньше метра на высоте, примерно двенадцать сотен футов над поверхностью океана. И выбраться отсюда сейчас не представлялось никакой возможности: снаружи шел ливень с порывистым ветром, а его спутница была ранена, и ей становилось все

хуже.

Небо окончательно потемнело, и по нему то и дело прокатывался гром. Ливень усилился, и Гидеону казалось, что он прячется за водопадом. Он извлек бутылки из мешков и наполнил их дождевой водой, стекающей по стенам расселины. Эми начала бить крупная дрожь, и Гидеон снял свою рубашку, чтобы согреть ее. Сначала она слабо запротестовала, но затем замолкла.

Похоже, ее дела были совсем плохи.

Гидеон достал спутниковый телефон. Батарея почти полностью села. Защитив аппарат от воды своим телом, Гидеон включил его, и на экране появилась надпись: ПОИСК СПУТНИКОВ.

Поиск все продолжался и продолжался. Похоже, в этом месте не было сигнала. Они застряли здесь. Гидеон нажал несколько кнопок в надежде, что устройство заработает быстрее, но это не помогло. Значок заряда начал мигать красным, индикатор батареи снизился с 2% до 1%, а телефон все не мог найти спутники.

Гидеон отключил аппарат. Ему нужно было сделать звонок на вершине.

— Что... ты делаешь? — слабо протонала Эми.

Он сжал ее руку и слегка улыбнулся.

— Пытался дозвониться до Глинна, но не повезло. Связи нет.

Она не ответила. Прошло примерно десять минут, но дождь все не переставал.

— Мне страшно... — прошептала она.

Это признание испугало его больше, чем все остальное.

Сейчас Эми казалась маленькой и хрупкой, глаза ее горели беспокойством, губы были белыми и подрагивали. Теперь ее стоическая маска, ее решимость и ее уверенность в себе, которые прежде не подводили ее — все это рухнуло. Она выглядела испуганной и слабой — каковой, в сущности, и была. Эми знала, что не сможет продолжать подъем в таком состоянии — они застряли в этой маленькой трещине, и им грозила смерть. Гидеон судорожно размышлял, стараясь просчитать возможные варианты.

— Что же нам делать? — спросила Эми, и голос ее прозвучал почти жалобно.

Гидеон ответил ей мягко и успокаивающе.

— Ты отдыхай. Об остальном я сам позабочусь.

Мучительное молчание тянулось несколько минут, а затем Эми сжала его руку.

— Поговори со мной. Пожалуйста.

— Все будет хорошо, Эми, — и он почувствовал себя идиотом, произнося это. Разумеется, в сложившейся ситуации такого исхода ждать не приходилось.

— Меня зовут не Эми. Амико. Прекрати называть меня Эми.

— Хорошо, Амико.

Она тяжело и прерывисто вздохнула, глаза ее закрылись, а затем медленно открылись. Ее рука сжала его ладонь сильнее.

— Мой отец был японцем. А мать — швейцарской немкой. Я... родилась в Японии.

— Тебе не нужно рассказывать мне все это. Не сейчас...

— Я должна, — сказала она. — Мне... правда нужно выговориться. Я хочу, чтобы ты знал обо мне... на случай, если я умру.

— Хорошо, — согласился он.

— У моего отца было три сына от первого брака. Все — чистокровные японцы. Он был очень... старомодным, очень чтит традиции. А моя мать была... холодной... черствой

женщиной. С момента моего рождения я *уже* не соответствовала тем идеалам, которых мой отец ждал от дочери. Я старалась... старалась изо всех сил заслужить его уважение и любовь. Я сделала для этого все. Но неважно, сколько курсов каратэ я прошла, сколько занималась икебаной, сколько уроков музыки брала... неважно, сколько у меня было пятерок по математике или как хорошо я исполняла концерты Вивальди на скрипке... этого всего было недостаточно. Я была девочкой. И я не была японкой. Не в его глазах.

Она сделала паузу, тяжело вздохнув.

— Когда мне было двенадцать, моего отца перевели на... другую работу. В Америку. Мои старшие сводные братья к тому времени все уже состоялись — были успешными, сделали хорошую карьеру — и поэтому остались в Японии, — она немного помолчала. — А я всегда чувствовала себя там не на своем месте. Сейчас, в Штатах... я еще больше чувствую себя не на своем месте. А мой отец... он не понимал Америку. Он был там, словно рыба без воды. Затем все стало намного хуже. Создавалось впечатление, что у нас постоянно не было денег, хотя отец и занимал хорошую должность. Мать ушла — просто оставила нас, и я так и не узнала, почему. А потом... однажды я пришла домой из школы и нашла отца мертвым. Он... он покончил с собой.

— Амико, это ужасно. Мне очень жаль...

— И тогда правда вышла наружу. Оказывается, его уволили еще полтора года назад. Чтобы сохранить лицо, он продолжал каждое утро уходить из дома, надевая костюм, и не возвращался до самого вечера, проводя дни в библиотеках, центрах социальной занятости и, наконец, в парках и других публичных местах. Он устраивал этот спектакль для меня. Мне было семнадцать. И тогда мне в голову пришла мысль, что... что, может, и мне стоит умереть. Но я быстро ее отбросила. Заработала себе на колледж — сама... тогда-то я и увлеклась актерской игрой. Я была хороша, но недостаточно, чтобы хорошо зарабатывать на этом. Я пошла в аспирантуру... и там меня нашел Глинн. Я выполнила для него несколько неофициальных заданий, исследовала карты сокровищ, применяя мои знания древних языков, а потом... пригодилась ему с этими моими знаниями на постоянной основе. Вот, как я попала к нему.

Она на пару секунд закрыла глаза.

— А... что насчет твоей матери?

— Она присылала открытки на день рождения... подарочные сертификаты на Рождество. Но больше я ее никогда не видела.

Гидеон ужасно сочувствовал ей. А ведь все это время он жалел себя, думая, что у него было тяжелое детство. Он даже не мог представить, через что пришлось пройти Амико, чтобы найти свое место в этом суровом мире.

— Воды... дай мне воды.

Гидеон поднес бутылку к ее губам, и она попила. Он потрогал ее лоб и удостоверился, что у нее все еще был сильный жар.

На улице тем временем темнело. Опускалась ночь. Дождь все не переставал, и гром непрестанно грохотал, сотрясая стены. Расщелину периодически освещали вспышки молний. Рев моря доносился откуда-то издалека, снизу, и по скале шли вибрации от мощных ударов волн, разбивавшихся о камни.

— Поговори со мной... — прошептала Амико, — пожалуйста...

Гидеон замешкался на минуту.

— У меня терминальная стадия болезни, — сказал он.

Ее покрасневшие глаза на секунду расширились.

— Что?

— Она называется АВМ. Артериовенозная мальформация. Это... большое переплетение вен и артерий в мозге.

— Это... операбельно?

— Нет. Не операбельно. И неизлечимо.

— И сколько... тебе осталось? — ее голос почти сорвался.

— Десять месяцев, плюс-минус.

Он не знал точно, зачем решил рассказать ей именно об этом. Это явно была не та история, которая могла бы рассеять и без того мрачное настроение. Но почему-то к нему в голову сейчас пришла только история о диагнозе. Откровение за откровение.

— О, Гидеон... — пробормотала Амико.

— Все нормально, я смирился, — улыбнулся он, решив, что, возможно, ее каким-то образом подбодрит то, что она не единственная из них, у кого на плечах была тяжелая ноша.

— Вот, почему ты так хотел попробовать лотос, — догадалась она.

— Да.

Некоторое время они молчали.

— Не позволяй мне спать, — попросила Амико.

Но, едва она успела это произнести, как ее сознание ускользнуло в полудрему. Она дрожала и бормотала что-то во сне, ее голова в бреду металась из стороны в сторону. Гидеон посмотрел на темнеющий вдали океан, и почувствовал, как его со всех сторон омывает отчаяние.

Когда на землю окончательно опустилась ночь, ливень превратился в сплошную стену воды. Лихорадка Амико не спадала. Гидеон надеялся, что она окрепнет, когда проснется, но ночь шла, а жар только усиливался, и тогда Гидеон осознал, что рассчитывать на какие-то положительные изменения просто глупо.

Существовало только одно возможное решение: ему нужно закончить подъем одному и придумать что-то, чтобы забрать отсюда Амико. Он мог бы сверху позвонить Глинну, но спасательная миссия займет несколько дней, и к тому времени их припасы точно закончатся. К тому же в этой расщелине Амико не выживет. Он должен был как-то доставить ее на вершину — найти там теплое убежище, разжечь огонь.

Взвешивая различные варианты, он извлек веревку из водонепроницаемого мешка и оценил ее длину. Похоже, в ней было около сотни футов. Веревка, которая у него была, не подходила для скалолазания, и все же это был крепкий морской канат, который должен был выдержать вес человека.

Он судорожно ломал голову над тем, как соорудить крепления. Амико больше не владела собой, и он не мог просто затащить ее по неровной скале. Он должен был сделать какую-то перевязь, своего рода сиденье и, закрепив на нем девушку, поднять ее отсюда наверх. А для этого ему нужно было взобраться на вершину, оценив оставшееся до нее расстояние, оставить там снаряжение, закрепить веревку, спуститься и забрать свою спутницу. И, в конце концов, подняться вместе с ней.

Опустошив один из мешков, Гидеон упаковал туда веревку и предметы первой необходимости, после чего надел один из налобных фонарей. Батарея была еще заряжена, поэтому фонарь давал достаточно света. Амико спала, и Гидеон решил не будить ее сейчас — лучше он сделает это по возвращении. Тем не менее, чтобы не оставлять ее в неведении, он наскоро нацарапал ей записку и положил ее подле руки девушки. В глубине души он очень надеялся, что исполнит написанное и действительно скоро вернется.

Закрепив на спине водонепроницаемый мешок, он выбрался из расщелины и поднял глаза. В темноте и под пеленой дождя фонарь освещал ему путь только на десять футов, но Гидеон быстро преодолел неуверенность и страх, мысленно представив себе самый короткий маршрут и визуализируя его перед собой. Затем, сделав глубокий вдох, он покинул свое укрытие. Капли дождя барабанили по его лицу и фонарю. Трудно было представить, сколько оставалось до вершины. Сто футов? Или тысяча?..

Скала была рыхлой и влажной. В какой-то момент Гидеон потерял равновесие и повис, удерживаясь только руками. Он попытался найти опору, но каменный уступ, на который он поставил ногу, обвалился, и ему судорожно пришлось искать другой. С трудом он снова сумел восстановить равновесие, но вдруг услышал неподалеку от себя грохот падающих камней. Этот звук — так близко — испугал его. Страх парализовал его, и он замер, вцепившись в скалу, не в силах пошевелиться. Его сердце билось, как бешеное, дыхание сбивалось, а голова готова была взорваться от ужаса.

Соберись. Возьми себя в руки!

Медленно, очень медленно он начал восстанавливать над собой контроль. Возвращение в расщелину не рассматривалось как вариант. Он *должен* был подняться.

Выше, выше, выше.

Из раза в раз он повторял себе эти слова после каждого вздоха. Это был единственный способ выжить. Хотя страх все еще и ворочался в нем. А от одной мысли, что потом придется спуститься и подняться снова, его охватывал животный ужас.

Не думай об этом сейчас.

Он решительно продолжил восхождение. Зацепиться рукой. Потом ногой. Перенести вес. Оторвать другую ногу. Найти для нее новую точку опоры. Передвинуть другую руку. Начать снова — рука, нога, затем другая нога и другая рука. И опять заново. Это напоминало чтение мантры.

Скала становилась все более непрочной. Очередная опора обвалилась, когда он схватился за нее, и ему пришлось судорожно искать новую. Так не могло продолжаться вечно! И в тот момент, когда он, казалось, совсем выбился из сил и не мог продолжать, он миновал выемку в застывшей лаве и увидел прямо перед собой массу густой растительности. Гидеон приподнялся, ухватился за древесный ствол и вскарабкался наверх, рухнув в гостеприимный кокон леса. Под ногами его наконец-то была желанная, безопасная плоская поверхность!

Некоторое время он просто лежал без движения, стараясь не думать о том, что ему предстояло сделать. Сначала — хорошие новости: этот последний отрезок подъема был не больше ста пятидесяти футов. Если б ему только каким-то образом удалось удлинить свою веревку лозами, то он смог бы поднять сюда Амико. Эти джунгли вокруг него выглядели богатыми на лозы и лианы.

Итак, тяжело дыша, Гидеон сел. Он не мог позволить себе терять время. Амико промокла насквозь, у нее был жар, но он надеялся, что она была в сознании. Если бы ему пришлось поднимать ее обездвиженное тело, дело приняло бы совсем плохой оборот.

Поднявшись на ноги, Гидеон снял с плеч водонепроницаемый мешок и прикинул, где бы он мог закрепить канат. Итак... ему понадобится не менее двух сотен футов веревки.

Он отправился на поиски лоз, но все, что попадались ему, были тонкими и совсем не внушали доверия — в диаметре они были около восьми десятых дюйма. Гидеона озарило, что требуемого эффекта можно было добиться, если сплести их вместе. Он начал стягивать лианы с деревьев, трясти и дергать их, чтобы убедиться в их прочности, и складывать прошедшие контроль в кучу. Наконец, у него набралось несколько десятков лоз разной длины. Он начал спешно скручивать из них косу толщиной в шесть нитей. Когда какая-то лоза заканчивалась, он заменял ее следующей.

Потребовалось около часа, чтобы закончить эту импровизированную веревку, но, наконец, работа была завершена. Удовлетворившись качеством своего творения, Гидеон тщательно обвязал веревку вокруг своей талии и ног, после чего выскользнул из этого плетения и посмотрел, что у него получилось: вышли импровизированные стропы, которые вполне могли подойти Амико. Он надеялся лишь, что у нее хватит сил одолеть этот подъем.

Наконец, он обвязал веревку вокруг прочного древесного ствола, а остальную часть сбросил с утеса, помолвившись, чтобы ее длины было достаточно.

Спуск оказался почти таким же сложным, как и подъем, но теперь у него хотя бы была веревка. С каждым шагом Гидеон молился лишь о том, чтобы не соскользнуть и не разбиться. Через полчаса он добрался до расщелины, и у него оставалось еще тридцать футов веревки. Амико ждала его, сидя. Она была бледна, но хотя бы в сознании.

— Где ты был? — спросила она.

Выдохнув, Гидеон кратко изложил ей свой план.

— Ты поднялся на вершину... и вернулся?

— Ну да.

Она смутилась.

— Зачем?..

— Я собираюсь поднять тебя.

Он потянул за свободный конец веревки и показал ей импровизированную альпинистскую обвязку. Амико ошеломленно уставилась на него.

— Нехорошо... — заключила она, попытавшись влезть в нее, а затем быстро развязала стропы и перевязала их по-новому, после чего, пошатываясь, встала на самом краю расщелины.

— Это называется швейцарским сиденьем, — сказала она, завершив работу. От напряжения лицо ее покраснелось, дыхание стало тяжелым.

— Как ты себя чувствуешь?

Девушка ответила не сразу.

— Я смогу.

— Сядь. Я взберусь наверх, и потом подниму тебя.

Она кивнул и села.

Подумав, Гидеон пересадил ее в более подходящее место расщелины. Закинув на спину второй водонепроницаемый мешок, он начал подниматься снова, на этот раз, используя веревку. Этот подъем оказался легче предыдущего, и Гидеон был на вершине уже через полчаса. Бросив мешок на землю, он использовал пару стволов деревьев в качестве фракционного тормоза, после чего принялся поднимать Амико. Больше всего он боялся, что веревка зацепится за какой-нибудь зубчатый выступ, и примерно через пятьдесят футов так и случилось. Сколько бы он ни водил веревкой из стороны в сторону, как бы ни перемещал ее, она застряла.

Снизу донесся слабый крик.

Привязав веревку, чтобы удержать ее на прежней высоте, Гидеон подошел к краю утеса. Он не видел Амико, но слышал ее голос.

— Веревка застряла! — кричала она.

— Где?

— Примерно в двадцати футах надо мной.

Был всего один выход: спуститься и освободить ее вручную.

Гидеон снова начал спускаться, следуя за веревкой, пока не достиг препятствия. Лоза зацепилась за каменный выступ. Исследовав проблему, Гидеон понял, что освободить веревку можно только забравшись под него. Двадцатью футами ниже Амико висела на огромной высоте над морем. Она выглядела ужасно, лицо ее было бледным, почти серым.

— Гидеон, это слишком трудный маневр...

Он проигнорировал ее. Медленно спускаясь, он сумел подлезть под выступ. Опоры были очень слабыми. Цепляясь одной рукой за веревку, а другой — за скалу, он чуть отклонился и попытался освободить веревку, крепко схватив ее и встряхнув...

Застряла.

Гидеон потряс сильнее, а затем еще сильнее. Внезапно она высвободилась, но дернулась, заставив его потерять обе точки опоры. Тело Гидеона оторвалось от скалы, он ухватился за веревку обеими руками, соскользнул по ней и вскрикнул от боли: лозы сильно

ободрали кожу на ладонях. Теперь он тоже болтался в воздухе.

— Гидеон, *раскачивайся!*

С огромным усилием он попытался раскачать веревку при помощи веса своего тела: один раз, потом еще раз. Вережка из лоз стонала под двойным весом, а затем... резким рывком опустилась на несколько дюймов и начала распутываться.

Охваченный паникой Гидеон ухватился за выступ скалы, как только у него появилась возможность, и облегчил вес, давивший на веревку. После этого она перестала разматываться.

С огромным трудом Гидеон вновь обрел устойчивое положение. Мышцы его рук дрожали от напряжения и тревоги, но ему пришлось собраться с силами и подняться на вершину. Достигнув ее, он позволил себе лишь несколько секунд передышки, после чего возобновил медленную работу по поднятию Амико. Наконец — когда на востоке забрезжил рассвет — ему удалось втолкнуть ее на скалу под защиту джунглей.

Амико не устояла на ногах и рухнула на землю. Попытавшись сесть, она закашлялась и снова упала.

— Ты... — выдохнула она, — ты спас мне жизнь.

— Теперь мы квиты, — прохрипел он в ответ. — Отдыхай. Не разговаривай.

Она упала на спину и задыхалась очень часто и неглубоко. Ее лицо было бледным, и его покрывал пот. Гидеон же окинул взглядом мокрые джунгли и понял, что заросли здесь настолько густые, что даже рассветное солнце не может пробиться сквозь них.

Итак... следующие его шагом была постройка убежища.

Стоя на коленях на земле, Гидеон провел инвентаризацию водонепроницаемых сумок, вытряхнув из них все содержимое, которое ему удалось спасти, и разложив его для просушки. Батончики гранолы закончились, но осталась пара кусочков пеммикана, хоть и немного отсыревших. Один пистолет, немного боеприпасов, ножи, чашки, позаимствованные у индейцев, зажигалки, четыре литра воды, аптечка первой помощи. И спутниковый телефон. Он позвонит Глинну при первой возможности — по крайней мере, он очень надеялся, что там осталось достаточно заряда для еще одного соединения. Но сейчас, в первую очередь, он должен был позаботиться об Амико.

Поднявшись на ноги, Гидеон схватил нож и начал рубить большие, плоские, глянцевые листья, собирая их так, чтобы они образовали сухую подстилку — своеобразный тюфячок. Он помог Амико забраться на него и дополнил постель подушкой, сделав ее из пучка листьев.

Далее он развел небольшой огонь — с большим трудом, так как все вокруг было сырым — и использовал чашку, чтобы вскипятить небольшое количество воды.

— Надо сменить повязку, — сказал он.

Девушка согласно кивнула. Ее кожа покраснелась, глаза налились кровью, и от нее буквально волнами исходил жар.

Он расстегнул и распахнул ее рубашку. Повязка оказалась насквозь пропитана кровью. Затаив дыхание, он удалил ее, а затем и салфетку, обнажая рану. Она больше не была закрыта, ее края разошлись из-за трудного восхождения по скале. Вдобавок рана довольно сильно кровоточила.

С помощью чистых марлевых повязок из аптечки, предварительно окунутых в кипяченую воду, Гидеон очистил рану. Затем он ополоснул ее чистой водой с добавлением небольшого количества бетадина, наложил обеззараживающую мазь и снова закрыл хирургическим пластырем. Закончив перевязку, он растворил в воде таблетку амоксициллина вместе с еще одним антибиотиком и заставил Амико выпить этот раствор.

— Тебе нужно поесть, — сказал он.

— Я не голодна.

Гидеон достал пеммикан, и Амико, пересилив себя, все-таки смогла его съесть.

— Мы сделали это, — сказала она, вымученно улыбнувшись. — Мы здесь. Ты спас мне жизнь. И благодаря тебе я чувствую себя намного лучше.

— Хорошо, — согласился с ней Гидеон, радуясь, что к девушке постепенно возвращается цвет лица. Но в то же время он ни на секунду не забывал об ужасной ране — как бы его напарница ни храбрилась, ей срочно нужно было в больницу.

Он потянулся к телефону.

— Я звоню Глинну. Нам нужна эвакуация.

Превозмогая боль, Амико села.

— Подожди, Гидеон. Мы все равно уже здесь. Давай сначала исследуем остров.

Гидеон покачал головой. Она действительно была безумной.

— Ты ранена, и тебе нужен врач.

— У нас есть бинты и антибиотики и все, что нам нужно.

— Это даже не обсуждается. Я звоню, — он взял спутниковый телефон и вынул его из чехла. Амико молча наблюдала, как он проверял батарею. Все еще один процент.

Гидеон включил его.

Потребовалось некоторое время, чтобы аппарат связался со спутниками, а индикатор батареи меж тем все так же мигал красным. Как только подключение было установлено, Гидеон набрал номер.

Ответ пришел мгновенно.

— Гидеон? — это был Глинн.

Пришлось тут же перебить его, чтобы не терять времени.

— Батарея почти сдохла. Нам нужно говорить быстро.

— Я же сказал вам, что эту миссию надо прервать, и приказал...

— Хватит! Нам нужна эвакуация. Амико ранена.

— Насколько все плохо?

— Она нуждается в немедленной медицинской помощи.

— Понятно. Дайте мне ваши координаты.

— Мы на острове в двадцати милях от побережья, — сказал он. — Я не могу сказать точно, где именно мы находимся.

— Я запеленгую ваш спутниковый сигнал. На это мне понадобится всего минута.

— Нам удалось. Мы нашли лекарство. Оно растет где-то здесь, на этой группе островов. Дело вот в чем: в этой области когда-то обитали огромные одноглазые гоминиды — Циклопы. Туземцы поклоняются черепу одного из них. Все это подтверждает теорию Амико об Одиссее.

Секундное молчание на линии.

— Невероятно. Мы почти определили ваши координаты...

Амико протянула руку к телефону.

— Дай мне поговорить с ним. Ну же.

Гидеон передал телефон. Девушка схватила аппарат и перевернула его задней панелью вверх.

— Что ты...

Но Амико не слушала его. Она отсоединила батарею и изо всех сил швырнула ее со скалы.

— *Какого черта?* — Гидеон вскочил как раз вовремя, чтобы увидеть, как батарея, описав дугу, нырнула в голубое пространство. — Ты с ума сошла?

Девушка посмотрела на него, и в ее глазах плескалось неповиновение.

— Я не уеду отсюда. Не таким образом. И не сейчас.

Потрясенный Гидеон уставился на нее, не в состоянии придумать ничего, что на это ответить. Он ни в коем разе не должен был давать ей телефон. Она, видимо, совсем обезумела, ее разум поработил лихорадочный бред — в здравом уме такое сотворить было невозможно.

— Ты действительно думаешь, что Глинн позволит нам закончить то, что мы начали? *Нет.* Он соберет новую команду. Привлечет правительство Никарагуа, потому что я уверен, что этот остров — их территория. Проект превратится в первоклассный цирк. Нам просто не оставят ни единого шанса.

— Тебе нужна медицинская помощь. Ты можешь умереть.

— Я поправлюсь. И нам нужно довести дело до конца.

Он внимательно осмотрел девушку. Она действительно выглядела лучше. Или, может быть, это был просто выброс адреналина.

— Мы почти у цели, — продолжала она тихо его увещевать. — Нам всего лишь нужно исследовать этот остров, найти лотос и взять его. Только тогда наше дело будет сделано, — она снова легла, продолжая пристально смотреть на него, ее лицо то краснело, то бледнело, но глаза оставались ясными. Она говорила разумно и серьезно.

Гидеон продолжал взвешивать различные варианты. В том, что она сказала, несомненно, было зерно правды — если Глинн вытащит их сейчас, их роль на этом будет сыграна. А они были так близко — осталось только найти растение! Но вот вопрос: насколько это было выполнимо? Он отдавал себе отчет в том, что тоже хотел довести дело до конца. Более того: он очень хотел спасти свою жизнь. Сколько времени понадобится на то, чтобы лотос преобразовали в лекарство, и он поступил в свободную продажу? Процесс займет годы, а время было для него недоступной роскошью. Этот лотос был его выстрелом наугад, но почему бы и нет? Ему нечего терять.

— Ладно, согласен.

Она улыбнулась.

— Я знала, что ты согласишься. Мы с тобой не такие уж и разные.

Он пожал плечами.

— Пойду, попробую раздобыть нам чего-нибудь съестного. А ты отдыхай и поправляйся.

Гидеон взял пистолет, проверил его, а затем встал и убрал его за пояс. Ему пришлось схватиться за лиану, когда его окатила волна головокружения. Вершина острова, видевшаяся в темноте снизу, выглядела так, как будто была несколько миль в поперечнике. Казалось, что окружающая растительность буквально кишела многочисленными представителями дикой природы — он слышал, как птицы, поют и перепархивают с дерева на дерево над ним, и еще много других шумов и криков, которые он не смог идентифицировать.

Гидеон взял пустую водонепроницаемую сумку, сунул в нее бутылку с водой и

боеприпасы, и отправился в джунгли. Там все верхнее пространство было занято невероятно толстыми, плотными кронами, а под ногами была не менее толстая лесная подстилка, наряду с почти непроходимым подлеском больших зеленых лиственных растений. Куда ни глянь, всюду поднимались высокие гладкие стволы деревьев. И даже когда Гидеон поднял глаза, он не смог увидеть небо — только колышущийся зеленый купол с вкраплениями золотого и коричневого.

Здесь было легко заблудиться. Но когда Гидеон стал рубить джунгли неподходящим, но единственным имеющимся ножом, он понял, что сможет по просеке проследить свой путь назад. Его продвижение было мучительно медленным. Время от времени он останавливался, чтобы тщательно осмотреть растение, сорвать лист и раздавить его в руке, чтобы проверить его запах, но ему так и не встретилось ничего хоть отдаленно напоминающего запах лотоса, будь то стручок или корень.

Внезапно, когда Гидеон потянулся к одному странно выглядящему растению, он почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, но, ухватившись за ближайшую ветку, смог остановить свое соскальзывание в некий глубокий провал, напоминавший старую лавовую полость. После этого он стал продвигаться гораздо осторожнее.

Остров, как он понял, был пронизан подобными отверстиями и ямами, чередовавшимися с зазубренными вулканическими скалами, то тут, то там выступавшими из почвы джунглей и опасно замаскированными тяжелыми шторами папоротников и подлеска. В какой-то момент Гидеон услышал, как где-то высоко, по верхушкам деревьев, пробежала стая обезьян, крича на него, захватчика. Он попытался подстрелить одну из них из пистолета, но кроны деревьев были слишком плотными, а обезьяны двигались слишком быстро.

Неожиданно он вышел на тропу — большую звериную тропу, хорошо вытопанную, а значит, часто используемую. Он осмотрелся в поисках следа или помета, который мог бы подсказать ему, какой вид животных проделал ее, но так ничего и не нашел. Как бы то ни было, для Гидеона тропа выглядела весьма многообещающей — здесь ходил кто-то большой. И этот кто-то мог стать хорошей едой... при условии, что его получится подстрелить из пистолета.

Он продолжил идти по тропе, не желая пробираться через подлесок, рискуя снова провалиться в какую-нибудь яму. Восходящее солнце ярко освещало самые верхушки деревьев, превращая влажные джунгли в парную зеленую духовку. Гидеон все так же наугад проверял различные растения, понимая, что найти лотос может оказаться более сложной задачей, чем он ожидал. В какой-то момент он подошел к кустарнику, покрытому круглыми фруктами бордового цвета, напоминавшими небольшие сливы. Осторожно попробовав их, он обнаружил, что они были восхитительно сладкими, и он ободрал весь куст, сложив плоды в сумку.

Тропа раздвоилась, и он наугад выбрал первое попавшееся ответвление. Этот путь пролегал мимо еще одного куста, увешанного другими, но не менее вкусными фруктами. Остров начал ощущаться как тропический рай, затерянный мир. Почти все растения были незнакомы — но, опять же, Гидеон никогда не бывал в этой части планеты раньше. Он пожелал, чтобы у него было больше времени на изучение книг по ботанике в библиотеке яхты.

Из кустов доносились разнообразные странные шорохи, и вдруг семья маленьких мохнатых свиней с бивнями — пекари^[64], возможно — вырвалась из подлеска и пересекла

тропу, чтобы исчезнуть с другой ее стороны — снова, слишком быстро, чтобы он успел выстрелить.

Тропа, казалось, вела к высокому вулканическому обнаженному пласту, и, добравшись до него, Гидеон увидел, что она обрывается прямо у проема большой пещеры. Вернее, это был лавовый туннель.

Гидеон осторожно подкрался к входу. С каждым шагом становилось очевидно: это было логово. Но какого животного? Бизоны не жили в пещерах. Может, медведи? Или ягуары? Гидеон решил рискнуть и вошел внутрь. Воздух пещеры оказался насыщен мускусом зверя, запахом навоза и влажного меха. Похоже, входить сюда было плохой идеей.

Гидеон оглядел пол пещеры в поисках следов. И там, на сухом песке, он обнаружил целую их россыпь. Оценив их, он решил, что они принадлежали какому-то непарнокопытному, вероятно, тапиру. В библиотеке на яхте был раздел о млекопитающих Центральной Америки, и он смутно припомнил, что читал там об этих созданиях. Факты гласили, что тапиры были ночными обитателями и протаптывали в джунглях тропы. И еще, что они ценились местными жителями как источник вкусного мяса.

Так как фруктов Гидеон раздобыл более чем достаточно, он решил вернуться в лагерь. Амико лежала там же, где он ее оставил, и спала. Она выглядела такой бледной и такой больной, что он невольно пал духом.

Разведя огонь, Гидеон снова сделал чай, и после пробуждения напарницы, напоил ее им. На вопрос, как она себя чувствует, он получил раздраженный взгляд.

— Нужно построить хижину на случай, если снова пойдет дождь, — заявила девушка и начала подниматься.

— Черт возьми, не двигайся, — велел ей Гидеон. — Тебе нужно выздоравливать. Ни о чем не беспокойся. Я все сделаю сам.

Он с трудом отрезал ножом несколько молодых гибких стволов и использовал их, чтобы создать импровизированный каркас, связав их лианами. Охапки тонких прутьев обеспечили скелет крыши. Последним штрихом стало ее покрытие огромными плотными листьями. Пол был сформирован аналогичным образом. Закончив строительные работы, Гидеон помог Амико перебраться на новый тюфяк из листьев и поставил рядом с ней сумку с фруктами.

— Прости, что я такая бесполезная, — пробормотала она.

— Пока ты отдыхаешь, я собираюсь провести более детальное исследование острова. Она начала подниматься на ноги.

— Я иду с тобой.

— Нет, не идешь.

— К черту, — она встала на ноги, но покачнулась.

— Ты стоишь-то с трудом, что уж говорить о прогулке.

— Мне надо пройтись, и все пройдет.

Гидеон почувствовал волну гнева, направленную на эту упрямую женщину.

— Слушай. Ты разбила наш спутниковый телефон — твой последний шанс получить медицинскую помощь. Так что за тобой должок, ты просто обязана выздороветь. А это значит оставаться здесь.

Девушка уставилась на него, бывшее неповиновение снова пылало в ее глазах. Но через пару мгновений она пробормотала:

— Хорошо. Но поищи лотос.

— Хотел бы я знать, что искать.

Она снова легла, немного поморщившись.

— Сможешь раздобыть нам что-нибудь из мяса? Я бы не отказалась от стейка.

Гидеон обзавелся сумкой для своей прогулки, взял дополнительные боеприпасы, воду и фонарь. Он подумал, что чуть позже вернется в ту пещеру и устроит засаду на спящего тапира.

Гидеон шагал по уже знакомому старому пути, по тропе тапиров, но на этот раз он выбрал ее противоположное направление. Он двигался медленнее, делая мысленные пометки, присматриваясь к растениям, изредка растирая пальцами лист или стручок, чтобы проверить запах. Звериные тропы разветвлялись снова и снова, по-видимому, случайным образом, но, используя положение солнца, Гидеон придерживался западного направления, которое через сорок пять минут вывело его на другую сторону острова. Сначала Гидеон увидел свет сквозь кроны деревьев, и вдруг он оказался на краю обрыва, глядя на горизонт бескрайнего океана. Это был великолепный вид: солнце погружалось в воду далеко внизу, на небе клубились пухлые белые облака, а с побережья доносился слабый звук прибоя. Скала под его ногами была такой же отвесной, как и та, на которую они поднялись. Гидеон задался вопросом, как они спустятся с этой островной крепости когда придет время.

Тропа продолжала виться вдоль края обрыва. Окружающие джунгли, казалось, были полны странных и экзотических существ: блестящие разноцветные пауки (которые, как он надеялся, не были ядовитыми), убегающие прочь странные хохлатые ящерицы и разноцветные птицы, хрипло кричащие на деревьях. Вдруг Гидеон уловил, что к нему приближается другая стая обезьян — не так, как в прошлый раз, а с большим шумом. Он быстро сошел с тропы, укрывшись в плотной растительности, и приготовился подстрелить одну из них. Белые головы этих обезьян служили прекрасным ориентиром, и, вспомнив материалы дела, он решил, что это, должно быть, были белоголовые капуцины. Но он не припомнил, чтобы у них были полосы желтого цвета на задних лапах, как чулки.

Надеясь, что они не были редкими и экзотическими, мысленно извиняясь перед всеми известными богами, затаившись, он ждал, с пистолетом наготове, в то время как стая приближалась к нему по верхушкам деревьев. Они с большим удовольствием лакомились плодами, обглоданные косточки фруктов падали вокруг него. Медленно, мужчина навел пистолет на самую большую обезьяну и прицелился. Это был трудный выстрел — расстояние составляло более ста футов. В конце концов, он выдохнул и нажал курок.

Грянул выстрел. Обезьяны разразились оглушительным визгом, деревья затрещали, когда они ринулись прочь... в том числе и обезьяна, которую он пытался пристрелить. В качестве своего рода прощального подарка последняя одарила его большой кучей экскрементов, рухнувшей прямо на него.

— Сукин сын, — пробормотал себе под нос Гидеон, пряча пистолет обратно за пояс и стряхивая с плеча куски обезьяньего дерьма, обдавшего его вонью. Осмотревшись, он осторожно вернулся на открытую тропу.

И тут у себя за спиной он услышал треск и грохот — кто-то стремительно ломился сквозь джунгли. Следом пришел ужасный рев. Молниеносно среагировав, Гидеон развернулся и вытащил пистолет. Но прежде чем он успел его поднять, на тропу выскочило отвратительное, ужасающее чудовище с открытой розовой пастью, из которой и исходил рев. Оно было гигантским, гуманоидным, с массивной головой огромного размера, на которой выделялся один большой, блестящий, желтый, как блюдце, глаз.

Огромная волосатая рука замахнулась, и Гидеон принял ломающий кости удар, пришедшийся на его бок и отбросивший его на добрые десять футов в жаркие объятия джунглей. Он так и остался лежать там — оглушенный и пронзенный всепоглощающей болью — не в состоянии пошевелиться. Но разъяренное чудовище не собиралось на этом останавливаться. С очередным гротескным и вызывающим мороз по коже ревом, оно налетело на Гидеона, и, снова занеся напоминавшую бетонную плиту руку, обрушило на мужчину еще один сокрушительный удар...

Сознание возвращалось постепенно, с трудом пробиваясь сквозь завесу боли. Гидеон очнулся в полумраке. Он то приходил в сознание, то снова терял его, смутно осознавая, что над ним кто-то склонился. Медленно обрывки воспоминаний того, что произошло, вернулись к нему. Он попытался пошевелиться и почувствовал, как кто-то приподнял его голову и поднес к губам воду. Это была Амико.

— Боже мой... Какой кошмар... — простонал он.

— Я так рада, что ты очнулся.

— Больно...

— Я знаю. Выпей немного воды.

Он сделал глоток.

— Где...?

— Мы в пещере.

— И ты... как ты...

— Я в порядке. Почти поправилась.

— Как долго я был в отключке?

— Чуть больше суток.

Гидеон снова прилег. Ничего из услышанного им сейчас не имело смысла. Как ей может быть лучше? Почему они были в пещере?

Нападение. Чудовище. Это был кошмар? Или реальность?

— Мне снился кошмар. Как будто меня атаковал какой-то монстр.

— Это не кошмар. Это реальность. Мы его пленники.

— Пленники? — воскликнул мужчина и попытался сесть, но его голову пронзила резкая боль, и, содрогнувшись, он опять лег. — Как это случилось?

Собираясь словами, Амико отложила флягу из тыквы. Гидеон попытался в полумраке сосредоточиться на ней, но у него закружилась голова.

— После того, как ты ушел, мне стало хуже. Намного хуже. Рана воспалилась, лихорадка усилилась. Я не могла двинуться с места, где ты меня оставил и чувствовала, будто горю живо. Видимо, я впала в беспамятство и стала бредить. Точно не помню, возможно, я даже что-то кричала или просто несла всякую чушь. И тогда-то... появилось одноглазое существо. Я думала, у меня галлюцинация. Оно — вернее, *он* — осторожно кружил рядом, рыча на меня. Боже, ты и представить себе не можешь, как я испугалась, когда, наконец, поняла, что... *это не сон*. Я думаю, мою жизнь спасло то, что я производила впечатление слишком больной и слабой, чтобы он принял меня за угрозу. В конце концов, закончив осмотр, он подошел ближе и несколько раз несильно меня толкнул. Затем похлопал по лицу, толкнул сильнее, дернул за волосы. Я пыталась кричать, на что он издал ужасный звук, чем сильно меня испугал. А потом он сорвал повязку с моей раны.

— Ублюдок...

— Гидеон, я думаю, что этот монстр, ей-богу, живой циклоп.

— Невозможно. Они, должно быть, вымерли тысячи лет назад.

— Тогда послушай конец моей истории. Я подумала, что этот монстр собирается меня убить. Но он этого не сделал. Увидев рану, он казался более встревоженным, чем

агрессивным. Я судорожно соображала, что в той ситуации вообще можно было сделать... и тогда у меня появилась идея. Я стала с ним разговаривать.

— *Разговаривать?* И что ты ему сказала?

— Я сказала слово «друг» на древнегреческом.

Гидеон пытался в голове сложить воедино все кусочки мозаики, а девушка меж тем продолжала:

— В «Одиссее» циклопы могли говорить. Я подумала, что если Одиссей бывал здесь, как и греки после него, то это существо действительно являлось циклопом и могло знать некоторые греческие слова.

— И как? Он их понял?

— Когда я произнесла слово «друг», он замолчал, уставившись на меня этим своим ужасающим глазом. Я повторила это слово еще раз, и сказала несколько других. Мне показалось, что он меня немного понял, но при этом ничего не сказал в ответ. Я продолжала говорить, одно слово за другим. Очень долго он не двигался, слушая меня, словно в трансе. Создавалось впечатление, что он вспоминал... — она помолчала. — Я продолжала повторять, что я друг, чтобы он мог доверять мне. Говорила и другие успокаивающие слова, поддерживая тихий, миролюбивый тон. Но потом лихорадка снова захватила меня. После этого я не очень много помню. Помню, что он принес меня в пещеру, и я увидела тебя. Мне становилось все хуже. Рана воспалилась, распухнув и налившись кровью, из нее стала сочиться грязная лимфа, и я была уверена, что умираю. Я ничего не помню, кроме того, что он заставил меня выпить ужасную на вкус жидкую кашу.

— Корень лотоса.

— Да. И это растение произвело на меня тот же эффект, что и на тебя. Я никогда не чувствовала себя настолько спокойно. И когда, наконец, его действие закончилось, мне стало намного лучше. Лихорадка исчезла, рана быстро заживала. Невероятно быстро. Только взгляни на меня сейчас. Он спас мне жизнь.

— И что потом?

— К тому моменту, как я очнулась, существо ушло. А ты лежал там, на земле, весь в крови. Сначала я думала, что ты мертв. Что он убил тебя. Присмотревшись, я обнаружила, что ты жив, хотя и не совсем цел. Думаю, что у тебя сломано несколько ребер и возможно еще рука, не говоря уже о скверной ране на голове — может даже, сотрясение мозга.

Гидеон лежал на земле, у него сильно кружилась голова, и все тело ныло и болело, поэтому он старался как можно меньше двигаться. Все происходящее было каким-то безумием.

— Существо закрыло вход в пещеру валуном. Мы его пленники.

— Чего он хочет? — спросил Гидеон.

— Понятия не имею. Сейчас важно то, что ты в плохом состоянии. Нам надо раздобыть для тебя лотос. Мы должны убедить его помочь тебе, так же, как он помог мне.

Гидеон попытался сосредоточиться на том, что только что услышал. Все это казалось невероятным. Он огляделся, но его глазам с трудом удавалось сфокусироваться. Гидеон знал, что у него сломано несколько костей — чувствовал, как их концы трутся друг о друга, причиняя страшную боль, когда он совершал даже самые незначительные движения. Они с Амико находились в неотесанной лавовой пещере. Слабый свет просачивался в узкую трещину в потолке, а на неровном песчаном полу тлел небольшой костер.

— Убедить этого монстра? Я в этом сомневаюсь. Нам нужно убираться отсюда к

чертовой матери.

— Нет. Нам нужна его помощь. В противном случае ты не выживешь.

В этот момент раздался звук — скрежет и грохот.

— Он возвращается, — прошептала Амико. — Он отодвигает валун.

Грохот послышался снова, и тут Гидеон расслышал шаги — тяжелые шаги, от которых, казалось, сотрясалась земля. Он осторожно повернулся на звук — и там, выступив из темноты, стояло существо, которое напало на него.

Гидеон едва мог поверить в то, что видит. Монстр был огромен — примерно, девять футов в высоту, с массивной головой на толстой мускулистой шее. В середине его лица блестел один глянцевоый глаз размером с тарелку, зрачок которого быстро двигался, не упуская ничего из виду и демонстрируя налитый кровью белок. У существа был огромный нос, приплюснутые и влажные, колеблющиеся ноздри, и широкий, мясистый рот с сухими, тонкими губами, которые были немного растянуты, демонстрируя ряды острых желтоватых зубов и розовых десен. Блеклые седые волосы росли только на макушке и ниспадали до пояса длинными, спутанными прядями, напоминая дреды. Тело монстра было песочного цвета из-за бледного меха, покрывавшего его и казавшегося на вид мягким, как мохер. Сквозь него просматривались многочисленные рваные пурпурные шрамы, старые раны, отметины и морщины, усеивавшие кожу. Он был одет в старую шкуру животного, обвязанную вокруг талии. С нее свисал кожаный мешок. В целом существо выглядело как отвратительный, доселе неизвестный вид обезьяны.

От обезьяны его отличало лишь оружие: в своей массивной мускулистой руке он держал гигантское деревянное копьё с заточенным каменным наконечником.

Сомнений не было: это была живая версия того отвратительного черепа, которому поклонялись туземцы. Амико была права. Это, действительно, был живой Циклоп.

Приблизившись, существо остановилось, уставившись на Гидеона своим большим желтоватым круглым глазом. Затем, нахмурившись и сузив веки, оно с гортанным ревом угрожающе подняло копьё и двинулось вперед, нацелившись на мужчину, видимо, вознамерившись его проткнуть. Гидеон, одолеваемый сильным головокружением, попытался отползти, но от первой же попытки его пронзила такая боль, а голова так отяжелела, что он застонал и рухнул вновь, с трудом сумев отвернуться.

Амико вскрикнула, вскочила и загородила собой Гидеона, заговорив с Циклопом по-гречески — быстро, тихо, успокаивающе. Ее слова, казалось, заставили существо остановиться... остановиться, но только на мгновение. Он снова зарычал, оттолкнул ее в сторону, шагнул ближе и поставил на грудь Гидеона свою голую, мозолистую ногу. Нажатие на сломанные ребра вызвало новую волну нестерпимой боли. Родившись в груди, она лучами разлилась по всему телу и пронзила тело острыми копьями так, что Гидеон громко застонал.

— Нет! — воскликнула Амико. — Пожалуйста!

Как будто не слыша ее, существо коснулось наконечником копья груди Гидеона.

Речь Амико стала более сбивчивой, увещевающей, отчаянной. Существо же неотрывно смотрело на пленника, его лицо исказилось тем, что можно было истолковать не иначе, как ненависть и угроза. Гидеон почувствовал, как острие прошло сквозь ткань рубашки и пронзило его кожу, но почти не почувствовал укола — страдания, которые причиняли ему сломанные кости, были сильнее. Противостоять копьё он никак не мог и чувствовал себя беспомощным.

— Нет... нет... — пролепетал он, пытаясь выйти из-под этого давящего положения, но

усилия оказались тщетными. Он был слишком слаб, а боль была поистине невыносимой.

Амико уже умоляла, ее голос становился все громче. Давление на копьё увеличилось, и наконечник впился в плоть глубже, воткнувшись в кость грудины. Гидеон издал лишь мучительный вздох.

— Прекрати! — кричала Амико уже по-английски. — Ради бога, остановись! — девушка подлетела к существу и стала изо всех сил молотить его кулаками. — Не причиняй ему вреда!

Застигнутый врасплох монстр чуть отступил, оттолкнув Амико своей массивной рукой. Она снова бросилась на него, на этот раз, нацелившись на его глаз. Он отпихнул ее в сторону мягким движением, но с достаточной силой, так, что девушка растянулась на песчаном полу. Она пыталась встать, продолжая выкрикивать что-то на греческом.

Наконец, существо отняло копьё от груди Гидеона и с раздраженным рычанием отошло к стене пещеры, прислонившись к камню. Затем он показал ей свои пустые ладони в очевидном жесте молчаливого согласия.

Амико продолжала говорить по-гречески, пока Циклоп не сделал яростный жест в ее сторону, сопроводив его громким лающим ревом. Амико замолчала, дрожа от страха.

Гидеон лежал неподвижно, надеясь, что вскоре потеряет сознание. Боль была такой сильной, что ему было все равно, выживет он сейчас или умрет.

— Я думаю, что Циклоп хочет убить тебя, — жалобно произнесла Амико.

— Твой пистолет... — выдохнул Гидеон, — возьми его.

— Я не могу. Он спас мне жизнь, Гидеон... И если я убью его, ты не получишь лотос. Мы должны найти другой способ.

Гидеон попытался возразить, но задохнулся, когда на него накатила очередная волна боли.

— Он очень подозрительно относится к тебе, как будто опасается. Мне кажется, что когда-то люди причинили ему вред.

Существо присело на корточки и, набрав сухих палок из соседней поленницы, положило их на умирающие угли и разворошило пламя. Пещера наполнилась мерцающим светом. Гидеон с трудом мог отвести взгляд от монстра. Он был похож на нечто из второсортного фильма ужасов: огромный мускулистый неандерталец, сутулый, с покатым лбом и нависающей над этим единственным чудовищным глазом бровью.

Огонь разгорелся, Циклоп вернулся к нему и, отвязав кожаный мешок с пояса, открыл его и вынул большую игуану, после чего проткнул ее палкой и повесил жариться над огнем.

Гидеон почувствовал очередной приступ головокружения. Ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание.

Амико снова заговорила, указывая на Гидеона и жестикулируя. Существо недолго игнорировало ее, а затем угрожающе зарычало, но девушка продолжала упрашивать его. Под аккомпанемент ее голоса, Гидеон чувствовал, как боль усиливается: невыносимая и непрекращающаяся — теперь она была везде, охватывая и поглощая разум. Он изо всех сил старался оставаться в сознании, но, несмотря на все усилия, окружение отдалялось от него... становилось все дальше... и дальше... и, в конце концов, Гидеон снова погрузился в безрадостную тьму.

Прошло три дня. Три тревожных дня. Они прошли во сне, напоминавшем дремотное забытие, когда Гидеон то приходил в сознание, то снова отключался, выпадая из реальности. Фрагменты произошедшего за это время вернулись к нему позже: рычащий Циклоп толкал его; Циклоп, вытянувшись на песке, спал у огня; Амико кормила его из чашки противной кашей, похожей на ту, что он пробовал на церемонии, в то время как Циклоп смотрел на них, хмурясь. Гидеон снова испытал то чудесное чувство покоя и удовлетворения, которое ему довелось пережить ранее, после чего последовало второе жуткое похмелье.

И затем, когда его голова, наконец, прояснилась, ему стало лучше. Намного лучше. Он все еще был слаб и испытывал небольшую боль, но, как ни странно, сломанные кости уже начали срастаться, порезы исцелялись, а голова больше не болела. Восстановительная сила корня была поистине непостижимой.

Впервые Гидеон почувствовал волну надежды — настоящей надежды — вместо безнадежных домыслов. В конце концов, теперь у него, может быть, появится будущее. Он очень надеялся, что аневризма вены Галена в его мозгу сможет исцелиться наряду со сломанными костями. Но было одно «но»... этот изъян не был травмой. Он был врожденным дефектом и может оказаться неподвластен даже лотосу.

Единственная проблема заключалась в том, что они все еще были пленниками Циклопа.

Гидеон лежал у костра, наблюдая, как Амико жарит тушку какого-то маленького зверька — очевидно, крысы — связку, которых Циклоп принес в пещеру и повесил на крюк в стене.

— Ням-ням, — сказал Гидеон, глядя на жареную с корочкой крысу, с маленьких, обгоревших до обрубков коготков которой в огонь капал жир.

— Почти готово. Тебе должно понравиться.

— Мне тоже так кажется. Я жутко голоден.

Амико сняла грызуна с огня и приставила его к импровизированной опоре, позволяя остыть. Через несколько минут она разорвала руками жареную тушку пополам и положила порцию Гидеона на большой банановый лист. Не мешкая, он принялся уплетать угощение за обе щеки.

— Ты понимаешь, Гидеон, теперь у нас есть все необходимые доказательства — нас обоих исцелил лотос! Так что нам осталось только идентифицировать растение, и Циклоп — ключ к этому.

— И как нам это сделать?

— Ты ведь довольно хорошо разбираешься в социальной инженерии. Подумай, как мы можем убедить Циклопа показать нам растение.

— Последний раз, когда я опробовал социальную инженерию на Циклопе, это закончилось плохо. Ты знаешь, почему он удерживает нас?

— Страх, — ответила Амико. — Я считаю, что он в ужасе от людей и думает, что если он нас отпустит, то мы вернемся сюда и приведем с собой других.

— Вероятно, он прав.

— Я серьезно о социальной инженерии, Гидеон. Я перепробовала все, но так и не смогла пробиться сквозь его подозрительность. И ты знаешь... — она издала короткий

смешок, — на самом деле он невероятно глупый. Но в то же время он в некотором смысле милашка. Им можно легко манипулировать — если ты найдешь правильный способ делать это.

Гидеон прислонился к стене, раздумывая. Результативная социальная инженерия сейчас превратилась для них в насущную необходимость. Одиссей опоил Полифема вином и выколол ему глаз. Помимо того факта, что у них не было вина, о том, чтобы причинить вред существу не могло быть и речи. Циклоп ранил их, но он и спас им жизни. Тем не менее, это не значило, что они завоевали его доверие. Совсем нет. Скорее, они лишь испытывали его терпение. И это серьезно усложняло задачу.

Им нужно было подружиться.

В настоящий момент Циклоп отсутствовал, и вход в пещеру был снова завален камнем. Гидеон заметил, что их сумки валяются в углу. Добравшись до них, он стал в них рыться, а затем и вовсе высыпал их содержимое на песок. Нож, пистолет, прочий хлам. Гидеон знал, что дружба начинается с обмена подарками. Он не мог отдать пистолет, кроме того, существо не знало, как им пользоваться. Нож? Он нужен был им самим. И он заметил, что у Циклопа уже было множество красиво сделанных каменных ножей с костяными рукоятками.

— Если ты ищешь подарок, — сказала Амико, — то я уже думала об этом. У нас нет ничего, что могло бы его заинтересовать. Мы как-то забыли бусы и зеркала^[65].

— Может фонарь?

— Кажется, он прекрасно себя чувствует в темноте.

Гидеон погрузился в раздумья. Социальная инженерия всегда начиналась с выявления самых глубинных потребностей и желаний объекта. Каковы же были основные потребности Циклопа? Еда, вода, секс, кров, огонь...

У Гидеона внезапно возникла идея. Он поспешил озвучить ее Амико, и та после небольшого обдумывания сказала:

— Стоит попробовать.

— Возьми одно из тех копий и залезь мне на плечи.

Амико схватила копье и сделала, как он велел. С трудом, игнорируя боль, Гидеон сумел ее поднять. Подняв копье за рукоять, девушка воткнула его в трещину в потолке и начала им шевелить.

— Не обрушь всю пещеру, — съязвил Гидеон.

— Я сильно постараюсь этого не сделать.

— Когда камень начнет падать, крикни.

Она шевелила шестом из стороны в сторону, отковыривая с потолка кусок лавы. Внезапно Амико вскрикнула и спрыгнула с его плеч; он же бросился боком, когда большой кусок лавы с треском обрушился, с грохотом приземлившись на песок рядом с костром, осыпав напарников пылью и небольшими камешками, один из которых рассек лоб Гидеона, оставив саднящий порез.

Гидеон не стал терять времени. Он собрал небольшие камни и мастерски бросил их в костер, разбросав рядом еще несколько и добавив немного песка. Затем они водрузили большой обломок скалы наверх всего этого шедевра, окончательно потушив огонь. Чтобы спрятать улики того, что они сделали, напарники загребли следы на песке вокруг огня и подстроили все так, чтобы случившееся выглядело как маленький естественный обвал пещеры. Дым несколько минут сочился со всех сторон камней, а затем прекратился.

— Проклятый обвал, — сказал Гидеон с ухмылкой. — Он погасил огонь. Интересно, что

будет с этим делать наш друг?

Через несколько часов они услышали, что Циклоп вернулся. С большим грохотом монстр откатил камень и появился в проеме с перекинутыми через плечо двумя огромными, потрошенными игуанами. Он вошел и остановился, уставившись на костер. Затем он взглянул на потолок, затем снова на пол и, сообразив, спешно кинулся отбрасывать камни и выметать из пепла песок. Взяв несколько небольших веток, он сунул их в мертвые угли и, опустившись на колени, стал яростно дуть. Ничего не происходило. Огонь был мертв.

Он вскочил с ревом гнева, глядя на своих пленников и указывая на огонь. Амико пожал плечами. Прозвучал еще один рев, настолько сильный, что брызги слюны слетели с его губ. Монстр снова указал на огонь, яростно глядя на Гидеона, как будто это целиком была его вина.

Гидеон тоже пожал плечами.

Еще один рев возмущения.

Гидеон достал из кармана зажигалку и протянул ее Циклопу. Существо приблизилось, уставившись на диковину, взяло ее и поднесло к носу, вдохнув запах, а затем отбросило с раздраженным рычанием.

С улыбкой Гидеон поднял зажигалку, в то время как Циклоп наблюдал за ним с явным подозрением. Отработанным движением и убедившись, что существо все так же внимательно смотрит, Гидеон щелкнул ею. Вспыхнуло маленькое желтое пламя.

Единственный глаз Циклопа широко распахнулся, а его мохнатая бровь изумленно изогнулась. Он издал недоверчивое рычание, замешкался, приблизился и ткнул пальцем в огонь, и вытащил его, только удостоверившись, что пламя настоящее.

Далее Гидеон медленным и немного театральным движением поднял пучок веток с потухшего очага и коснулся их огнем зажигалки — они охотно занялись. Он положил их обратно, подбросил из поленницы пару палок потолще, и через несколько минут костер весело разгорелся.

На все это действие существо смотрело с немым изумлением.

Гидеон снова предложил ему зажигалку. Осторожно и недоверчиво Циклоп протянул руку, взял ее и попытался щелкнуть, но его руки действовали неуклюже, и она выскользнула из его пальцев, упав на землю. Гидеон поднял ее, несколько раз включил, под пристальным взглядом Циклопа, а затем вложил ее в его руку и, двигая пальцами, показал, как крутануть колесико, чтобы появился огонь. После полудюжины неудачных попыток у существа стало получаться, в то время как его напоминающий блюдце глаз, оставался все так же широко распахнутым от удивления. Гидеон обратился к Амико.

— Скажи ему, что это подарок.

Амико произнесла несколько слов по-гречески. Циклоп еще несколько раз активировал зажигалку, а затем благоговейно положил ее в свою кожаную сумку. Он сел у костра, тихонько ворча себе под нос и время от времени поглядывая на Гидеона.

Девушка поинтересовалась:

— Ладно, мне любопытно. Как ты выяснил, что он не знает, как добыть огонь?

— Я наблюдал за ним. Он ухаживал за этим костром, как за ребенком. И он никогда не гас. Он осторожно закидывал угли на ночь и разжигал от них новый огонь утром. Я ни разу не видел, чтобы он использовал какие-либо средства для розжига — и в его вещах нет ничего подходящего.

— Ты думаешь, что его вид поддерживал этот огонь в течение тысяч лет?

— Возможно.

— Хорошая работа, Прометей.

— Дар огня. Величайший дар человечеству. И Циклопу.

Амико колебалась.

— Ты знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, что он единственный. Мы же не видели здесь других Циклопов. Скорее всего, он последний в своем роде. И это может быть еще одной причиной, почему он держит нас здесь — для общения.

— А мы даже не представились. Что-то типа: я — Тарзан, ты — Джейн.

— Ты совершенно прав, — поддержала Амико. — Как думаешь, у него есть имя?

— Есть только один способ выяснить это, — Гидеон встал и, проглотив свое опасение, шагнул к существу. Оно подняло лохматую голову и уставилось на него своим пугающим глазом.

Гидеон положил руки себе на грудь.

— Гидеон, — сказал он громко.

Существо молча на него воззрилось.

— Гидеон, — повторил он, а затем повернулся и положил руку на девушку. — Амико, — и снова вернулся к себе. — Гидеон.

Далее, с некоторой настороженностью, он протянул руки, раскрыв ладони, и указал на Циклопа.

Существо продолжало просто смотреть.

Гидеон снова проиграл всю сложную шараду, но Циклоп встретил этот новый раунд с озадаченным рычанием и, похоже, не понял, или просто нашел все это раздражающим.

— Подожди. Позволь мне попробовать, — Амико встала и подошла к Циклопу, протянула руку, коснувшись его, и при этом сказала что-то по-гречески.

Реакция существа оказалось поразительной — он застыл, как истукан, прекратив даже дышать. Его глаз медленно и постепенно расширился, словно воспоминания возвращались к нему после долгого отсутствия.

Амико повторила слово.

Глаз выпучился дальше некуда. Циклоп выглядел почти комично с этим выражением удивления. Повисла полная тишина. А затем существо протянуло дрожащую руку и коснулось ее плеча. Он повторил слово глубоким, рокочущим, неразборчивым и корявым голосом.

Боже мой, он может говорить, — с изумлением подумал Гидеон.

Девушка произнесла слово в третий раз, и существо повторило его снова. А потом произошло нечто невероятное. Большой, ужасный, как блюдце, глаз, заблестел и увлажнился, и по мохнатому лицу монстра покатилась большая слеза.

Он произнес другое слово. Появилась вторая слеза, и третья, а затем существо закрыло своими волосатыми, долговязыми руками лицо и расплакалось.

— Что ты сказала? — прошептал Гидеон.

— Я назвала имя Полифема.

— И что он ответил?

— Архаичное греческое слово, которое означает «отец», «предок». Или скорее оно похоже на... «прародитель всех».

Джунгли дышали жизнью. Это буквально была зеленая парная ревущая теплица, полная насекомых, рептилий и прочих скрытых от человеческого глаза животных, которые демонстрировали свое присутствие щебетом, пересвистом, шипением и стуками. Все эти звуки смешивались в единую какофонию дикой природы.

Гидеон уже несколько часов шел за Циклопом сквозь джунгли. На следующее утро после того, как они обменялись именами, Циклоп покинул пещеру — перед этим он кратко «побеседовал» с Амико — и недвусмысленным жестом дал понять Гидеону, чтобы тот следовал за ним. Это существо, похоже, было поглощено некими поисками, если это можно было так назвать, и Гидеон надеялся, что охота ведется за тем самым неуловимым лотосом. Но пока что Циклоп, несмотря на довольно старательное исследование джунглей, так ничего и не нашел.

Продолжая свое послушное следование за этим созданием, Гидеон невольно вновь восхитился красотой и уникальностью острова. Огромное разнообразие жизни здесь, на вершине, было ошеломляющим — массивные кластеры цветов, ниспадающие каскадами орхидеи, похожие на блестящие водопады, гигантские папоротники, колоссы древних деревьев, покрытые мхом, висячие лозы и таинственным тенистый подлесок. Со всех сторон доносился шелест и звуки жизни, издаваемые некими скрытыми существами, куда не глянь, всюду порхали невероятной красоты бабочки и бегали маленькие ящерицы с яркой окраской.

Восхищаясь этим завораживающим зрелищем, Гидеон, разумеется, ни на секунду не забывал об опасности. Верхняя часть острова, которая издали казалась плоской, на деле представляла собой провалившийся вулканический конус — то есть, землю, которая была пронизана ямами, провалами и недействующими фумаролами^[66], покрытыми растительностью — настолько густой, что она целиком скрывала трещины и разломы, превращая их в хитроумные потенциальные ловушки. Гидеону постоянно приходилось напоминать себе об этом, пока его внимание то и дело отвлекало на себя разнообразие местной флоры. Путь он и не был ботаником, он восхищался причудливыми экзотическими растениями, которые встречались на его пути: гигантские кувшинки, наполненные водой, невероятных размеров орхидеи фиолетового цвета, при этом пахнувшие гниющим мясом, виноградные лозы, образовавшие целые сети, гигантские корни деревьев, чем-то напоминавшие нити плавящегося сыра...

Однако ни разу ему на глаза не попадалось ничего, что хотя бы мало-мальски напоминало лотос...

Гидеон следовал за Циклопом по узким тропам через заросли. Трудно было поверить, что такое огромное существо могло двигаться настолько грациозно, не производя при этом почти никакого шума — оно пробиралось по почти невидимым тропам, не вызывая даже шелеста листьев. Гидеон, который был меньше Циклопа примерно в половину, то и дело спотыкался, натыкался на ветки, запинался о корни и изо всех сил старался не отставать от своего проводника.

Предыдущий вечер — а именно эпизод с зажигалкой и упоминание имени Полифема — изменил все. Настоящей дружелюбности от существа ждать не приходилось, но оно хотя бы

предоставило им свободу, отбросив камень и жестом дав понять, что они вольны уйти. Или остаться, если захотят. Они решили остаться на ночь, а перебраться в лагерь уже на следующее утро.

После ужина Амико постаралась узнать у Циклопа больше об истории его народа и его острова. Это была долгая и почти что разочаровывающая беседа с большим количеством непонимания и ложных начал. Все это лишний раз убедило Гидеона в том, что, несмотря на их общую родословную, между ними все же существовала огромная пропасть с точки зрения понимания и интеллекта. Амико установила — или подумала, что установила — что Полифем был давним владельцем этой земли, которого здесь, похоже, почитали, и о котором ходило много историй. Он был предком того создания, что вело сейчас Гидеона сквозь джунгли. Казалось, у этого Циклопа не было имени — или он попросту не захотел его называть. Он был очень стар, но сколько ему было лет, невозможно было сказать наверняка, Амико предположила по косвенным признакам, что его возраст исчисляется веками! Пока Гидеону было крайне тяжело это переварить, хотя он и признавал, что существо выглядело древним. Тело Циклопа изобиловало множеством шрамов, а еще нельзя было не отметить небывалую усталость, которая исходила от него. Гидеону казалось, что это существо многое повидало и сильно настрадалось в жизни.

Амико не удалось разузнать ничего о других циклопах на этом острове — на эту тему их собеседник лишь печально молчал.

День приближался к полудню, и джунгли превращались в настоящую зеленую духовку. Находиться здесь было уже практически невозможно, а поиски Циклопа пока так и не увенчались успехом. Скорость, с которой он перемещался по лесу при такой жаре, совершенно измотала Гидеона, который все еще испытывал слабость от полученных травм.

И вдруг... существо остановилось. Буквально рухнув на колени, оно принялось принюхиваться к чему-то своим большим плоским носом, и это выглядело почти комично — то, как он мягко прощупывал землю кончиком своего копья, словно пытаясь заставить некий запах усилиться. Медленно и осторожно Циклоп сошел с тропы и погрузился в невероятно плотный подлесок, Гидеону не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним. Ему пришлось опуститься на четвереньки — это был единственно возможный способ продвигаться там. Но Циклоп не считался с ограничениями своего соглядатая и двигался невероятно быстро, поэтому Гидеону пришлось приложить невероятные усилия, чтобы поспевать за ним.

— Подожди! — в какой-то момент взмолился он, прекрасно понимая, что Циклоп не только не понимает его, но и не испытывает к нему ни малейшего сочувствия. Гидеон попытался встать, но запутался в растительности, снова опустился на четвереньки и двинулся вперед, ориентируясь только на тихие звуки перемещения существа. По мере продвижения на него то и дело падали муравьи, притаившиеся на листьях. Их потревожил приход чужеземца, и они сыпались на него, заползая под рубашку и в волосы, нещадно жала и обдавая запахом муравьиной кислоты.

— Сукин сын! — прошипел Гидеон, закусив губу и продолжая двигаться вслед за Циклопом, мысленно изливая на него поток ругательств. В какой-то момент он решил, что потерял существо из виду, но уже через несколько мгновений обнаружил его на небольшой поляне. Циклоп стоял на коленях, яростно раскапывая что-то деревянным концом своего копья.

Несколько минут спустя из земли показался какой-то черный предмет, наподобие

корешка. Гидеон сразу понял, что никакой это не корешок — он не являлся частью какого-либо растения. Скорее, это был какой-то подземный гриб... а по виду его даже можно было принять за трюфель. Аромат тоже напоминал трюфельный: запах представлял собой странное сочетание грязных носков, земли и корицы... или какой-то другой специи.

Это был запах лотоса.

С почтением и заботой, которые искренне поразили Гидеона, Циклоп осторожно смахнул с плода землю и вынул этот странный гриб из его укрытия. Он извлек из своего мешка кусок кожи и разложил его на земле, затем положил на него лотос и принялся бережно очищать его веточками и листьями. После этого он аккуратно завернул его в кожу и убрал в сумку.

Закончив работу, Циклоп повернулся к Гидеону, выразительно посмотрел на него и произвел рукой жест, который Гидеон не понял.

— Отличная работа, — сумел лишь сказать он, подняв вверх большие пальцы и изобразив улыбку. Существо, похоже, как и прежде, не поняло его. Хотя в этот момент Гидеону показалось, что гримаса его провожатого чуть изменилась, а лицо исказило нечто, отдаленно напоминавшее улыбку, после чего он с деловитым видом повязал мешок вокруг талии. Далее Циклоп повернулся и направился обратно в джунгли, а Гидеону снова пришлось приложить много сил, чтобы не отставать. Вскоре они вернулись на тропу, а уже через двадцать минут оказались в пещере, достигнув ее какими-то окольными путями и сложными поворотами, которые Гидеону было не под силу запомнить.

Амико ждала их там и следила за костром. Циклоп сел у огня, снял мешок и открыл его. Гидеон поймал на себе взгляд Амико.

— Лотос? — спросила она полусшепотом.

Гидеон кивнул.

— Он выкопал его. Это не растение, у него нет никакой надземной части. Я думаю, что это какой-то гриб.

— Это просто невероятно, — тихо пробормотала она. — Теперь все, что нам нужно — это достать его.

Они наблюдали, как Циклоп начал аккуратно разворачивать кожу. По пещере постепенно распространился специфический запах. Своим блестящим обсидиановым клинком Циклоп осторожно нарезал лотос на длинные ломтики, и запах значительно усилился.

— Что он делает? — шепнула Амико.

— Без понятия.

— Надеюсь, он не собирается его есть.

Но это было именно то, что начал делать Циклоп. Сначала он поджарил ломтики на огне, разложив на плоском камне, а затем стал брать их пальцами и есть, пока его гости на него таращились. Все его движения были наполнены удивительным благоговением. Через какое-то время Циклоп начал издавать странный жужжащий звук, который отдаленно напоминал своего рода песнопение или молитву. Когда лотос был съеден, существо молча удалилось в свою спальную зону — участок мягкого песка в углу — и свернулось калачиком.

Действуя молниеносно, Амико вскочила, собрала жалкие остатки лотоса, убрала их в пластиковый контейнер и запаковала его в водонепроницаемый мешок, после чего вернулась и села рядом с Гидеоном, заговорив шепотом:

— Ты понимаешь, что это оно, *то самое*, — ее глаза сверкнули. — Мы нашли

последний кусочек головоломки. Ты просто подумай о том, что мы нашли! Необычайное целебное растение. И живого Циклопа, связанного с историей «Одиссеи». Это изменит мир. Гидеон! И это сделали мы.

Гидеон ничего не ответил. Некоторое время он молча прокручивал в голове рождавшиеся у него мысли, и ни одну из них он не мог назвать хорошей.

— Что случилось? — спросила Амико.

Он покачал головой.

— Мы как-то не подумали об этом раньше.

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты считаешь, что произойдет с Циклопом, когда мы вернемся и расскажем о нем цивилизованному миру?

Амико уставилась на него.

— Что ж... это будет невероятным открытием. Древний гоминид — возможно, некий родственник неандертальца — и, что греха таить, *живой Циклоп!*

— «Живой» — это ключевое слово, — хмыкнул он. — И ты не ответила на мой вопрос. Что станет с ним?

— Я... я предполагаю, что здесь будет создан некий заповедник дикой природы. Ну, знаешь... с тщательно ограниченным и контролируемым числом посещений.

Гидеон покачал головой.

— Учитывая мощное, целительное, чудодейственное средство стоимостью в миллиарды долларов, которое здесь произрастает?

— Лотос можно будет выращивать где-нибудь в другом месте.

— Во-первых, это подземный гриб, как трюфель. Несмотря на то, что трюфели стоят тысячи долларов, никто так и не научился их выращивать. Во-вторых... Циклопу потребовалось шесть часов, чтобы найти этот лотос, и это с учетом его мощного обоняния. *Шесть часов.* Скорее всего, лотоса здесь осталось не так уж много. И теперь мы знаем, что Циклоп им питается. Он сам — Пожиратель Лотоса! Возможно, вот почему он такой невероятно старый. Он зависит от этого средства. Вся его жизнь, его существование — зависит от того, чтобы этот остров оставался неизменным. Но останется ли он таким, какой он есть сейчас? Я сильно сомневаюсь. Если это знание выберется наружу, ему придет конец.

Амико помолчала пару минут, а затем сказала:

— Я не думала об этом.

— И наконец, этот остров является территорией государства Никарагуа. Поэтому, стоит нам сообщить о нашем открытии, как оно тут же ускользнет из наших рук. Никарагуанцы возьмут здесь все под свой контроль. И одному Богу известно, что они будут делать.

Амико посмотрела на спящее существо. Гидеон проследил за ее взглядом. Циклоп лежал, свернувшись на песке, его мохнатые бока поднимались и опускались в такт дыханию, а большие пальцы с обломанными ногтями подергивались, как у спящей собаки, которая видела кошмар. В этом существе была какая-то... «инаковость» — почему-то Гидеон не мог подобрать для Циклопа другого описания. Это существо удивительным образом сочетало в себе добро и заботливость с жестокостью и бессердечностью. Он был отчасти человеком, отчасти животным.

— Черт... я начинаю симпатизировать этому старому зверю, — хмыкнула Амико.

— И я думаю, он тоже проникся к тебе чувствами.

— Даже не шути так.

— А я и не шучу. За целый день на меня он даже ни разу не взглянул, просто взял с собой на охоту за лотосом, потому что ты фактически вынудила его это сделать. Ты единственная, на кого он реагирует. И я видел, как он смотрит на тебя.

— Я в это не верю. Получается какая-то история «Кинг-Конга».

Гидеон взял ее за руку.

— Так или иначе, сейчас у нас имеется одна серьезная проблема. Мы не можем просто уйти отсюда и рассказать миру о том, что мы видели. Потому что если мы это сделаем, сюда прорвется настоящий ад, и тогда Циклоп будет потерян. Только взгляни на него, — он и сам посмотрел на существо, печально вздохнув. — Хоть он и выглядит устрашающе и кажется сильным, но на самом деле... он очень уязвим.

На следующее утро Циклоп где-то раздобыл детеныша броненосца. Он поджарил его вверх ногами над огнем, а затем мастерски, словно хирург, разделал тушку своим кремниевым ножом, после чего молча раздал каждому по порции. Гидеон заметил, что самый большой и сочный кусок он припас для Амико, и его теория, высказанная накануне, уже не казалась такой абсурдной.

Гидеон наблюдал, как Циклоп ел. Его никак нельзя было назвать утонченным — он заталкивал истекающие жиром куски мяса в рот длинными пальцами и старательно пережевывал их своими большими желтыми зубами, хрустя костями, обсасывая их и бесцеремонно выплевывая. Но было в его манере есть что-то неуловимо человеческое. К примеру, раздача пищи. Эта черта определенно была присуща людям. Да, воистину, это странное уродливое существо на определенном уровне все-таки было человеком, а не просто умной обезьяной. Гидеон чувствовал свою ответственность за это создание и с удивлением отмечал, что испытывает к нему какую-то странную привязанность. Это существо не имело ни малейшего понятия, что за мир простирается за пределами его острова, и не могло представить себе, что случится, если этот мир когда-либо узнает о его существовании. Но оно знало достаточно, чтобы опасаться своих незваных гостей.

Амико тоже сидела молча, но взгляд ее выражал беспокойство.

Они проглотили броненосца без разговоров. Когда трапеза была окончена, Циклоп поднялся и с урчанием махнул рукой, давая понять своим гостям, что они должны следовать за ним. На этот раз его намерение оказалось недвусмысленным.

Напарники покинули пещеру вслед за ним и почувствовали на себе свет утреннего солнца. Циклоп повлек их по одной из главных троп острова, снова поражая тишиной своего передвижения и удивительной скоростью. Гидеон чувствовал себя немного лучше — его ребра почти полностью исцелились благодаря чудодейственному эффекту лотоса.

Тропа разветвлялась несколько раз, и Циклоп выбирал то одно, то другое ответвление, целенаправленно ведя их вперед. Вскоре они оказались на краю скалы, откуда открывался совершенно волшебный вид на море. Циклоп едва ли остановился, прежде чем шагнуть за край обрыва...

Гидеон ахнул и перегнулся через край, и лишь тогда увидел, что, на самом деле, там был скрытый спуск, идущий по трещине в скале. Циклоп двигался по нему уверенно и быстро, хотя тропа была настолько крутой, что ее почти что можно было назвать лестницей из застывшей лавы. Гидеон последовал за Циклопом, стараясь не отстать от него. Амико держалась чуть позади. Гидеон быстро спускался, отгоняя от себя мысли о головокружительной высоте, с которой он мог сорваться от любого неосторожного движения.

Узкая тропа вилась между уступами лавы, провалами, свесами и крутыми камнепадами. Создавалось впечатление, что это был очень старый путь — сильно исхоженный и потрепанный. Края лавовой породы были отполированы до гладкости шагавшими здесь когда-то ступнями. После того, как спуск завершился — он составил примерно двести футов — тропа сделала крутой поворот и проследовала через узкий овраг, после чего привела их к небольшому неприметному отверстию в скале.

Почти сразу проход увлек своих гостей в большой туннель — по-видимому, это была старая лавовая трубка, ведущая в самый центр острова. Пол представлял собой сплошную каменную плиту, центральная часть которой сверкала и переливалась, словно много веков ее полировало огромное количество ног.

Гидеон переглянулся с Амико, но ничего не сказал.

Когда свет от входа стал тускнеть, туннель привел их в большую куполообразную пещеру, крыша которой маячила примерно в ста футах над головами. Здесь Циклоп остановился.

В дальнем конце пещеры располагалась грубая каменная дверь, сделанная из лавовых камней, установленных и уложенных определенным образом — с формованным блоком, образующим перемычку. Из-за двери лился таинственный бледный свет. Теперь Циклоп зашагал вперед, ступая, как показалось Гидеону, с небольшой нерешительностью — или, возможно, почтением.

Они вошли в дверь и оказались в пещере — еще большей, чем предыдущая. Гидеон в изумлении замер. Позади себя он услышал громкий возглас Амико. Стены пещеры были инкрустированы кристаллами — целыми скоплениями и россыпями молочно-белых камней величиной в четыре-пять футов. Луч солнечного света проникал внутрь через узкое отверстие в потолке, попадал на матрицу кристаллов на одной из стен и, преломляясь, распространялся по всей пещере мягким эфирным светом. Пол был покрыт чистым белым песком. Дальняя стена из лавы, отполированная до гладкого состояния, была украшена рисунками, похожими на петроглифы. На них были изображены животные, какие-то спирали, значки солнца и луны и геометрические люди.

Гидеон посмотрел на Амико и увидел в ее глазах изумление, являвшееся отражением его собственного. Никто не произносил ни слова: этот... *собор* — а именно так, судя по атмосфере, можно было назвать это место — немного приглушал звуки, а вкрадчивые движения Циклопа, казалось, призывали всех к молчанию.

Существо пересекло пещеру с кристаллами, направляясь к стене с петроглифами. Здесь были и другие рисунки, и, присмотревшись, Гидеон различил изображение парусного корабля, и на нем то, что было похоже на ряды гребцов.

— Это, — прошептала Амико, — греческий пентеконтор^[67]. Корабль Одиссея.

С досадливым ворчанием Циклоп поспешил туда, где пещера сужалась, и где виднелся высокий, но узкий проход. Покинув освещенную пещеру, они попали в затененный коридор, стены которого производили впечатление сот — с множеством ниш, испещрявших их. Внутри каждой ниши находился какой-то белый предмет. При ближайшем рассмотрении Гидеон и Амико поняли, что видят огромное количество костей. Это были катакомбы. Огромный некрополь, высеченный в лавовой пещере, где покоились массивные скелеты — скелеты Циклопов. Со своего угла обзора они видели десятки (если не сотни) заполненных ниш в стенах вокруг них и во впередилежащем коридоре, который терялся в полнейшей темноте.

Циклоп двинулся вперед — теперь еще более осторожно. Когда они проникли глубже в катакомбы, темнота сомкнулась над ними, но Циклоп продолжал идти. В какой-то момент Амико ахнула, споткнувшись в темноте, и Циклоп с мягким шорохом подхватил ее, взял за руку и повел дальше. Гидеон подумал, что единственный глаз существа, похоже, был неплохо приспособлен к темноте. Людям же приходилось идти вперед, ориентируясь исключительно на звуки его шагов.

Затем Циклоп остановился. Гидеон прислушался к темноте и понял, что слышит его дыхание. И вдруг раздался щелчок — там, где стоял Циклоп, образовалась небольшая вспышка. Колеблющееся пламя рассеяло окружавший их мрак тусклым желтоватым свечением. Они огляделись и обнаружили себя в сплошном окружении ниш с костями — это был огромный город мертвых, но Циклоп замер только у одной единственной ниши, которая отличалась от всех остальных. Это отверстие было гораздо больше, и оно было аккуратно облицовано полированными блоками из камня. Внутри же него были помещены крупные кристаллы и множество других предметов, которые, по-видимому, являлись подношениями находящимся там останкам, — кремневые ножи, копья, сильно проржавевший бронзовый шлем...

Древнегреческий шлем.

Циклоп заговорил. Его голос был грубым, гортанным, и все же в нем звучало благоговение. Разнесшись эхом по стенам некрополя, этот голос заставил Гидеона почти подпрыгнуть от неожиданности.

Циклоп снова что-то сказал и повторил несколько раз одно и то же слово.

Гидеон слышал это слово и раньше: *Полифем*. Могло ли это место быть его могилой?

Циклоп протянул руку в гробницу и схватился за крышку старинного каменного ларца, лежавшего подле скелета. Затем он ее сдвинул и извлек из ящичка пригоршню плодов сушеного лотоса, показывая их Гидеону, который с замиранием сердца уставился на сморщенные коричневые грибы. И снова — у него создалось впечатление, что лотос встречался в природе гораздо реже золота и был куда ценнее.

Циклоп вскоре вернул крышку на место и отвернулся. Напарники молча последовали за ним прочь из некрополя древних циклопов.

Они вернулись в жилую пещеру. Циклоп разжег костер, а затем покинул убежище, прихватив с собой копье и оставив Амико и Гидеона одних. Это был первый раз, когда у них выдалась возможность поговорить после того, как они побывали в некрополе циклопов. Несмотря на ничтожную вероятность того, что их гостеприимный хозяин способен понимать английскую речь, они весьма неохотно обсуждали при нем свои дела.

Амико открыла рот, и слова полились из нее сплошным потоком:

— Боже мой, Гидеон! Ты понимаешь, что значит этот некрополь? Эти циклопы — не просто кучка пещерных людей. У них есть *культура*. История! Представление о загробной жизни. *Религия*! Те изображения... они же свидетельствуют о понимании символов! Другими словами, у них есть то, что мы могли бы назвать цивилизацией! И она *была* у них уже очень, очень давно...

— И этот единственный глаз, — покачал головой Гидеон, — он хорошо приспособлен к темноте.

— Верно. Этот остров изобилует пещерами. Он и есть родина циклопов. В некотором смысле они, как *homo floresiensis* — «хоббиты» в Индонезии. Эта группа островов дала им определенные условия для обособленного развития. И наш Циклоп вполне может быть последним в своем роде. Я думаю, он жил здесь один в течение очень долгого времени — быть может, нескольких сотен лет.

— Его поддерживает лотос.

— Мы обязаны его защитить, — решительно сказала Амико. — В противном случае он попадет в заповедник или — хуже того — в лабораторию. Вот, что мы сделаем: мы добудем несколько лотосов и доставим их домой. Это цель нашей миссии, такую задачу ставил перед нами Глинн. Но существование Циклопа мы будем держать в секрете — как и местоположение острова. Об этом никто не должен знать. Микологи могли бы попытаться культивировать лотос, или, может быть, химикам удастся извлечь из него активные вещества и синтезировать их...

— Это может оказаться весьма сложным делом, — вздохнул Гидеон. — В лотосе, должно быть, содержится целый комплекс соединений, который в целом и оказывает на организм человека такое воздействие.

— Если даже это и так, то это только *людская* проблема, и человечество должно решить ее самостоятельно.

— А еще есть Глинн. И он знает о циклопах. А еще — знает наше примерное местоположение.

— Он понятия не имеет, что мы нашли *живого* Циклопа. И он не знает точного расположения острова. Мы солжем ему. Придумаем историю для прикрытия, составим карты, скажем, что были на другом острове, скажем, что видели только кости — *очень старые* кости.

— Глинна трудно обмануть, — вздохнул Гидеон.

— Тогда обойдемся без обмана. Просто ничего не скажем. Мы будем молчать, а если он станет настаивать на раскрытии деталей, будем давать только расплывчатые сведения. Мы были ранены и измотаны, наши воспоминания вполне могут оказаться нечеткими. Я имею в

виду... подумай, сколько раз Глинн держал тебя в неведении? Не ему взывать к честной игре.

— Так... что же теперь? — спросил Гидеон после недолгого молчания.

— Здесь мы закончили. Нам нужно вернуться к цивилизации. *Вместе* с лотосом.

— Проще сказать, чем сделать, — пожал плечами Гидеон. — Мы застряли на вершине вулканического острова, окруженного отвесными скалами, посреди моря, без лодки и без телефона. Не говоря уже о том, что на ближайшем побережье материка живут туземцы, которых мы не на шутку разозлили.

Они замолчали. Огонь горел низко, слегка тлея и отбрасывая мерцающие тени на стены пещеры. За входом лучи солнца освещали густую растительность, а из джунглей доносилось слабое кваканье лягушек и птичий пересвист. Гидеон чувствовал важность текущего момента, ощущал, как она обволакивает его, и поймал себя на мысли, что переживает о потерянной магии мира, жалкие крохи которой сохранились на этом небольшом острове. Древние циклопы. Хрустальный мавзолей, спрятанный в скалах. Петроглифы с греческими кораблями. Все это было настолько фантастично, что находилось за гранью привычной картины мира Гидеона Кру.

Он взглянул на Амико. Ее лицо было бледным и красивым, а задумчивые глаза неотрывно следили за тлеющим огнем. В пещере витал слабый запах лотоса, чем-то напоминавший мускусный парфюм.

Гидеон протянул руку к Амико, и она повернулась к нему лицом. Он приблизился к ней, и на этот раз она не стала сопротивляться, их губы встретились. Теперь он чувствовал ее ответный импульс к сближению, она желала этого. Они целовались медленно, будто весь мир вокруг них замер. Гидеон привлек ее к себе, коснулся ее груди, ощутил желание, и их поцелуи стали быстрее и жарче...

Внезапно на них упала тень, и они резко отстранились друг от друга. Циклоп стоял у входа в пещеру, и на древке его копья висела окровавленная обезьяна. Единственный глаз смотрел на них, а надбровная дуга хмурилась от недовольствия. Откинув мертвую обезьяну в сторону, Циклоп с рычанием двинулся на Гидеона.

Гидеон встал, неотрывно следя за существом, и тут же понял, какую огромную ошибку они совершили. Он буквально физически ощутил, как воздух в пещере похолодел на несколько градусов от напряжения.

Циклоп остановился в нескольких футах от Гидеона, испепеляюще глядя на него своим единственным налитым кровью от ярости глазом. Сейчас Гидеону лишний раз стало наглядно видно, насколько высоким было это существо — оно возвышалось над ним на добрых три фута, и от него исходил агрессивный запах охотника — запах пота, грязи и сока поврежденной листвы джунглей. Циклоп покраснел от злости, кожа над мышцами его мускулистых рук налилась кровью и бугрилась, выдавая сдерживаемую мощь и ярость. Гидеон понимал, что его вот-вот разорвут на части. Он отступил назад, чувствуя инстинктивный порыв сорваться с места и убежать, потому что любая попытка поговорить с существом или задобрить его точно ни к чему хорошему не приведет. Однако пока Циклоп медлил — несмотря на весь свой гнев и ревность, буквально пульсировавшие под его кожей, он казался немного растерянным и неуверенным в том, что делать дальше.

Гидеон ждал знака, сигнала или какого-либо отвлекающего фактора — чего угодно, что могло бы помочь ему разрядить ситуацию, но пока что ему в голову ничего не приходило.

Амико попыталась заговорить и произнесла несколько сбивчивых слов на

древнегреческом, но Циклоп с ужасающим ревом заставил ее замолчать, клацнув своими массивными челюстями.

Его рука медленно поднялась и сомкнулась на горле Гидеона. Тот обеими руками схватился за огромное запястье существа и попытался сопротивляться, но Циклоп был невероятно силен — его мышцы были будто выкованы из металла.

— Не надо. Пожалуйста, — прошептала Амико.

Гидеон посмотрел на свою сумку. Пистолет все еще был там, и Амико могла им воспользоваться. В ужасе она проследила за его взглядом и, похоже, поняла его немой посыл.

Тем временем хватка усилилась.

Легким и плавным движением Амико потянулась, схватила сумку, вытащила пистолет и навела его на Циклопа, но он проигнорировал ее, совершенно не испугавшись огнестрельного оружия.

Давление усилилось. Гидеон чувствовал, что ему перекрыли доступ воздуха. Кровь застучала у него в ушах.

Амико снова заговорила по-гречески, но Циклоп, похоже, не слушал ее — он был сосредоточен лишь на Гидеоне. Все еще держа свою жертву за горло, Циклоп оторвал ее от земли.

Гидеон больше не мог дышать. Он чувствовал, как перед глазами его начинает сгущаться тьма и попытался позвать Амико, выкрикнуть ей одну единственную команду: *стреляй, сейчас же!*

И вдруг земля содрогнулась. По лесу пронесся слабый гул, похожий на гром. Циклоп вздрогнул, явно испугавшись, и отшвырнул Гидеона в сторону, начав дико озираться по сторонам.

Жадно хватая воздух, кашляя и хватаясь за шею, Гидеон вскочил на ноги и отступил. Амико все еще держала пистолет нацеленным на Циклопа, но существо игнорировало это, полностью сосредоточившись на звуке. Еще один гул повлек за собой новую волну дрожи земли. Было очевидно, что Циклопу никогда раньше не приходилось слышать ничего подобного — сейчас он выглядел таким взволнованным, каким ни Амико, ни Гидеон ни разу его не видели с момента их первой встречи. В мгновение ока он оказался у входа в пещеру и стал крутить головой из стороны в сторону, производя обзор джунглей.

— Гром? — тихо спросила Амико.

— Нет, — сдавленным голосом отозвался Гидеон.

Теперь до них донесся еще один звук — это был стрекот вращающихся лопастей вертолета. За одно мгновение Циклоп растворился в лесу. Напарники вышли из пещеры как раз вовремя, чтобы увидеть, как над ними проносится темная фигура: сквозь кроны деревьев отчетливо проглядывали очертания большого одномоторного вертолета, который Гидеон идентифицировал как «Сикорский S-70». В девственно чистое небо с дальнего конца острова поднимался столб дыма.

Пока Гидеон и Амико молча наблюдали за происходящим, на другой стороне острова прогремел еще один взрыв, и они даже издали ощутили прокатившуюся по земле ударную волну, которая сильно всколыхнула полог джунглей. Огненный шар взметнулся в небо, постепенно угаснув и сменившись отвратительным черным дымом.

— Какого черта? — воскликнула Амико.

— Напалм! — отозвался Гидеон, его голос походил на отчаянное рычание дикого зверя.

— Они расчищают зону посадки!

— Они? Это кто?

Когда «S-70» пролетал над их головами, Гидеон попытался рассмотреть на нем какие-либо опознавательные знаки или метки, но различил только серийный номер. Однако, по мере наблюдения — когда вертолет замедлился — он увидел, как открылась дверь грузового отсека, и, незадолго до того, как машина окончательно скрылась за деревьями, он мог поклясться, что человек, стоявший в этих дверях в камуфляжной форме, был Мануэлем Гарзой.

Вертолет исчез из виду, но Гидеон все еще слышал, как вращаются его лопасти. Похоже, машина зависла где-то в глубине джунглей примерно в середине острова — без сомнения, десантируя персонал, который закончит расчистку посадочной зоны.

— Глинн, — тихо констатировала Амико.

Гидеон чертыхнулся про себя.

— Наверное, он определил, где мы находимся, лучше, чем нам казалось.

Долгое время никто не проронил ни слова. Звук вращающихся лопастей продолжал разноситься над джунглями, и вскоре к нему присоединился рев циркулярных пил.

Гидеон переглянулся с Амико и заметил в ее глазах потрясение, недоверие и гнев.

— Нам нужно остановить это, — прошипела она.

— Да. Нам нужно встретиться с Глинном и выяснить, что происходит.

Напарники вернулись в пещеру, сложили свои вещи в водонепроницаемые мешки и, не обменявшись ни единым словом, направились вглубь джунглей, используя в качестве маяка поднимавшийся к небу столб дыма. Звуковым ориентиром для них служил нарастающий рык циркулярных пил. Они спешно шагали по тропе, ведущей в центр острова. По мере продвижения звуки становились все громче: слышался грохот падающих деревьев, раздавался визгливый рев нескольких циркулярных пил, крики людей и треск раций. Уже издали было слышно тарахтение работающего дизельного генератора.

Наконец, Амико и Гидеон добрались до вырубki. Второй вертолет был на подлете вслед за уже приземлившимся «Сикорским», а в небе в это время парил третий. Гидеона ошеломило то, сколько ущерба было нанесено острову за такое короткое время. Персонал продолжал расчищать зону посадки, превращая многовековые деревья в дрова и мусор. По бывшим джунглям ходили люди с огнетушителями, стараясь загасить огонь напалма, который в считанные секунды пожрал траву и низкий кустарник. Еще несколько человек устанавливали металлические столбы для палаток и периметр ограждения.

С одной стороны участка строилась массивная металлическая клетка.

Увидев ее, Гидеон замер. Это было невозможно! Они ведь не говорили Глинну — они и сами не знали, что на острове есть живой Циклоп!

— Сукин сын, — выдохнул Гидеон, — откуда он узнал?

Амико ничего на это не ответила.

Рядом стояла большая палатка, напоминая по конструкции шатер, — уже построенная и оборудованная — а невдалеке от нее маячила небольшая беседка. После минутного колебания Гидеон направился к шатру, и Амико последовала за ним. Он отдернул кусок тента, служивший дверью и внутри, как он и ожидал, увидел Глинна, сидящего в своем инвалидном кресле в полном обмундировании. Рядом с ним стоял молодой светловолосый мужчина в легкой одежде для сафари и с винтовкой М16 в руках. С другой стороны от шефа изваянием застыл Мануэль Гарза с абсолютно каменным лицом.

— Ах, Гидеон, Амико! — воскликнул Глинн. — Я ждал вас. Входите.

— Зачем эта клетка? — тихо спросила Амико.

— Вы не хотите присесть?

— Ответьте на мой вопрос.

— Зачем? Вы и так прекрасно это знаете, — поняв, что девушка не удовлетворится подобным ответом, он вздохнул. — Все началось с пергамента. *Respondeo ad quaestionem, ipsa pergamena*. «Ответ на вопрос дает сама страница». Получается, что «сама страница», сам пергамент в своей физической ипостаси и был решением. Он был сделан из животной кожи, но не относился ни к одному известному виду животных, которые использовались для изготовления веллума. Мы провели анализ ДНК образца, и смогли определить, из кожи какого существа был сделан этот пергамент. Неандерталец, но немного... *другой*. Этот вид отличался от тех неандертальцев, которые нам были уже известны, и это очень меня заинтересовало. Создание, из кожи которого был сделан пергамент, имело лишь один большой зрительный нерв и одну область мозга, отвечающую за оптическое восприятие. Другими словами... у него был только один глаз, — Глинн улыбнулся. — И когда вы сообщили, что видели череп циклопа, мы убедились в том, что верно идентифицировали это существо. Когда мы пропустили эту информацию через программу QVA, мы получили весьма интересный результат: учитывая отдаленное расположение этой островной группы и отсутствие контакта с внешним миром, не было оснований полагать, что циклопы исчезли с лица земли.

— И клетка, — низко проговорила Амико, — для того, чтобы... захватить его?

— Пусть лотос и остается нашей основной целью, нельзя упускать научную возможность изучить живого неандертальца — особенно столь занимательного.

Гидеон — до этого неотрывно смотревший на директора — перевел взгляд на Амико. Она напряженно смотрела на Глинна, словно пыталась передать ему какой-то мысленный посыл.

Гидеон легко рассмеялся.

— Это же нелепо! Мы на острове уже несколько дней и не обнаружили никаких признаков... циклопов. Так что эту клетку можно смело отправлять назад за ненужностью.

Глинн пронзил его насквозь взглядом своего единственного здорового глаза.

— Вы отлично лжете, Гидеон, но меня вам не обмануть.

— В смысле?

— В смысле, я оставлю клетку на месте и подожду, потому что вы сейчас лишь подтвердили то, что я подозревал: на этом острове *есть* циклопы.

Наконец, заговорила Амико:

— Ошибаетесь. На острове только *один* Циклоп. Очень старый. Последний в своем роде.

Глинн приподнял бровь.

— В самом деле?

— Поймите, — медленно продолжала она, — вы *не можете* упечь последнего представителя этого вида в клетку. Это будет преступлением против природы.

— Мне очень жаль, Амико, но мы собираемся заниматься здесь работой, которая поможет нам культивировать лотос, и эта работа наверняка окажется губительной для среды, в которой привык жить этот Циклоп. Этому существу понадобится наша защита.

Голос Амико поднялся до крика.

— Вы должны прекратить это! Сейчас же! Вы же уничтожаете остров! Это уникальная среда обитания! И так вы не сможете культивировать лотос!

— Прошу прощения, — качнул головой Глинн, — но другого способа я не вижу.

Амико угрожающе нахмурилась.

— Вы убьете его, если поместите в эту клетку.

— *Его?* — Глинн слегка приподнял голову.

— Да. Его.

— То есть, вы установили контакт?

— Да.

Он ненадолго замолчал. Наконец, он вздохнул и приподнял свою здоровую руку в знак примирения.

— Могу я кое-что сказать?

Амико не ответила. Гидеон тоже.

— Есть две проблемы, — начал Глинн, и голос его звучал мягко и разумно. — Во-первых, мы обнаружили лекарство, которое способно изменить жизнь каждого человека на этой планете. Это очень важно. Намного важнее нашего открытия, которое представляет собой необычный гоминид...

— *Нашего* открытия? — усмехнулся Гидеон. — Вы не имели к этому никакого отношения!

— *Вашего* открытия. Вы обнаружили родственника нашего вида, вариацию Homo Neanderthalensis. То, что в этом месте обитает и это существо, и чудо-лекарство, которое, по видимому, поддерживает его существование — это затруднение. Приземлившись здесь и идентифицировав растение, мы сможем обеспечить человечество лекарством. Изучив существо, мы можем многое узнать о нашем происхождении. Два зайца — один выстрел. Вот, почему мы здесь. И Циклопа действительно нужно защитить — даже если и от самого себя.

— Вы не посадите его в эту клетку, — угрожающе прошипела Амико.

— Нам нужно создать для него подходящую среду обитания.

— Среда обитания? — повторила она. — Вы имеете в виду зоопарк?

— Его нельзя бросать на произвол судьбы, чтобы он сам заботился о себе. И, разумеется, вы тоже это понимаете. Мы найдем для него хорошую среду обитания и организуем все так, чтобы он прожил остаток своих дней в спокойствии.

— Амико права, — возразил Гидеон. — В клетке он умрет.

Глинн продолжил свою мысль бесстрастно спокойным голосом.

— Мистер Гарза и я уже просчитали бесчисленное количество сценариев на этот счет. Мы выбрали тот, что обладает наибольшим потенциалом к успеху. Этот путь требует от нас быстрых и решительных мер — мы добываем лотос и убираемся отсюда. Чтобы создать заповедник для Циклопа здесь, на этом острове, мы должны будем вступить в переговоры с Гондурасом и Никарагуа, для которых эти острова являются спорной территорией. Это означает прохождение длинного пути через государственный департамент и соответствующие дипломатические каналы — то есть, это верный путь к провалу. А мы... — он помедлил, — мы уже здесь, на месте, и уже вступили во владение и Циклопом, и лотосом. И к тому моменту, когда кто-либо узнает об этом, мы уже улетим. Вместе с Циклопом. Мы сделаем все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, но лотос — на первом месте. Мы сделаем работу Бога и принесем чудо всему человеческому роду.

— Работу Бога? — переспросила Амико. — Да вы просто сумасшедший.

— Не согласен. Это лекарство — не будет принадлежать какой-то одной корпорации, одной нации или одному избранному социально-экономическому классу. Цель нашего клиента — использовать это открытие, чтобы принести пользу всему миру.

— Ваша цель хороша, но достигать ее надо не таким способом! Этот циклоп спас мне

жизнь! И Гидеону тоже! — Амико, похоже, была близка к истерике.

— Это единственный способ.

— Нет, не единственный. Вы не можете этого сделать! — она судорожно сглотнула. — Подождите, пока вы его не увидите! Вы поймете... он... *человек*, то есть... почти человек. Вы не можете забрать у него дом. Пожалуйста, Эли, пусть он доживет свои последние дни здесь, в мире и покое, в том месте, которое он любит и с которым у него связаны все его воспоминания.

— Мне очень жаль, но этому не бывать.

— Ради всего святого, вы не можете посадить его в клетку!

— Клетка — это лишь временная мера.

Одним плавным движением Амико достала пистолет .45 калибра и направила его на Глинна. Помощник приготовился стрелять из M16, но Глинн сделал резкий жест, чтобы остановить его.

— Я убью вас, если вы посадите его в клетку, — прошипела Амико, — Богом клянусь!

Глинн посмотрел своим серым глазом сначала на нее, затем прямо на пистолет .45 калибра.

— Я уже знаю, что вы не выстрелите в меня, Амико.

— Сукин ты сын, я это сделаю!!!

— Тогда — действуйте.

Амико подняла ствол и выстрелила в воздух. По палатке разнесся оглушающий хлопок, а девушка снова навела ствол на директора. Глинн продолжал бесстрастно взирать на нее, и когда группа солдат ворвалась в палатку, он остановил их тем же небрежным жестом.

— Позвольте мне самому уладить эту ситуацию, — распорядился он и снова перевел взгляд на Амико. — Что до вас... я все еще жду. Хочу проверить, убийца вы или нет. Хотите остановить происходящее? Что ж, вы можете сделать это, если спустите курок.

Амико буквально поедала его взглядом, ее грудь тяжело вздымалась, пистолет в руке дрожал. Внезапно она бросилась на Глинна, размахивая пистолетом, словно дубинкой. Помощник преградил ей путь, перехватив ее за руку с пистолетом, но девушка оказалась слишком быстрой — использовав технику изученных боевых искусств, она извернулась и нанесла ему удар ногой по голове. Двое солдат бросились на нее в атаку, один из них нанес ей мощный удар по лицу. Увидев это, Гидеон, не задумываясь, вступил в схватку. Схватив одного солдата, он пинком колена в диафрагму вышиб из него весь дух, и толкнул на стену палатки. Шатер рухнул со звуком рвущегося холста и треском ломающегося дерева. В драку вступили еще люди, но уже через минуту... все закончилось.

Гидеон оказался прижатым к земле лицом вниз, на его спину тяжело давило чье-то колено. Он слышал, как дико вопила, сопротивляющаяся Амико.

— Уберите этот беспорядок, — прозвучал холодный голос Глинна.

Когда путаница из разорванного тента палатки и согнутых креплений была убрана, Глинн предстал перед Гидеоном — невредимый и невозмутимый он сидел в своем инвалидном кресле. Амико скрутили двое мужчин, нос ее был весь в крови, и она продолжала яростно кричать на Глинна, который упорно ее игнорировал.

— Пусть Гидеон поднимется, — снисходительноскомандовал он.

Гидеона освободили, и он встал, сплюнув кровью из-за рассеченной губы.

— Ублюдох! — прокричала Амико, вложив в этот выкрик всю свою ненависть. — Ты не просто убьешь его, ты будешь ответственен за исчезновение целого вида!

— Ты действительно сволочь, — произнес Гидеон, уставившись на Глинна и переведя взгляд на Гарзу. Гарза не принимал участия в схватке: все это время он стоял, замерев, словно соляной столб, а лицо его сохраняло непроницаемое, невозмутимое выражение.

— Тебе это с рук не сойдет! — продолжала кричать Амико. — Весь мир узнает об этом! Если упрячешь Циклопа в клетку, ты заплатишь за это!

Глинн покачал головой.

— Вами руководят эмоции, дорогая.

— Пошел ты к черту!

— Пожалуйста, уведите ее и не выпускайте, пока к ней не вернется здравый смысл, — спокойно приказал Глинн. Солдаты увели Амико, и, пока ее тащили, она продолжала биться, извиваться, плевать и исторгать проклятья. Глинн проследил за ней спокойным взглядом, а затем воззрился на Гидеона, и теперь его здоровый глаз выражал злость.

— Вы выглядите... запутавшимся, Гидеон, — сказал он.

— Я совершенно не запутался в том, как ты к ней отнесся. Это возмутительно.

— Я хочу, чтобы вы поняли, зачем я делаю то, что делаю. Позвольте мне вам все объяснить.

Гидеон уставился на него в ожидании. Он все еще слышал крики Амико: она продолжала угрожать солдатам и обличительно обвинять их во всех смертных грехах. Гидеон толком не понимал, что именно заставило ее сорваться и вытащить пистолет, эта сильная и внезапная вспышка ярости, которую она продемонстрировала, потрясла его. Однако Глинн удивленным не выглядел: казалось, он предвидел такое развитие событий.

— Как я уже говорил, я выбрал лучший и самый успешный сценарий. Если мы позволим местным властям участвовать в операции, то — даже если они не уничтожат остров в борьбе за него — в их интересах будет извлечь из нашего открытия максимальную прибыль. Они заключат многомиллиардную сделку с какой-нибудь международной фармацевтической компанией, чтобы вывести продукт на рынок. Конечным результатом станет то, что лекарство будет дорогим и доступным только привилегированному классу. Что до вашего Циклопа, то они поместят его в самый настоящий зоопарк на всеобщее обозрение. Единственный способ этому помешать — это сделать то, что мы сейчас и делаем. Нанести упреждающий удар. Наш клиент, который полностью заслуживает доверия, является человеком доброй воли. Он найдет некоммерческую организацию, которая займется культивацией лотоса и распространит его бесплатно по квалифицированным исследовательским группам, правительственным организациям и любому, кто изъявит желание работать с этим целительным средством. Таким образом, препарат появится на рынке и не будет стоить таких баснословных денег.

Он снова сделал паузу и внушительно посмотрел на Гидеона.

— Я имею смелость полагать, что *вы*, — он сделал на этом обращении особый акцент, — один из тех, в чьих интересах выход этого лекарства на рынок.

Гидеон ничего не сказал — Глинн затронул болезную тему, где он был наиболее уязвим. Но Гидеон тут же напомнил себе, что, сколь бы привлекательным ни было предложение директора, его решение относительно Циклопа было просто неприемлемым.

Тем временем Глинн продолжил свою речь, всем своим существом взывая к рациональности.

— Логика неопровержима, — увещевал он. — Мы сделаем все возможное, чтобы помочь Циклопу, но он не может остаться на этом острове. Согласно нашим подсчетам, у

нас в распоряжении двадцать четыре часа — ровно через столько времени наше присутствие привлечет внимание местных властей. Если к тому времени у нас не будет лотоса, мы потерпим неудачу.

Гидеон прерывисто вздохнул, услышав, как где-то в лагере снова начала исторгать проклятья Амико.

— Как всегда, — хмыкнул он, — вы показываете мне неизбежность плачевного исхода и заставляете принять вашу точку зрения, — он с вызовом посмотрел на человека в инвалидном кресле, — но в данном случае я не хочу быть частью всего этого.

— А вы не будете. Ни вы, ни Амико. Завтра утром Мануэль отправит вас обоих в Манагуа, а оттуда вы вернетесь в Штаты. Ваша работа выполнена и выполнена очень хорошо, если можно так выразиться, несмотря на... — он чуть поджал губы, — некоторые сложности в конце, — кивком головы он указал в том направлении, откуда доносились крики Амико. Взглянув в ту сторону, Гидеон увидел, что двум мужчинам, все еще удержавшим эту хрупкую женщину, приходится несладко: она была удивительно сильной для своей комплекции.

И вдруг из джунглей донесся громогласный рев. Гидеон повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть нечто невообразимое: Циклоп вырвался из зарослей, его огромный глаз горел гневом, рот раскрылся, обнажив огромные желтые клыки, а его гигантские мускулы, излучавшие свирепость, готовы были стереть в порошок любого, вставшего на его пути. В одной массивной руке он держал дубинку, в другой — копье, а его серебряные волосы развивались позади него, струящимся потоком.

Циклоп бросился прямо к солдатам, удерживавшим Амико, и те оказались настолько ошеломлены, что их буквально парализовало. Циклоп замахнулся дубинкой и раскроил голову одному из мужчин, державших Амико.

— Он мне нужен живым! — решительно, но с нотками благоговения в своем голосе, скомандовал Глинн.

Несколько человек бросились в атаку, направив на существо электрошокеры, искрившимися синими молниями. Послышался треск, которому аккомпанировал ужасный рев, но Циклоп не сдавался, отмахиваясь от нападавших со звериной яростью. Люди с шокерами, казалось, лишь разозлили его еще больше.

Вперед выступила группа солдат — с прочной сетью, которую они ловко набросили на Циклопа. Каково же было их удивление, когда он порвал металлическую сетку, словно она была сделана из нейлона! Амико вырвалась и теперь помогала Циклопу окончательно освободиться от остатков пут.

Мужчины с винтовками тем временем занимали свои позиции и готовились открыть огонь.

— Нет! — закричала Амико. — Не стреляйте!

Но винтовки выстрелили — они были заряжены дротиками с транквилизатором. Полдюжины коротких игл засели в спине и боку Циклопа. Он попытался стряхнуть их, и затем, яростно взревев, он бросился на нападавших, разбросав их, словно кегли.

— Еще раз! — прокричал Глинн.

— Нет! — парировала Амико, пытаясь встать между Циклопом и стрелками. Однако люди повиновались приказу, и в Циклопа попала еще одна очередь дротиков со снотворным. Когда он бросился в атаку, солдаты спешно отступили.

Но тут огромный глаз существа гротескно закатился, рот исказился, и из его уголка побежала слюна. На мгновение он отчаянно рванулся на нападавших, а затем безвольно

рухнул на землю, оборвав свой гортанный крик.

Через пять минут солдаты погрузили свою гигантскую добычу на телегу и закатили ее в клетку. Амико, которую вновь схватили, наконец, перестала кричать и окончательно затихла.

Глинн повернулся к Гидеону.

— Это существо явилось, чтобы спасти ее. Впечатляет. Теперь, когда мы захватили Циклопа, можно приступать к следующей фазе: поискам лотоса, — он указал на обезглавленное тело человека, лежавшее на влажном пепле поляны. — Это весьма печально. Мануэль, не мог бы ты позаботиться о нем?

Гарза молча кивнул и вскоре направил группу людей, которые унесли тело с поляны. Тем временем Глинн жестом приказал привести к нему Амико. Девушка со скованными за спиной руками, предстала перед ним под конвоем пары крепких солдат.

— Все кончено, — смиренно произнес Глинн. — Теперь вы ничего не можете сделать для этого существа. Если пообещаете вести себя тихо, я прикажу вас отпустить. Поверьте, мне бы этого очень хотелось.

Повисла тишина. И вдруг Амико странно холодным голосом сказала:

— Можешь освободить меня.

Глинн переглянулся с солдатами и кивнул. Те освободили Амико и отступили.

— Боюсь, ваша вооруженная охрана останется с вами, пока вас не переместят на материк, — с притворной заботливостью сообщил Глинн.

— Ты упустил из виду один маленький нюанс, — холодно ответила она, и ее глаза нехорошо блеснули. Несмотря на всю сдержанность и предусмотрительность, Глинн все же напрягся.

— И какой же?

— Ты очень хочешь лотос, это понятно, — хмыкнула она, кивнув в сторону Циклопа. — Но без *его* помощи тебе лекарство не найти.

Гидеон проснулся перед рассветом, измотанный и с воспаленными глазами, жутко не выспавшись из-за жалобного плача Циклопа, который продолжался почти всю ночь. Ближе к утру стенания существа, наконец-то, поутихли, и Гидеон забылся прерывистым беспокойным сном, прежде чем его разбудили, сообщив, что пора лететь домой. Когда лучи солнца коснулись верхушек деревьев, Гидеон и Амико, сопровождаемые двумя вооруженными охранниками, стояли чуть поодаль от зоны приземления, пока вертолет разогревался, готовясь унести их прочь с этого острова.

Амико была бледной, как призрак, а ее красные от недосыпа глаза казались впалыми из-за темных кругов.

— С тобой все в порядке? — спросил Гидеон, взяв ее за руку, но девушка молча от него отстранилась.

Солдаты просигналили, что пришло время подняться на борт. Гарза уже занял место пилота и, не выказывая своим пассажирам абсолютно никакого внимания, сидел с абсолютно нечитаемым лицом, изучая приборы.

На мгновение Гидеон замешкался. Где же Глинн? Чем он сейчас занят? Вся их с Амико тяжелая работа, пот, кровь, опасности, через которые они прошли, теперь позади — и буквально через несколько часов они вернутся к цивилизации. Но это казалось ему неправильным. Наоборот, от этого всего внутри него начинала разгораться злость. Он глянул в сторону клетки. Циклоп снова начал реветь.

Один из солдат повторил свое приглашение, махнув оружием. Со вздохом Гидеон закинул свою водонепроницаемую сумку на плечо и забрался в вертолет вслед за Амико. Солдаты закрыли за ними дверь.

Гидеон занял свободное место, пристегнулся и надел гарнитуру. Через мгновение «Сикорский», ведомый Гарзой, взлетел, покинув сень густых джунглей. Когда вертолет поднялся выше, Гидеон смог увидеть весь остров целиком с высоты птичьего полета. Парящий высоко над морем, некогда зеленый девственный рай, теперь был омрачен выжженными зонами, лагерем и еще несколькими безжалостно зачищенными свежими просеками, вырубленными среди джунглей. Далеко внизу, прямо под ними, находился Циклоп — существо трясло решетку клетки и, словно гипнотизируя, смотрело в небо своим единственным устрашающим глазом.

Гидеон бросил взгляд на Амико: лицо девушки было мрачным и отстраненным. Его потрясло то, как быстро она перешла от мольбы к внезапному извержению бешеной ярости, а потом к этому холодному и неприступному молчанию.

Вертолет поднялся высоко над зеленым сводом и полетел вдоль горного хребта острова. Но вместо того, чтобы взять курс через море, «S-70», достигнув оконечности острова, начал замедляться. Затем машина сделала вираж и резко спикировала к грубой поляне, которую ЭИР вырубил в джунглях на противоположной от лагеря стороне острова. Через мгновение полозья вертолета коснулись земли.

— Что происходит? — спросил Гидеон. Оставаясь на месте, Гарза повернулся к своим пассажирам, снял гарнитуру и жестом дал понять, чтобы они последовали его примеру.

— Я расскажу вам, что происходит, — сказал он, перебивая шум двигателя. — Вы

же слышали, как Глинн говорил о своем «клиенте»? Я удивлен, что вы еще сами не догадались. Клиента *нет*. Вернее, так называемый клиент — это сам Глинн.

Гидеон ошеломленно уставился на их пилота.

— С самого начала этого проекта, — стал рассказывать Гарза, — меня озадачивало поведение Глинна. Он был невероятно скрытен, не раскрывал свои карты и ни разу не называл имя своего клиента. Я его правая рука и поэтому всегда входил в круг его приближенных. Но не в этот раз — сейчас его приближенный круг состоял из него одного, — Мануэль замолчал, нахмурившись. — Я уже и раньше видел, как Глинн ввязывался в авантюры, которые потом выходили ему боком, и в этом деле я снова увидел все признаки этого. У меня нет сомнений: он охотится за лотосом, чтобы исцелить *самого себя*. И он не собирается останавливаться на достигнутом и отдавать это растение даром кому бы то ни было. Он планирует заработать на нем большие деньги.

— Ты в этом уверен?

— Я уверен в этом, потому что знаю Глинна. Я уже проходил через это с тем делом о метеорите.

— Метеорит? Ты имеешь в виду, тот самый, о котором ты упоминал в баре?

— Именно. Это продолжение той же истории. Во время того разговора я так и не сказал тебе, чем являлся метеорит на самом деле. Теперь тебе нужно это знать. Это было семя.

Гидеон уставился на собеседника.

— *Что?*

— Ты меня слышал. Это была панспермия вселенского масштаба, гигантское инопланетное семя, путешествовавшее по космосу, один Бог знает, сколько времени. Оно упало на землю несколько тысяч лет назад и находилось в спящем состоянии на замерзшем острове. Эли подрядился доставить его для музея Ллойда, но проект провалился, корабль затонул, а семя угодило на дно Южной Атлантики. Можно сказать, мы удачно его посадили. Там оказались идеальные условия для его прорастания. И оно проросло.

— Боже мой.

— Это Моби Дик Эли. Он гордился тем, что никогда не терпел неудач — но с тем делом он потерпел *колоссальную* неудачу. Он думает, что та штукавина, растущая на океанском дне, угрожает Земле. Глинн винит в случившемся только себя и считает, что его святая обязанность — уничтожить семя. Этот проект ни на секунду не выходит у него из головы. И он подсчитал, что ему нужен миллиард долларов, чтобы организовать экспедицию и уничтожить ту штуку. Я считаю, что с помощью этого растения он и планирует ее профинансировать.

— Значит, все его обещания, что он подарит дешевое лекарство всему миру — наглая ложь?

— О, как Глинн и говорил, он подарит его миру — но за деньги. Кроме того, препарат ему нужен и для себя лично. Вылечить свои травмы. Глинн уверен, что только он сможет возглавить экспедицию, а для этого ему нужно вернуть подвижность конечностям, снова научиться ходить и быть в отличной форме.

Гидеон чувствовал себя так, словно его оглушили. Все это время он думал только о том, что лотос может сделать для него самого. Он ни разу не допускал мысли, что Глинн имел на снадобье свои виды. Но сейчас, как только намерения директора были обличены в слова, они стали очевидными.

— Глинн собирается убить нас всех, — продолжал Гарза. — Я был свидетелем

подобного и раньше. Я видел, как сто восемь человек погибли, когда «Ролвааг» пошел ко дну, и я больше не желаю видеть ничего подобного.

Гидеон взглянул на Амико, а затем снова обратился к Гарзе.

— Так какой у тебя план?

— Простой. Мы обходим Глинна, забираем лотос и убираемся отсюда к чертовой матери. Затем *мы бесплатно* отдаем его ученым и на благо человечества. То, что Глинн только обещал, мы сделаем по-настоящему. Я считаю, что завершить этот проект подобным образом — наша обязанность, и сейчас все зависит только от нас.

— Как мы это сделаем? — резко спросила Амико, впервые вступив в разговор.

Гарза повернулся к ней.

— Вы сказали кое-что, что меня поразило. То, что мы не найдем лотос без помощи этого существа. Это правда?

— Так и есть, — кивнула Амико.

— Вы сможете его контролировать? Я имею в виду, держать его под контролем и управлять им?

— Думаю, что смогу. По крайней мере, могу попытаться — ответила Амико.

Гидеон с удивлением взглянул на девушку. Она же неотрывно смотрела на Гарзу с выражением мрачной решимости.

— Чтобы освободить Циклопа, — стал озвучивать свой план Гарза, — вам придется миновать ограду, находящуюся под воздействием электрического тока. У меня есть коды, — Гарза вытащил из кармана обрывок бумаги и протянул его Амико. — Он пришел, чтобы спасти вас. Он доверяет вам. Вы освободите его, убедите выкопать лотос и доставите растение сюда. Затем мы отпустим зверя и улетим отсюда с лотосом. У нас есть шесть часов до того момента, как Глинн ожидает моего возвращения. Думаете, сможете проверить это все за это время?

— Думаю, что смогу.

— Гидеон, ты в деле?

Гидеон не отвечал несколько мгновений, а затем медленно произнес:

— Недалеко отсюда, на обрыве среди скал, в пещере спрятан тайник с лотосом.

Гарза уставился на него.

— Ты не упоминал об этом раньше.

— Да, не упоминал, — согласился Гидеон. Это казалось более разумным вариантом, чем освобождение Циклопа.

— Тогда это ответ на все наши проблемы, — оживился Гарза. — Я подожду здесь, пока вы двое добудете его, — он извлек свой пистолет .45 калибра и протянул его Амико. — Возможно, вам это понадобится.

Девушка взяла оружие, убрала за пояс и поднялась.

— Пойдем, — скомандовала она Гидеону.

В сопровождении Амико Гидеон спустился по крутой тропе к расселине, которая вела в некрополь. Как и в первый раз, красота этого собора мертвых, его царственное достоинство, его таинственный свет, оказали на Гидеона зачаровывающее воздействие. Здесь хранились доказательства того, что у циклопов когда-то была культура, религия, цивилизация. При виде всего этого гнев на Глинна всколыхнул внутри Гидеона с новой силой, но он решительно отбросил эти мысли, сосредоточившись на том, чтобы добыть лотос и выбраться отсюда. С остальным, к сожалению, он ничего не мог поделать. По крайней мере, Гарза был на их стороне. Он сильно недооценил этого человека.

Напарники вошли в темные катакомбы некрополя, их тишина казалась оглушающей после шума лагеря и рева Циклопа. Они быстро обнаружили могилу Полифема. Каменный ларец и лотос находились на прежнем месте. Посреди необычного и насыщенного аромата, который распространялся из ящичка, Гидеон взял столько лотосов, сколько поместилось в его сумку. Не став задерживаться, незваные гости поспешили покинуть некрополь и вернуться в яркий свет дня, снова преодолев коварную тропу.

На вершине утеса Гидеон зашагал в сторону вертолета, но Амико за ним не пошла.

— А что насчет Циклопа? — спросила она.

Гидеон замешкался.

— А что с ним?

— Ты, что, не понимаешь? Мы должны освободить его! Мы не можем оставить его в той клетке. И ему нужен лотос. Он же без него умрет.

Гидеон посмотрел на нее и со всей возможной твердостью заключил:

— Мы ничем не можем ему помочь. Он окружен дюжиной вооруженных солдат.

— У меня есть коды. И у меня есть план. Теперь отдай мне сумку.

— Подожди, Амико... но лотос нужен Гарзе.

Лицо девушки помрачнело.

— Циклоп спас жизнь тебе. Он спас жизнь мне. А ты просто оставишь его там, в клетке, чтобы он умер в муках?

— Мне это нравится не больше, чем тебе. Но на карту поставлены более важные вещи. Вот эти, — и он потрянул своей сумкой.

— Тогда отдай мне хотя бы половину, и я отнесу их ему. Все остальное можешь доставить Гарзе.

— Мы не знаем, сколько потребуется для исследований и анализов. Мы не можем так рисковать. Послушай...

Как атакующая змея, Амико бросилась к сумке и схватилась за нее. В ответ Гидеон дернул ее на себя, и несколько мгновений они боролись за добычу, прежде чем сумка разорвалась и лотос оказался на земле. Девушка резко отпустила хватку, лишив Гидеона равновесия. Одновременно с этим она извлекла из-за пояса пистолет и, схватив его за ствол, наотмашь ударила Гидеона по голове основанием рукоятки пистолета. Он рухнул на землю, и его окутала тьма.

Приходя в себя, Гидеон ощущал, как будто всплывает со дна океана, и путешествие до поверхности, казалось, заняло у него очень много времени. Наконец очнувшись, он изо всех

сил попытался сесть, но пульсирующая болью голова помешала ему. Взглянув на часы, он с досадой отметил, что прошло около пятнадцати минут. Гидеон проклинал себя за то, что не предвидел все это.

Он огляделся. Корни лотоса, которые до этого лежали разбросанные повсюду, исчезли. За исключением одного, который Амико оставила ему: пока он был без сознания, она спрятала лотос в карман бывшего напарника. Все остальное она забрала.

Кровь сочилась из пореза на его виске, и голова гудела так, что он едва с трудом соображал. Гидеон вытащил лотос из кармана, завернул его в лист и спрятал обратно. Через несколько секунд он все же смог подняться на ноги. Пока он пытался прийти в себя, издали донесся приглушенный грохот взрыва. Мгновение спустя он увидел, как над зеленым древесным куполом, в направлении базового лагеря, расцветает огненный шар — бурлящее скопление красного и черного.

Амико.

Он припустился бежать сквозь джунгли, яростно пробираясь сквозь растительность, не обращая внимания на боль в голове, пока не добрался до ожидающего вертолета.

— Где ты был? — воскликнул Гарза. — В лагере что-то случилось.

Тут же его рация разразилась бешеной болтовней, несколько голосов говорили сразу на одной частоте:

... оно сбежало... все убиты... та женщина... сейчас ликвидируем пожар... О, Боже мой!..

Следом за этим, словно подчеркивая все сказанное, из рации донесся искаженный рев, заглушивший лепет голосов и растворившийся в треске статических помех. Внезапно на линии зазвучал отчетливый крик человеческой агонии, прерванный звуком разрываемой плоти.

— Сукин сын! — закричал Гарза, а затем уставился на Гидеона: — Что, черт возьми, происходит?

— Амико, — буркнул Гидеон. — Она вырубил меня. Забрала лотос и отправилась освобождать Циклопа.

Гарза шокировано уставился на парня.

— *Забрала лотос?*

— Всё, кроме одного экземпляра, — и он вытащил из кармана единственный корень и протянул его Гарзе.

— Залезай! — скомандовал тот, хватая скудную добычу. — Давай убираться отсюда. Будем надеяться, что одного корня будет достаточно.

Гидеон колебался, его нога зависла над порогом.

— Забирайся, черт побери!

Гидеон покачал головой.

— Нет... нет, я не могу.

— Почему, черт возьми, не можешь? — Гарза уже вовсю запускал двигатели вертолета.

— Это катастрофа. Я не могу уйти, пока это существо убивает людей и... пока Амико в опасности.

Гарза схватился за штурвал.

— Раз это твой выбор, то я надеюсь, что ты выживешь. *Sayonara.*

Дверь захлопнулась перед его носом, и Гидеон отступил, согнувшись под порывами ветра от винтов, в то время как вертолет вознесся в голубое небо и взял курс на запад, в

сторону Манагуа и дома.

Пока Гидеон наблюдал, как он удаляется, еще один массивный взрыв сотряс джунгли.

Гидеон побежал к лагерю по грунтовой дороге, которую ЭИР прорубило в лесу — большие деревья выкорчевали и сдвинули бульдозером в стороны, как спички, обочина же представляла собой мешанину из искромсанной растительности, выкорчеванных пней, смятых цветов и спутанных лиан.

Лагерь погряз в хаосе. Главный генератор и его топливные баки яростно пылали, дым и пламя рвались в небо, угрожая поджечь запасной комплект баков, снабжавших резервный генератор. Несколько человек сражались с огнем с помощью огнетушителей. Три зверски искалеченных солдата лежали, распластавшись, на земле: два явно мертвы, а над третьим, кричавшим от боли, сустились медики. Цепь электрического периметра была нарушена в нескольких местах, и оставшиеся в живых солдаты были напуганы до такой степени, что в панике простреливали плотную стену джунглей всякий раз, когда им казалось, что они замечали там шум или движение.

Почти сразу Гидеон попал в окружение озлобленных солдат.

— Я хочу видеть Глинна, — заявил он.

Солдаты грубо его обыскали, заломив руки за спину, надели наручники, а затем пихнули к палатке директора. Откинув полог, они втокнули парня внутрь.

Сидя в своем инвалидном кресле Глинн инструктировал пару вооруженных командос вместе с еще одним невероятно крупным мужчиной. И у этого громилы было на что посмотреть: накачанные массивные плечи, шея, толстая, как пень дерева, камуфляж и майка в стиле Рэмбо. К тому же бритая голова и борода придавали ему еще более весомый и брутальный вид. Игнорируя Гидеона, Глинн продолжал разговаривать с мужчинами.

— Вы получили инструкции. Выследите его с собаками. Огонь не открывать — верните его в целости. Будьте все время на связи. Мы будем наготове. Понятно?

— Да, мистер Глинн, — отозвался мускулистый мужчина.

— Свободны.

Только теперь Глинн обратил на Гидеона свой холодный пронизывающий взгляд. В то время как внешне директор все еще выглядел неестественно спокойным, дышал он быстро и неглубоко, и в его сером взгляде проскальзывало нечто, чего Гидеон никогда не видел прежде. Где-то за пределами палатки раздался лай собак.

— Что произошло? — грубо бросил Глинн.

Гидеон рассказал ему все, и Глинн выслушал его с абсолютно пустым взглядом. Когда рассказ закончился, директор так и не проронил ни слова, лишь слегка поерзал в инвалидном кресле.

— Говоришь, Гарза инициировал это? — он задумался на минуту. — Я не уверен, что должен сделать: расстрелять тебя или освободить.

— Если позволишь, я бы предпочел последнее.

Глинн повернулась к охране.

— Снимите наручники, — скомандовал он, и солдаты подчинились.

— Итак, таинственный клиент это *ты*, — констатировал Гидеон. — И ты солгал. Ты собираешься *продавать* лекарство, а не просто дарить его всем и каждому.

— Да, я клиент. Но это ничего не меняет. И Мануэль ошибается насчет денег. Я создал

фонд, который будет снабжать лекарством все население практически даром, за исключением небольшого процента от продаж, который пойдет на финансирование ЭИР.

Из-за палатки раздался небольшой взрыв, временно заглушивший голос Глинна, и сквозь тент проникло желтое сияние огня. Снова раздался крик, и вспышки автоматического оружия.

— Заявилась твоя напарница, — стал рассказывать Глинн. — Она взорвала топливный бак, уничтожила основной генератор и отключила резервное питание. В возникшем хаосе она и освободила Циклопа. Затем тварь разбушевалась. Ты же видел резню? И после того, как монстр убил без пощады нескольких людей, он прихватил ее с собой и утащил в джунгли. Я бы сказал, что она стала заложницей, за исключением того, что она даже не пыталась с ним бороться, — он уставился на Гидеона. — Теперь вопрос: что *ты* здесь делаешь?

— Я вернулся, потому что — отчасти — несу ответственность за все это.

— С этим я бы согласился.

— Я не в этом смысле. Если бы ты не заявился сюда, не выжег джунгли, не посадил Циклопа в клетку — ничего этого бы не произошло.

— Убийства произошли, потому что Амико освободила существо.

Гидеон отмахнулся от него.

— Я не буду с тобой спорить. На это нет времени. Я здесь потому, что могу все исправить.

— И как же?

— Существо — не обычное дикое животное. До него можно достучаться. Если я пойду туда один и невооруженный... то могу попытаться на него повлиять. И Амико ко мне прислушается. Вместе мы могли бы успокоить его и вернуть сюда вместе с лотосом.

Глинн неотрывно изучал Гидеона, в то время как его собственное лицо закрылось, как будто он надел безликую маску.

— Он может уничтожить тебя.

— Я все же рискну.

На мгновение Глинн полностью замер, а затем снова немного поерзал в инвалидном кресле.

— Мы настолько отклонились от наших стратегических прогнозов, что стоит попробовать все, даже такой слабый план. Но я разрешу это только при одном условии: ты *будешь* вооружен.

— Я не стану его убивать.

— Все равно захвати с собой это, — Глинн кивнул своему помощнику, и тот, схватив с соседней стойки М16 и пару дополнительных магазинов, молча передал их Гидеону. Он взял еще фонарь. Кивнув в знак прощания, он уже вознамерился уйти, когда Глинн окликнул его:

— И еще кое-что.

Гидеон оглянулся через плечо.

— Не совершай ошибку, доверившись зверю... *или* Амико.

Гордон Дельгадо поступил на службу в армию и был сразу направлен в Ирак в качестве кинолога. Несколько командировок и множество операций спустя он был с почетом уволен и устроился работать тренером служебных собак в ФБР. Он повидал много дерьма за свою карьеру, но, прибыв накануне на остров, он не мог поверить своим глазам, наблюдая этого монстра в клетке. И когда эта тварь освободилась и взбесилась, происходящее оказалось во сто крат хуже самого жуткого кошмара: хуже Ирака, безумнее любого фильма ужасов. Перед мысленным взором Дельгадо все еще стоял образ того, как этот монстр — со своими летающими дредами, с ревушим ртом, распахнутым, как гигантская воронка, и оскаленными желтыми клыками — одним замахом своих мохнатых рук вспарывал живот человека легко, как будто черпал масло из бочонка. И этот глаз, Матерь Божья — *о, этот глаз!* — черный зрачок, окруженный желтоватым, налитым кровью белком, большой и блестящий, как блюдце, все время безумно вращался по своей орбите, выискивая очередную жертву. Во время нападения существо лишь на мгновение взглянуло на него, пока удерживало по солдату в каждой массивной лапе, и этого оказалось достаточно — до конца жизни Дельгадо не забудет этот взгляд. Он очень надеялся, что ему никогда больше не придется снова посмотреть в этот глаз.

Они оставили лагерь позади, чему Дельгадо был несказанно рад. Ограда была обесточена, пока резервный генератор ремонтировался, из-за чего мужчины нервничали и стреляли куда попало. По крайней мере, пожар на развалинах удалось локализовать — или так только казалось — и, слава Богу, потому что, если бы он перекинулся на густые джунгли, невозможно было бы предугадать, чем бы это все закончилось.

Собаки почти сразу же напали на след существа и сейчас быстро шли по нему, двигаясь по недавно проложенной ЭИР дороге, ведущей к другой оконечности острова. За ними, натягивая поводки, держался кинолог под защитой двух солдат, слева и справа от него. Дельгадо с одного взгляда мог отличить тихую компетентность от самонадеянности и трусости, и сейчас он со стопроцентной уверенностью мог сказать, что с ним были два хороших бойца.

Он сам был вооружен карабином M4A1 .45 калибра. Его рация крепилась к поясу, и канал оставался открытым на основной частоте лагеря. Цель заключалась в том, чтобы выследить монстра и окружить его, а затем загнать его обратно в лагерь, где команда из восьми человек уже устроила засаду, готовая схватить его. Девушка, если она все еще была с ним, должна была быть схвачена, или — если это невозможно — нейтрализована.

Дельгадо никогда не работал с этой породой собак раньше — Итальянская водяная ^[68] обычно использовалась для вынюхивания трюфелей. И хотя эти псы и не являлись армейскими собаками, они вели себя разумно, держались осторожно и спокойно, ни разу не выказав недостатка мужества. И вообще, против такого монстра, даже мастифф был бы бесполезным, как терьер. Эти животные сразу поняли, что от них требуется, и не потеряли рассудок от ужаса.

Собаки остановились у стены джунглей рядом с дорогой, показывая, что путь запаха уходит именно туда.

План казался достаточно простым и производил впечатление перспективного и

удачного. Но Дельгадо никак не мог выбросить из головы скорость и свирепость, которые проявил монстр, прорываясь сквозь лагерь. Когда они сошли с дороги и погрузились в густой подлесок, он понял, что если бы зверь решил броситься на них где-нибудь здесь, это стало бы для них полной неожиданностью.

Почти сразу поводки собак натянулись.

— Стойте, — сказал он солдатам, опускаясь на колени перед собаками. Животные выражали нетерпение и выглядели напряженными, их бока подрагивали от волнения, — надо спустить собак.

Солдаты ничего не ответили, и Дельгадо это понравилось. Солдаты, шутящие и несущие всякую ерунду во время операции, только демонстрировали свой страх.

Собаки, хоть и остались без поводков, понимали, что должны держаться рядом с группой. Так даже лучше — по их поведению Дельгадо сразу поймет, когда они приблизятся к монстру. Это были чертовски хорошие ищейки: тихие и внимательные. Собаки, машины, оружие и вино — итальянцы преуспевали во всем, что создавали.

Трудно было перемещаться по зарослям, не издавая при этом ни звука. Джунгли вокруг были жаркими, зелеными и невероятно влажными, и Дельгадо вскоре промок до нитки. В таких условиях чудовище учует их задолго до того, как они сами засекут его присутствие. Но все же на стороне поискового отряда был один весьма весомый фактор: с ними были собаки, и они наверняка сработают как своего рода система раннего оповещения против монстра. Больше всего Дельгадо беспокоил их собственный тыл. Он не знал, насколько умным было это огромное существо, но даже тупой африканский буйвол соображал достаточно, чтобы сделать круг и подкрасться к своим преследователям со спины. Здесь и сейчас они должны были быть готовы ко всему.

Когда они углубились в джунгли, их поглотила странная тишина. Звуки лагеря исчезли, а джунгли ощущались так, как будто лишились самой сути жизни. Дельгадо счел это жутковатым предзнаменованием.

К счастью, остров был небольшим, так что обнаружение существа не займет у них слишком много времени. По поведению собак кинолог уже видел, что они его настигают: сигналами ему служили волны обостренного напряжения, исходящие от животных, а также их оживленные, нетерпеливые движения. Он указал на это солдатам, и те кивнули, приняв данные к сведению.

Далее группа продвигалась медленно и осторожно, внимательно прислушиваясь к каждому, даже малейшему звуку.

И тут собаки начали дрожать. Они выказывали напряжение и испуг, но все же держались сдержанно, не поддаваясь панике. Вдруг Дельгадо понял, что и сам чувствует запах зверя: густой, приторный флёр немытого человеческого тела, который он сразу нашел отвратительным. Но это была хорошая новость: если они чувствовали запах монстра потому, что находились с подветренной стороны, это значит, что он не мог учуять их запах.

Сигналом руки Дельгадо дал понять солдатам, что они должны сменить курс на девяносто градусов. Этот маневр был началом охотничьего приема «Древко и Круг». Группа сошла с тропы с запахом. Собаки скулили и следовали за людьми неохотно, но, в конце концов, смирились. Двигаясь медленно, следопыт отвел солдат на двести ярдов в направлении девяти часов, а затем повел их по дуге к полудню. Он неоднократно проделывал этот трюк с повстанцами в Ираке, и это был прием, который, как правило, пугал и пугал противника, заставляя его отступать по линии, ведущей к шести часам. Он надеялся,

что с монстром это тоже возьмёт должный эффект.

Они достигли позиции на двенадцать часов, и Дельгадо поднял руку, приказывая солдатам остановиться. Он предполагал, что монстр сейчас находится примерно в трехстах ярдах к югу от них. Теперь пришло время загонять существо в засаду. Ещё несколькими дополнительными жестами он проинструктировал группу — солдаты подняли винтовки и стали ждать его сигнала. Собаки, чувствуя, что что-то должно произойти, оцепенели от напряжения.

Дельгадо поднял руку, прислушался, а затем резко опустил ее.

Солдаты двинулись вперед, разряжая оружие по зарослям в режиме стрельбы очередями. Собаки тот же час присоединились к ним, прыгая впереди солдат с истерическим лаем. Дельгадо замыкавший тыл, стрелял в воздух, крупнокалиберные патроны АСР звучали, подобно грому на фоне болтовни винтовок М16. Шока и трепета должно было быть достаточно, чтобы напугать всех и каждого, и обратить их в бегство.

И тут совсем рядом пронеслось нечто вроде порыва ветра: колыхание листьев, размытое пятно, сопровождаемое кратким визгом собаки. Затем ничего. Дельгадо резко остановился. Обе собаки исчезли. И тут он увидел *это*: длинные росчерки крови, как будто нанесенные кистью на листья растительности, уходящие в густые джунгли перпендикулярно их пути — кровь, нитки кишечника, мясо, мех, розовый язык, все еще дергающийся, и обвислое ухо.

Все молчали.

Дельгадо потребовалось время, чтобы осознать случившееся. Монстр пересек их тропу под прямым углом и смел обеих собак, мимоходом расчленив их, а затем снова исчез.

Идя по грунтовой дороге, Гидеон вдруг услышал резкий звук стрельбы и истерический лай. Он остановился и прислушался: казалось, звук доносится с расстояния примерно в полмили, но из-за слишком густой растительности трудно было сказать наверняка. Собаки снова взвизгнули, а затем внезапно наступила тишина.

Гидеон был твердо убежден, что со стороны охотников было крайне глупо и самонадеянно считать, что они сумеют встретиться со свирепым Циклопом на его же территории и выжить. Гарза был прав: в своей одержимости Глинн потерял рассудок. Все его компьютерные модели, весь этот поведенческий анализ — все, на что директор так привык опираться, попросту меркло и не работало на фоне непредсказуемого существа, подобного этому. И если бы кому-то удалось удрать с острова живым после встречи с разъяренным Циклопом, это можно было бы назвать чудом.

Гидеон невольно задавался вопросом, что происходит у Амико в голове. Циклоп не убил ее, в этом он был уверен. Но... где она была, что с ней стало... — точнее, где *они* сейчас были, и что *с ними* стало — все это оставалось вопросами без ответов. Была ли Амико истинным союзником Циклопа или же он удерживал ее против воли? Похоже, девушка сама запуталась в своих суждениях.

Оглядываясь назад, Гидеон понимал, что не стоило слишком удивляться случившемуся. История, которую Амико рассказала о своем отце, своем трудном детстве и о том, что даже сейчас, в ЭИР, она иногда чувствовала себя не в своей тарелке, легко объясняла, почему она так привязалась к Циклопу. Но сейчас, похоже, об этом некогда было беспокоиться: по звукам, Гидеон мог легко определить текущее местоположение Циклопа, и это помогало ему занять выгодную, заранее продуманную позицию, не будучи обнаруженным.

Гидеон побежал по дороге и вскоре достиг расчищенной зоны посадки, откуда примерно час назад взлетел Гарза. Углубившись в джунгли, он подошел к краю обрыва и снова, второй раз за сегодняшний день, осторожно спустился в некрополь. Далее, полностью проигнорировав богатое убранство Хрустальной пещеры, он спешно прошел к более удаленным погребениям в задней части катакомб.

Ниша, в которой хранились останки Полифема, находилась в нижней части обширной секции небольших альковов и углублений с другими костями. Каменный ларец, в котором лежали жалкие остатки лотоса, стоял на том же месте, где он его оставил чуть раньше, закрытый каменной крышкой. Гидеон приблизился к нише, забрал оставшийся лотос и сунул его в карман, после чего повернулся и осмотрел противоположную стену. Выбрав углубление, расположенное выше и слегка в стороне от могилы Полифема, он взобрался по стене, стараясь не оставлять следов, и заполз в это укрытие, бесцеремонно отодвинув хранившиеся там останки циклопа. Позади него ниша сужалась и образовывала туннель, который круто уходил вниз. С этого направления засады можно было не опасаться...

Лежа в нише, Гидеон, используя сломанную бедренную кость в качестве укрытия, приготовился стрелять. Впрочем, он не хотел этого и знал, что применит оружие, только если на то будет крайняя необходимость. Он тщательно переместил останки циклопа так, чтобы создать себе своего рода защитный экран.

Циклопа ранили, в этом Гидеон был уверен, как был уверен и в том, что раненое

существо попытается укрыться здесь, в некрополе вместе с Амико. Вновь прокрутив в голове возможные сценарии развития событий, он удостоверился в верности своего выбора и затаился в ожидании — отчего-то ему казалось, что ждать предстоит недолго.

— Сукин сын! — прорычал Дельгадо, глядя на розовый язык, который, наконец, перестал дергаться. Он заглянул в лица двух солдат — оба они были в шоке и напуганы, но все еще владели собой.

— Ладно, — тихо произнес Дельгадо. — Это была плохая идея. Нужно убираться отсюда и возвращаться в лагерь — быстро, с оружием наизготовку, — для пущей наглядности он указал пальцем в направлении лагеря.

Никого из мужчин не понадобилось уговаривать. Они припустились бегом, проталкиваясь через заросли папоротника и перепрыгивая через поросшие мхом упавшие стволы деревьев, обвитые лозами винограда. Оружие они держали наизготовку, ожидая, что в любой момент им придется стрелять. Дельгадо никогда не видел столь стремительного и жестокого нападения, как сейчас. Это существо — человеком оно было или животным — внушало ему ужас, и теперь он понимал, что вторжение на территорию этой твари было жестокой ошибкой.

Ветер принес с собой неприятный запах. В следующий миг растительность словно взорвалась, один из солдат сдавленно вскрикнул, и послышался характерный звук разрываемого мяса. Оружие начало стрелять по зарослям, словно сошедшее с ума, но смолкло так же быстро, как и затрещало. Дельгадо и другой солдат остановились и присели, инстинктивно заняв позицию «спина к спине», чтобы просматривать джунгли на 360 градусов. Листва зарослей все еще колыхалась, побеспокоенная стремительной атакой монстра, но сам зверь, похоже, исчез. Дельгадо, постаравшись овладеть собой, безотчетно прижимался спиной к своему напарнику, высматривая чудище и ожидая нападения.

Пусто. Никаких признаков зверя.

И все же он был где-то там. Затаился. Готовый снова напасть и порвать их поодиночке. Тело убитого солдата он бросил на землю, словно в качестве своей устрашающей кровавой визитной карточки мясника: торс мужчины был почти полностью оторван от бедер. Все произошло так быстро, что солдат умер прежде, чем успел осознать происходящее и издать пронзительный вопль.

Теперь джунгли погрузились в гнетущую тишину. Так прошло несколько мгновений, а затем — одновременно из ниоткуда и отовсюду — прозвучал протяжный громкий рык, постепенно переросший в высокий вой и снова спустившийся до грудного животного рева. Этот звук одновременно походил на тот, что может издавать и человек, и животное и он был самым ужасным, что Дельгадо когда-либо слышал в своей жизни.

— Очистить зону на триста шестьдесят, полный автомат, — шепнул Дельгадо второму солдату. — И вперед, *бегом!*

Они вскочили со своего места, попутно стреляя и расчищая зону вокруг себя по кругу. Джунгли заплакали множеством падающих и разорванных на куски листьев и веток.

Магазин Дельгадо быстро опустел, и он выбросил его, тут же вставив другой и возобновив стрельбу. Казалось, что они пробирались через бурю, состоявшую из густой растительности и града пуль. Ничто не могло бы подобраться к ним близко и не получить ранения.

Дельгадо выкинул по пути еще один опустевший магазин и вставил новый. У него оставалось еще два — этого было достаточно, но все же стоило поспешить. Он переключил рычажок на М4 в режим короткой очереди, чтобы сэкономить патроны и понесся вперед, как сумасшедший. Его лицо покрывал пот, ветки царапали лоб и щеки, но он продолжал стрелять, расчищая территорию вокруг себя.

Внезапно зверь возник прямо перед ними, как черт из табакерки — казалось, он вырос прямо из-под земли. Дельгадо попытался выстрелить в монстра, но тот двигался с молниеносной скоростью. Волосатая рука метнулась, как серп, и оторвала голову последнего солдата с такой же легкостью, с какой нож режет масло... правда, не так чисто. Дельгадо ахнул, когда в него угодил целый поток кровавых брызг. И все же, сумев овладеть собой, он бессвязно проревел проклятье и выстрелил в чудовище. Через миг он ощутил зловонное дыхание зверя у самого своего лица и увидел его огромный глаз.

Сквозь красный туман кровавых брызг, заставших глаза, он едва мог видеть. Чудовище стояло прямо перед ним, возвышаясь, словно колосс. Его огромная грудь вздымалась, и в ней клочкотал яростный рев. Дельгадо остолбенел и вдруг почувствовал рывок — настолько сильный, что он буквально вывернул его наизнанку. В последний миг, успев взглянуть на свои ноги, он понял, что так оно и было...

Глинн оставался в своей палатке, окруженный коммуникационным оборудованием. Его помощник стоял сбоку от него. На открытом радиоканале он слышал все, что случилось с поисковой группой: разговоры, стрельбу, рев зверя, звуки жуткой смерти солдат, а затем — тишину. Он слышал и то, как выжившие, бросившись бежать, попытались прорваться сквозь джунгли: звуки долетали до него, словно отдаленное эхо.

Итак, черт побери, это случилось *снова*. Один единственный неучтенный фактор, который невозможно было предугадать, пустил под откос все рассчитанные модели. То же самое произошло пять лет назад с метеоритом, который на поверку оказался не тем, что они ожидали. Неудача — внезапная и абсолютная — преследовала Глинна и сейчас. Теперь все карты им спутал совершенно непредсказуемый гоминид — не животное, не человек, а существо — разъяренный, дышащий своей кровожадной мстостью, и которому невозможно было противостоять. И его освободил человек, которого они так и не смогли просчитать до конца.

С печальной ясностью Глинн осознал, что его намерение добиться успеха во что бы то ни стало и привело к этой катастрофе. Итак, теперь перед ними простиралась неизведанная территория. Он потерял человека, который был его правой рукой — Гарзу. И потеря это ощущалась остро, как никогда. Лишь теперь он понял, что не обращался с Гарзой так, как он того заслуживал. Было большой ошибкой обманывать его. Поведенческий тест Гарзы безошибочно выдавал в нем прагматика, карьериста, человека, который стремился везде стать первым. И вдруг... Гарза показал свою скрытую альтруистическую сторону.

Глинн покачал головой. Все эти полученные уроки ему предстоит тщательно обдумать позже, но сейчас на это не было времени. Сейчас на первом месте стояло дело и выживание его людей... и его самого. Им необходимо было защититься от этого жуткого существа.

Он нажал кнопку «ПЕРЕДАЧА» на коммуникаторе и связался с восемью мужчинами, что ожидали в засаде.

— Все кончено. Команда Дельгадо убита. Явиться ко мне на брифинг. Немедленно.

Спустя несколько минут восемь человек вошли в палатку. Они выглядели испуганными, но старались ничем этого не выдать. Несмотря на жуткий поворот событий, им удавалось владеть собой. Что ж, Глинн сам тщательно отбирал этих людей.

— Циклоп, — заговорил он, — подбирается к нам все ближе. Он идет сюда. В лагерь.

— Что заставляет вас думать, что... — начал командир отряда, но Глинн перебил его.

— Он ранен. Мы разорили его остров. Ему все равно, выживет он или умрет. Я склонен полагать, что он намеревается забрать с собой на тот свет как можно больше людей, — Глинн мимоходом заметил, что теперь называет Циклопа «он», а не «оно», и понял, что это было его ошибкой с самого начала. Не стоило думать о нем, как о животном.

— Ясно, сэр.

— В каком состоянии электрическое ограждение?

— Когда резервный генератор заработал, оно снова активировалось.

— Оно все равно его не задержит, — вздохнул Глинн. — Теперь слушайте внимательно: он знает все. Он был здесь, он наблюдал и видел, кто здесь главный. За мной — он явится в первую очередь.

— Ясно, сэр, — отозвался командир.

— Итак, я — приманка, которую вы можете использовать. Вам понятно? Вы разместите своих людей и подождете, пока Циклоп явится за мной. Вы должны действовать тонко. Это не животное — он умен почти так же, как человек, он способен мыслить.

Командир команды кивнул.

— Рассредоточиться.

Солдаты покинули палатку, оставив Глинна наедине с его помощником, и директор сразу же обратился к нему.

— Принеси мне мой «Глок», — попросил он.

— Да, сэр, — отозвался помощник. Он взял оружие, проверил, заряжено ли оно, удостоверился в исправности и передал его своему боссу. Глинн взял пистолет своей жилистой рукой и положил его на колени. «Глок-19» был достаточно легким, чтобы Глинн смог стрелять даже своей травмированной рукой, вдобавок у него была минимальная отдача. Но Глинн не обманывал себя и не тешил себя надеждой, что в случае нападения, этот пистолет сумеет принести много пользы.

— Откройте полог, — кивнул он. — Я должен видеть, что происходит. И он — тоже.

Помощник подчинился.

Солдаты исчезли. Глинн не видел, где именно они скрывались в ожидании прихода этого существа. Что ж, это хорошо. Еще одна группа солдат тушила последний пожар, а запасной генератор гудел. Всюду витал запах дизеля, жженого пластика и металла. Два расчлененных тела все еще лежали посреди лагеря, и о них еще предстояло позаботиться. Но позже. Кондиционер в палатке в меру своих сил разгонял смрад и освежал воздух, но Глинну не нравился его шум. Он должен был слышать приближение зверя.

— Отключите кондиционер.

— Хорошо, сэр.

Выполнив указание, его помощник замер с M16 наизготовку, ожидая нападения. Отличный парень. Да и выглядит абсолютно невозмутимым. Все его люди были первоклассными бойцами, командир же был лучшим среди них. Они отлично знали, как действовать в сложившейся ситуации, и как устроить засаду. Глинн попытался заставить себя отринуть страх и не беспокоиться. Циклоп был большим и чрезвычайно сильным, но смертным, как и любое живое существо. К тому же, он уже был тяжело ранен, в этом Глинн был уверен. Возможно, он даже умирал... и эта мысль заметно успокаивала.

С удивлением Глинн осознал, что боится. Не своей смерти, нет! Скорее, неудачи, которая последует за этим нападением. Покачав головой, он заставил себя успокоиться, воспользовавшись известными ему методами, чтобы замедлять сердечный ритм и дыхание. Когда его тело подчинилось воле, он ощутил новое откровение — это было чувство, к которому он не привык. Не совсем страх. Скорее, опасение. Целая вереница опасений, основная из которых, что он не сможет завершить свою работу во льдах. *Никто* не сможет сделать это, кроме него. И это станет большой трагедией для всего мира, если Эли Глинн сегодня погибнет на этом острове и не завершит свою истинную миссию.

В любую минуту оно... то есть, *он* явится в лагерь.

Стоило Глинну подумать об этом, как он услышал Циклопа, словно тот прибыл по расписанию. До палатки донесся жестокий, безумный рев, от которого, казалось, задрожал сам тент.

Затем опустилась тишина.

Не последовало ни единого выстрела, и это устраивало Глинна, потому что это значило, что его люди все еще владели собой. К тому же не было никакого смысла в стрельбе, пока монстра укрывали такие густые заросли джунглей.

Пространство прорвал еще один протяжный, рокочущий влажный рев — на этот раз с другого направления. *Влажный*. Значит ли это, что пуля пробила ему легкое? Чем-то это напоминало рычание львов в африканской ночи...

Глинн задавался вопросом, какова роль Амико во всем этом, если она вообще еще жива. Неужели она... *наставляла* его? Эта мысль казалась абсурдной, и Глинн немедленно отринул ее. Амико не была убийцей и контроль над Циклопом она явно утратила.

Рев продолжался еще десять минут, и, казалось, зверь обходит лагерь по кругу. Исследует, изучает. Глинну пришлось восхититься терпением монстра и его умением психологически давить на своих жертв. Стоило признать — это было достойно восхищения. Директору ЭИР пришло в голову, что такое кружение вдоль периметра лагеря было для Циклопа некоей формой разведки, во время которой он ориентировался на свое острое зрение и обоняние. Глинн задавался вопросом, не почувствует ли он таким образом, куда командир боевой группы направил своих людей. Может ли случиться так, что Циклоп раскроет их ловушку?

Помощник стоял напротив открытого входа в палатку, его яркие голубые глаза сканировали пространство. Глинн присмотрелся к нему и заметил, что, несмотря на всю его невозмутимость, этот парень сильно вспотел и, похоже, тоже боялся.

Рев прекратился, и Глинн осознал, что тишина вселяет в него еще больше тревоги. Это заставило его уважение к Циклопу возрасти.

В попытках отвлечься он снова обратился мыслями к Амико, а затем и к Гидеону. Его не оставлял вопрос, чем Гидеон был сейчас занят... если, конечно, предположить, что существо не убило его. Доктор Кру был одним из самых компетентных сотрудников, с которыми Глинн когда-либо сталкивался. При этом он был полной противоположностью самого директора — импульсивный, поддающийся эмоциям, непредсказуемый, целиком и полностью полагающийся на интуицию. Глинн и сам никогда не пренебрегал интуицией — это был мощный инструмент, хотя и опасный... как раз положившись на нее, директор и совершил роковую ошибку, посчитав, что сможет подчинить и приручить Циклопа, сделать его своего рода *одомашненным*. Он очень надеялся, что Гидеон не пойдет по его стопам, и не повторит его ошибку.

Тишина все длилась и длилась. Напряжение росло.

Все началось с резкого взрыва растительности на границе лагеря и джунглей — прямо напротив открытого входа палатки. Существо вырвалось из своего укрытия в вихре листьев и кусочков обломанных ветвей, ударило по ограждению, вызвав громкий треск электричества, и разорвало провода, которые полетели во все стороны, как растерзанные струны пианино. Сигнал тревоги смолк, едва зазвучав.

С ужасом Глинн заметил, что в одной волосатой лапе Циклоп держит водонепроницаемый мешок. Он принадлежал Гидеону? Глинн осознал, что не хочет даже думать о том, *как* существо завладело этим предметом.

Когда из соседних палаток шквалом посыпались выстрелы, существо не испугалось. Оно резко ушло в сторону, и пули угодили в землю в том месте, где монстр только что стоял. Теперь он двигался зигзагами быстрее любого профессионального бегуна. Перемещения его были хаотичными и беспорядочными, а линии огня пытались безуспешно за ним поспеть.

И тогда Глинн понял, что движения его были совершенно не случайными! Пока он мчался мимо запасных топливных баков, несколько пуль неминуемо угодили в них. Топливо из пробитых резервуаров разлилось повсюду и — Глинн с трудом верил своим глазам — Циклоп на ходу потянулся к водонепроницаемому мешку, извлек оттуда *зажигалку*, щелкнул ею... и весь склад резервного топлива вспыхнул огнем, превратившись в стену пламени.

Устроив этот поджог, Циклоп направился прямо к Глинну. Из его сумки посыпались другие предметы, падая прямо в грязь. Монстр издавал грудной рев, его огромный свисающий серый язык и желтоватый, налитый кровью глаз выглядели невероятно устрашающе.

Помощник выпустил очередь патронов, но его реакция оказалась недостаточно быстрой. Существо ворвалось в палатку, в то время как вокруг нее повсюду бушевало пламя.

Глинн поднял свой «Глок» и, когда Циклоп устремился к нему, он в него выстрелил. Тяжелое инвалидное кресло приняло на себя *большую* часть удара массивной руки существа, но оно действовало настолько молниеносно, что Глинн не успел даже вскрикнуть от неожиданности. В следующий миг директор понял, что валяется на земле, его инвалидное кресло превратилось в обломки, и со всех сторон его окружают кровь, дым и огонь.

Глубоко в некрополе Гидеон ничего не слышал из того, что происходило на поверхности. Его глаза медленно привыкали к темноте и лишь теперь начинали хоть что-то видеть. Он выбрал себе отличное укрытие, обеспечивавшее хороший угол обзора ниши с костями Полифема на противоположной стене. Движение воздуха шло из отверстия внутрь пещеры, поэтому Гидеон надеялся, что Циклоп его не учует.

Лежа на прохладном камне, он прокручивал в голове различные сценарии. Невозможно было предсказать, что случится, когда Циклоп явится сюда. А еще больше вопросов вызывала Амико. Так что, нужно держать ухо востро. Во всех смыслах.

Гидеон затаился и прислушался. Вдруг ему показалось, что по пещере разнесся едва различимый звук. Что это? Стрельба? Какие-то отдаленные взрывы? Раньше, чем Гидеон смог идентифицировать звук, наступила тишина. У него не было выбора, кроме как продолжать ждать. Шли минуты.

И, наконец, он кое-что услышал. Сначала он не был уверен, что верно определил источник звука — он даже не был уверен, не почудилось ли ему. Возможно, это было лишь игрой его воображения. Однако вскоре звук снова повторился: тихий, еле уловимый и уже ближе...

Дыхание? Мягкая поступь по песку?

Он явился.

Звуки стали более отчетливыми, когда существо приблизилось. Его все еще не было видно, оно оставалось в огромной пещере за пределами этой части некрополя, но звук его резкого, свистящего дыхания, пронизывающий неподвижный воздух, доносился до Гидеона наряду с мерзким смрадом дизельного топлива, свежей крови и сожженных волос. Циклоп был ранен и держался из последних сил. Гидеон услышал какой-то хруст и чавканье, а затем почувствовал слабый запах лотоса. Следом зазвучал тихий, мягкий голос.

Амико.

Она была с ним. Она помогала Циклопу и заботилась о нем. Гидеон прислушался к беседе в пещере, Амико говорила успокаивающе и нежно.

Гидеон принял решение импульсивно, повинувшись своей интуиции.

— Амико? — позвал он.

Тут же последовало недовольное ворчание зверя, сопровождавшееся кашлем. Мягкий голос Амико успокоил существо, она говорила с ним по-гречески.

— Гидеон, — отозвалась она резко и тихо, — что ты здесь делаешь?

— Я пришел помочь спасти Циклопа. И найти тебя.

Тишина. Затем:

— Уже слишком поздно.

— Никогда не поздно. Пожалуйста, поговори с ним. Глинн знает, что облажался. Мы можем все решить так, чтобы Циклоп остался на острове.

— Ты не понимаешь. Циклоп убьет тебя. Он убивает всех, и я не могу его контролировать. Убирайся отсюда! Быстро.

— Тебе нужно заставить его понять. Заставить послушаться тебя. Я хочу, чтобы ты помогла мне до него достучаться.

— Уже *слишком поздно*, пойми ты, наконец!

— Я вооружен. Так что если он войдет сюда, я убью его. Скажи ему, что...

Его голос был прерван ревом, и в нем было столько ярости и ненависти, что кровь Гидеона буквально застыла в жилах.

— *Просто убирайся отсюда немедленно!*

Циклоп издал еще один яростный крик. Голос Амико зазвучал снова — на этот раз он был преисполнен тревоги.

— Гидеон! Он идет за тобой!..

У проема возник блик света, и появился Циклоп. Гидеон прицелился, но, несмотря на предупреждения, которыми он бросался минутой назад, он так и не решился выстрелить. Сомнение отняло у него всего долю секунды, но ее было достаточно для того, чтобы упустить возможность. Существо двигалось так быстро, что когда Гидеон сумел прицелиться, оно уже переместилось, начав карабкаться своими мохнатыми руками по стене прямо к нише, где скрывался Гидеон. Гневно зарывчав, Циклоп нырнул внутрь и обрушился на своего врага, после чего они вместе провалились в туннель, уходящий вниз. В следующий миг они уже свободно падали в вертикальной шахте. Циклоп яростно ревел и хватался руками за воздух.

Я умру здесь, — подумал Гидеон. Эта мысль звучала в его голове с поразительной ясностью. — *Я здесь умру.*

Они приземлились в почти ледяную воду, и как только темная водная гладь сомкнулась над ним, Гидеон моментально продрог до костей. Он почувствовал, что винтовка тянет его ко дну, и отпустил ее, позволяя течению подхватить себя. Рядом он слышал задыхающийся рев и догадался, что это Циклоп в страхе сражается с водой.

Он не умеет плавать, — понял Гидеон.

Похоже, они угодили в подземную реку. Вода понеслась быстрее, и Гидеон услышал впереди вполне характерный звук, который очень его встревожил: звук водопада.

Лишенный возможности что-либо видеть, Гидеон инстинктивно отдался на волю течения, стараясь не бороться и сохранять силы, и мгновение спустя ударился о вулканический лавовый выступ, однако мокрая застывшая лава выскользнула из-под его пальцев, и течение снова увлекло его вперед, наращивая скорость. Гидеон в отчаянии зашевелил руками и ногами в поисках другой опоры, и нашел выступ. Зацепившись за него обеими руками, он изо всех сил подтянулся и вытащил себя на небольшой скалистый участок. Мышцы рук свело судорогой, но он нашел две приличные опоры в лавовом камне, которые позволили ему вытащить из кармана налобный фонарь и надеть его.

Сукин сын!

Циклоп карабкался по стене в двадцати футах от Гидеона. Он выглядел изможденным, одна его нога неестественно болталась, кожа была испещрена порезами и множественными пулевыми ранениями. Однако существо не теряло своей целеустремленности и шло к своей жертве, а его желтый глаз мерцал в темноте. Даже в таком плачевном состоянии Циклоп был потрясающе проворным: в считанные секунды он сумел подобраться достаточно близко, чтобы замахнуть и попытаться достать до шеи Гидеона своей огромной рукой с острыми, как кинжалы, коричневыми когтями.

На спасение был лишь один шанс: Гидеон соскользнул обратно в воду и позволил течению вновь унести себя прочь, тут же услышав яростный рев монстра.

Он переплыл на другую сторону реки и постарался схватиться за стену, но все

ускоряющийся поток проносил Гидеона мимо нее. Рев сопровождал его и, казалось, раздавался прямо над головой. Цепляясь за все, что попало, разрывая руки о шершавую лаву, Гидеон сумел уцепиться и вытащить себя. Оказавшись на скале, он снова повел фонарем вокруг, но Циклопа нигде не было видно. Похоже, он не последовал за своей добычей в воду.

Судорожно хватая ртом воздух, Гидеон огляделся. Подземная река текла по каменному туннелю, устремляясь к темной дыре — это был водопад, окаймленный стенами заостренной застывшей лавы. Свет фонаря помог найти нечто, похожее на расселину прямо над Гидеоном: большая трещина, протянулась вверх и была пронизана дырами, одна из которых могла привести его к выходу.

Гидеон знал, что ему необходимо как можно быстрее выбираться отсюда. Несомненно, Циклоп хорошо знал эти пещеры и — даже раненый — обладал здесь преимуществом: он был ловким, хорошо видел в темноте и был настроен убивать. Гидеон же теперь оказался безоружен — у него при себе не имелось даже ножа...

Он начал взбираться к трещине. Ему удалось добраться до нее, находя подобие опор для рук и ног, подтянуться и даже вползти в лавовую трубку, имеющую ответвляющиеся боковые тоннели. Едва не потеряв рассудок от усталости, Гидеон рухнул на нанесенный песок, тяжело дыша. Все его тело ныло от боли и ран.

А где-то в этих пещерах находился кровожадный Циклоп все еще намеревающийся его убить. Гидеон выключил фонарь и прислушался. Из-за грохота водопада невозможно было различить тяжелое дыхание или шорохи перемещения монстра. Но он был там — где-то в пещерах... жаждущий смерти своего врага.

Эли Глинн лежал на песке, пока двое медиков вытаскивали его из-под обломков инвалидного кресла. Невзирая на все протесты директора, они все же взрезали его рубашку и приступили к осмотру. Он отдавал себе отчет, что ранен, но практически не ощущал боли — ему казалось, что все это случилось не с ним, а с кем-то другим. Глинн изо всех сил пытался проанализировать свое состояние. Что же с ним сотворил монстр? Точно сломал плечо и искалечил и без того травмированную руку. У него было небольшое кровотечение. Возможно легкое сотрясение мозга. Ожоги, которые уже начинали болеть, очень скоро дадут знать о себе гораздо сильнее.

Он слышал рев огня, видел свет беснующегося пламени сквозь разрушенную и изодранную ткань палатки. Эта неудача была намного хуже предыдущей. Этот огонь уже нельзя было взять под контроль. В джунглях трещали ветки, падали обгоревшие лозы, а верхушки деревьев вспыхивали факелами, когда восходящий ветер разносил по зарослям жадное пламя.

Болезненно поморщившись, Глинн повернул голову в сторону. Его помощник лежал на земле, разорванный на три части, сейчас едва соединенные между собой толстыми жилами. Удивленные глаза мужчины смотрели в пустое пространство. Он и инвалидное кресло Глинна приняли на себя весь удар, а сам директор чудом остался жив.

Медики закончили осматривать его и закрепили шейный лангет. Затем его осторожно подняли и положили на носилки.

— Мы доставим вас в вертолет, сэр, — сказал главный медик.

— Не раньше, чем других.

— Боюсь, что очередность определяю я, — отозвался медик, собираясь исполнить сказанное.

— Я сказал *нет!* Я стабилен. Положите меня на землю и займитесь другими. Я отправлюсь с последней группой.

Последовала легкая заминка, но затем медик согласно кивнул.

— Хорошо, мистер Глинн, будь по-вашему, — и он исчез из виду.

Глинн приподнял голову с носилок, огляделся и заметил солдата. Он подозвал его к себе.

— Теперь ты мой помощник. Будешь подчиняться моим приказам.

— Как скажете, сэр.

Глинн изо всех сил попытался приподняться и, ухватив склонившегося мужчину за воротник, притянул к себе.

— Я хочу, чтобы всех немедленно эвакуировали с острова. Сначала раненых, затем всех остальных. У нас два вертолета, так что потребуется четыре захода. Госпиталь миссии находится в Пуэрто-Кабезас, на юге материка. Нужно доставить всех туда. Там есть вертолетная площадка. Организуй все. Быстро!

— Да, сэр.

— Второй приказ: не пытайтесь потушить пожар. Слишком поздно. Остальные солдаты — все, кто еще жив и до сих пор дееспособен — должны поддерживать периметр, защищать лагерь от существа, пока эвакуация не будет завершена. Это понятно?

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Теперь иди.

— Есть, сэр.

Глинн отпустил его воротник. Солдат встрепенулся и сразу исчез.

Глинн устало откинулся на носилках. Лежа на земле, он заврожено глядел на пожар. По словам Гидеона, Гарза заполучил один корень лотоса. Только один. Возможно, на него можно возлагать лишь призрачные надежды, но все же это лучше, чем ничего. Глинн молился лишь о том, чтобы материала оказалось достаточно.

Гидеон заставил себя сесть, его голова кружилась. Он должен был убраться отсюда, прежде чем Циклоп найдет его. Диалога у них не получится: зверь не станет его даже слушать. Все, что ждет Гидеона — это безжалостная расправа. К слову сказать, Глинн был прав, а он был дураком, думая иначе.

Гидеон замер, прислушиваясь. За исключением негромкого гула водопада, стояла полная тишина. Раненый и изможденный, Гидеон затаился во мраке, пытаясь отдышаться. И тут из темноты туннеля пришло протяжное рычание: рев ненависти, ярости и боли. Он становился все громче, пока не перешел в жалобный вой.

Шатаясь и с трудом передвигая ноги, охваченный паникой, Гидеон на миг включил фонарь. Не увидев ничего определенного, он побежал по коридору лавовой полости с множеством ответвлений. Наобум он повернул раз, затем еще раз, передвигая ногами так быстро, как только мог, периодически используя фонарь — включая его лишь на миг, достаточный для того, чтобы сориентироваться и не врезаться в стены. Он потерял всякое чувство направления, и понятия не имел, где находится. Его единственным устремлением было во что бы то ни стало, как можно дальше уйти от зверя.

Тишина — а затем еще одно низкое рычание. Похоже, Циклоп был прямо впереди него. Мог ли зверь действительно перемещаться настолько быстро? Или Гидеон, охваченный паникой и смятением, вернулся обратно по своим же следам? Резко остановившись, почти рухнув на песок, он развернулся и побежал назад, туда, откуда пришел. Там он повернул в новый туннель, где пришлось карабкаться по насыпи камней, заваливших пещеру. Переводя дух, он остановился и прислушался. Где, черт возьми, мог быть Циклоп?

Гидеон едва слышал его перемещения: огромные мохнатые ноги ступали по песку абсолютно бесшумно. Гидеону опять показалось, что монстр находится впереди него. Он чувствовал его, чувствовал электрические импульсы ненависти, исходящие от существа, его отчаянную потребность убивать. А потом — внезапно — ощутил запах.

Моргнув фонарем, Гидеон увидел отверстие в потолке лавовой пещеры и, не мешкая ни секунды, подпрыгнул к нему, подтянулся и стал карабкаться. Рука нащупала горизонтальный проход, отходящий от полости, и он забрался в него и остановился, производя разведку. Туннель оказался маленьким — возможно, слишком маленьким для Циклопа.

Гидеон прополз по нему сотню ярдов, то и дело роняя колени и руки о камни, торчащие из песчаного пола. Наконец, впереди он разглядел тусклый свет, слабый отблеск чего-то белого. Приблизившись, он понял, что это свечение Хрустальной пещеры. Похоже, ему повезло, и он смог найти выход.

Внезапно на фоне света появился темный силуэт существа, блокирующий ему путь. Гидеон с вскриком отступил. Циклоп играл с ним, забавлялся, как кошка с мышкой, мучил его. Вернувшись достаточно далеко, Гидеон заметил вертикально уходящий вниз лаз с одной стороны узкого туннеля. Осветив его, он увидел, что через несколько футов тот выравнивается и расширяется. Гидеону с трудом удалось протиснуться в эту щель и оказаться в темной пещере, видимо являвшейся какой-то тыльной частью некрополя. Всюду валялись древние кости, рассыпавшиеся в прах от прикосновений, наряду с грубыми каменными орудиями, отполированными кусками обсидиана и другими артефактами. Но

Гидеон был слишком охвачен паникой, чтобы уделить им много внимания. Он бросился бежать, раз за разом наугад выбирая ответвления, луч его фонаря, хаотично перемещался по стенам.

Наконец, в некоторой мере овладев собой, он заставил себя остановиться и прислушаться.

Соберись, — приказал он себе. Хотел он того или нет, но ему надлежало думать о том, куда он идет, а не просто слепо поддаваться панике. Если бы только ему удалось выбраться на поверхность, то у него появился бы шанс укрыться в лагере Глинна.

Пока Гидеон стоял, вслушиваясь в темноту, до него донесся новый звук: тихий призыв. Это была Амико, зовущая Циклопа. Ищущая его. Просящая... нет, умоляющая его вернуться.

Он снова начал двигаться и на это раз, на развилке, Гидеон выбрал коридор, уходящий в направлении, откуда, как ему казалось, и доносился голос девушки. Пока Гидеон бежал, ведомый голосом Амико, он слышал хрипловатые стоны боли существа, преследующего его. Где же оно было? Запутанный лабиринт проходов с разносящимися по нему отзвуками и вторящим эхом затруднял установление местоположения зверя. Загнанный беглец остановился не в состоянии решить, стоит ли продвигаться вперед или все же лучше отступить, одновременно сражаясь с паникой, которая пыталась поглотить его.

Прошла минута, потом другая. Голос Амико затих. Гидеон едва ли осмеливался дышать. И тут он услышал звуки — то самое рокочущее дыхание, то самое рычание ненависти и ту же медленную поступь перемещения. И на этот раз путаницы быть не могло: они доносились из неизведанной темноты у него *за спиной*. Он развернулся как раз в тот момент, когда существо выскользнуло из-за темного поворота и попало в луч его фонаря, уставившись на свою добычу налитым кровью глазом.

Задыхаясь от страха, Гидеон развернулся и рванул прочь, нырнув в первое попавшееся отверстие лавовой трубы. Там он мгновенно потерял равновесие, неконтролируемо заскользив по склону, засыпанному песком и, в конце концов, рухнул на пол необъятного помещения — Хрустальной пещеры. Не теряя ни мгновения, он вскочил и побежал к выходу, Циклоп хрипел и следовал за ним, как кровожадный сталкер. Задыхаясь, Гидеон добрался до внешней пещеры, проскочил вход и через расселину в скале вырвался в ослепительный солнечный свет.

Сила импульса почти сбросила его с утеса, но в последний миг он инстинктивно отшатнулся от края прежде, чем успел сорваться, только камни посыпались в пропасть. Гидеон со всех ног стал карабкаться по тропе вверх, с Циклопом, следующим за ним по пятам. На самом гребне скалы, когда Гидеону на миг показалось, что он сможет уйти, рука существа взметнулась и схватила свою добычу за голень. С яростным ревом триумфа зверь сдернул Гидеона с каменного уступа, за который тот цеплялся, и поднял его над краем синей бездны, намереваясь сбросить вниз. Гидеон громко вскрикнул, повиснув вверх ногами в мускулистой руке зверя, глядя на плещущий в тысяче футов под ним голубой океан.

— Нет! — раздался крик Амико, когда она внезапно появилась у вершины тропы. — Остановись!

Циклоп замешкался, удерживая Гидеона над пропастью. Затем, медленно, он взглянул на Амико... и перевел взгляд ей за спину. Его глаз расширились от явного ужаса от того, что он там увидел. Несмотря на свое отчаянное положение, Гидеон проследил за взглядом существа и тоже увидел это.

Остров был объят пожаром. Огромная стена огня переходила в ревуший спиралевидный

торнадо пламени: листья, лианы, сломанные горящие ветки взлетали по восходящему потоку жара, засасывающему, казалось, сам воздух. Пока Гидеон наблюдал весь этот ужас, на целое мгновение он забыл о своем собственном затруднительном положении. На фоне желто-красного зарева ввысь взмыл вертолет, взяв курс на материк. Огонь поглощал все и всех, с жадностью захватывая новые площади и подпитываясь ветром, дующим с их оконечности острова. Пока Циклоп стоял парализованный видом, животные, в панике спасаясь от огня, срывались со скалы. Дикие свиньи, большие кошки и существа, которых Гидеон никогда прежде не видел, выскакивали из джунглей и с воплями ужаса прыгали в бездну, недолго кувыркаясь в полете, прежде чем рухнуть в море.

Остров был потерян. Его уже было не спасти.

Продолжая смотреть на пожар, Циклоп поднял голову и издал рев бессильной ярости. Ему было невыносимо видеть уничтожение мира, который был ему домом всю его жизнь, и с которым у него было связано великое множество воспоминаний. Но его крик вобрал в себя не только ужас от происходящего, но и все столетия одиночества и боли, проведенные им здесь.

Казалось, зверь забыл о Гидеоне, все еще болтавшемся в его массивной руке.

— Нет, — просила Амико, медленно приближаясь к нему и излучая странную ауру спокойствия. — Пожалуйста, нет.

Гидеон извивался в воздухе, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, объятый ужасом от созерцания головокружительной высоты.

Амико застыла на месте, и Циклоп посмотрел поочередно на нее, на весь пылающий ад, на Гидеона, и затем снова на нее. Гидеон перестал вырываться. Казалось, что между Амико и существом происходило какое-то негласное общение — взаимопонимание, которое лежало за пределами любого языка. И затем, плавно, Циклоп перенес Гидеона через край и отпустил его на землю.

Мужчина рухнул на скалу, тяжело дыша.

Амико подошла к Циклопу. Они повернулись спиной к Гидеону, к острову и стали смотреть на бескрайний синий горизонт.

Циклоп сделал шаг к обрыву. Он умирал: от множества ожогов, ран... его нога явно была сильно травмирована, а по спине и бокам потоками лилась кровь. За его спиной потрескивал и ревел пожар. Все больше животных пробегало мимо них и падало в море, а их крики агонии уносил прочь ветер.

Настал короткий момент стазиса. И затем, движением, которое нельзя было назвать иначе как изящным, Циклоп присоединился к ним, шагнув со скалы. Гидеон бросился к краю и взгляделся в бездну. Потребовалось довольно много времени, чтобы он упал. В конце его тело с всплеском вошло в воду и... синее море разгладилось, поглотив его без следа.

Гидеон отступил от обрыва и оглядел стену джунглей, возвышавшуюся сразу за небольшой поляной. Теперь он в полной мере смог оценить, с какой безумной яростью распространялся огонь. Засасывающий восходящий поток усилился, дым и горящие обломки вихрились в небе, преобразовываясь в огненный торнадо. Тапир проскользнул мимо него, передвигаясь зигзагами и, издав высокий крик ужаса, исчез за краем.

Циклоп понял, что пришел конец его мира. Мечь, ярость, борьба — все было бесполезно. Он ничего не мог поделать. И каким-то образом — может быть, с помощью Амико — зверь заглянул внутрь себя и нашел зерно человеческого милосердия, которое и помогло ему пощадить жизнь своей последней жертвы.

Гидеон повернулся. Теперь Амико, следуя по стопам Циклопа, тоже приближалась к краю скалы. Пока он наблюдал, она сделала медленный, целенаправленный шаг, а затем еще один.

— Подожди, — позвал Гидеон, и страшное осознание снизошло на него. — Не делай этого. Нет, не надо.

Она с грустью взглянула на него.

— В этом мире нет места для него. Нет его и для меня.

— Ради Бога, *Амико!*..

Она подошла к краю пропасти, собираясь шагнуть.

— Амико! — воскликнул Гидеон в отчаянии. Он протянул руку, намереваясь остановить ее, но почти сразу опустил, почувствовав, что любой физический контакт спровоцирует ее на прыжок. Глубоко вздохнув, он заставил себя думать. Она стояла у обрыва, пальчики ее ног заступили за край скалы. Девушка неотрывно смотрела на увенчанные пеной прибрежные скалы, которые уже заполучили Циклопа.

— Ты помнишь ту книгу стихов, о которой я тебе рассказывал? В моей голове появилась строчка из стихотворения Делмора Шварца^[69].

Девушка молчала, и, казалось, вся обратилась в слух.

— Он написал: «Время — это огонь, в котором мы горим». Эта строчка всегда преследовала меня — тем более сейчас, когда у меня осталось так мало времени.

Она не повернулась и никоим образом не дала понять, что услышала его. Но она и не прыгнула.

— У меня осталось десять месяцев. У тебя же впереди вся жизнь. И ты собираешься выбросить все это великолепное, прекрасное время... время, которое я хотел бы иметь, но не могу. Во имя чего? Потому что ты утверждаешь, что для тебя здесь нет места? Неужели ты боишься?

Казалось, она немного дрогнула, балансируя на самом краю.

— Нет, ты *не боишься*. Ты самый смелый человек, которого я когда-либо встречал. То, как ты справилась с теми пиратами с помощью гарпуна. То, как ты спасла меня от жертвоприношения у Пожирателей Лотоса и приняла удар копья на себя, испытывая сильную боль. То, как ты взбиралась по скале, охваченная яростной лихорадкой, — он вздохнул. — Иногда требуется мужество — может быть даже все мужество, которое у тебя есть — чтобы просто жить. Каждое утро я просыпаюсь, и первое, о чем я думаю: *О, дерьмо, я умираю*. И это заставляет меня подсчитать оставшееся время. Мое нынешнее положение — может быть, самое худшее, в каком я когда-либо бывал, но и в нем можно найти нечто хорошее: я понял ценность времени. А ты — вот так вот запросто! — собираешься выбросить всю свою жизнь. Не делай этого. Послушай человека, осознавшего ценность времени.

Девушка оставалась неподвижной, ее тело подрагивало от напряжения, слегка покачиваясь на самом краю утеса.

— У тебя есть мужество, чтобы встретиться со смертью. Но есть ли у тебя мужество посмотреть в лицо жизни? Сделай самую отважную вещь. Отступи от края. Повернись. И пойдем со мной. Пожалуйста.

Пару секунд Амико осталась неподвижной. А потом — медленно — она обернулась и неуверенно сделала к нему шаг, затем другой. Гидеон быстро схватил ее за руку, притянул к себе и крепко обнял, словно не позволяя ей передумать.

Прижав ее к себе, он повернулся, оглядываясь на пожар. Остров был целиком охвачен огненной бурей, сметающей все на своем пути. Огонь перескакивал от дерева к дереву, пепел и горящие обломки, падали вокруг них, как снег, и тем самым повсюду создавали новые очаги возгорания. Через несколько минут пламя захватит и эту высоту. Где они могли укрыться? Спуститься по скалам в некрополь? Но огонь отрезал им этот путь к бегству и теперь приближался с трех сторон, загоняя их в ловушку на скале. Минуты, которые он потратил, убеждая Амико не прыгать в пропасть, были решающими и драгоценными. Жар стал почти невыносимым, и напарники едва могли дышать...

... И затем сквозь рев огня они услышали стрекот. Появилась тень вертолета, летящая низко и медленно. Машина зависла над ними и выбросила веревочную лестницу. Гидеон схватил ее и подтолкнул Амико лезть первой, в то время как пламя сжималось вокруг них кольцом. Как раз перед тем, как спасатели затащили его вслед за девушкой, Гидеон бросил последний взгляд на остров — как такового зеленого рая больше не существовало, он превратился во вращающуюся башню пламени.

Гидеон знал, что вертолет, который доставил его в его уединенную хижину в горах Хемес в Нью-Мексико, в конце концов, вернется. И почти месяц спустя, это произошло. Как раз в тот момент, когда он закончил готовить свой единственный обед за день — жареную грудку дикого гуся в имбирном соусе с черными трюфелями, он услышал стрекот винтов.

Погасив плиту, он подошел к двери хижины, приоткрыв ее. Обогнув кроны деревьев, вертолет опустился на прилегающий зеленый луг, волнуя и пригибая высокую траву. Дверь открылась, и специальный подъемник спустил Глинна в его инвалидной коляске на землю. Следом за ним появился Гарза, и они оба пересекли луг, направляясь к двери хижины.

Гидеон гостеприимно распахнул дверь шире и отступил в сторону, пропуская гостей. При встрече слова оказались излишними, никто не произнес ни слова. Зайдя внутрь, Гарза расположился в кожаном кресле, а Глинн остановился рядом с ним. Гидеон же сел за стол. Он был удивлен, увидев Гарзу вместе с Глинном, но никак это не прокомментировал.

Наконец, Глинн спросил:

— Как прошел твой последний визит к врачу?

Гидеон взглянул на свои руки и покачал головой.

— Ничего?

— Они не понимают, почему я продолжаю возвращаться и прошу снова и снова сделать МРТ. Они думают, что я немного тронулся умом, — он невесело усмехнулся. — Лотос срабатывает на сломанных костях и ампутированных конечностях. Но, видимо, не на том, что засело во мне. То, что у меня есть... оно врожденное — как таковое, его не надо восстанавливать или лечить. Это же не травма, я просто с этим родился.

— Имей терпение и веру.

Гидеон решил сменить тему разговора:

— А ты? Я видел, как ты жевал этот лотос в вертолете, когда мы эвакуировались с острова. Где ты его нашел?

— Когда Циклоп атаковал лагерь во второй раз, у него с собой была водонепроницаемая сумка. Несколько корней выпало из нее во время нападения. Я довольно эгоистично присвоил один из них.

— Как я посмотрю, пользы от этого мало.

Повисла пауза. Глинн и Гарза переглянулись. А потом — медленно, создавалось впечатление, что даже через боль — Глинн *встал* с инвалидного кресла, сделал пару шагов и, схватившись за стол для поддержки, без посторонней помощи добрался до пустующего кресла и опустился в него, слегка поморщившись.

— Боже мой! — выдохнул Гидеон.

— Да. Я чувствую, как с каждым днем крепну и выздоравливаю. И это стало результатом моей грубой и эгоистичной попытки самолечения. Сейчас над лекарством работают одни из лучших умов мира. Они смогли размножить лотос и расшифровать последовательность его ДНК, и теперь это всего лишь вопрос времени, когда они выделят и синтезируют содержащиеся в нем активные вещества. Это уникальный организм, эукариот, очень древний. Очевидно разновидность миксогастрид или слизевиков, которые часть своего жизненного цикла проводят в виде единственной клетки, а другую — в виде

сложного многоклеточного организма. Ученые уверены, что в конечном итоге они решат эту задачу.

— Я рад за тебя, — ответил Гидеон ровным тоном.

Молчание.

— Гидеон, я должен перед тобой извиниться.

Гидеон молчал.

— Я несу ответственность за эту катастрофу. И прошу у тебя прощения за то, что... невозможно простить.

— Невозможно простить, — повторил Гидеон.

— Да. Всю вину я беру на себя...

Внезапно, ярость, разочарование, все чувства, которые он сдерживал на протяжении последних нескольких недель, пытаясь оставить их в прошлом, вырвались на свободу.

— Ты, эгоистичный ублюдок! — бросил он с клокочущей горячностью, вскочив с кресла и нависнув над Глинном, бессознательно сжимая кулаки. Гарза шагнул между ними, но Глинн жестом велел ему оставаться на месте.

— После того, как ты облажался с тем метеоритом, потопил корабль и убил более ста ни в чем не повинных людей — ты смеешь говорить такое?! Нормальный человек мог бы сделать из этого выводы. Пересмотреть свои приоритеты. Возможно, даже обрести немного смирения и сдержатъ свои амбиции. *Но не ты.* Ты слишком эгоистичен и всегда и всюду уверен в своей правоте. Ты не видишь своих собственных недостатков и не хочешь понимать основополагающей непредсказуемости событий! О, ты — чемпион, когда речь заходит о разработке плана действий. Но твою систему планирования вряд ли можно назвать непогрешимой. Ты слишком высокомерный, чтобы признавать свои неудачи. На этот раз, вместо того, чтобы потопить корабль, ты уничтожил остров! Ты убил существо, последнее в своем роде, и спровоцировал исчезновение целой расы! Ты стал причиной гибели еще нескольких человек. И вот ты здесь: снова, — он набрал полную грудь воздуха и выдохнул: — *Да пошел ты!*

Гидеон застыл на месте, тяжело дыша и глядя на Глинна. Лицо мужчины оставалось, как обычно, нечитаемым. Пустым. Но потом он медленно побледнел, его лицевые мускулы дрогнули.

— Еще одним прекрасным доказательством всего этого, — сказал Гидеон, почти спокойным голосом, — служит то, что случилось с Амико. Последнее, что я о ней слышал, это то, что она отправилась в Патагонию. После этого она пропала без вести.

— Мы пытаемся ее найти, — тихо отозвался Глинн. — И хотим ей помочь.

— Помочь ей? Ты же сам, своими руками, сделал это с ней, — горько сказал Гидеон. — Ты знал обо всей той внутренней неразберихе, что с ней творилась, когда нанимал ее, и, вместо того, чтобы помочь, использовал это знание против нее! Когда ты убил Циклопа, ты убил часть ее. Она *полюбила* это существо! Но человеческие жертвы не имеют для тебя никакого значения, ведь так? Точно так же, как ты использовал *мое* состояние здоровья против меня же, дав мне возможность надеяться на чудо, на то, что миссия может излечить меня. Но, знаешь, что? *Эта штука все еще здесь!* — он ткнул пальцем в свою голову. — Но ты так этого и не понял! *Нет.* И никогда не поймешь.

Гидеон замолчал, тяжело дыша. Выражение лица Глинна претерпело значительные изменения — белое, покрытое бисеринками пота, искаженное болью.

— Ты ошибаешься, Гидеон, — ответил Глинн. — Я провел последний месяц, вплотную

занимаясь глубоким осмыслением своих преступлений. Я знаю, что совершил множество роковых, сотворил много ужасных вещей. Смерть Циклопа. Уничтожение острова. Потерянные жизни, разрушенные надежды. Для меня было мукой принять то, что я сделал.

Гидеон хранил молчание.

— Как-то, по иронии судьбы, мое выздоровление совпало с тем, что я начал задумываться о том, кто я есть. Только взгляни на мои собственные проступки, мои собственные слабости. Большинство основных принципов моей жизненной философии оказались ошибочными. Никакая вычислительная мощь, никакая прогностическая работа не могут убить Черного Лебедя. Всегда есть нечто, что невозможно предвидеть. Как живой Циклоп. Я был надменным дураком.

Гидеон посмотрел на него. Лидер ЭИР действительно выглядел поверженным. А Глинн меж тем продолжал:

— Гидеон, я облажался, но проект выгорел. Этот препарат изменит мир. Мы преуспели. Все, что к этому привело, оказалось грязным и жестоким. Но это сработало. И дело в том, что... ты все еще нам нужен.

Гидеон ждал. Он знал, что это произойдет.

— Время пришло. Для нашего финального проекта.

— Метеорит.

— Да. Метеорит оказался гигантским семенем. Я посадил его. И теперь я же и должен его выкорчевать. Это чужеродная форма жизни, которая угрожает Земле. Пришло время действовать.

Гидеон обратился к Гарзе.

— А ты? Что *ты* на это скажешь?

— Я в деле, — ответил Гарза своим обычным хриплым голосом. — Эли говорит правду: он стал другим человеком. В противном случае я бы не стал на это подписываться. Это семя действительно настолько опасно, как утверждает Эли. Я буду руководителем миссии. Больше никаких секретных приказов, никаких вето сверху: либо будет по-моему, либо не будет никак. Это будет командная работа.

— А что насчет финансирования? — спросил Гидеон Глинна.

— Помнишь, я говорил тебе, что ЭИР собирается потребовать небольшой процент прибыли от препарата в качестве гонорара за авторства и право пользования патентом? Мы заключили другую сделку с Фармацевтическим Фондом. Вместо ранее оговоренного процента мы согласились на единовременную выплату: всего один процент от той суммы, которую Фонд планирует получить за первый год продаж препарата. Финансирование производится щедрым благодетелем, который пожелал остаться анонимным.

— И сколько это?

— Немногим больше миллиарда долларов.

Гидеон покачал головой.

— У нас есть деньги, — подтвердил Гарза. — У нас есть знания и технологии. Мы единственные, у кого есть шанс уничтожить эту штуковину. И при этом мы будем действовать, как равноправные партнеры — включая тебя.

— Почему я?

— Ты знаешь, почему, — ответил Глинн. — Ты — Инь к моему Ян. Ты не знаешь, почему ты делаешь то, что делаешь. Ты действуешь на уровне инстинктов, у тебя нет дисциплины, ты ничего не продумываешь и почти игнорируешь логику. И все же, каким-то

непостижимым образом, ты всегда делаешь правильный выбор. Ты — интуитивный гений. И по темпераменту, и по интеллекту ты — моя полная противоположность, и именно поэтому мы нуждаемся в тебе. Иначе мы потерпим неудачу. У нас мало времени. Нам нужно спешить. Я хочу, чтобы ты отправилась с нами прямо сейчас.

Последовало очень долгое молчание. Оно растянулось на минуту, затем на вторую. Наконец Гидеон поднялся, подошел к плите, взял сковороду с прекрасно приготовленным гусем и выбросил его в окно хижины. Несмотря на все, что он пережил — несмотря на разочарования и опасности, страдания и унижения, о которых он все же упорно старался забыть — неким образом он знал, что это произойдет, что Глинн вернется... и что к тому моменту он будет готов.

Гидеон Кру схватил куртку.

— Ну что ж, тогда в путь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Благодарности

Мы хотели бы поблагодарить следующих людей за их поддержку и помощь: Митча Хоффмана, Сою Чейз, Эрика Симонова, Джейми Рааба, Линдси Роуз, Клаудию Рулк, Нэди Уодделл и Алисию Гордон.

Две центральные концепции романа: природа пергамента и то, из какого существа, он сделан, были предложены Исааком Дж. Престоном, за что мы искренне ему благодарны.

notes

Келлская книга (также известная как «Книга Колумбы») — богато иллюстрированная рукописная книга, созданная ирландскими (кельтскими) монахами примерно в 800 году. Это одна из самых щедро украшенных изящными миниатюрами и орнаментами средневековых рукописей среди всех дошедших до нас. Благодаря великолепной технике исполнения и красоте узоров многие исследователи рассматривают ее как наиболее значительное произведение средневекового ирландского искусства. Книга содержит четыре Евангелия на латинском языке, вступление и толкования, украшенные огромным количеством цветных узоров и миниатюр. В настоящее время книга хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине, Ирландия.

Генри Сиддонс Моубри (1858, Александрия, Египет — 1928, Вашингтон, США) — американский художник, вдохновлявшийся античным искусством и мифологическими темами, что нашло отражение в его произведениях.

Стандарт или класс защиты стекла **P6B** — обеспечивает защиту от взлома и поэтому называется взломостойким. Устойчив к сквозному пробиванию стекла и на испытаниях выдерживает от 30 до 50 ударов топора.

Святой Колумба или Колумкилл (под этим именем он известен гэлам) (521, Ирландия — 597) — ирландский святой, монах, проповедник христианства в Шотландии. Святой Колумба считается одним из «двенадцати апостолов Ирландии». В 563 году он основал первую христианскую общину на острове Айона, одном из Гебридских островов (территория нынешней Шотландии), отправившись туда в качестве миссионера из Ирландии.

Хризма или христограмма (**Хи-Ро**) — монограмма имени Христа, которая состоит из двух начальных греческих букв имени (греч. ΧΡΙΣΤΟΣ) — «Х (хи)» и «Р (ро)», скрещенные между собой.

Achtung — Поберегись (нем.).

Кокни — жители лондонских трущоб Ист-Энда.

«Сотбис» (англ. Sotheby's) — один из старейших в мире аукционных домов. Совместно с аукционным домом «Кристис» занимает около 90% мирового рынка аукционных продаж антиквариата, предметов искусств и т. д. Является крупнейшим в мире аукционным домом (по суммарной выручке от продаж за 2011 год).

Рамановская спектроскопия (спектроскопия комбинационного рассеяния) — вид спектроскопии, в основе которой лежит способность исследуемых систем (молекул) к неупругому (рамановскому, или комбинационному) рассеянию монохроматического света. Суть метода заключается в том, что через образец исследуемого вещества пропускают луч с определенной длиной волны, который при контакте с образцом рассеивается. Полученные лучи с помощью линзы собираются в один пучок и пропускаются через светофильтр, отделяющий слабые (0,001 % интенсивности) рамановские лучи от более интенсивных (99,999 %) рэлеевских. «Чистые» рамановские лучи усиливаются и направляются на детектор, который фиксирует частоту их колебания.

Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) — один из современных спектроскопических методов исследования вещества с целью получения его элементного состава, то есть его элементного анализа. С помощью него могут быть выявлены различные элементы от бериллия (Be) до урана (U).

Радиоуглеродный анализ — разновидность радиоизотопной датировки, применяемой для определения возраста биологических останков, предметов и материалов биологического происхождения сроком до 60 000 лет путем измерения содержания в материале радиоактивного изотопа углерод-14 (радиоактивный нуклид химического элемента углерода с атомным номером 6 и массовым числом 14) по отношению к стабильным изотопам углерода. Данный метод предложен Уиллардом Либби в 1946 году и наиболее часто используется в археологии, в ледниковой и постледниковой геологии, а также в физике атмосферы, геоморфологии, гляциологии, гидрологии и почвоведении, в физике космических лучей, физике Солнца и в биологии, не только для датировок, но и как трассер различных природных процессов.

Веллум — материал для письма или книгопечатания, сделанный из шкур млекопитающих.

Брин-Мар — частный женский гуманитарный университет в г. Брин-Мар, Пенсильвания, США. В переводе с валлийского языка «bryn mawr» означает «большой холм». Основан в 1885 году квакерами. Входит в ассоциацию семи старейших и наиболее престижных женских колледжей на восточном побережье США.

Vita brevis — Жизнь коротка (лат.).

Йоги Берра — Лоуренс Питер «Йоги» Берра, американский бейсболист и менеджер бейсбольной команды.

Подмалевок — вариант эскиза в живописи, начальный этап работы над картиной, представляющий собой нанесение на холст композиции будущей работы, раскладка основных цветовых «пятен», грубая проработка объема и формы основными тонами краски. Предназначается для последующей точной прорисовки.

Палимпсест (от греч. слов «опять» и «соскобленный») — в древности так обозначалась рукопись, написанная на пергаменте, уже бывшем в подобном употреблении. Позже это понятие было распространено и на наскальные росписи первобытного искусства, когда на стенах с полустершимися от времени росписями наносили новые изображения. Этот принцип использовали и средневековые мастера, когда по старым росписям в храмах или изображениям икон писали новые.

Долихос (**dolichos**) — античная мера длины, равная 6 диаулосам или 2,22 км.

Тартесс (исп. Tartessos) — древний город, существовавший в южной Испании в I тысячелетии до н. э. Сведений об истории города сохранилось немного, неизвестно даже его точное месторасположение. Согласно большинству источников он находился в нижнем течении реки Бетис (современный Гвадалквивир).

Форкис (Форкий, Форк) — в древнегреческой мифологии морское хтоническое божество, бог бурного моря и чудес. Сын Понта и Геи (либо сын Урана и Геи). Брат и супруг морского божества Кето — злобной богини пучины. Вместе они повелевали морскими штормами и наводили ужас на моряков, порождая чудовищ.

Протокол AAA (от англ. Authentication, Authorization, Accounting) — используется для описания процесса предоставления доступа и контроля аутентификации, авторизации и учета.

Itinerarium (лат.) — описание путешествия. Итинерарий или дорожник. Более поздний перевод — «путеводитель». Под таким названием обобщались древнеримские сочинения о дорогах.

Рундук Дейви Джонса (англ. Davy Jones' Locker; часто ошибочно называется «сундуком Дейви Джонса», но морской термин именно рундук) — идиома на сленге британских моряков от XVIII века до наших дней, иносказательное название могилы моряков. Дейви Джонс считается злым духом, живущим в море, а его рундук — это океан, принимающий утонувших моряков.

Москитовый берег, побережье Москито, берег Москитов (исп. Costa de Mosquitos) — исторически представлял собой территорию вдоль атлантического побережья нынешней Никарагуа и получил свое название по имени населявших его индейцев мискито (ничего общего с кровососущими насекомыми).

Индийский пейл-эль (India Pale Ale, сокращ. **ИПА**, что значит «индийский бледный эль») — сильно охмеленная разновидность пейл-эля. Хмель придает пиву богатый аромат и приятную горечь. Это наиболее востребованный стиль крафтового пива в США.

Гэри Селдон — вымышленный персонаж, герой серии научно-фантастических романов Айзека Азимова «Основание».

Психоистория — вымышленная наука в том же цикле романов А. Азимова и произведениях других авторов. Наука, применявшая математические методы для исследования происходящих в обществе процессов и позволявшая, таким образом, предсказывать будущее с высокой степенью точности.

Уистен Хью Оден (1907-1973) — англо-американский поэт, названный одним из величайших поэтов XX века. Писал в жанре интеллектуальной лирики, обращаясь как к социально-радикальной, так и к философско-религиозной проблематике.

Опыты Майкельсона — серия физических экспериментов, исследующих зависимость скорости распространения света от направления. Точность опытов позволяет найти относительной отклонение изотопности скорости света в единицы 10^{-16} . Опыты Майкельсона являются эмпирической основой принципа инвариантности скорости света, входящего в общую теорию относительности (ОТО) и специальную теорию относительности (СТО).

«Хвала Известняку» У. Х. Одена. (перевод фрагмента Московских Н.И.)

Bouillabaisse à la Marseille — Рыба, тушенная в белом вине, с соусом провансаль по-марсельски.

Сегодня моряки всех стран называют стороны борта на английский манер. Так, правый борт принято называть starboard side (**старборд** сайд), а левый — port side (**порт** сайд).

Ристретто — самый крепкий в мире вид кофе, который в то же время не содержит большого количества кофеина.

По правилам технической эксплуатации морских судов, название порта приписки судна располагается под его названием. **Маракайбо** — город на северо-западе Венесуэлы, столица штата Сулия. Население — 1 220 000 жителей (2001), второй по величине после Каракаса город страны.

Listos — Мы готовы (исп.)

Ella esta aqui — Она здесь (исп.)

Dame el arpón — Дай мне гарпун (исп.)

No se mueven — Не двигайтесь (исп.)

Baja las armas — Бросьте оружие (исп.)

Левант (от франц. *Soleil levant* — «восход солнца») — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.); в более узком понятии — Сирия, Палестина и Ливан.

Полимеразная цепная реакция (ПЦР) — экспериментальный метод молекулярной биологии, способ значительного увеличения малых концентраций определенных фрагментов нуклеиновой кислоты (ДНК) в биологическом материале (пробе). В основе метода ПЦР лежит многократное удвоение определенного участка ДНК при помощи ферментов в искусственных условиях (*in vitro*). В результате нарабатываются количества ДНК, достаточные для визуальной детекции. При этом происходит копирование только того участка, который удовлетворяет заданным условиям, и только в том случае, если он присутствует в исследуемом образце.

Sí, señora — Да, сеньора (исп.)

29 градусов Цельсия.

«Бойтесь данайцев, дары приносящих» — в гомеровском эпосе данайцы - одно из названий греков, осаждавших Троию. По словам Гомера, греки во время Троянской войны хитростью — с помощью дара в виде деревянного полого коня — взяли Троию, отсюда и выражение "дары данайцев" — дары губительные для их получателей.

Китира — остров в Эгейском море, входит в число Ионических островов. Считается одним из главных культовых центров Афродиты, по названию острова образована одна из эпиклес Афродиты — Китерия. **Эпиклеса** (др.-греч. «прозвище, наименование») — постоянный эпитет, священное прозвище богов.

BLAST (англ. **B**asic **L**ocal **A**lignment **S**earch **T**ool — средство поиска основного локального выравнивания) — семейство компьютерных программ, служащих для поиска гомологов белков или нуклеиновых кислот, для которых известна первичная структура (последовательность) или ее фрагмент. Используя BLAST, исследователь может сравнить имеющуюся у него последовательность с последовательностями из базы данных и найти недостающие фрагменты предполагаемых гомологов.

Преобразование Барроуза-Уилера (BWA, англ. Burrows-Wheeler Aligner) — программный пакет для картирования коротких прочтений на большие референсные геномы (такие как, например, геном человека), написанный китайским биоинформатиком Хенг Ли и англичанином Ричардом Дурбиным. Является одним из широкоиспользуемых алгоритмов выравнивания.

Киклопы — в греческой мифологии одноглазые великаны, сыновья Урана и Геи, изготовившие для Зевса молнии-стрелы, с помощью которых тот одолел титанов. Считались подручными бога Гефеста в его кузнице.

Уильям Блай (1754-1817) — вице-адмирал Королевского флота Великобритании, член Лондонского королевского общества и губернатор колонии. Наибольшую известность получил как «капитан Блай» в связи с мятежом на Баунти, когда он был низложен командой и с частью офицеров, не поддержавших бунт, был отправлен на небольшом баркасе на Тимор.

Isla. Vamos isla — Остров. Нам надо попасть на остров (исп.)

Vamos isla. Importante. Vamos ahora — Нам надо попасть на остров. Это важно. И отправляться нам нужно немедленно (исп.)

No vamos isla. No — На остров нельзя плавать. Нельзя (исп.)

Porque — Почему? (исп.)

Isla...peligroso — На острове опасно (исп.)

Peligroso? No comprende — **Опасно? Не понимаем (исп.)**

Peligroso! Malo! Difícil — Опасно! Там зло! Оно сильное (исп.)

Vamos in canoa — Поплывем на каноэ (исп.)

No. *Isla sagrada* — Нет. Остров священный (исп.)

Cuando — Когда (исп.)

Muerte — Она умирает (исп.)

Fiesta — Праздник (исп.).

Карлос Кастанеда (1925 — 1998) — американский писатель и антрополог, этнограф, мыслитель эзотерической ориентации и мистик, автор 12 томов книг-бестселлеров, разошедшихся тиражом в 28 миллионов экземпляров на 17 языках и посвященных изложению эзотерического учения о «Пути знания» индейца из племени яки донна Хуан Матуса. Первые две книги Кастанеду вызвали в обществе огромный резонанс из-за того, что в них большое внимание уделялось магическим практикам, сопряженным с приемом различных естественных галлюциногенов.

Пеммикан (на языке индейцев кри «пими-окан» — «род жира») — мясной пищевой концентрат, обычно включающий в себя сушеное или вяленое измельченное мясо, а также сало, измельченные сушеные ягоды или сок ягод, иногда — специи. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях, а также полярными исследователями XIX — первой половины XX вв. Отличается легкой усвояемостью и большой питательностью при малом объеме и весе. В настоящее время используется туристами при прохождении серьезных маршрутов.

Пекари — семейство нежвачных парнокопытных млекопитающих. Прежде причислялись к семейству свиней. Слово «пекари» заимствовано из языка бразильских индейцев тупи. Оно переводится на русский как «зверь, проделывающий много дорог в лесу».

Здесь отсылка к европейским купцам-мореплавателям, которые приплывали к туземцам и выменивали у них реальные ценности, вроде золота или даже земель, на всякие безделушки, вроде стеклянных бус и зеркал.

Фумарола (итал. fumarola , от лат. fumare — дымить(ся)) — трещина или отверстие, располагающееся в кратерах, на склонах и у подножия вулканов и являющееся источником горячих газов.

Пентеконтор — древнегреческая галера, открытая, без палубы. Корабль с водоизмещением около 10 тонн. На борту обычно находилось 50 гребцов.

Лаготто-романьоло, или **итальянская водяная собака** (итал. *lagotto romagnolo* — «озерная собака из Романьи»), — древняя порода собак, отнесенная к 8 группе по классификации МКФ. Выведена на севере Италии в XVI веке. Благодаря выдающемуся чутью используется для поиска трюфелей. Распространены в Италии, Швеции, Великобритании, Франции, США, Австралии.

Делмор Шварц (1913 — 1966) — американский поэт, прозаик, драматург, критик.